

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2017. № 4(100)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 07.00.00. Исторические науки и археология; 08.00.00. Экономические науки

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В.О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@sziu.ranepa, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2017
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2017
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2017
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, ректор Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель совета (Москва);
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — PhD, доктор права, профессор (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
1. *По политическим наукам:*
- Акопов С. В.** — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Вульфвич Р. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Казанцев А. А.** — доктор политических наук (Москва);
- Колесников В. Н.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Полякова Т. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Теребнёв Л. В.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
2. *По истории*
- Аграшенков А. В.** — кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Вершель В. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ежова Г. В.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Лушин А. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Морозов В. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Новикова И. Н.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Сергеев В. М.** — доктор исторических наук, профессор (Москва);
- Шумилов М. М.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
3. *По экономике*
- Балашов А. И.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Бодрунов С. Д.** — доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Запорожан А. Я.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Каранатова Л. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Кукина Е. А.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Халин В. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Цыгалов Ю. М.** — доктор экономических наук, профессор (Москва)

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board (Moscow);
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;
1. *Political Sciences*

- Akopov S. V.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (History), Moscow;
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

2. *History*

- Agrashenkov A. V.** — PhD in History, Associate Professor (St. Petersburg);
- Vershel V. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Ezhova G. V.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Isaev A. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Lushin A. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Morozov V. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Novikova I. N.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)
- Sergeev V. M.** — Doctor of Science (History), Professor (Moscow)
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg).

3. *Economics*

- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Bodrunov S. D.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Zaporojan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 8 ЮСУПОВ Р. М., ВУС М. А.**
Институт государственной тайны: постсоветское пространство
- 14 КИРИЛЕНКО В. П., АЛЕКСЕЕВ Г. В.**
Проблема борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны
- 31 АЛИБЕГИЛОВ Ш. А., ВОЛКОВ В. А.**
Формирование политико-цивилизационной идентичности Дагестана в ситуации конфликта идентичностей
- 39 КОВАЛЕВ А. А., КУДАЙКИН Е. И.**
Взаимосвязь национальной безопасности и стратегии государственного развития России
- 47 АНДРЕЕВА Е. С.**
Сотрудничество ветвей власти Российской Федерации и Республики Армения как основа реализации внешнеполитических курсов по вопросам военной безопасности
- 55 БОЙКО Е. А., МЕНЬШОВА В. Н.**
Реализация государственной кадровой политики и профессиональное самочувствие гражданских служащих Сибирского региона: инструментальные возможности и первые результаты

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 65 ЗАПОРОЖАН А. Я.**
Проблемы формирования и перспектива развития государственно-частного партнерства в России
- 73 ЦАЦУЛИН А. Н.**
Многофакторное моделирование при анализе оборотных активов в формате гибридной модели t/v-модели
- 97 АНИСИМОВ В. Г., АНИСИМОВ Е. Г., РОДИОНОВА Е. С., САУРЕНКО Т. Н.**
Методические основы текущей оценки собираемости таможенных платежей
- 108 КУРБАНОВ Т. Х.**
Методика эколого-экономического обоснования создания современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства
- 121 КУЗЬМИН А. Е., ФИЛЕЙ П. Н.**
Использование PDCA-модели в управлении государственными закупками
- 129 МИХАЙЛОВ В. В., МИХАЙЛОВ С. В.**
Кризисные явления в экономике России и пути их преодоления

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 146 АКАЕВ Д. В., ШУГАЕВ А. А.**
Туристическая привлекательность Саратовской области (по материалам эмпирического исследования)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 152 АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
Человек и машина в русской религиозной философии
- 162 ЛАБУДИН А. В., КИРЬЯНЕН А. И., САМОДУРОВ А. А.**
Андропов и Карелия
- 176 ТАИРОВА Н. М.**
«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте
- 193 ХРАПКОВ Г. Н.**
Белое духовенство и его отношение к событиям 1917 года

A LINEA

- 199 БЕЛЕНКОВА Л. М.**
Имидж государственных органов: потенциал информационно-коммуникационных технологий
- 210 СУББОТИНА К. В.**
Либерализация внешней торговли Японии в рамках программ абэномики
- 218 НГУЕН ТХИ НЯН**
Методика оценки и пути повышения эффективности комплексного использования древесных ресурсов в лесном комплексе Вьетнама

POLICY AND LAWFUL STATE

- 8 YUSUPOV R. M., VUS M. A.**
Institute of State Secrets: the Post-Soviet Space
- 14 KIRILENKO V. P., ALEKSEEV G. V.**
The Problem of Countering Violent Extremism in the Information War
- 31 ALYBEGILOV Sh. A., VOLKOV V. A.**
Formation of Political and Civilization Identity of Dagestan in a Terms of the Conflict of Identities
- 39 KOVALEV A. A., KUDAIKIN E. I.**
Interrelation of National Security and Strategy of the State Development of Russia
- 47 ANDREEVA E. S.**
Cooperation between Branches of Power of the Russian Federation and the Republic Of Armenia as the Basis of Implementation of Foreign Policy Courses on Military Security
- 55 BOIKO E. A., MENSHOVA V. N.**
The State Personnel Policy Implementation and Professional Well-Being of Civil Servants in Siberia: Capabilities and First Results

POWER AND ECONOMY

- 65 ZAPOROZHAN A. Ya.**
Actual Problems and Prospects for the Development of Public-Private Partnership in Russia
- 73 TSATSULIN A. N.**
Multivariable Modeling in the Analysis of Current Assets in the Format of the Hybrid Model t/v-models
- 97 ANISIMOV V. G., ANISIMOV E. G., RODIONOVA E. S., SAURENCO T. N.**
Methodical Bases of an Estimation of the Current Collection of Customs Duties
- 108 KURBANOV T. Kh.**
Methods of Eco-Economic Feasibility Study of Modern Waste-Treatment System on the Stationary Storage Facilities of the Military Organization of the State
- 121 KUZMIN A. E., FILEY P. N.**
Use of PDCA-Model in Government Procurement
- 129 MIKHAILOV V. V., MIKHAILOV S. V.**
The Crisis Phenomena in Economy of Russia and the Way of their Overcoming

SOCIETY AND REFORMS

- 146 AKAEV D. V., SHUGAEV A. A.**
Tourist Attractiveness of the Saratov Region (Based on Empirical Research)

HISTORY AND CULTURE

- 152 ALEKSANDROV V. B.**
The Person and the Machine in the Russian Religious Philosophy
- 162 LABUDIN A. V., KIRJANEN A. I., SAMODUROV A. A.**
Andropov and Karelia
- 176 TAIROVA N. M.**
«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolloed
- 193 KHRAPKOV G. N.**
Secular Clergy and its Relation to Events of 1917

A LINEA

- 199 BELENKOVA L. M.**
State Bodies' Image: Potential of Information and Communication Technologies
- 210 SUBBOTINA K. V.**
Liberalization of Japanese Trade within Japan Abenomics Programs
- 218 NGUYEN THI NHAN**
Methodology Assessment and Ways to Improve the Efficiency of Complex Use of Wood Resources in the Forest Complex of Vietnam

Институт государственной тайны: постсоветское пространство

Юсупов Рафаэль Мидхатович

Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН
Директор института
Член-корреспондент РАН
Доктор технических наук, профессор
spiiran@iiias.spb.su

Вус Михаил Александрович

Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН
Старший научный сотрудник
Кандидат технических наук
mixail-vys@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена отдельным аспектам становления и развития законодательного регулирования института государственной тайны (государственных секретов) в государствах постсоветского пространства. Акцентируется внимание на различии правовых понятий «государственная тайна» и «государственные секреты». Подчеркивается актуальность совершенствования законодательного обеспечения, сближения и гармонизации законодательства о государственной тайне для государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности. Обсуждается подход к разработке Модельного закона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная тайна, государственные секреты, законодательное регулирование, гармонизация законодательства, Модельный закон, СНГ, ОДКБ

Yusupov R. M., Vus M. A.

Institute of State Secrets: the Post-Soviet Space

Yusupov Raphael Midkhatovich

St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Director of institute
Corresponding member of RAS
Doctor of Science (Engineering), Professor
spiiran@iiias.spb.su

Vus Mikhail Aleksandrovich

St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Senior Researcher
PhD in Technical Sciences
mixail-vys@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to separate aspects of formation and development of legislative regulation of the Institute of state secrets (state secrets) in the post-Soviet States. Focuses on the difference between the legal concepts of "state secret" and "state secrets." Stresses the urgency of improving the legal security, convergence and harmonization of legislation on state secrets to the member States of the organization of collective security Treaty. Discusses the approach to developing the Model law.

KEYWORDS

state secrets, state secrets, legislative regulation, harmonization of legislation, model law of the CIS and CSTO

Законодательное регулирование в сфере защиты секретов является важным элементом государственного суверенитета. Государственная тайна традиционно рассматривается как инструмент обеспечения безопасности государства. Сведения, составляющие государственную тайну, защищаются от несанкционированного распространения с целью предупреждения нанесения ущерба национальной безопасности. Это, в первую очередь, вопросы безопасности государства, обороны, экономики и военного строительства, приоритетных научных исследований и др.

Государственная тайна — непростое и достаточно противоречивое социально-правовое явление. Это часть информации, которая изъята из свободного оборота. Как объект защиты государства, тайна выступает в роли политико-правовой категории. Законодательство о государственной тайне является своеобразной границей между закрытостью информации, гарантирующей безопасность государства, и свободой доступа к открытой информации. Рамки, принципы и уровень законодательного закрепления института государственной тайны являются показателями развитости правовой системы государства.

В обсуждаемой сфере требуется максимальная правовая определенность не только с точки зрения публичных интересов, но и с точки зрения защиты индивидуальных прав и свобод. В силу сказанного законодательное регулирование института государственной тайны требует глубокого теоретического осмысления. Исследование института государственной тайны актуально не только для уяснения вопроса, какая же именно информация охраняется законом, но и для определения степени открытости государства перед своими гражданами и мировым сообществом.

Тайны и секреты — широко распространенное социальное и правовое явление, однако «*вопросы тайноведения*», правовые дефиниции в этой сфере наукой разработаны слабо. Предлагаемые классификации и иерархии тайн зачастую грешат «схоластикой», практика традиционно тяготеет к административистским подходам [6, с. 103–104]. В советский период развития нашего государства законодательно определение институтов тайн не было. Правоотношения между субъектами в системе защиты государственных секретов регламентировались решениями высших органов управления. Система защиты секретов представляла собой иерархическую административную структуру. Основанная на властном подчинении, она являлась опорой государства в проведении его внутренней и внешней политики [3, с. 72].

В теории и практике государственного строительства в СССР широко использовалась обобщающая категория «государственные секреты», объединявшая институты государственной и служебной тайны. При этом для государственной тайны использовались ограничительные грифы «совершенно секретно» и «совершенно секретно — особой важности», а к категории служебной тайны относились сведения с грифом «секретно», неправомерное распространение которых могло нанести ущерб определенной группе государственных интересов [7]. В свете сказанного очевидно, что «государственная тайна» и «государственные секреты» — должны быть различными правовыми категориями; вторая представляется значительно более емкой.

Сегодня, по разным оценкам, в российском законодательстве, например, насчитывается свыше тридцати различных видов тайн [3, с. 5]. Служебная тайна, как таковая, самостоятельного правового регулирования не имеет. Многие проблемы правового регулирования государственной тайны, как отмечают исследователи, являются следствием недостаточной разработанности на научном уровне понятийного, методологического и терминологического аппарата государственной тайны как видового по отношению к общеправовому понятию тайны [9].

Институт государственной тайны имеет публично-правовой и ограничительный характер, он ограничивает основные конституционные права и свободы граждан.

Государственная тайна не должна препятствовать развитию экономики, росту деловой и интеллектуальной активности граждан. В силу этого недопустим расширительный подход к определению ее понятия и круга относимых к ней сведений. Исследователи отмечают сегодня как недостаточную системность правового регулирования оборота государственной тайны, так и указывают на то обстоятельство, что привязка степени секретности не только к общегосударственным интересам приводит к отрыву критериев засекречивания от действительного понятия государственной тайны [2, с. 231].

Развернувшиеся в стране на рубеже 90-х годов социально-экономические трансформации, реформы повлекшие воссоздание институтов частной собственности и частного права, повлекли подвижки во взглядах на институт государственной секретности. Юридическая наука, однако, оставила без внимания концептуальный по своему характеру документ: «Декларация прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации», принятый Верховным Советом РСФСР 22.11.1991 г. Статья 13 (2) этого концептуального политического акта, принятого в последний год тогда еще существовавшего единого государства, впервые провозгласила: «Каждый имеет право искать, получать и свободно распространять информацию. Ограничения этого права могут устанавливаться законом только в целях охраны личной, семейной, профессиональной, коммерческой и государственной тайны, а также нравственности. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, устанавливается законом»¹. Здесь обратим внимание на то обстоятельство, что перечень тайн в этой Декларации указан исчерпывающим образом, и «служебная тайна» в этом перечне не значится.

Свое легальное значение понятие «государственная тайна» впервые на постсоветском пространстве получило в 1993 г. в Законе Российской Федерации «О государственной тайне», который использует его в следующем значении: «государственная тайна — защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации». Вступление в силу Закона Российской Федерации «О государственной тайне» де-факто привело к ликвидации в Российской Федерации института служебной тайны, так как гриф «секретно» стал использоваться исключительно для обозначения сведений, составляющих государственную тайну [10, с. 12].

Образование после распада СССР самостоятельных независимых государств повлекло развитие в них национального законодательства. Одними из первых были приняты национальные законодательные акты в сфере защиты государственных секретов. Очевидно, что на развитие законодательства на постсоветском пространстве оказала существенное влияние система защиты секретов, ранее существовавшая в СССР. Первым законодательным актом в обсуждаемой сфере стал Закон «О защите государственных секретов» в Республике Казахстан, принятый в один год с Законом Российской Федерации «О государственной тайне» (1993). Таким образом, уже изначально в постсоветских государствах зародились различные подходы к правовому регулированию в обсуждаемой сфере.

Свое конституционное закрепление феномен государственной тайны впервые получил в России, в 1993 г. Статья 29.4 Конституции Российской Федерации гласит: «Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом». Аналогичная норма включена и в Конституцию Республики Таджикистан. Казахстанский законодатель включил в Конституцию Республики правовую норму о государственных секретах.

¹ Декларация прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации: Постановление Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 г. // Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР. № 52. 26.12.91. Ст. 1865.

Закрепление государственной тайны в качестве объекта конституционно-правового регулирования имеет основополагающее значение в выстраивании механизма обеспечения ее защиты отраслевыми нормами. Конституционный уровень правового регулирования института государственной тайны обусловлен, с одной стороны, его повышенной важностью для обеспечения интересов государства и общества в целом, а с другой стороны — необходимостью ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в целях защиты государственной тайны.

Сегодня в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (СНГ) представлены различные модели законодательного регулирования институтов тайн со своим предметом и понятийным аппаратом. Это законы: «О государственной тайне» (в Азербайджанской Республике, Республике Молдова, Российской Федерации и Украине); «О государственной и служебной тайне» (в Республике Армения); «О государственных секретах» (в Республике Беларусь, Казахстане и Таджикистане) и законы «О защите государственных секретов» (в Кыргызской Республике, Туркменистане и Республике Узбекистан), отличающиеся, прежде всего, своим понятийным аппаратом и предметами правового регулирования [11, с. 195].

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) учреждена на постсоветском пространстве как организация военно-политического сотрудничества (2002). Государства-члены ОДКБ принимают меры по развитию договорно-правовой базы, регламентирующей функционирование системы коллективной безопасности, по гармонизации национального законодательства в вопросах обороны, военного строительства и безопасности. Защита государственной тайны является как важной самостоятельной функцией каждого государства, так и совместной задачей, решаемой всеми государствами-членами ОДКБ¹.

Укрепление национальной безопасности требует сегодня комплексного развития научного потенциала, «восстановления полного научно-производственного цикла — от фундаментальных научных исследований до внедрения достижений прикладной науки в производство»². Важным звеном научно-производственного цикла является сохранение конфиденциальности приоритетной информации, включая государственную тайну, что актуализирует задачи совершенствования ее правовой защиты [5, с. 193–196].

Выступая на ежегодном заседании Коллегии ФСБ 16.02.2016, Президент России В. В. Путин отметил усиливающееся в современном мире военно-политическое и экономическое соперничество, не снижающуюся активность зарубежных спецслужб, при этом он подчеркнул, что совершенствование системы защиты сведений, составляющих государственную тайну, — задача, стоящая на повестке дня³.

Программой деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств-членов ОДКБ на 2016–2020 гг. предусмотрена разработка Модельного закона ОДКБ «О государственной тайне»⁴.

Институт государственной тайны, очевидно, имеет публично-правовой и ограничительный характер, он ограничивает основные конституционные права и свободы граждан. В силу этого представляется, что правовая легализация института

¹ Устав ОДКБ // Парламентская Ассамблея ОДКБ: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://paodkb.ru> (дата обращения: 23.02.2017).

² Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

³ Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53883> (дата обращения: 23.02.2017).

⁴ Принята на восьмом пленарном заседании Парламентской Ассамблеи ОДКБ 26 ноября 2015 г. (постановление № 8–16).

государственной тайны должна осуществляться нормативными актами, имеющими высшую юридическую силу. Разработчики названного законопроекта исходят из постулата о том, что общественные отношения по поводу защищаемых сведений, распространение которых может нанести ущерб безопасности государства, являются разновидностью конституционных правоотношений.

В целях усиления системообразующей роли самого закона о государственной тайне и большей системности правового регулирования ее оборота, предлагается придание Модельному закону ОДКБ «О государственной тайне» (как базовому статусу органического (конституционного) закона).

Регулирование общественных отношений, связанных с обеспечением защиты государственной тайны, в государствах-членах ОДКБ имеет свои исторические корни. Сегодня в государствах-членах ОДКБ представлено четыре (фактически пять) моделей законодательного регулирования засекречиваемой государством информации (таблица). Правовая категория «государственная тайна», как объект защиты, представлена в национальных законодательствах всех шести государств-членов ОДКБ.

Воспринимая в целом трехуровневое деление засекречиваемой информации по степеням секретности, Национальные законодательства государств-членов ОДКБ отводят для сведений, являющихся государственной тайной, два ограничительных грифа: «*особой важности*» и «*совершенно секретно*», а нижний гриф «*секретно*» применяется для обозначения сведений, составляющих служебную тайну. При этом различаются и установленные национальными законами государств-членов ОДКБ сроки засекречивания различных категорий сведений.

В Российской Федерации для сведений, отнесенных к государственной тайне, применяются все три грифа секретности с одинаковым максимальным сроком засекречивания. Однако при этом, как неоднократно указывали исследователи, сведения с грифом «секретно» по своему содержанию являются служебной тайной и должны защищаться иными правовыми средствами, нежели институт государственной тайны [1].

Сближение законодательства о государственной тайне в государствах-членах ОДКБ должно последовать своей целью упрочение и обеспечение национальной и коллективной безопасности посредством осуществления согласованной политики и совместных мер по защите засекречиваемой информации, при обеспечении общности и единства в подходах. В свете сказанного представилось рациональным предложить для Модельного закона ОДКБ «О государственной тайне» юридическую конструкцию законопроекта с двумя степенями секретности для сведений, являющихся государственной тайной [4, с. 33].

Литература

1. Верютин В. Н. Механизм административно-правового регулирования отношений в сфере государственной тайны: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2011.
2. Власов В. А. Совершенствование правового регулирования сведений, составляющих государственную тайну // Организационно-правовые вопросы борьбы с терроризмом / сост. В. П. Шульц. М.: Наука. 2006. С. 215–237.
3. Волчинская Е. К. О проблеме формирования правовой системы ограничения доступа к информации // Информационное право. 2013. № 4. С. 3–7.
4. Вус М. А., Кондратьев В. В. К вопросу разработки модельного закона «О государственной тайне» для государств ОДКБ // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (Москва, декабрь 2016 г.). М.: Издательский дом «Буки-Веди», 2016.
5. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации: учеб. пособие. 3-е изд. / под ред. М. А. Вуса и А. В. Федорова. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2005.
6. Камалова Г. Г. Вопросы систематизации информации ограниченного доступа // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. Т. 26. Вып. 2. 2016. С. 103–109.

7. КГБ: вчера, сегодня, завтра. Сборник. М. : Знак-СП, Гендальф, 1993.
8. Комментарий к Модельному закону МПА СНГ «О государственных секретах» / Вус М. А., Макаров О. С. / Предисловие: чл.-кор. РАН Р. М. Юсупов. СПб. : СПИИРАН. 2015.
9. Мартышин М. Ю. Государственная тайна как объект конституционно-правового регулирования: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2009.
10. Постатейный комментарий к закону Российской Федерации «О государственной тайне». СПб. : Высшая административная школа при мэрии Санкт-Петербурга, 1993.
11. Юсупов Р. М., Вус М. А. К вопросу о совершенствовании модельного законодательства о государственных секретах в рамках МПА СНГ // Власть. 2015. № 7. С. 193–196.

References

1. Veryutin V.N. *The mechanism of administrative and legal regulation of the relations in the sphere of the state secret* [Mekhanizm administrativno-pravovogo regulirovaniya otnoshenii v sfere gosudarstvennoi tainy]: dissertation abstract. Moscow, 2011. 24 p. (rus)
2. Vlasov V.A. *Improvement of legal regulation of the data which are the state secret* [Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya svedenii, sostavlyayushchikh gosudarstvennuyu tainu] // Organizational and legal questions of fight against terrorism [Organizatsionno-pravovye voprosy bor'by s terrorizmom] / Collection of V.P. Schulz. M. : Science [Nauka]. 2006. P. 215–237. (rus)
3. Volchinskaya E. K. *About a problem of formation of legal system of restriction of access to information* [O probleme formirovaniya pravovoi sistemy ogranicheniya dostupa k informatsii] // Information law [Informatsionnoe pravo]. 2013. N 4. P. 3–7. (rus)
4. Vus M. A., Kondratyev V.V. *On a question of development of the model law "About the State Secret" for the states of the CSTO* [K voprosu razrabotki model'nogo zakona «O gosudarstvennoi taine» dlya gosudarstv ODKB] // Urgent problems of the law: materials of the V International scientific conference [Aktual'nye problemy prava: materialy V Mezhdunar. nauch. Konf.]. (Moscow. December, 2016). M. : Buki-Vedi publishing house, 2016. 96 p. (rus)
5. *The state secret and its protection in the Russian Federation* [Gosudarstvennaya taina i ee zashchita v Rossiiskoi Federatsii]. Manual. 3rd edition / Under the editorship of M. A. Vus and A. V. Fyodorov. SPb. : Legal center Press [Yuridicheskii tsentr-Press]. 2005. 752 p. (rus)
6. Kamalova G. G. *Questions of systematization of information of limited access* [Voprosy sistematizatsii informatsii ogranichennogo dostupa] // Bulletin of the Udmurt University. Series Economy and Law [Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo]. V. 26. Issue 2. 2016. P. 103–109. (rus)
7. *KGB: yesterday, today, tomorrow* [KGB: vchera, segodnya, zavtra]. Collection. M. : Znak SP, Gandalf, 1993. 224 p. (rus)
8. The comment to the Model law IPA of the CIS "About the state secrets" [Kommentarii k Model'nomu zakonu MPA SNG «O gosudarstvennykh sekretakh»] / Vus M. A., Makarov O. S / preface: member correspondent of RAS R. M. Yusupov. SPb. : SPIIRAN. 2015. 136 p. (rus)
9. Martyshin M. Yu. *State secret as subject to constitutional and legal regulation* [Gosudarstvennaya taina kak ob"ekt konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya]: Dissertation. Moscow, 2009. 191 p. (rus)
10. *The itemized comment to the law of the Russian Federation "About the state secret* [Postateinyi kommentarii k zakonu Rossiiskoi Federatsii «O gosudarstvennoi taine]. SPb. : The Higher Administrative school at the city hall of St. Petersburg [Vysshaya administrativnaya shkola pri merii Sankt-Peterburga], 1993. 51 p. (rus)
11. Yusupov R. M., Vus M. A. *On a question of improvement of the model legislation on the state secrets within IPA of the CIS* [K voprosu o sovershenstvovanii model'nogo zakonodatel'stva o gosudarstvennykh sekretakh v ramkakh MPA SNG] // Power [Vlast']. 2015. No. 7. P. 193–196. (rus)

Проблема борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны

Кириленко Виктор Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой международного и гуманитарного права
Доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
intl@szags.ru

Алексеев Георгий Валерьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры правоведения
Кандидат юридических наук, доцент
intl@szags.ru

РЕФЕРАТ

Международный экстремизм стал одним из самых опасных вызовов всеобъемлющей безопасности XXI в. Идеология воинствующего экстремизма является генетическим источником терроризма и представляет существенную угрозу глобальному миру и безопасности. Агрессия со стороны экстремистских сообществ вызывает социальные последствия, сопоставимые по тяжести с операциями военного характера. Уголовно-правовой запрет пропаганды экстремизма преследует своей целью защиту прав человека, жизни и здоровья людей и является неотъемлемым элементом правовой системы развитых государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экстремизм, терроризм, уголовное право, информационная война, агрессивные операции, национальная безопасность

Kirilenko V. P., Alekseev G. V.

The Problem of Countering Violent Extremism in the Information War

Kirilenko Viktor Petrovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of International and Humanitarian Law
Doctor of Science (Jurisprudence), Professor
Honored Lawyer of Russia
intl@szags.ru

Alekseev Georgy Valeryevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Law
PhD in jurisprudence, Associate Professor
intl@szags.ru

ABSTRACT

International extremism has become one of the most dangerous comprehensive security threats of the XXI century. The ideology of violent extremism is a genetic source of terrorism and poses a significant threat to global peace and security. Aggression of the extremist communities causes social consequences which severity is comparable to operations of a military nature. Prohibition under criminal law of extremism propaganda aimed at the protection of human rights, life and health of the people and is an integral element of the developed countries legal system.

KEYWORDS

extremism, terrorism, criminal law, information war, aggressive operations, national security

В начале XXI в. мировое сообщество столкнулось с необычайно широким распространением проявлений преступного экстремизма. Угроза экстремизма в современном мире исходит от организованных преступных группировок, разделяющих радикальные убеждения и использующих экстремистскую идеологию для достижения собственных политических целей, а также реализации откровенно преступных замыслов.

В результате глобализации угроза экстремизма в современной системе международной безопасности приобрела универсальный характер. В условиях прозрачности государственных границ и расширяющейся информационной войны многими зарубежными государствами используются экстремистские группировки в идеологической борьбе со своими противниками, что вызвало новый виток эскалации международной напряженности и глубокую озабоченность широких кругов мировой общественности, заинтересованных в устойчивом развитии международной системы [7].

В Докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций от 24 декабря 2015 г. «План действий по предупреждению воинствующего экстремизма» отмечается, что «предотвращение воинствующего экстремизма представляет собой обязанность и обязательство в соответствии с принципами и ценностями, закрепленными в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека и других международных правозащитных документах»¹. Генеральная Ассамблея ООН и Совет Безопасности ООН признали, что воинствующий экстремизм достиг таких угрожающих масштабов, что одних лишь мер, принимаемых правоохранительными органами и силами безопасности, уже недостаточно. Необходимыми компонентами любой деятельности по борьбе с угрозой воинствующего экстремизма стали укрепление верховенства права, осуществление стратегий и законов, направленных на борьбу с дискриминацией, маргинализацией и изоляцией социальных групп.

Общемировой характер проблемы экстремизма подчеркивается широким научным интересом к проблеме, как в российской юридической науке, так и за рубежом.

Глубоко анализируя проблему экстремизма в статье «Пора поставить действенный заслон информационной войне»², Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин справедливо отметил тот факт, что США, осознавая всю разрушительную силу конфликтов на почве межнациональной (межэтнической) ненависти, сделали ставку именно на этот информационный элемент. На современном уровне понимания проблемы очевидно, что подрыв идеологического фундамента СССР, в основу которого был положен принцип братства народов, также был инициирован извне и строился на приемах национальной розни [1; 2]. Нельзя не согласиться и с мерами противодействия наиболее общественно опасному радикализму, изложенными в статье А.И. Бастрыкина «Пути борьбы с экстремизмом в России» [3].

На открытии V конференции по международной безопасности в Москве в апреле 2016 г. вопросы противодействия экстремизму также нашли широкое отражение в выступлениях многих российских политических деятелей.

Как справедливо подчеркивал Секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушев, «в складывающихся условиях все более недопустима линия на достижение односторонних преимуществ, часто в ущерб другим государствам. Так, многие страны сегодня подвергаются открытому политическому и экономическому давлению, утрачивают способность к принятию самостоятельных решений. Тем самым создаются условия для смены руководства государств и реализации

¹ [Электронный ресурс]. URL: A/70/674 <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/456/24/PDF/N1545624.pdf?OpenElement> (дата обращения: 26.12.2016).

² Бастрыкин А.И. Пора поставить действенный заслон информационной войне // Коммерсантъ Власть. № 15 от 18.04.2016. С. 20 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2961578> (дата обращения: 26.12.2016).

сценариев так называемых цветных революций»¹. Министр обороны Российской Федерации С.К. Шойгу особо отмечал, что в отношении России «ведется жесткая и бескомпромиссная информационная война»². Несомненно прав и Министр иностранных дел России С.В. Лавров, когда он заявлял о том, что в настоящее время «международные отношения находятся на перепутье: либо ситуация будет развиваться в направлении расширения пространства хаоса и анархии, либо будет налаживаться коллективная работа по развязыванию конфликтных узлов, формированию отвечающей реалиям XXI в. системы глобального управления»³.

На этом тревожном фоне реакция российского государства на проявления экстремизма выглядит вполне предсказуемой и обоснованной. Отметим, что рост экстремистских настроений в мире заставил резко активизировать борьбу многих правоохранительных органов, в том числе и в России по противодействию проявлениям преступного экстремизма. (В Российской Федерации только в 2015 г. было зарегистрировано 1308 преступлений экстремистской направленности — прирост по отношению к 2014 г. составил 27,7%, в 2016 г. было зарегистрировано уже 1450 преступлений экстремистской направленности, — прирост по отношению к 2015 г. составил 9,1%)⁴. Сегодня в деле борьбы с экстремизмом нельзя допускать разобщенности в обществе, создания условий для углубления социальных противоречий, формирования экстремистских настроений.

Еще в 2007 г. Н.П. Патрушев, в то время Директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации, в статье «Особенности современных угроз и вызовов безопасности России» особо подчеркивал тот факт, что «ситуация на территории Северного Кавказа на рубеже XX–XXI вв. не была вызвана экстремистскими действиями отдельных лиц. Кризис был целенаправленно инициирован идеологами международных террористов при активной поддержке определенных политических кругов ряда зарубежных стран, заинтересованных в распаде России» [11, с. 6]. Информационная война, объявленная идеологами международного терроризма всем тем, кто разделяет традиционные ценности европейской цивилизации, должна получить решительный и адекватный ответ, основанный на правовом законе и единстве мирового сообщества.

Анализируя международную природу экстремизма, можно согласиться с позицией А.В. Петрянина в отношении определения понятия «международный экстремизм», как состояния «политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, направленной на подрыв безопасности мирового сообщества в целом, характеризующейся совершением преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма, а также транснациональной организованной преступной деятельности» [12, с. 5].

Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁵ установил законодательное

¹ Николай Патрушев: Сегодня во многих странах создаются условия для «цветных революций» [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/300042-nikolai-patrushev-segodnya-vo-mnogih-stranah-sozdayutsya> (дата обращения: 26.12.2016).

² V Московская конференция по международной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://eng.mil.ru/files/morf/MCIS2016.pdf>

³ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на V Московской конференции по международной безопасности. Москва, 27 апреля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2256120 (дата обращения: 26.12.2016).

⁴ Состояние преступности (январь–декабрь 2015 г.; январь–декабрь 2016 года) // Сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf; https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения: 20.03.2017).

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30. Ст. 3031.

определение экстремизма, в основу которого положены такие противоправные деяния, как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни. В Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за ряд деяний, подпадающих под законодательное определение экстремизма, в том числе: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ), Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), Организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), Организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), Финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ).

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» обращается особое внимание на тот факт, что «при рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности судам следует обеспечивать, с одной стороны, охрану публичных интересов (основ конституционного строя, целостности и безопасности Российской Федерации), а с другой, — защиту гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина — свободы совести и вероисповедания, свободы мысли, слова, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование».

Необходимо отметить, что мотивы, которые движут преступниками-экстремистами, во многом лежат на поверхности. Сталкиваясь с несправедливостью и неизбежными жизненными трудностями, отдельные неустойчивые индивиды предпочитают бросить вызов обществу, форсировать социальные трансформации, спровоцировать агрессию по отношению к публичной власти. Эта агрессия выплескивается на улицы городов, провоцируя молодежь и другие социально активные слои населения к противоправным, антидемократическим действиям, причиняющим ущерб социальной инфраструктуре.

В юридической науке широко распространено мнение, что именно мотивы и цели превращают противоправное деяние в экстремистское преступление [13]. Как справедливо отмечает А.Г. Хлебушкин, «экстремизм — это противоправная деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений» [16]. При этом, при квалификации преступлений, следует относиться к преступлениям экстремистской направленности любые преступления, совершенные по мотивам, указанным в прим. 2 к ст. 282.1 УК РФ, а также преступления, ответственность за которые установлена стт. 280, 280.1, 282, 282.2 и 282.3 УК РФ [16].

Достаточно типично для радикалов-экстремистов, при осуществлении противоправной деятельности, легитимировать со своей стороны нарушение законодательства, апеллируя к необходимости вести борьбу за более справедливое общество, всячески прикрывая собственную разрушительную деятельность благими намерениями. В частности, после приостановления 23 марта 2017 г. Министерством юстиции Российской Федерации деятельности «Управленческого центра Свидетелей Иеговы» представители религиозного объединения «Свидетели Иеговы», при рассмотрении 5 апреля 2017 г. в Верховном суде Российской Федерации иска Минюста

о признании данной религиозной организации экстремистской и запрете ее деятельности на территории России, подали встречный иск против Минюста о признании своей организации жертвой политических репрессий. Однако Верховный суд Российской Федерации совершенно обосновано отказался его принять и запретил деятельность «Управленческого центра Свидетелей Иеговы» своим решением от 20 апреля 2017 г.¹

Вместе с разумным стремлением ряда экстремистских организаций доказать свое право на существование, современная действительность удивляет тем, что отдельные наиболее непримиримые, воинствующие экстремисты уже не пытаются скрывать свои преступные намерения и антигуманный характер своей идеологии. Если обычно проблема борьбы с экстремизмом так или иначе связана с необходимостью отграничения экстремистов от остальной политической оппозиции, то в случае воинствующего экстремизма «маски сорваны» и социальный конфликт приобретает характер открытого противостояния тем ценностям, которые признаны всем мировым сообществом на уровне Организации Объединенных Наций.

В свете актуальности проблемы правовых гарантий плюрализма и демократии, продолжает оставаться актуальным и вопрос об адекватности правового применения уголовного законодательства в каждом конкретном случае проявления экстремизма. Борьбу с экстремизмом следует строить на основе норм права, и организовать ее таким образом, чтобы наказание за совершенные преступления экстремистской направленности соответствовали реальной степени общественной опасности правонарушений и не могли быть использованы противниками в информационной войне против интересов государства. Дилемма одновременного осуществления защиты государства от преступного экстремизма и обеспечения реализации свободы слова и самовыражения актуальна не только в России. Многие государства Европейского Союза столкнулись с аналогичной проблемой. Французское законодательство стало причиной лишения депутатской неприкосновенности кандидата в президенты Франции Марин Ле Пен и уголовного расследования деятельности французского политика². В условиях информационной войны вопросом первоочередной важности представляется отграничение проявлений свободы слова от преступлений воинствующего экстремизма, которое позволит справедливо и жестко наказывать реальных преступников-экстремистов.

В целях уточнения судебного толкования понятия «экстремизм» Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 п. 8, Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» был дополнен положением в соответствии с которым «при решении вопроса о направленности действий лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней в сети интернет или иной информационно-телекоммуникационной сети, на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека либо группы лиц следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней». Таким образом, российская правоприменительная практика развивается в направлении более точного определения понятия «экстремизм» в отечественном законодательстве.

¹ Верховный Суд Российской Федерации. Судебная коллегия по административным делам. Первая инстанция [Электронный ресурс]. URL: АКПИ17-238 http://www.vsrfr.ru/moving_case.php?findByNember=%C0%CA%CF%C817-238 (дата обращения: 26.12.2016).

² Marine Le Pen loses immunity from prosecution over IS images [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-39141391> (дата обращения: 26.03.2016).

Во избежание правовой ситуации, при которой анализ любой утопической социальной философии или критика публичной власти будет подпадать под законодательное определение экстремизма, необходимо предельно конкретно определить объект в составе преступления «призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Ориентироваться здесь следует, на наш взгляд, на правовые документы Совета Европы, важно учитывать также и прогрессивную зарубежную практику правового противодействия преступному экстремизму.

Резолюция 1754 (2010) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Борьба с экстремизмом: достижения, недостатки и неудачи» выражает озабоченность резким ростом в Европе некоторых форм экстремизма, среди которых «самую большую озабоченность вызывают расизм и ксенофобия», кроме того, отмечается угроза «со стороны мусульманского фундаментализма». Актуализация угрозы экстремизма в Европе стала очевидным просчетом интеграционной политики Европейского Союза, которую необходимо скорректировать при реализации евразийского интеграционного проекта.

В последнее время пристальное внимание вопросам противодействия экстремизму уделяется в рамках механизма деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В 2014 г. ОБСЕ выпустило руководство «Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму: подход, основанный на взаимодействии полиции с населением». В декабре 2016 г. была обнародована четвертая редакция Перечня Директивных документов и законов, принятых государствами-участниками ОБСЕ и партнерами по сотрудничеству по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму¹. Международно-правовой подход к преступлениям экстремистской направленности демонстрирует единство преступной природы актов экстремизма и терроризма.

Несомненно, важно обратить внимание на тот факт, что в официальных переводах английского термина «violent extremism» на русский язык в документах ООН используется словосочетание «воинствующий экстремизм», в то время как то же самое словосочетание в документах ОБСЕ переводится как «насильственный экстремизм». Представляется, что эти термины являются идентичными. Они выражают наиболее тяжкие преступления экстремистской направленности, подрывающие основы мира и международной безопасности, и распространяются на более широкий круг проявлений преступного экстремизма.

Анализ законодательства о противодействии экстремизму государств-членов ОБСЕ демонстрирует криминализацию проявлений экстремизма в подавляющем большинстве стран. Так, в Соединенном Королевстве Великобритании 13 апреля 2006 г. был введен в действие Акт о терроризме². Раздел 1 Акта о терроризме Соединенного Королевства Великобритании «Правонарушение, побуждающее терроризм» предполагает уголовную ответственность в соответствии с разд. 154 (1) Акта об уголовном правосудии³ за заявления, которые «прославляют совершение или подготовку (будь то в прошлом, в будущем или вообще) террористических действий или преступлений», равно как и «заявления, из которых участники определенных сообществ ожидаемо и разумно делают вывод о том, что их (экстремист-

¹ Inventory of Policy Documents and Legislation adopted by OSCE participating States and Partners for Co-operation on Countering violent extremism and radicalization that lead to terrorism (VERLT) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osce.org/secretariat/289911?download=true> (дата обращения: 26.12.2016).

² Terrorism Act. 2006. UK [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/11/section/1> (дата обращения: 26.12.2016).

³ Criminal Justice Act. 2003. UK [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/44/contents> (дата обращения: 26.12.2016).

ские) замыслы прославляются как поведение, которое следует взять на вооружение и реализовать в существующих обстоятельствах». Таким образом, пропаганда терроризма и подстрекательство к совершению террористических актов приравнивается в Великобритании к соучастию в совершении террористического акта. Распространение «террористических публикаций» также считается в Великобритании экстремизмом. В соответствии с разд. 154 (1) Акта об уголовном правосудии Соединенного Королевства Великобритании наказание за подобные проявления экстремизма не может превышать 12 месяцев тюремного заключения.

Вопросы привлечения к уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности детально регламентированы в Уголовном кодексе Федеративной Республики Германия (УК ФРГ)¹. Разделы 86 и 86а УК ФРГ предусматривают уголовное наказание до трех лет лишения свободы за «распространение пропагандистских материалов неконституционных организаций» и «использование символов неконституционных организаций». Раздел 91 УК ФРГ предусматривает аналогичное наказание за подстрекательство (воодушевление) к совершению серьезного насильственного преступления против государства. Диффамация в отношении государственных органов и должностных лиц выступает в качестве объективной стороны состава преступлений разд. 90, 90а, 90б УК ФРГ, которые предусматривают максимальное наказание от 3 до 5 лет лишения свободы. «Подготовка серьезного насильственного правонарушения против государства» — тяжкое и общественно опасное преступление, предусмотренное разд. 89а, которое охватывает некоторые формы пособничества террористам и наказывается лишением свободы на срок до 10 лет.

Уголовный кодекс Французской Республики (УК ФР)² устанавливает уголовную ответственность за совершение актов терроризма в стт. 421-1-421-5 УК ФР, а также содержит отдельные составы, подпадающие под понятие преступлений экстремистской направленности, используемое в российской уголовно-правовой доктрине. В частности, стт. 412-1–412-6 УК ФР предусматривают уголовную ответственность за создание повстанческих движений и участие в их преступной деятельности. Непосредственно под определение экстремизма по российскому праву попадает состав ст. 411-11 УК ФР, которая предусматривает уголовную ответственность в форме лишения свободы на срок до семи лет за прямое подстрекательство путем обещаний, предложений, давления, угроз или насилия, к совершению любого из преступлений против интересов Французской Республики, при условии, что такое подстрекательство было неэффективным из-за обстоятельства, не зависящего от воли правонарушителя.

В Швеции уголовная ответственность за проявления экстремизма наступает при том условии, что совершение акта экстремизма повлекло за собой значительную угрозу совершения тяжкого преступления. В соответствии с разд. 7 Акта «Об уголовной ответственности за публичную провокацию, вербовку и подготовку, которые связаны с проявлениями терроризма и другими особо тяжкими преступлениями» 2010 г.³, уголовная ответственность не наступает, «если существовал только не-

¹ Strafgesetzbuch. Die Übersetzung berücksichtigt die Änderung(en) des Gesetzes durch Artikel 6 Abs. 18 des Gesetzes vom 10.10.2013 (BGBl. I S. 3799) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb> (дата обращения: 26.12.2016).

² Code pénal. Version consolidée au 4 mars 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20060701> (дата обращения: 26.12.2016).

³ Act on Criminal Responsibility for Public Provocation, Recruitment and Training concerning Terrorist Offences and other Particularly Serious Crime (2010:299) Sweden [Электронный ресурс]. URL: http://www.t.government.se/contentassets/f0c331a80c244813af517a0661b8c163/2010_299-act-on-criminal-responsibility-for-public-provocation-recruitment-and-training-concerning-terrorist-offences-and-other-particularly-serious-crime.pdf (дата обращения: 26.12.2016).

значительный риск того, что деяние повлечет совершение особо тяжкого преступления, или если деяние, принимая все обстоятельства во внимание, можно считать малозначительным». В остальных случаях в Швеции преступные проявления экстремизма влекут за собой уголовную ответственность в соответствии с Уголовным кодексом Швеции¹ и Актом «Об уголовной ответственности за преступления терроризма» 2003 г.²

Уголовный кодекс Финляндии (УК Финляндии гл. 34а) устанавливает ответственность за подготовку и совершение террористических актов, а также за финансирование терроризма. Систематическое толкование разд. 5 гл. 5 УК Финляндии с положениями гл. 34а УК Финляндии позволяет на практике признавать подстрекательство к совершению террористических актов соучастием в преступлениях. Институт экстремизма не известен финскому уголовному праву, однако отдельные его проявления уголовно наказуемы. В частности, разд. 10 гл. 17 УК Финляндии устанавливает уголовную ответственность до шести месяцев лишения свободы за богохульство и нарушение Закона Финляндии «О свободе вероисповедания»³.

В соответствии со ст. 8 Закона Турции № 3713 «О борьбе с терроризмом»⁴ установлена уголовная ответственность за пропаганду против территориальной целостности государства. За устную, письменную или наглядную агитацию, направленную на нарушение территориальной целостности государства, предусмотрена уголовная ответственность от 2 до 5 лет лишения свободы. Для турецких средств массовой информации, действующих в соответствии с законом Турции № 56 «О средствах массовой информации»⁵ и опубликовавших такую экстремистскую информацию, ч. 2 ст. 8 Закона Турции № 3713 «О борьбе с терроризмом» дополнительно предусмотрен штраф, а для главного редактора установлено уголовное наказание от шести месяцев до двух лет лишения свободы.

Законодательство Португальской Республики в сфере противодействия экстремизму уделяет особое внимание противодействию финансированию террористической деятельности. Португальское законодательство по противодействию терроризму приведено в соответствие с требованиями Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)⁶. Понятие терроризма в португальском законодательстве постоянно расширяется, постепенно охватывая проявления экстремизма. Так, в частности, в Закон Португальской Республики «О противодействии терроризму» № 52/2003 от 22 августа 2003 г.⁷ в июне 2015 г. внесены изменения Законом № 60/2015, который криминализирует оправдание террористических актов и «путешествия с террористическими целями». Португальское законодательство по вопросу борьбы с терроризмом фактически рассматривает криминальные проявления экстремизма как социальные предпосылки для осуществления актов тер-

¹The Swedish Penal Code. 1962 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.government.se/contentassets/5315d27076c942019828d6c36521696e/swedish-penal-code.pdf> (дата обращения: 26.12.2016).

²Act on Criminal Responsibility for Terrorist Offences. Sweden. 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.government.se/contentassets/f84107eae6154ce19e65d64151a1b25f/act-on-criminal-responsibility-for-terrorist-offences.pdf> (дата обращения: 26.12.2016).

³ Act on the Freedom of Religion (267/1922), Act on the Freedom of Religion 453/2003.

⁴ Law on the Fight against Terrorism N 3713. Turkey [Электронный ресурс]. URL: http://www.opbw.org/nat_imp/leg_reg/turkey/anti-terror.pdf (дата обращения: 26.12.2016).

⁵ Press Law N 56. Turkey.

⁶ Portugal: Report on the Observance of Standards and Codes FATF Recommendations for Anti-Money Laundering and Combating the Financing of Terrorism. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (англ. Financial Action Task Force on Money Laundering FATF).

⁷ Portugal (República Portuguesa). Law N 60/2015 of 24 June, Law N 52/2003 Law to Combat Terrorism of 22 August.

роризма. В этом контексте преступлением в смысле ст. 133 Уголовного кодекса Португальской Республики (УК ПР) является непосредственное финансирование террористической деятельности, а проявления экстремизма образуют либо пособничество в осуществлении терроризма, либо квалифицируются по ст. 240 УК ПР «Расовая и религиозная дискриминация», которая предусматривает в качестве меры наказания лишение свободы на срок от шести месяцев до пяти лет¹.

На законодательном уровне в странах Содружества Независимых Государств противодействию экстремизму также уделяется значительное внимание. В частности, в соответствии с Законом Республики Беларусь № 203-З от 4 января 2007 г. «О противодействии экстремизму» на основании решения суда может быть запрещена деятельность экстремистских организаций, а также пресечено распространение экстремистских материалов. В соответствии со ст. 361 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ)² «Призывы к действиям, направленным в ущерб внешней безопасности Республики Беларусь, ее суверенитету, территориальной неприкосновенности, национальной безопасности и обороноспособности» наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

Законом Республики Беларусь № 358-З от 20.04.2016 УК РБ дополнен тремя статьями, направленными на противодействие экстремизму. В соответствии со ст. 361.1 УК РБ создание экстремистского формирования наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет, а деяние, совершенное повторно либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, — наказывается лишением свободы на срок от шести до десяти лет. В соответствии со ст. 361.2 УК РБ финансирование деятельности экстремистского формирования наказывается лишением свободы на срок от трех до шести лет. Статья 361.3 УК РБ установила уголовное наказание до десяти лет лишения свободы за вербовку и обучение лиц для участия на территории иностранного государства в вооруженных конфликтах и военных действиях.

Статья 3 Закона Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III «О противодействии экстремизму» запрещает создание экстремистских организаций. В соответствии со ст. 259 Уголовного кодекса Республики Казахстан вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности наказывается лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с конфискацией имущества, а то же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения или в отношении несовершеннолетнего, — наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет³.

В рамках социально-экономических исследований воинствующий экстремизм отождествляется с терроризмом и особо отмечается крайне негативный экономический эффект от этих преступлений. В частности, академик В.Л. Квинт обоснованно полагает, что «современные технологии и увеличение экономической интеграции позволили доморощенным экстремистам и террористам действовать в зарубежных странах и развивать сети глобального масштаба. Это, бесспорно, один из самых отвратительных побочных продуктов ... глобальных закономерностей» [4; 5].

Новая волна терроризма и экстремизма в действительности возникла вследствие

¹ Portugal. Penal Code 1982. (Criminal Code Law № 65/98 of September 2, 1998 (Law N 83/2015), Art. 240. Racial or religious discrimination.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (действующая редакция 19.07.2016 г. Закон РБ № 407-З.) [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (дата обращения: 26.12.2016).

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252 activate_doc=2&pos=294;-8&pos2=2911;129 (дата обращения: 26.12.2016).

столкновения культур и традиций. Взгляды экстремистов не отражают политическую позицию большинства населения и производны от разобщенности, бедности и нелегальной миграции. Совершенно очевидно, что «терроризм — это социальная манифестация зла, и он требует полного уничтожения» [4, с. 2], поскольку порождает бедность и упадок благосостояния страны. Борьба с экстремизмом, порождающим терроризм, предполагает глобальную стратегию противодействия факторам, которые выявлены профессором Принстонского университета Аланом Крюгером, сформулировавшим парадокс, в соответствии с которым «необразованные, доведенные до нищеты массы не имеют склонности к участию в политических процессах с помощью легальных или нелегальных способов», вместо этого на фоне нищеты и безграмотности экстремистами становятся представители «хорошо образованных представителей среднего класса или богатых семей» [19].

Борьба с экстремизмом в значительной степени отличается от борьбы с терроризмом в части необходимого уровня жесткости публичного правового насилия, которое применяется к экстремистам и экстремистским организациям. Как справедливо полагают немецкие профессора Уве Бакес, Штеффен Кайлиц, Экарт Йессе, Рихард Штосс, большинство проявлений экстремизма носят антидемократический характер, однако их степень общественной опасности может значительно различаться [17, 20]. Экарт Йессе, в частности, выделяет жесткие (близкие к терроризму) и мягкие формы экстремизма, которые в большей степени сходны с политической оппозицией [18]. Российские ученые также отмечают антидемократическую направленность экстремизма, претензию на подмену конституционного плюрализма незаконной идеологической монополией — идеократией [14].

Как справедливо отмечает М.М. Кучерявый, «информационное противоборство, порождаемое обостряющейся конкуренцией между ведущими державами современного мира, все в большей мере распространяется на российское информационное пространство» [8] и обосновывает тезис о том, что «в ходе глобального информационного противоборства государство преследует следующие политические цели: модернизация системы национальной безопасности; защиту и продвижение национальных интересов в информационной сфере; обеспечение информационной безопасности как важного элемента национальной безопасности; укрепление международной безопасности; создание и применение отечественных высоких информационно-коммуникационных технологий» [8]. Достижение перечисленных выше целей способствует эффективному противодействию воинствующему экстремизму.

Исследования в области журналистики демонстрируют наличие острых противоречий в современной международной системе и вовлечение средств массовой информации в информационное противоборство [6]. В частности, Н.Н. Ульянова в рамках диссертационного исследования «Информационные войны в печатных СМИ на примере Косовского этнического конфликта (сравнительный анализ публикаций «Российской газеты» и «The Washington Post» 2008–2013 гг.)» убедительно доказывает тот факт, что «лингвистические и художественные приемы ведения информационных войн постоянно совершенствуются. Журналисты умело пользуются жанрами, изобразительными средствами языка, негативно окрашенной лексикой, словообразованием, применяют рефрейминг и политику «двойных стандартов» [15].

В социологических исследованиях, посвященных проблеме экстремизма, отмечается, что «информационная перегрузка, энтропия, агрессивное массово-коммуникативное воздействие на аудиторию (информационные войны, пропаганда, дезинформация, манипуляция сознанием, распространение слухов и т. д.) детерминируют духовно-нравственный кризис значительной части населения, вызывающий состояние аномии..., что является благоприятной средой для формирования установок информационного экстремизма» [9]. Судебная практика демонстрирует возникновение совершенно различных экстремистских организаций и проявлений

экстремизма на фоне существующих в российском обществе экономических проблем. В частности, мировым судьей судебного участка № 71 Центрального района г. Хабаровска гражданин России Н.В. Филиков был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280 УК РФ, объективная сторона которого состояла в том, что подсудимый неоднократно открыто размещал на страницах общедоступного интернет-форума тексты экстремистского содержания, за что ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 50 000 руб.¹ В некоторых случаях степень тяжести проявлений экстремизма настолько высока, что квалификация деятельности экстремистского сообщества осуществляется по ряду статей УК РФ в соответствии с социальными последствиями совершенных преступлений. Так, Верховный Суд Республики Северная Осетия — Алания² в приговоре от 17 мая 2012 г. по делу А.А. Даурбекова указал, что «основными задачами руководителей и участников организованного преступного сообщества (преступной организации) являлись организация и осуществление тяжких и особо тяжких преступлений в целях насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации и нарушения ее территориальной целостности, закрепленной в ч. 1 ст. 65 Конституции Российской Федерации, а также в целях воздействия на принятие решений органами власти республик ... о прекращении противодействия религиозному экстремизму (курсив наш — В.К., Г.А.) и создании условий для беспрепятственного распространения радикального ислама, и в целях воздействия на принятие решений органами государственной власти Российской Федерации о выводе субъектов северокавказского региона, в том числе республик ... из состава Российской Федерации для создания нового исламского государства с шариатской формой правления». В данном уголовном деле от преступлений конкретного экстремистского сообщества, которым руководил гражданин Российской Федерации, пострадало около 600 человек, два человека были убиты, материальный ущерб составил десятки миллионов рублей, а руководитель преступного сообщества был приговорен к 24 годам лишения свободы, при этом правовая квалификация содеянного не осуществлялась по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления экстремистской направленности.

Одним из самых обсуждаемых стало Решение Верховного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2008 г., в соответствии с которым международное религиозное объединение «Нурджулар» признано экстремистским и было запрещено на территории Российской Федерации³. Деятельность более пятидесяти общественных организаций запрещена в России в судебном порядке по причине наличия в их деятельности и символике признаков экстремизма. Подавляющее большинство запрещенных религиозных и общественных организаций являются яркими представителями воинствующего экстремизма, а отдельные, наиболее развитые и опасные представители экстремистского сообщества продолжают свою подрывную деятельность и после судебного запрета через аффилированные структуры, на которые запрет не распространяется.

Статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», п. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от

¹ Приговор по делу 1-33/2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-71-centralnogo-raiona-g-xabarovska-s/act-236065618/> (дата обращения: 26.12.2016).

² Приговор по делу 2-18/2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-severnaya-oseiya-alaniya-respublika-severnaya-oseiya-alaniya-s/act-456228065/> (дата обращения: 26.12.2016).

³ Российская газета 7 мая 2008 г. № 4653 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2008/05/07/vs-reshenie-dok.html> (дата обращения: 26.12.2016).

13.10.2004 № 1313, на Министерство юстиции России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети интернет федерального списка экстремистских материалов.

В частности, запрещенная в России религиозная секта «Нурджулар» всячески пропагандирует учение турецкого исламского богослова курдского происхождения Саида Нурси. Очевидно, что финансируемая из-за рубежа пропаганда чуждых России культурных ценностей преследует своей целью ослабление российского государства, и при этом претендует на прогрессивность, научность и панисламизм. Однако и доморощенные экстремисты бывают не менее опасны. Как видно из решения Московского городского суда от 18.02.2015 № 3-15/2015 Всероссийское общественное движение «Народное ополчение имени К. Минина и Д. Пожарского» готовило насильственный захват власти, и было абсолютно обоснованно запрещено судом как экстремистское общественное движение. Отсутствие явных судебных ошибок в российской практике запрещения деятельности экстремистских организаций не означает, что всякий раз степень общественной опасности деяния тех, кто коллективно изучал «Рисале-и Нур» Саида Нурси или исповедовал конкретную религию, признанную экстремизмом, была достаточной для уголовно-правовой квалификации таких деяний, как преступлений экстремистской направленности. По нашему мнению, относительно мягкие уголовные наказания за совершение преступлений экстремистской направленности порождают эскалацию экстремизма. Отграничение административных правонарушений, связанных с осуществлением экстремистской деятельности от преступлений воинствующего экстремизма, представляется потенциальным направлением для совершенствования российского законодательства.

Значительная часть проявлений экстремизма в сложившейся международной системе — результат внешней политики США. В ряде случаев семена экстремизма аккуратно высевались американской стороной с целью давления на внешнюю политику СССР (Аль-Каида, Талибан), в других случаях экстремизм развивался при известном попустительстве США (Боко Харам, Аль-Шабаб). Вместе с тем было бы неправильно обвинять американское правительство во всех случаях проявления экстремизма в современном мире, напротив, американский народ заинтересован в международной политической стабильности. Провокация международной напряженности — результат безответственности некоторых представителей американского политического истеблишмента.

С 1984 г. на основании Акта Конгресса США в Вашингтоне функционирует государственное учреждение — Американский институт мира¹, в задачи которого входит, в том числе противодействие экстремизму в глобальном масштабе. Директор Центра противодействия воинствующему экстремизму² Американского института мира Джорджия Холмер (Georgia Holmer), демонстрируя актуальность проблематики борьбы с экстремизмом, отмечает тот факт, что «экстремистские движения, такие как ИГИЛ, Боко Харам, Талибан и Аль-Шабаб, являются топливом для нестабильности и военных конфликтов и часто именно от этих конфликтов и нестабильности такие движения и возникают. Противодействие им представляет собой сложную задачу». Американский институт мира работает для того, чтобы понять глубинные причины экстремизма, осуществляя научные исследования, подготовку практиков и политиков. Научная работа Американского института мира показала, что в области противодействия экстремизму оказался чрезвычайно широкий круг вопросов: от изучения роли женщин в противодействии экстремизму в Афганистане до исследования динамики радикализации социальных институтов в Косово.

¹ The United States Institute of Peace [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usip.org> (дата обращения: 26.12.2016).

² Countering Violent Extremism (CVE).

Широкий спектр вопросов государственной безопасности, которые затрагивает преступная экстремистская деятельность, стал причиной пристального внимания со стороны законодателя к отдельным проявлениям экстремизма. Меры административного и уголовно-правового характера оказались явно недостаточными для эффективного противодействия экстремизму. Экстремистские сообщества и организации достигли того масштаба, при котором в ответ на их угрозы и вызовы необходимы не столько меры правового характера, сколько адекватное военное реагирование. Информационная война перестала быть синонимом идеологической борьбы и проявлением информационных операций, проводимых цивилизованными народами. В начале XXI в. на горизонте мировой политики отчетливо проявились контуры военного противника, завоевывающего все новые социальные пространства губительной для всего живого экстремистской идеологией.

Аналитик Американского института мира, полковник армии США Джон Венхаус в специальном докладе «Почему молодежь присоединяется к Аль-Каиде» отмечает, что успешное противодействие воинствующему экстремизму требует системы сбалансированных подходов к безопасности, стратегий и инициатив, которые затрагивают глубинные мотивы и причины поддержки воинствующих экстремистских организаций. Эти стратегии и инициативы должны быть положены в основу дифференцированного понимания различных факторов, порождающих воинствующий экстремизм: мотивации и недовольства людей, вовлеченных в деятельность экстремистских организаций, идеологии и средств массовой информации экстремистского толка, характера конкуренции на рынке труда, в том числе социальной динамики в сфере занятости населения и отношений между конкурентами на рынке труда¹. Эта вовлеченность армии в вопросы социологии связана с характером информационной войны, которая разворачивается широким фронтом в массовом социальном сознании современного информационного общества.

Специалист в области разведывательной деятельности, генерал-лейтенант армии США Джон Шаннахан, участвуя в разработке стратегии противодействия воинствующему экстремизму, отметил, что, «как и большинство утопических движений, ИГИЛ следует по ветру перемен. Для них становится все более затруднительным вербовать новых членов, по мере того как фокус внимания смещается от расширения и изменения пространства к рутинному поддержанию статус-кво. Следовательно, лучшим решением для борьбы с ИГИЛ может стать такой подход, который позволит свести к минимуму потенциал для расширения театра их деятельности. Стратегия появления все новых кротовых нор в деле борьбы с экстремизмом может привести к дальнейшему метастазированию насильственного экстремизма. Обязательно следует сдерживать невольное формирование образа «общего врага», который разжигает гораздо большее пламя междоусобного конфликта»².

Ячейки экстремистских организаций глубоко пустили свои корни в самом сердце западной демократии. В интервью газете «Star Tribune» в ноябре 2016 г. Окружной судья США Майкл Дэвис (Michael Davis) отметил: «Все говорят про Брюссель или Париж, где есть ячейки (исламских фундаменталистов — В. К., Г. А.). У нас есть ячейка здесь в Миннеаполисе»³. Несмотря на систематические аресты исламских активистов из числа сомалийских мигрантов в Миннеаполисе, ситуация последова-

¹ Venhaus J.M. Why youth join al-Qaeda. United States Institute of Peace. Special Report. Washington DC, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/SR236Venhaus.pdf> (дата обращения: 26.12.2016).

² Shanahan John N. and others. Countering Violent Extremism Scientific Methods & Strategies. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://info.publicintelligence.net/ARL-CounteringViolentExtremism.pdf> (дата обращения: 26.12.2016).

³ Terrorist cell is alive in Minneapolis, U.S. judge in ISIL case says. By Stephen Montemayor // Star Tribune. November 19. 2016.

тельно ухудшается с 2014 г. и усилия американских правоохранительных органов по пресечению деятельности экстремистских организаций имеют весьма ограниченный эффект. Фактически местное сообщество сомалийских мигрантов ведет войну с властями Миннеаполиса за право не соблюдать как законы штата Миннесота, так и федеральное законодательство США, претендуя на право жить по-своему, запугивая местное население.

Российская доктрина уголовного права также признает тот факт, что преступления воинствующего экстремизма направлены прежде всего против самого института государства. В частности, А.В. Павлинов верно отмечает тот факт, что «преступления, предусмотренные стт. 205, 208, 278, 279 УК РФ (базовые слагаемые криминального антигосударственного экстремизма), составляют единую систему объединенные критерием вооруженного масштабного насилия и едиными специфическими чертами. Это прежде всего единая направленность на выявленную охраняемую группу общественных отношений (суверенитет, единство и территориальную целостность Российской Федерации); потерпевшей стороной при совершении данных деяний выступают не только непосредственные жертвы — физические лица, население и даже не столько органы государственной власти, сколько государство в целом» [10]. Следует обратить внимание на многообразие научных подходов к феномену экстремизма в отечественном уголовном праве, которые в конечном итоге признают единство правовой природы преступлений международно-го экстремизма и терроризма.

В рамках Женевской конференции по предотвращению воинствующего экстремизма, проходившей в начале апреля 2016 г.¹, была выражена поддержка в отношении Плана действий по предупреждению воинствующего экстремизма. Основными направлениями реализации плана противодействия экстремизму стали: предотвращение экстремизма и защита прав человека, лидерство и формирование эффективных социальных институтов, вовлеченности ООН в решение всего комплекса проблем, связанных с экстремизмом. Международный воинствующий экстремизм представляет собой значительную угрозу безопасности и требует обсуждения вопроса о создании международного трибунала по преступлениям воинствующего экстремизма.

Военный характер операций по борьбе с экстремизмом заставляет поновому пункт g Резолюции (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии», который говорит о таком проявлении агрессии, как засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно военной агрессии. Опыт Сомали, Ливии, Сирийской Арабской Республики, Египта и Туниса и многих других государств показал разрушительный потенциал экстремизма как способа разрушения государственности и уничтожения, объединяющих народы социальных институтов.

Наказание виновных в совершении преступлений воинствующего экстремизма, предусмотренное ч. 2 ст. 280 УК РФ, ограничивается лишением свободы на срок до пяти лет, а также дополнительными видами наказания. Вместе с тем преступления воинствующего экстремизма — наиболее тяжкие общественно опасные деяния, направленные против интересов государства, мира и безопасности человечества. Уголовное наказание за такие преступления должно соответствовать степени общественной опасности и тяжести последствий совершенных деяний. Преступления воинствующего экстремизма предлагается относить к категории тяжких преступлений и законодательно обозначить в качестве квалифицирующих оснований провокацию возникновения международных вооруженных конфликтов.

¹ The Geneva Conference on Preventing Violent Extremism 7 and 8 April 2016.

Наказанием по этой статье должно быть более суровое — до десяти лет лишения свободы.

Общественная значимость борьбы с экстремизмом определяется теми разрушительными последствиями, которые наступают везде, где только преступные сообщества сумели объединить вокруг себя людей, недовольных политическим курсом, сплотив их ряды радикальной идеологией. Подавляющее большинство проявлений экстремизма необходимо пресекать административными мерами до того момента, когда экстремизм приобретает воинствующий, насильственный характер, становится тяжким преступлением и порождает проявления терроризма.

Литература

1. *Бастрыкин А. И.* Угрозы экстремизма и роль Следственного комитета Российской Федерации в обеспечении правовой стабильности // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 9–14.
2. *Бастрыкин А. И.* Экстремизм в России не пройдет // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 2–4.
3. *Бастрыкин А. И.* Пути борьбы с экстремизмом в России // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 2. С. 3–6.
4. *Квинт В. Л.* Терроризм и экстремизм: стратегическое негативное воздействие на экономику: открытая лекция. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2016.
5. *Квинт В. Л.* Стратегическое экономическое воздействие глобального негативного тренда терроризма и экстремизма // Управленческое консультирование. 2016. № 6. С. 14–25.
6. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Проблема обеспечения информационной безопасности государства в сфере распространения массовой информации // Управленческое консультирование. 2016. № 9. С. 21–29.
7. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Международное право и информационная безопасность государств: монография. Санкт-Петербург : СПбГИКиТ, 2016.
8. *Кучерявый М. М.* Информационное измерение политики национальной безопасности России в условиях современного глобального мира: автореф. дисс. ... д. п. н. СПбГУ, 2014.
9. *Мозговой В. Э.* Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: автореф. дисс. д.соц.н. Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Краснодар, 2016.
10. *Павлинов А. В.* Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д. ю. н. Институт государства и права РАН. М., 2008.
11. *Патрушев Н. П.* Особенности современных угроз и вызовов безопасности России // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 3–12.
12. *Петрянин А. В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д. ю. н. Нижегородская академия МВД России, 2015.
13. *Поминов С. Н.* Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: автореф. дис. ... к. ю. н. М., 2007.
14. *Сергун Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве : дисс ... к. ю. н. Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2009.
15. *Ульянова Н. Н.* Информационные войны в печатных СМИ на примере Косовского этнического конфликта (сравнительный анализ публикаций «Российской газеты» и «The Washington Post» 2008–2013 гг.): автореф. дисс. ... к. филол. н. Российский университет дружбы народов, 2015.
16. *Хлебушкин А. Г.* Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации : вопросы квалификации и судебная практика: монография. М. : Проспект, 2015.
17. *Backes, Uwe; Kailitz, Steffen,* eds. Ideokratien im Vergleich: Legitimation — Kooptation — Repression. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2013.
18. *Jesse E., Lang J. P.* Die Linke — der smarte Extremismus einer deutschen Partei. München : Olzog Verlag, 2008.
19. *Krueger Alan B.* What Makes a Terrorist: Economics and the Roots of Terrorism. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2007. P. 3.
20. *Stöss S. R.* Rechtsextremismus im Wandel. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2005.

References

1. Bastrykin A. I. *Threats of extremism and a role of Investigative committee of the Russian Federation in support of legal stability* [Ugrozy ekstremizma i rol' Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii v obespechenii pravovoi stabil'nosti] // Russian journal of Law researches [Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy]. 2016. N 1 (6). P. 9–14. (rus)
2. Bastrykin A. I. *Extremism in Russia won't pass* [Ekstremizm v Rossii ne proidet] // Russian justice [Rossiiskaya yustitsiya]. 2016. N 5. P. 2–4. (rus)
3. Bastrykin A. I. *Ways of fight against extremism in Russia* [Puti bor'by s ekstremizmom v Rossii] // Bulletin of the Russian Law academy [Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii]. 2016. N 2. P. 3–6. (rus)
4. Kvint V. L. *Terrorism and extremism: strategic negative impact on economy* [Terrorizm i ekstremizm: strategicheskoe negativnoe vozdeistvie na ekonomiku]: open lecture. SPb. : NWIM of RANEPa, 2016. 32 p. (rus)
5. Kvint V. L. *Strategic Economic Influence of a Global Negative Trend of Terrorism and Extremism* [Strategicheskoe ekonomicheskoe vozdeistvie global'nogo negativnogo trenda terrorizma i ekstremizma] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 6. P. 14–25. (rus)
6. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. *A problem of support of information security of the state in the sphere of distribution of mass information* [Problema obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti gosudarstva v sfere rasprostraneniya massovoi informatsii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 9. P. 21–29. (rus)
7. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. *International law and information security of the states* [Mezhdunarodnoe pravo i informatsionnaya bezopasnost' gosudarstv]: monograph. St. Petersburg : St. Petersburg State University of Film and Television, 2016. 396 p. (rus)
8. Kucheryavyy M. M. *Information measurement of a policy of national security of Russia in the conditions of the modern global world* [Informatsionnoe izmerenie politiki natsional'noi bezopasnosti Rossii v usloviyakh sovremennoogo global'nogo mira]: doctoral dissertation abstract. St. Petersburg State University [SPbGU], 2014. (rus)
9. Mozgovoy V. E. *Information extremism in conditions the social and communicative of transformations of the Russian society* [Informatsionnyi ekstremizm v usloviyakh sotsiokommunikativnykh transformatsii rossiiskogo obshchestva]: doctoral dissertation abstract. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Krasnodarskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii]. Krasnodar, 2016. 30 p. (rus)
10. Pavlinov A. V. *Criminal antistate extremism: criminal and legal and criminological aspects* [Kriminal'nyi antigosudarstvennyi ekstremizm: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty]: doctoral dissertation. Institute of the State and Law of RAS [Institut gosudarstva i prava RAN]. Moscow, 2008. 584 p. (rus)
11. Patrushev N. P. *Features of the modern threats and calls of safety of Russia* [Osobennosti sovremennykh ugroz i vyzovov bezopasnosti Rossii] // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2007. N 7. P. 3–12. (rus)
12. Petryanin A. V. *Conceptual bases of counteraction to crimes of an extremist directivity: theoretical and applied research* [Kontseptual'nye osnovy protivodeistviya prestupleniyam ekstremistskoi napravlenosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie]: doctoral dissertation abstract. Nizhny Novgorod academy Ministry of Internal Affairs of Russia [Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii], 2015. (rus)
13. Pominov S. N. *Organization of activity of law-enforcement bodies in the sphere of counteraction to manifestations of religious extremism* [Organizatsiya deyatel'nosti organov vnutrennikh del v sfere protivodeistviya proyavleniyam religioznogo ekstremizma]: dissertation abstract. M., 2007. 29 p. (rus)
14. Sergun E. P. *Extremism in the Russian criminal law* [Ekstremizm v rossiiskom ugovovnom prave]: dissertation. Tambov State University named by G. R. Derzhavin. Tambov, 2009. 235 p. (rus)
15. Ulyanova N. N. *Information wars in printed media on the example of the Kosovan ethnic conflict (the comparative analysis of publications of "The Russian newspaper" and The Washington Post of 2008–2013)* [Informatsionnye voyny v pechatnykh SMI na primere Kosovskogo etnicheskogo konflikta (sravnitel'nyi analiz publikatsii «Rossiiskoi gazety» i «The Washington Post» 2008–2013 gg.)]: dissertation abstract. Russian Peoples' Friendship University [Rossiiskii universitet druzhby narodov], 2015. (rus)

16. Hlebushkin A. G. *Crimes of an extremist directivity in system of infringement of bases of the constitutional system of the Russian Federation: questions of qualification and jurisprudence* [Prestupleniya ekstremistskoi napravlenosti v sisteme posyagatel'stv na osnovy konstitutsionnogo stroya Rossiiskoi Federatsii : voprosy kvalifikatsii i sudebnaya praktika]: Monograph. M. : Prospectus [Prospekt], 2015. 191 p. (rus)
17. Backes, Uwe; Kailitz, Steffen, eds. *Ideokratien im Vergleich: Legitimation – Kooptation – Repression*. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2013.
18. Jesse E., Lang J. P. *Die Linke – der smarte Extremismus einer deutschen Partei*. München : Olzog Verlag, 2008.
19. Krueger Alan B. *What Makes a Terrorist: Economics and the Roots of Terrorism*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2007. P. 3.
20. Stöss S. R. *Rechtsextremismus im Wandel*. Berlin : Friedrich-Ebert-Stiftung, 2005

Формирование политико-цивилизационной идентичности Дагестана в ситуации конфликта идентичностей

Алибегиллов Шамиль Абдулаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Соискатель

Волков Виталий Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры государственного и муниципального управления
Доктор политических наук, профессор
volkov-va@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье обсуждается формирование политико-цивилизационной идентичности Дагестана в контексте цивилизационной идентичности России. На фоне борьбы двух цивилизационных проектов России — европейского и евразийского, в Дагестане происходит противостояние и с исламским цивилизационным проектом. Конфликт цивилизационных проектов лежит в основе кризиса политической идентичности Дагестана.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политико-цивилизационная идентичность, цивилизационный проект, этнонационализм, неолархаика, Российская евразийская цивилизация, государственная политика

Alybegilov Sh. A., Volkov V. A.

Formation of Political and Civilization Identity of Dagestan in a Terms of the Conflict of Identities

Alybegilov Shamil Abdulaevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Competitor of the PhD degree

Volkov Vitaly Aleksandrovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of State and municipal management
Doctor of Science (Political science), Professor
volkov-va@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article discusses the formation of political and civilizational identity, Dagestan in the context of civilization identity of Russia. Against the background of the struggle of two civilization projects Russia-European and Eurasian in Dagestan comes opposition and with the Islamic civilizational project. Conflict civilizational projects lies in the heart of the crisis of political identity, Dagestan.

KEYWORDS

political and civilizational identity, civilizational project, ethno-nationalism, neolarchaika, Russian Eurasian civilization, public policy

Центральным содержанием политической идентичности является отношение к Другому, к различию: свои — чужие; друзья — враги. Это вопрос об идентичности на разных уровнях от этничности до цивилизации. Определения этих противополо-

ложностей в публичной сфере политизируют те или иные уровни идентичности. В ситуации нормального развития общества политическим доминирующим является только один уровень идентичности. В условиях кризиса политизируются и переплетаются в разной степени конфликтности различные уровни идентичности.

Цивилизационная идентичность является высшей формой коллективной идентичности, и она, в конечном счете, определяет и другие уровни идентичности. С другой стороны, она сама подвергается влиянию более низких уровней идентичности. «Политическая глобализация значительно упростила механизмы агрегирования межэтнического конфликта, поскольку, с одной стороны, сделала доступным для субъектов конфликта международные ресурсы, а с другой — расширила круг участников конфликта за счет реализации интересов не только супердержав современного мира, но и соседних государств» [5, с. 6]. Определение своей цивилизационной идентичности это, по сути, вопрос цивилизационного выбора.

Какова цивилизационная идентичность Дагестана? Ответ на этот вопрос приходит через выбор этнической идентичности Дагестана, через выбор идентичности народов Дагестана, через национально-государственный выбор Дагестана. По существу, проблема цивилизационной идентичности Дагестана определена двумя большими блоками противоречий. Первый блок противоречий относится к вопросу цивилизационной идентичности всей России. Современная Россия есть поле борьбы между силами, определяющими Россию как периферийную часть западной капиталистической цивилизации, и силами, определяющими Россию как самостоятельную евразийскую модернизирующуюся цивилизацию, не определяемую логикой Западного капитализма.

Западная цивилизация охотно приветствует стремление самых разных государств стать частью Западной цивилизации, но только в качестве периферии, поскольку современная мир-экономика капитализма строится на модели: ядро — полупериферия — периферия [3]. Ядро невозможно без периферии как пространства конкурентных преимуществ и реализации господства развитых стран. Странам Запада нужны рынки сбыта, рынки дешевой рабочей силы, сырьевые ресурсы, места складирования экологических отходов. Втягивание в зону своего влияния, контроль за ресурсами в ситуации их ограниченности осуществляются комплексом инструментов широкого диапазона — от навязывания чуждых цивилизационных кодов до военно-политического доминирования, результатом применения которых становится управляемый хаос на периферийных пространствах.

Часть национальных элит периферийных государств, в обмен на статус транснациональных элит, архаизирует национальное государство в пользу ядра западной цивилизации. «Запад целенаправленно убирает с мировой арены вполне светские режимы, заменяя их на архаические. Архаичные страны не претендуют на долю в глобальном ресурсном пироге, политика архаичных стран обращена вовнутрь, а не вовне» [4, с. 92]. Вследствие этого процессы вестернизации и архаизации идут рука об руку.

Политические силы, рассматривающие Россию как самостоятельную евразийскую цивилизацию, направляют усилия на восстановление и модернизацию социально-экономических структур, армии, национальной безопасности, духовных ценностей, которые обеспечат самодостаточное цивилизационное развитие общества. Доминирование этатистской составляющей в модернизационных процессах делает возможным задействование потенциала предыдущих этапов развития России. Попытка построения некапиталистического альтернативного пути развития Евразии определяла всю историю XX в. Современное российское многоукладное общество тоже нельзя назвать в полном смысле капиталистическим. Отношение традиционного общества и гражданского (буржуазного) общества нельзя рассматривать в этом контексте как стадии и ступени развития общества. Если Западная цивилизационная

идентичность строится на отрицании традиционного общества в пользу гражданского (буржуазного) общества независимых индивидов, то Российская цивилизационная идентичность основывается на модернизации традиционного общества, на базе сохранения ансамбля общественных связей человека, прежде всего с семьей.

Это противостояние двух разнонаправленных векторов цивилизационной идентичности пронизывает все структуры и регионы российского общества.

Второй блок противоречий относится собственно к особенностям идентичности Дагестана и Северного Кавказа. Здесь происходит противоборство между религиозной идентичностью исламской цивилизации арабского Востока и надрелигиозной поликонфессиональной идентичностью Российской цивилизации. Находясь длительное время под влиянием арабской культуры, Дагестан является не только «страной гор», но и центром учености и распространения ислама на весь Северный Кавказ. С другой стороны, развитие религиозных учреждений и традиций, взаимодействие с другими религиями, государственными и политическими структурами сформировали свои особенности в понимании Дагестанским обществом своей цивилизационной идентичности, не определяемой исключительно религией. Три разнонаправленных вектора цивилизационной идентичности: западно-неоархаический, российский, исламский, требующие более подробного рассмотрения, определяют особенности ситуации в Дагестане. Причем необходимо заметить, что только российский вектор цивилизационной идентичности несет в себе потенциал модернизации, поскольку именно Россия развивалась альтернативно Западной цивилизации как модернизационный проект.

На протяжении XX в. Дагестан развивался в рамках единого органического процесса становления Советской цивилизации. В постсоветский период ослабление российской государственности актуализировало и политизировало целый веер идентичностей, которые в предыдущий период отходили на второй план. Политизация идентичностей происходит, прежде всего, через переход в сферу публичности реальных и сконструированных, латентных конфликтов. Если внутренняя социально-экономическая политика советского периода ориентировалась на выравнивание уровня развития регионов, то 90-е годы XX в. характеризовались падением и дезорганизацией промышленного производства по всей России. Это сопровождалось ускоренным разрывом в уровнях социально-экономического состояния различных регионов. В Дагестане падение уровня жизни и экономики было более значительным по сравнению с центральными регионами России. Переход к рыночным механизмам обернулся распадом индустриального сектора экономики Дагестана, увеличению ее сырьевой составляющей. Росла теневая экономика на основе мелкотоварного производства. Сельское население, горные районы имели тенденцию возвращения к натуральному хозяйству.

В этой ситуации включились социальные механизмы, которые позволяли компенсировать разрушение существовавших социально-экономических и управленческих структур. Происходит возврат к архаичным и традиционным структурам, позволяющим на своем уровне воспроизвести целостность общественных связей в Дагестане. Возрождение этнической политической идентичности давало, казалось бы, надежный фундамент для самоидентификации и, в то же время, приводило к этническим конфликтам. «Политизированная этничность представляет собой результат структурной перестройки этнической идентичности, ее особое состояние, характеризующееся повышенной сосредоточенностью членов этнической группы на ценностях, ориентированных на достижение политически значимых статусно-институциональных переменных социальной системы полиэтничного общества» [5, с. 16].

Процессы модернизации, урбанизации, миграции неизбежно ведут к унифицированным стандартам жизни молодежи, индустриальных рабочих, интеллигенции. Это, в свою очередь, провоцирует искусственный процесс отделения этнических

общин от традиционных мест проживания, при одновременных требованиях политико-юридически признать идентичность, основанную на этнической принадлежности. А. П. Садохин предложил оригинальную типологию этнической идентичности: нормальная идентичность, этноцентрическая идентичность, этнодоминирующая идентичность, этнический фанатизм, этническая индифферентность, этнонигилизм в форме космополитизма, амбивалентная идентичность [6, с. 154–155]. Политизация этнической идентичности начинается уже в форме этноцентрической идентичности. Она возникает на фоне борьбы за право этничности на выражение своей особенности, за право индивида на выражение своей этничности. Конфликтный потенциал таких стереотипов поведения приводит к позиции этнодоминирующей идентичности, а затем и этнического фанатизма.

Актуализация этнонационализма создавала почву для сепаратистских тенденций, религиозного фундаментализма. С точки зрения А.-Н. З. Дибирова, Дагестан переживает стадию кризиса традиционного общества. Традиционная идентичность дагестанского народа утрачивает единство. В обществе возникают разнонаправленные движения. «Кризис традиционного общества сопровождается охранительным авторитаризмом и архаизацией обычно в тех условиях, когда обществу не предложена целостная идеология модернизации, воспринятая большинством населения страны и легитимирующая тем самым временные ограничения демократии в целях сохранения национальной государственности» [4, с. 93].

Логика движения к неорархаике в инструменталистском понимании, делает политически значимой этническую идентичность, актуализируемую этнократическими элитами на основе родов и кланов. Инструментализм понимает этническую идентичность как возрожденный, сконструированный инструмент этнократических элит. Среди коренных этносов возникает конкуренция за первенство. Вопрос национального представительства во власти является именно инструментом борьбы за власть и в то же время ее архаизирует. Национальные квоты лишь иллюзорно решают проблему справедливого представительства во власти. Тем не менее механизм пропорционального представительства этносов во власти является важным механизмом снятия межэтнических напряжений, но он же и консервирует этноцентризм. «Фактически действует принцип равенства не индивидов, а этнических групп, каждая из которых гарантированно представлена во властных органах в соответствии со своей долей в населении республики» [7, с. 94]. Четырнадцать конституционных этносов претендуют на свое представительство во властных структурах Дагестана. Согласно Конституции Республики Дагестан от 26 июля 1994 г. Государственный Совет Республики Дагестан состоял из 14 человек и формировался Конституционным Собранием Республики Дагестан. В состав Государственного Совета Республики Дагестан, который выполнял роль коллективного Президента, входили Председатель Государственного Совета Республики Дагестан, Председатель Правительства Республики Дагестан в качестве первого заместителя Председателя Государственного Совета и другие лица, избранные Конституционным Собранием Республики Дагестан с учетом многонационального состава населения республики¹. Эта норма не соответствовала конституционным принципам Российской Федерации и была упразднена в следующей конституции Дагестана.

В Конституции Республики Дагестан от 2003 г. ст. 60 никак не подчеркивает этнический компонент: «Народное Собрание Республики Дагестан состоит из 72 депутатов. Народное Собрание Республики Дагестан избирается сроком на 4 года. Порядок избрания депутатов Народного Собрания Республики Дагестан определяется законом Республики Дагестан»². Интересно, что при этом изменения в типе

¹ Конституция Республики Дагестан. Махачкала, 1994.

² Конституция Республики Дагестан. Махачкала, 2003.

избирательной системы, в партийном законодательстве, не отражаются на этническом представительстве во власти.

Полиэтничность Дагестана, как ни парадоксально, является механизмом, обеспечивающим устойчивость и стабильность республики. Множественность этносов не позволяет одному из них добиться серьезных преимуществ за счет других. Каждый этнос ввиду своей внутренней полиэтничности дублирует общую ситуацию и блокирует радикальные центробежные тенденции.

С другой стороны, доминирующие элиты стремятся утвердить власть в форме охранительного авторитаризма, опирающегося на единство идентичности дагестанского народа. Дагестанское общество претерпевает кризис своей идентичности. Как и все российское общество, Дагестан в XX в. находился в фазе активной модернизации традиционного общества на основе единой особенной советской цивилизационной общности. В постсоветский период происходит глобальная попытка разрушения и замены евразийского цивилизационного кода на Европейский цивилизационный код, базирующийся на доминанте гражданского общества, отрицающего ценности, способ жизни и хозяйствования традиционного общества. Вследствие этого дагестанское общество, находящееся на сравнительно ранней стадии модернизации своего традиционного общества, переживает раскол, приведший к двойственности идентичности.

Властная элита Дагестана выстраивает идентичность гражданской нации в рамках национальной политики субъекта Российской Федерации. Неустоявшаяся терминология отражает и реальные трудности выстраивания этой политики. Конфликтотенный потенциал выражается в политизации и национальной идентичности. Во-первых, выстраивается конфликтный потенциал по оси нация — этнос, или в других терминах: гражданская нация — этнонации. Во-вторых, по оси нации — нации. В-третьих, по оси цивилизация — религия.

В первом случае правящая элита формирует политику от лица нации в отношении остальных этнонаций как меньшинств. В этой ситуации может наблюдаться отток русского населения из республики, а также передел власти между представителями различных этнонаций. Мобилизованная этничность отдельной группы стремится к легитимации своего республиканского социально-политического статуса. Таким образом, политическая оппозиция гражданской нации и этнонации не позволяет одну идентичность считать политической, а другую идентичность частной сферой.

Во втором случае выбор идентичности дагестанской нации неизбежно приводит к обсуждению атрибутов государственности одной нации по отношению к другим нациям и проблемам федерализма. Политизация этой оси воспроизводит коллизии 90-х годов XX в. в вопросах суверенитета, федеративного договора, территориальных претензий. Выдвижение на первый план национальной идентичности, придание ей характера политической идентичности неизбежно проблематизирует государственную и гражданскую идентичность, порождает ресурсный экономический национализм. Это измерение чревато проблемами сепаратизма. Раздробленность и рыхлость государственной власти станет неизбежной ценой политико-национальной идентичности. Та же самая проблема может быть повернута в глубь Дагестана, когда взаимоотношения между народами или этнонациями Дагестана доводятся до требований федерализации республики.

В третьем случае Дагестан стоит перед цивилизационным выбором. Российская цивилизация, решая вопросы своей идентичности, выдвигала два тезиса. Россия — это Европа. Россия — это Россия, Евразия. Дагестан, находясь в пространстве России, имеет перед собой те же варианты. Интересы европейского выбора поддерживают либерально настроенные круги интеллигенции и бизнесменов. В фокусе их рассмотрения находится проблематика прав человека, правозащитная деятельность, условия защиты и ведения бизнеса, собственности. Российско-евразийская

идентичность воплощается в деятельности республиканских политиков, концентрирующихся на проблемах управляемости в республике, городского индустриального населения, научно-технической интеллигенции, работников просвещения и здравоохранения, озабоченных восстановлением общего социально-экономического пространства. Интересы и потребности городского экономически активного населения выходят за рамки традиционного образа жизни, своей культуры, языка.

В то же время перед Дагестаном стоит и специфическая альтернатива. С одной стороны, в Дагестане существуют давние традиции исламской религии, обращающей его к исламской цивилизационной идентичности, с другой стороны, в свете современных культурных синтезов, ислам в Дагестане играет свою особую роль и имеет свое институциональное своеобразие. На территории Дагестана исповедуют три мировые религии: ислам, христианство и иудаизм. Ислам как религия, в свою очередь, неоднороден, и требуется специальное рассмотрение его значения в Дагестане.

Свое распространение в Дагестане ислам начинает в конце VII в. Сначала он проникает в южные регионы и распространяется на равнине. В горных районах ислам появляется в VIII в. Господствующей религией в Дагестане он становится только к XIV в.

Ислам как мировая религия основан Пророком Мухаммедом и возникает в начале VII в. в Мекке, Западная Аравия. Уже к середине века образуются две ветви ислама — сунниты и шииты. Шииты являются последователями двоюродного брата Пророка Али ибн абу-Талиба, считающие, что власть над всеми мусульманами дается через божественное произволение потомкам Али (шииты — от ши ит Али — сторонники Али). Сунниты (от сунна — обычай) считают, что халифа избирает умма — собрание правоверных из числа потомков племени Курайш, к которому принадлежал Пророк. Несмотря на то, что к суннитам принадлежит большинство мусульман, история ислама наполнена жестоким противоборством двух ветвей.

Традиционной формой ислама в Дагестане является тарикатизм (тарикаты — суфийские ордена), представленный через тарикаты накшбандийа, кадирийа и шазалийа. До 1941 г. ислам в Дагестане испытывал огромное давление государства. Были закрыты все мечети и медресе. Муфтии — духовные авторитеты в знании шариата — были посажены в лагеря или высланы из республики. К концу войны положение существенно меняется и в 1944 г. было создано Духовное управление мусульман Северного Кавказа во главе с муфтием.

ДУМСК не является институциональным органом, присущим исламу. «Нельзя путать муфтиев — высших авторитетов в области шариата, ведущих свое происхождение от Арабского халифата, и муфтияты, созданные для контроля над мусульманами в Российской империи XVIII–XIX веков, от Екатерины II до Александра II, и воссозданные И. Сталиным в конце Второй мировой войны» [1, с. 167]. В царской России муфтияты были государственными учреждениями, а в Советском Союзе — общественными организациями. Таким образом государство пыталось институализировать свои отношения с религиозными конфессиями посредством достраивания необходимых структур в среде самих исповедующих ислам.

«Играя роль духовного суда, ДУМСК собирало милостыню-закят и выпускало *фетвы-разъяснения* по вопросам *шариата*, регистрировало мечети и их имамов, помогало государству бороться с нелегальными кораническими кружками (*худжра*) и суфийскими общинами («*мюридизмом*»), участвовало в борьбе СССР против капиталистического лагеря» [1, с. 168]. Во времена Советского Союза происходит значительная структурная трансформация ислама на Кавказе. В начале XX в. языком ислама был арабский язык, и все постановления, разъяснения распространялись на арабском языке. Конец XX в. показал, что основным языком обучения, распространения, общения в мусульманских общинах становится русский.

С конца 80-х годов XX в. начался процесс развала религиозных организаций. Они уже не были способны к единой управленческой деятельности в ситуации политизации религиозных отношений. Создание политических мусульманских движений, политических исламских партий создавало пространство хаоса, в котором управленческие структуры не могли существовать. Эта же участь постигла и ДУМСК. На его месте возникло Духовное Управление Мусульман Дагестана (ДУМД), которое получило поддержку со стороны государства и признано властями республики Дагестан в качестве общественной организации, регулирующей организацию религиозной жизни мусульман. Девяностые годы XX в. сопровождались бурными процессами создания политико-религиозных организаций, исламских движений и политических партий. К середине 90-х годов количество мусульманских партий и движений подходило к двумстам. Были созданы Исламская партия возрождения, Исламско-демократическая партия Дагестана, Аварский народный фронт им. Имама Шамиля, Союз мусульман России и др. В рамках этих многочисленных движений декларировалась исламская идентичность, которая объективно несла сепаратистский заряд. Политизация ислама с ориентацией на арабский Восток имела четкие цели в объединении Северо-Кавказских республик в единое исламское государство вне границ России. Вместе с тем она не нашла широкой поддержки во всех кругах Дагестана, и деятельность этих партий к концу девяностых годов сошла на нет.

В руководящих кругах Дагестана религия воспринималась больше как народная традиция, а не как форма цивилизационной идентичности. В ФЗ от 26.09.1997 № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях» традиционный ислам рассматривается как традиционная для России конфессия. Религиозная жизнь сегодня не носит политического характера, и «в республике функционируют 2486 исламских объединений: 1290 джума-мечетей, 827 квартальных мечетей (в том числе 9 шиитских центральных и 10 квартальных мечетей), 273 молитвенных дома, 13 вузов, 79 медресе, 2 культурно-просветительских центра, Союз исламской молодежи, а также Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД)» [2, с. 82].

В противоположность традиционному исламу на Кавказе возникает диссидентское течение, ориентирующееся на исламскую цивилизационную идентичность — ваххабиты. Ваххабиты являются последователями Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, реформатора из Аравии XVIII в. «Сами они называют себя „братьями“ (араб. ихван) или общиной истинных мусульман, следующих заветам „праведных предков“ (араб. ас-салаф ас-салихун) времен пророка Мухаммеда, откуда возникло еще одно название движения — салафиты» [2, с. 170]. Ваххабиты подобно протестантам провозглашают возвращение к истинным истокам учения, очищенным от позднейших наслоений и разделений. Они противостоят суфийской традиции (тарикатизм), характерной для Дагестана. Деление на суннизм и шиизм ими также отрицается. Происхождение ваххабизма связывают с арабским идеологическим и финансовым влиянием на Дагестан. Радикализация ваххабизма определена в политической программе ориентацией на сепаратистский сценарий развития движения. Вооруженная борьба в защиту веры становится основой распространения ваххабизма. К ваххабизму примкнули многие чеченские боевики и сепаратисты. «Зловещий вулкан ваххабитской активности дал первый выброс лавы в 1999 г., обрушившись на Цумадинский, Ботлихский и, особенно, Новолакский районы Дагестана» [2, с. 86].

Ваххабизм и тарикатизм несут в себе различный цивилизационный потенциал. Тарикатский традиционный ислам вписан в современную структуру дагестанской элиты и может выступать на стороне одной из доминирующих или оппозиционных групп этнонациональных групп. Традиционный ислам Дагестана развивается в рамках пространства российской цивилизационной идентичности, сопрягаясь с особенностями течений ислама в Татарстане и других российских республиках, межконфес-

сионального общения с православием и иудаизмом. Иногда он позиционируется как российская версия ислама. Ваххабизм отрицает всю систему сложившихся в Дагестане социальных сил и противоборств и представляет крайние антисистемные силы. Ваххабиты или салафиты остаются средой, в которой молодежь Дагестана получает упрощенные представления об исламе, национальных традициях мусульман и является поставщиком новобранцев для террористических организаций и ИГИЛ.

Таким образом, различные направления ислама в Дагестане приобретали политическую форму и пытались по-своему влиять на идентичность Дагестана. Вместе с тем это не породило серьезных центробежных тенденций и к отказу от традиционной толерантности в республике. В ситуации кризиса идентичности, противостояние российской цивилизации и исламской цивилизации, российской цивилизации и европейской цивилизации, формирует политико-цивилизационную российскую идентичность в борьбе с маргинальным экстремистским ваххабизмом, воплощающим исламский цивилизационный проект и с оппозиционно-диссидентским либерализмом, воплощающим европейский цивилизационный проект.

Литература

1. Бобровников В. «Исламское возрождение» в Дагестане: 20 лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2 (50). С. 161–172.
2. Буттаева А. Ислам в поликонфессиональном пространстве современного Дагестана // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 1. С. 79–92.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. СПб. : Университетская книга, 2001.
4. Дибиров А.-Н. З. Дагестан сегодня: архаизация, или затянувшийся кризис традиционного общества // Исламоведение. 2014. № 1. С. 91–98.
5. Киноян О. В. Политизация этнической идентичности как фактор мобилизации этнических групп в условиях конфликта: автореф. дисс. канд. полит. наук. Ставрополь, 2009.
6. Садохин А. П. Этнология. М., 2006.
7. Салгириев А. Р. Структура политической элиты в полиэтничных республиках Северного Кавказа // Вестник РУДН. Серия Политология. 2015. № 2. С. 83–89.

References

1. Bobrovnikov V. «Islamic revival» in Dagestan: 20 years later [«Islamskoe vozrozhdenie» v Dagestane: 20 let spustya] // Central Asia and Caucasus [Tsentral'naya Aziya i Kavkaz]. 2007. № 2(50). P. 161–172. (rus)
2. Buttayeva A. *Islam in polyconfessional space of modern Dagestan* [Islam v polikonfessional'nom prostranstve sovremennogo Dagestana] // Central Asia and the Caucasus [Tsentral'naya Aziya i Kavkaz]. 2012. V. 15. Release 1. P. 79–92. (rus)
3. Wallerstein I. *World-Systems Analysis and a situation in the modern world* [Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire] / Translation from English P.M. Kuduykin; under a general edition of B. Yu. Kagarlitsky. SPb. : University book [Universitetskaya kniga], 2001. 416 p. (rus)
4. Dibirov A.-N. Z. *Dagestan today: archaization, or prolonged crisis of traditional society* [Dagestan segodnya: arkhazatsiya, ili zatyanyuvshiiysya krizis traditsionnogo obshchestva] // Islamic studies [Islamovedenie]. 2014. № 1. P. 91–98. (rus)
5. Kinoyan O.V. *Politization of ethnic identity as a factor of mobilization of ethnic groups in the conditions of the conflict* [Politizatsiya etnicheskoi identichnosti kak faktor mobilizatsii etnicheskikh grupp v usloviyakh konflikta]. Dissertation abstract. Stavropol, 2009. 26 p. (rus)
6. Sadokhin A.P. *Ethnology* [Etnologiya]. M., 2006. 287 p. (rus)
7. Salgiriyeu A.R. *Structure of political elite in the polyethnic republics of the North Caucasus* [Struktura politicheskoi elity v polietnichnykh respublikakh Severnogo Kavkaza] // RUDN Bulletin, series: Political science [Vestnik RUDN, seriya Politologiya]. 2015. № 2. P. 83–89. (rus)

Взаимосвязь национальной безопасности и стратегии государственного развития России

Ковалев Андрей Андреевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры государственного и муниципального управления
Кандидат политических наук
senator23@yandex.ru

Кудайкин Евгений Игоревич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры государственного и муниципального управления
kudaikin_e_i@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье осуществлена попытка обозначить наиболее приоритетные направления, формирующие эффективную систему национальной безопасности государства. Рассмотрены и проанализированы геополитическая и экономическая составляющие системы национальной безопасности государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальная безопасность, международные отношения, государственное развитие, мировое сообщество

Kovalev A. A., Kudaikin E. I.

Interrelation of National Security and Strategy of the State Development of Russia

Kovalev Andrey Andreevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management
PhD in Political Sciences
senator23@yandex.ru

Kudaikin Evgeniy Igorevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of the State and Municipal Management
kudaikin_e_i@mail.ru

ABSTRACT

In the article, the attempt to designate the most priority directions forming effective system of national security of the state is made. The geopolitical and economic elements of the system of national security of the state are considered and analyzed.

KEYWORDS

national security, international relations, state development, world community

На сегодня сформировался ряд деструктивных факторов, создающих угрозу национальной безопасности РФ. Прежде всего, это внутригосударственная политическая обстановка и социально-экономическая ситуация, проблемность которой во многом вызвана действиями внешних геополитических оппонентов нашей страны [4]. Это и совместное финансово-экономическое бойкотирование и политическое противо-

стояние Евросоюза и США, основанное на субъективных обвинениях России в продвижении своих «авторитарных» интересов. Также это связано с геополитическими, государственными и военными угрозами, вызванными сворачиванием США программы «тотального геополитического контроля» и активизацией пришедшей на ее смену концепции «теории управляемого хаоса».

В результате такой недружественной политики, проводимой Западом, по периметру границ России и ее союзников был сформирован деструктивный и целенаправленно дестабилизированный «пояс хаоса», являющий собой одно из звеньев в цепи геополитической стратегии США и других западных стран, на пути целенаправленной подготовки плацдармов для прямого военного контроля Российской Федерации. В этой связи мы полностью согласны с А. А. Куковским [6] относительно того, что США в конце XX — начале XXI вв. в одностороннем порядке, в нарушение международных соглашений и договоров, фактически закрепили за собой право брать на себя функциональную роль агрессора по отношению к любому государству, которое находится в зоне их национальных интересов.

Из-за подобной своевольной интерпретации понятий «национальные интересы», «национальная безопасность» произошла деформация самой сущности подхода государства к деятельности по функциональному осуществлению национальной и международной безопасности, что стерло рамки и грани дозволенного и разумного при проведении своей внутренней и внешней политики, превращая государство в провокатора, который прагматично оправдывает свои действия через механизмы двойных правовых и политических стандартов. «Наличие двойных ценностных стандартов указывает, что за ширмой конъюнктурных оценок скрываются непубличные государственные стратегии» [1].

Следует учитывать и принимать во внимание то обстоятельство, что современные подходы в формировании и управлении государственным стратегическим планированием осуществляются в обстановке фактической неопределенности и бифуркационной нестабильности. Это формирует тот аспект, что многие действия, являющиеся конструктивными, могут проявляться как не в запланированной последовательности или объеме, так и не в запланированное для них время. Так, например, дипломатичная нейтральность России, направленная на выстраивание консенсусной мировой политики и проявленная во время применения агрессивных методов миротворческих акций западного блока в Сербии, Ираке, Ливии, или фактически санкционированном Западом государственным перевороте в Украине, позволили геополитическим оппонентам Российской Федерации тактически опередить ее в вопросе защиты своих национальных интересов и целей.

Таким образом, был обозначен вектор формирования системы международной безопасности, все так же направленной на поддержание концепции однополярного мира, контролируемого единственным субъективным геополитическим гегемоном. Вышеобозначенная деструктивная деятельность осуществляется планоно и методично, направляемая внешними оппонентами на формирование дополнительных точек бифуркации во всех сферах и плоскостях государственной и национальной безопасности как России в частности, так и международного сообщества в целом. Мы отмечаем плановую и синергетичную направленность и политики расширения блока НАТО, и скоординированную цепь «цветных революций», как спланированных и планоно запущенных политико-военных акций.

Таким образом, наступает диссонанс механизма принятия и практического воплощения стратегических решений, вызванный динамикой изменений внешней среды, преднамеренно формируемых извне. С целью конкретизации программной и функциональной деятельности субъектов государственного управления в условиях высокой турбулентности и низкой определенности, в Российской Федерации

был принят Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹.

Данный законодательный документ определяет участников стратегического планирования, а также им закрепляется правовая база по формированию и функционированию комплексной системы стратегического планирования социально-экономической деятельности и развития. Кроме того, прошел уже год со дня принятия в России Стратегии национальной безопасности². За это время сформировались определенные выводы и мнения относительно ее функциональности. Считаем, что данная Стратегия нуждается в существенной корректировке, так как разрабатывалась она в период введения финансовых и политических санкций. А поэтому многие моменты Стратегии не учитывают фактора дисбаланса поставленных в ней задач и ситуации социально-экономической турбулентности, в которую вошло наше государство.

Для выстраивания эффективного «щита» в форме стабильно функционирующей и развивающейся системы национальной безопасности необходима крепкая финансово-экономическая база. А в условиях общего геополитического и геэкономического противостояния этот фактор недостаточно доктринально и инструментально проработан. Кроме того, следует указать на то, что усиление мобилизационной готовности, о которой говорится в Стратегии, невозможно по той простой причине, что частный сектор экономики не готов, не способен участвовать в планомерном формировании обороноспособности страны, так как это априори относится к функциональным обязанностям государства. А, следовательно, с целью достижения эффективной обороноспособности и планомерного формирования и развития высокой и функциональной степени мобилизационной готовности, необходима государственная ресурсная база.

Таким образом, по мнению авторов, существует необходимость в запуске «параллельной» государственной модели экономики. Запуск подобной модели позволил бы решить не только вопрос наращивания оборонного потенциала государства, но дополнительно помог бы в преодолении проблем занятости, вызванных реализацией концепции рыночных конкурентных отношений. Это позволит снять внутригосударственную социально-гражданскую напряженность, вызванную экономической дестабилизацией из-за общепризнанного финансового кризиса и экономических санкционных действий западных оппонентов России.

В этом плане значительную помощь может оказать опыт госпланирования и госзаказов. Также необходимы значительные корректировки такого доктринального документа, как «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.»³, в которой первоначально была определена деятельность механизма поддержания геэкономического веса и престижа российской экономики, с учетом вопросов стратегической государственной и национальной безопасности. Концепция нуждается в объективном переформатировании, с учетом того, что и экономическая, и политическая международная ситуация претерпела значительные институциональные, структурные и идеологические изменения.

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 14.01.2017).

² Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/18iXkR8XLAteiiX7JK3XXy6Y0AsHD5v.pdf> (дата обращения: 14.01.2017).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/18iXkR8XLAteiiX7JK3XXy6Y0AsHD5v.pdf> (дата обращения: 14.01.2017).

Также следует учитывать важность такого фактора, как уровень развития и функционирования науки для обеспечения эффективности и потенциальных возможностей государства в формировании эффективной системы национальной безопасности [3]. Это было отражено и закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»¹. Президентом В. В. Путиным степень важности этой проблематики была выдвинута в один ряд со Стратегией национальной безопасности, так как «вопрос носит принципиальный характер. Наличие собственных передовых технологий — это ключевой фактор суверенитета и безопасности государства, конкурентоспособности отечественных компаний»². Таким образом, Стратегия научно-технического развития также была отнесена руководством страны к «документам стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания на федеральном уровне»³.

Если коснуться национальной и государственной безопасности России глубже, то интересным было бы сравнение Стратегий национальной безопасности РФ и США, как геополитических акторов, оказывающих значительное влияние на современную и формирующуюся систему международной безопасности. Так, в Стратегии от 2015 г.⁴ США были четко сформулированы главные взгляды на систему международных отношений, военную сферу и идеологическую составляющую современного общества. В Стратегии звучит нота превосходства американской нации над всеми остальными участниками международных отношений в любой из сфер жизнеобеспечения и жизнедеятельности современного мирового сообщества. Также открытым текстом заявлено, что США имеют концептуальное право в одностороннем порядке решать любые вопросы в геополитической, геоэкономической и военных сферах, учитывая только свои национальные интересы.

Сделано заявление и о формировании новой модели мирового порядка если не с ключевой, то во всяком случае доминирующей ролью в новой системе международных отношений США. При этом, как один из основных аргументов, приводится фактор военного могущества Соединенных Штатов и готовности задействовать этот ресурс в любом случае и по отношению к любому оппоненту, который будет угрожать (или даже препятствовать) воплощению и продвижению национальных интересов США. Фактически данный документ больше похож не на стратегию развития государства, а на некую форму ультиматума международному сообществу, где сила заявлена как основополагающий атрибут современного государства, имеющий приоритет над международным правом, договоренностями и обычаями. Гегемоном в очередной раз было заявлено о своих претензиях на монопольную функцию общемирового судьи и об исключительности своего геополитического и национального статуса.

С другой стороны, в последнем варианте Стратегии национальной безопасности РФ также были более четко сформулированы как векторы и приоритеты деятельности и действий государства, так и обозначены конкретные потенциальные угрозы в виде определения геополитических оппонентов, проводящих агрессивную наступательную политику в отношении России. Например, четко указано, что «проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней полити-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения: 14.01.2017).

² Стенограмма / Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51190> (дата обращения: 14.12.2016).

³ Перечень поручений Президента РФ от 11 февраля 2016 г. по итогам заседания Совета по науке и образованию (2016) / Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/51302> (дата обращения: 14.12.2016).

⁴ Электронный ресурс: Joint Chiefs of Staff. Режим доступа: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf (дата обращения: 13.01.2017).

ки вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах» (п. 12). Так же, как и в Стратегии США, определено, что существующее геополитическое противостояние осуществляется не только на военно-политическом или экономическом уровне, которые сейчас выступают скорее как инструменты борьбы на международной арене, а на уровне ценностей и систем общественного и духовного развития.

Кардинальные изменения абсолютно всех сфер современного сообщества обусловлены становлением постиндустриального информационного общества, что вызвало трансформацию политических технологий управления массами, превратив информацию в основной товар и ключевой признак власти [8]. Именно по этой причине в российском варианте Стратегии значительное внимание уделено информационно-психологической составляющей мировой борьбы, ее целям, механизмам и инструментам. В этом вопросе Стратегия перекликается с мнением многих современных ученых относительно того, что использование информационного пространства как одного из пространств геополитической борьбы на современном этапе поставило вопрос о необходимости возможного вмешательства в деятельность СМИ, в случаях, когда речь идет об обеспечении национальной безопасности, с целью выработки государством необходимых мер противодействия [2].

Значительное внимание при формировании стратегии государственного развития Российской Федерации направлено на финансово-экономическую сферу. Хотелось бы остановиться на таком важном аспекте экономической сферы, который оказывает значительное влияние на ослабление финансово-экономического сектора нашего государства, как вопрос эмиссии денег. Проблематика эмиссионного вопроса заключается, по мнению авторов, в том, что эмиссионный процесс в России находится в зависимости от объема долларовой массы, которая входит в страну в результате импортно-экспортных операций. Созданная система денежно-валютных отношений (как внутренних, так и внешних) до сих пор работает в режиме благоприятствования нашим оппонентам, нанося двойной урон непосредственно экономике самой России. Так, ослабляя экономическую и ресурсную базы РФ, рассматриваемая система одновременно усиливает экономическую силу тех акторов, которые испытывают и проявляют свои агрессивные настроения в отношении к России, в том числе и путем введенных в последние годы финансово-экономических и политических санкций, а по факту — экономической блокады нашего государства.

Вследствие вышеобозначенного можно охарактеризовать существующий механизм функционирования финансово-экономического сектора нашего государства как прямую и непосредственную угрозу национальной безопасности России. К тому же, последние действия политических оппонентов РФ на этом поприще носят четко обозначенный, целенаправленный, деструктивный характер и направлены на подрыв как экономической составляющей российской власти, так и государственности в целом. Поэтому, если говорить об экономической безопасности государства, как составляющем элементе национальной безопасности, то проблематика зависимости от внешнего финансово-экономического управления (в том числе и Центрального банка РФ) является ключевой не только для сферы экономики или финансов, но и для остальных сфер государства, участвующих в формировании системы национальной безопасности: от военно-оборонной и социальной, до ресурсной, экологической и даже демографической.

Не решив этой задачи, Россия будет постоянно находиться в состоянии острой нехватки средств, необходимых для собственного развития, при этом поддерживая и усиливая своих существующих и потенциальных оппонентов, нанося урон своим системам жизнеобеспечения и ресурсной базе. При этом необходимо четко осознавать тот факт, что данный механизм и инструментарий финансово-экономического функционирования нашего государства имеет не случайный характер, а был именно смоделирован под задачи разрушения государственного и национального потенци-

ала России. То есть была сконструирована архитектура государственности, направленная на системное государственное и национальное саморазрушение России. И этот факт уже настолько очевиден, что дальнейшее замедление с вопросом кардинального переустройства базовых государственных систем и национальных институтов авторы расценивают уже не как халатность или недальновидность, а как преступную деятельность, а скорее — бездействие, вызывающее прямые, четко обозначенные и видимые угрозы и опасности национальной безопасности России.

Еще одним современным вызовом национальной безопасности стала проблематика терроризма. Координирующим органом по противодействию террористическим угрозам в Российской Федерации является Национальный антитеррористический комитет, являющийся коллегиальным органом, в состав которого входят почти два десятка государственных структур, ведомств и министерств. Правовая основа функциональной деятельности комитета сформулирована в Указе Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму»¹ и Федеральном законе от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»².

Однако следует обратить внимание на тот аспект, что существует некоторая неопределенность в терминологических аспектах при исследовании проблематики терроризма. В первую очередь это связано с тем, что политические и правовые конструкции в конце XX — начале XXI вв. претерпели значительные институциональные изменения, что сказалось на несоответствии применения термина «террор», так как его использование имеет слишком широкую многозначность. Так, к примеру, государственным департаментом США применяется разработанное еще в начале 1980-х гг. ЦРУ определение терроризма. Это угроза применения или непосредственное применение насилия отдельными лицами или группой лиц с политической целью, действующими извне или внутри против существующего в данном государстве правительства, направляющие свои действия на нанесение удара или запугивание группы большей, чем непосредственная жертва, в отношении которой было применено насилие³.

Такая широкая формулировка трактует терроризм как форму политики. Но тогда, если за базу определения брать только политическую подоплеку, можно «и революцию именовать терроризмом, а революционную организацию — террористической» [7]. И в этом ключе хотелось бы высказать нашу позицию относительно того, что так называемые «цветные революции» мы считаем целесообразным отнести как раз к одной из форм проявления терроризма. Это именно так, если исходить из вышеприведенной формулировки определения терроризма ЦРУ США.

В исследовании вопросов национальной безопасности обращает внимание на себя то обстоятельство, что война является не только материальным явлением, но и духовным феноменом, отражением духовного состояния общества. За военными действиями всегда стоит определенная картина мира, определенное мировоззрение, определяющее и само участие в войне, и формы этого участия [9]. В этом плане нельзя не согласиться с мнением А. В. Коршунова относительно того, что эффективность политики национальной безопасности возможна только при ее ориентировании на ценностные предпочтения и приоритеты общества [5].

Касательно важности военной сферы в формировании и обеспечении эффективного функционирования национальной безопасности проведено много иссле-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму» Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/12145028/ixzz4UoZM5uYr> (дата обращения: 13.01.2017).

² Федеральный закон от 06.03.2006 «О противодействии терроризму» № 35-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 13.01.2017).

³ Trends in Terrorism: Perspectives of Canadian Security Intelligence Service: Report (2000–2001) [Электронный ресурс]. URL: <http://fas.org/irp/threat/200001e.htm> (дата обращения: 12.01.2017).

дований и высказано многое. Нам же, со своей стороны, хотелось бы взглянуть на этот вопрос немного под другим, не классическим и не стандартным углом. Основные этапы формирования военной политики любого государства проходят под влиянием внешнеполитических факторов. До сих пор существовала простая формула эффективного способа сохранения национальной и государственной безопасности — или быть самым сильным государством, или присоединиться к союзу сильных на паритетной основе.

У России, на современном этапе, формируется третий вариант развития этой стоявшей формулы. Учитывая сложную кризисную экономическую и геополитическую ситуацию в мире в целом, и в России в частности, Российская Федерация пока не может себе позволить выполнять функцию самого сильного актора на современном или формирующемся геополитическом пространстве. Но это даже не основная причина, хотя и важный фактор. Ввиду специфичности своего исторического развития, ментальности, социального и политического устройства и особенностей его формирования, Россия выступает формой государства-цивилизации, объединившей в себе многие народы и народности, притом не растворяя их и не растворяясь в них сама, а значит уже априори не может выполнять функцию всемирного диктатора, как это с успехом делают США, или вступать в более-менее долгосрочные союзы с чуждыми по менталитету державами, как это с успехом демонстрирует Великобритания или страны ЕС.

Как ни парадоксально, но исторически сложилось так, что все подобные союзы России заканчивались либо прямым предательством союзников, либо последовательным нивелированием заслуг России, дружбу с которой использовали только в особо кризисных геополитических ситуациях, или когда Россия самостоятельно решала возникающий геополитический конфликт. И во всем этом постоянно сквозила навязчивая идея недопущения России на общий Олимп мировых акторов. История продолжается, сценарий повторяется, но правила остаются прежними — любые попытки России доказать свое равенство и право на геополитический Олимп встречаются оппонентами «в штыки», при том как в переносном, так и в прямом смысле этого слова. Именно поэтому союз Запада и России никогда не был осуществлен, не существует и сейчас (с учетом фактически опять развязанной «холодной войны»), и вероятно, по вышеназванным причинам, не может существовать априори. Такова позиция авторов.

Таким образом, у России, как всегда, должны оставаться два ее самых верных союзника, не подводивших ее в любой исторический период времени — это ее армия и флот. К наполненным глубоким смыслом словам российского императора Александра III хотелось бы добавить только одно: еще одним самым главным союзником России является ее народ, нация, которые и являются самым главным достоянием и неисчерпаемым ресурсом и аргументом, способным противостоять как современным, так и будущим угрозам. Именно народ России выступает главной основой и фундаментом национальной безопасности нашего государства.

К сожалению, формат статьи не позволяет более глубоко и разноректорно осветить все вопросы, соприкасающиеся и влияющие или зависимые от проблематики вопросов сферы национальной безопасности. Это и вопросы продовольственной и экологической безопасности, образования, науки и культуры, и многие другие. Поэтому тема национальной, государственной и общественной безопасности будет продолжена в следующих наших исследованиях по данной проблематике.

Литература

1. Багдасарян В. Э. Идеология как инструмент внешней политики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2016. № 2 (46). С. 6–21.

2. *Воронцов С. А., Штейнбух А. Г.* О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 9 (64). С. 100–108.
3. *Дамаскин О. В.* Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности: монография. М. : Пограничная академия ФСБ России, 2016.
4. *Доманов В. Г., Артюхин О. А.* Политический неоампир: выбор России или геополитический сателлитизм. Ч. I // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 1. С. 105–111.
5. *Коршунов А. В.* Политика национальной безопасности как важнейший фактор обеспечения духовной безопасности России // Гуманитарий Юга России. 2012. № 2. С. 210–217.
6. *Куковский А. А., Петров А. В., Рослов П. Д.* Актуальные вопросы обеспечения безопасности в современном мире // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Право». 2016. № 2 С. 47–52.
7. *Ляхов Е.* Терроризм и межгосударственные отношения. М. : Международные отношения, 1991.
8. *Самыгин С. И., Верещагина А. В., Белов М. Т.* Угрозы национальной идентичности в информационном пространстве современного социума и риски информационной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 78–85.
9. *Старостин А. М., Самыгин С. И., Верещагина А. В.* Эволюция войны и многообразие ее форм в условиях кризиса национальной идентичности и динамики угроз информационной безопасности современного общества // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 49–54.

References

1. Bagdasaryan V.E. *Ideology as tool of foreign policy* [Ideologiya kak instrument vneshnei politiki] // Problem analysis and state and administrative design [Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie]. 2016. № 2 (46). P. 6–21. (rus)
2. Vorontsov S.A., Shteynbukh A.G. *About need of improvement of approaches to ensuring national security of Russia in the information sphere* [O neobkhodimosti sovershenstvovaniya podkhodov k obespecheniyu natsional'noi bezopasnosti Rossii v informatsionnoi sfere] // Science and education: economy; business; law and management [Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie]. 2015. № 9 (64). P. 100–108. (rus)
3. Damaskin O.V. *Russia in the modern world: problems of the international and national security* [Rossiya v sovremennom mire: problemy mezhdunarodnoi i natsional'noi bezopasnosti]: monograph. M. : Boundary academy of the Russian Federal Security Service of Russia [Pogranichnaya akademiya FSB Rossii], 2016. (rus)
4. Domanov V.G., Artyukhin O.A. *Political neoempire: choice of Russia or geopolitical satellitizm* [Politicheskii neoampir: vybor Rossii ili geopoliticheskii satellitizm]. P. I // Public and municipal administration. Scientific notes of SKAGS [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS]. 2015. № 1. P. 105–111. (rus)
5. Korshunov A.V. *Policy of national security as the most important factor of ensuring spiritual safety of Russia* [Politika natsional'noi bezopasnosti kak vazhneishii faktor obespecheniya dukhovnoi bezopasnosti Rossii] // Humanitarian of the South of Russia [Gumanitariy Yuga Rossii]. 2012. № 2. P. 210–217. (rus)
6. Kukovsky A.A., Petrov A.V., Roslov P.D. *Topical issues of safety in the modern world* [Aktual'nye voprosy obespecheniya bezopasnosti v sovremennom mire] // South Ural State University Bulletin. Series: Law [Vestnik YuUrGU. Ser. «Pravo»]. 2016. № 2. P. 47–52. (rus)
7. Lyakhov E. *Terrorism and interstate relations* [Terrorizm i mezhgosudarstvennye otnosheniya]. M. : International relations [Mezhdunarodnye otnosheniya], 1991. 21 p. (rus)
8. Samygin S.I., Vereshchagina A.V., Belov M.T. *Threats of national identity in information space of modern society and risks of information security* [Ugrozy natsional'noi identichnosti v informatsionnom prostranstve sovremennogo sotsiuma i riski informatsionnoi bezopasnosti] // Economic and humanitarian researches of regions [Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov]. 2015. № 4. P. 78–85. (rus)
9. Starostin A.M., Samygin S.I., Vereshchagina A.V. *Evolution of war and variety of its forms in the conditions of crisis of national identity and dynamics of threats of information security of modern society* [Evolyutsiya voyny i mnogoobrazie ee form v usloviyakh krizisa natsional'noi identichnosti i dinamiki ugroz informatsionnoi bezopasnosti sovremennogo obshchestva] // Society and the power [Sotsium i vlast']. 2016. № 5 (61). P. 49–54. (rus)

Сотрудничество ветвей власти Российской Федерации и Республики Армения как основа реализации внешнеполитических курсов по вопросам военной безопасности

Андреева Екатерина Сергеевна

Стажер Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва)
Научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ)
proforg816@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье проводится исследование взаимодействия различных органов власти Российской Федерации и Республики Армения в сфере военной безопасности. Обосновывается системность действий, предпринимаемых органами государственной власти, для обеспечения безопасности государств. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Республики Армения основано на комплексном многоуровневом взаимодействии компетентных государственных органов. Достижение стратегического сотрудничества зависит от согласованных и непротиворечивых действий всех ветвей власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

внешняя политика, военное сотрудничество, стратегическое партнерство, международные договоры, вооружения

Andreeva E. S.

Cooperation between Branches of Power of the Russian Federation and the Republic Of Armenia as the Basis of Implementation of Foreign Policy Courses on Military Security

Andreeva Ekaterina Sergeevna

Graduate student of Diplomatic Academy Ministry of foreign affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
Researcher of Russian Institute for Strategic Studies
proforg816@yandex.ru

ABSTRACT

The article investigates the interaction of various authorities of the Russian Federation and the Republic of Armenia in the sphere of military security. The systematic character of the actions taken by the state authorities to ensure the security of states is substantiated. The strategic partnership of the Russian Federation and the Republic of Armenia is based on a complex multilevel interaction of competent authorities. Achieving of strategic cooperation depends on coordinated and consistent actions of all branches of power.

KEYWORDS

foreign policy, military cooperation, strategic partnership, international treaties, arms

Военное сотрудничество является одним из важнейших направлений в обеспечении национальной, региональной и всеобъемлющей безопасности.

В правовой доктрине под международным военным сотрудничеством понимают совместную деятельность государств, направленную на укрепление их безопасности, предотвращение войны, разоружение, повышение боеготовности и усиление военно-технической оснащенности вооруженных сил [4, с. 150].

Иногда о нем говорят как о системе совместных действий государств в политической, экономической, военной и других сферах, направленных на защиту государственных интересов, обеспечение обороноспособности и безопасности государства или группы государств, включающую в себя многостороннюю, региональную и двустороннюю составляющие [1, с. 33].

Положения о международном сотрудничестве в целях коллективной безопасности и совместной обороны закреплены в Федеральном законе Российской Федерации № 61-ФЗ от 31 мая 1996 г. «Об обороне» и в Законе Республики Армения от 24 июня 1997 г. № ЗР-120 «Об обороне».

Военное сотрудничество — сложный системный комплекс действий, которые должны быть предприняты всеми ветвями власти взаимодействующих государств. В рамках своей компетенции каждая ветвь власти решает строго определенные задачи в сфере военного сотрудничества, и только в результате согласованных и непротиворечивых действий всех ветвей власти (президентов, органов законодательной власти, органов исполнительной власти, судебных органов, органов прокуратуры) возможно достижение целей стратегического сотрудничества в военной сфере.

Сотрудничество между главами государств. Стратегическое партнерство государств подразумевает непосредственное общение президентов. Во-первых, президент занимает особое положение в системе органов государственной власти и непосредственно принимает участие в различных формах сотрудничества по военным вопросам — законодательной, исполнительной. Не обладая напрямую судебными полномочиями, президент может осуществлять помилование, а также участвует в формировании судебных органов. Во-вторых, президент определяет основные направления внутренней и внешней политики (ч. 3 ст. 80 Конституции Российской Федерации) или осуществляет общее руководство внешней политикой (п. 7 ст. 55 Конституции Республики Армения). В-третьих, как правило (а в Российской Федерации и Республике Армения так и есть), президент государства является Верховным главнокомандующим и ему подчинены все Вооруженные силы.

Президенты РФ и РА от имени государства подписывают все основополагающие договоры в области военного сотрудничества (например, Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения от 16 марта 1995 г.; Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о развитии военно-технического сотрудничества от 25 июня 2013 г. и др.).

За время, прошедшее после образования независимых государств, президенты Российской Федерации и президенты Республики Армения не только регулярно встречались, но и эффективно сотрудничали по военным вопросам. Как отмечает Д. С. Дадаян, «механизм согласования и координации внешнеполитических действий двух стран, по крайней мере, на высшем уровне сформирован и функционирует достаточно эффективно». Так, например, с 2010 по 2012 гг. президенты России и Армении встречались более 20 раз [3, с. 39].

19–20 августа 2010 г. состоялся государственный визит президента Российской Федерации Д. А. Медведева в Республику Армения по приглашению президента Республики Армения С. А. Саргсяна.

В ходе этой встречи главы государств констатировали, что рассматривают военно-политическое и военно-техническое сотрудничество в качестве важных компонентов российско-армянских межгосударственных союзнических отношений, подтвердили готовность и далее уделять им первостепенное внимание.

2 декабря 2013 г. состоялась встреча президента РФ В. В. Путина и президента РА С. А. Саргсяна. По итогам переговоров было подписано 12 важнейших докумен-

тов по вопросам политического, экономического и военного сотрудничества, ядерной безопасности, энергетики, образования, туризма.

Итогом сотрудничества государств стал пока еще формально не образованный, но находящийся в стадии формирования Международный Президентский Совет между Республикой Армения и Российской Федерацией.

Даже если в ходе визита президента не планируется подписание международных договоров, они могут иметь большое политическое значение. Так, значительный резонанс вызвал визит В. В. Путина в Армению 24 апреля 2015 г. В Армении в этот день отмечали 100-летнюю годовщину геноцида армянского народа. И хотя в России считали, что данный визит не может трактоваться как наносящий чему-то вред, он был негативно воспринят Азербайджаном и Турцией.

С. Саргсян также регулярно бывает с визитами в России. 14–15 марта 2017 г. состоялась двухдневная поездка президента Армении в Москву. Вместе с С. Саргсяном столицу России посетили руководители военного и экономического блоков правительства Армении.

Кроме того, необходимо отметить, что базовые договоры в области военного сотрудничества не могут быть реализованы без принятия определенных внутригосударственных актов, которые будут лежать в основе деятельности государственных органов и всех физических и юридических лиц по вопросам, которые затрагивают международные соглашения.

Так, в качестве примера можно привести Указ президента Российской Федерации «О некоторых вопросах военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами и об изменении и признании утратившими силу отдельных актов президента Российской Федерации» от 17 декабря 2007 г. № 1702 (в данном Указе определяются полномочия Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству, закрепляется ряд прав и обязанностей организаций-разработчиков и производителей продукции военного назначения).

Сотрудничество в рамках законодательных органов (парламентское сотрудничество). Законодательные органы выполняют особые функции в обеспечении безопасности государств посредством принятия необходимых правовых актов. «Парламентская форма демократического правления, — как отмечает В.Ю. Песков, — более оптимальна для реализации задач, являющихся основой для обеспечения и поддержания социальной и национальной безопасности» [6, с. 7].

Договоры в сфере военного сотрудничества (по вопросам, затрагивающим обороноспособность Российской Федерации, по вопросам разоружения или международного контроля над вооружениями, по вопросам обеспечения международного мира и безопасности, договоры о коллективной безопасности) подлежат ратификации. Федеральное Собрание РФ принимает в соответствии с процедурой Федеральный закон о ратификации международного договора.

Обе палаты Федерального Собрания Российской Федерации в своем составе имеют комитеты, занимающиеся военными вопросами. В Государственной Думе Федерального Собрания РФ действует Комитет Государственной Думы по обороне, работой которого руководит Владимир Петрович Комоедов.

В Республике Армения договоры, которые носят политический или военный характер (ст. 116 Конституции РА), подлежат ратификации Национальным собранием по предложению президента.

В Республике Армения действует Постоянная Комиссия по обороне, национальной безопасности и внутренним делам Национального Собрания Республики Армения, к ведению которой относятся вопросы обороны, безопасности, чрезвычайных ситуаций, полиции, военно-промышленного комплекса и пр. Председателем Комиссии в настоящее время является Корюн Гарникович Нагапетян.

Можно выделить несколько форм сотрудничества парламентов по военно-политическим вопросам:

1. Двустороннее сотрудничество. 11 июля 2012 г. был нанесен визит делегации Совета Федерации во главе с Председателем Совета Федерации в Армению. В рамках двусторонних отношений парламентские комитеты и комиссии выясняют основные концептуальные вопросы в сфере военного сотрудничества, по которым необходимо достичь согласия в ходе последующих многосторонних встреч, осуществляют поиск союзников и стратегических партнеров для решения задач обеспечения безопасности. Однако нужно отметить, что двустороннее сотрудничество законодательных органов хоть и является весьма важным, но не всегда эффективно в достижении безопасности в регионе и в мире.
2. Сотрудничество в рамках парламентских органов международных организаций. Парламентские органы созданы в ведущих международных межправительственных организациях — СНГ (Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств), НАТО (Парламентская ассамблея НАТО) и др. В рамках международных организаций по безопасности (ОДКБ) создана особая структура — Парламентская Ассамблея ОДКБ (ПА ОДКБ), в компетенцию которой входит выработка общей правовой базы по вопросам военно-политического сотрудничества и предоставление рекомендаций Совету коллективной безопасности, другим органам ОДКБ и национальным парламентам в соответствии с международными обязательствами государств-участников. Кроме того, одной из функций ПА ОДКБ является гармонизация законодательств государств-членов по различным вопросам, в том числе и по вопросам обеспечения военно-политической безопасности, для чего она принимает типовые (модельные) законодательные акты.

Так, в 2010 г. были приняты «Рекомендации по гармонизации национального законодательства в сфере военно-технического сотрудничества государств-членов ОДКБ».

В мае 2012 г. ПА ОДКБ приняла «Рекомендации по законодательному обеспечению статуса личного состава Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности» (Приложение к постановлению ПА ОДКБ от 17.05.2012 № 5-9).

В Программе деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств-членов ОДКБ на 2016–2020 гг. (Принята на восьмом пленарном заседании Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности 26 ноября 2015 г. постановление № 8–16) среди прочих значатся:

- Рекомендации по гармонизации законодательства государств-членов ОДКБ по вопросам подготовки военных кадров.
- Рекомендации по совершенствованию и гармонизации национальных правовых актов государств-членов ОДКБ в сфере военной безопасности.
- Справочник военных и военно-технических терминов ОДКБ для целей государственного правового регулирования.
- Рекомендации по совершенствованию национального законодательства государств-членов ОДКБ в области функционирования коллективных миротворческих сил.
- Рекомендации по правовому регулированию ограничения и использования деятельности частных военных компаний в обеспечении безопасности государств-членов ОДКБ.
- Разработка направлений по уточнению нормативной правовой базы государств-членов ОДКБ в части военно-технической политики для обеспечения технической и информационной совместимости образцов ВВТ при задании ОКР на разработ-

ку новых образцов ВВТ, принятии образцов ВВТ на вооружение, а также формировании тактико-технических требований к разрабатываемым образцам ВВТ (ОТТ, ГОСТ, указы президентов, постановления правительств, приказы министерств).

В структуре ОДКБ в 2009 г. был создан Институт Организации Договора о коллективной безопасности (Институт ОДКБ). Его учредили Секретариат ОДКБ вместе с Институтом исследования вопросов международной интеграции. Институт ОДКБ занимается изучением военно-политических и геополитических аспектов проблем безопасности [5, с. 22]¹. Одним из подразделений Института ОДКБ является Армянское национальное представительство, директором которого является Нвер Суменович Торосян.

Представляется весьма важной инициатива Парламентской Ассамблеи ОДКБ о подготовке Соглашения о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, сотрудников компетентных органов из состава КСОР. Кроме того, ОДКБ поставила вопрос о необходимости разработки ряда новых международных договоров, в числе которых соглашение о юрисдикции по делам, связанным с временным пребыванием формирований сил и средств системы коллективной безопасности [2, с. 103].

3. Сотрудничество между парламентом государства и органом международной организации.
4. Сотрудничество между органами международных организаций.

Сотрудничество в рамках исполнительных органов. Правительство РФ в рамках своей компетенции заключает международные договоры с Правительством РА по вопросам военного сотрудничества. Это могут быть как договоры, касающиеся общих вопросов — Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о военно-техническом сотрудничестве от 17 января 2003 г.², так и договоры в специальной сфере (военно-социальной, военно-гуманитарной, информационной, военно-почтовой и т. д.) — Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о создании детских дошкольных учреждений Министерства обороны Российской Федерации на территории Республики Армения от 26 января 1996 г.³, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения об информационном обмене в военной области от 1 октября 2002 г.⁴, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области военно-фельдъегерской почтовой связи от 2 декабря 2013 г.⁵

Межправительственные комиссии. Межправительственная российско-армянская комиссия по военно-техническому сотрудничеству (далее — Межправитель-

¹ Организация договора о коллективной безопасности. Институт ОДКБ. Армянское национальное представительство. ОДКБ. Выпуск 2011. С. 22.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о военно-техническом сотрудничестве от 17 января 2003 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. № 9. С. 46.

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о создании детских дошкольных учреждений Министерства обороны Российской Федерации на территории Республики Армения от 26 января 1996 г. // Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования. М., 2009. С. 114–115.

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения об информационном обмене в военной области от 1 октября 2002 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7.

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области военно-фельдъегерской почтовой связи от 2 декабря 2013 г. // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 20.03.2015, № 0001201503200010.

ственная комиссия по ВТС) была учреждена в 2003 г. в соответствии с заключенным Соглашением о военно-техническом сотрудничестве. Полномочия российских частей в данной комиссии определяются общим Положением о российских частях межправительственных комиссий по военно-техническому сотрудничеству между Российской Федерацией и иностранными государствами (утв. постановлением Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 369).

19–22 января 2016 г. в г. Ереван состоялось очередное заседание Межправительственной комиссии по ВТС. В ходе заседания обсуждался вопрос технического обслуживания вооружения, находящегося в Армении. Было принято решение об открытии в Армении многофункционального сертифицированного центра обслуживания и ремонта военной техники, в том числе средств противовоздушной обороны и военных летательных аппаратов (вертолетов).

Министерства обороны. В рамках двустороннего российско-армянского военного сотрудничества на Министерства обороны ложится задача урегулирования текущих оперативных вопросов по совместному обеспечению боеготовности вооруженных сил для обеспечения безопасности государств. Министерства обороны заключают межведомственные соглашения, которые также являются международными договорами, ответственность за исполнение (неисполнение) которых лежит непосредственно на государствах. Межведомственные договоры могут быть заключены Министерствами только в пределах предоставленной им компетенции. Среди таких договоров в сфере военного сотрудничества можно назвать следующие:

- Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Республики Армения о сотрудничестве в области противовоздушной обороны от 3 ноября 1994 г.
- Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Республики Армения об организации приема, аэродромно-технического обеспечения и охраны на военных аэродромах воздушных судов авиации Вооруженных сил Российской Федерации и Вооруженных сил Республики Армения, заключенное на основе Постановления Правительства Российской Федерации от 24 января 1994 г. № 37 «О типовом соглашении между Министерством обороны Российской Федерации и министерствами обороны государств — бывших республик Союза ССР об организации приема, аэродромно-технического обеспечения и охраны военных воздушных судов».
- Протокол между Министерством обороны Республики Армения и Министерством обороны Российской Федерации о порядке организации связи и обмене радиолокационной и планово-диспетчерской информацией о воздушной обстановке 26 января 1996 г., Москва.
- Соглашение между Министерством обороны Республики Армения и Министерством обороны Российской Федерации о порядке взаимодействия военных органов по использованию воздушного пространства и управлению воздушным движением при обеспечении полетов военных воздушных судов Республики Армения в воздушном пространстве Российской Федерации и военных воздушных судов Российской Федерации в воздушном пространстве Республики Армения 27 сентября 2000 г., г. Сочи.

30 ноября 2016 г. состоялся официальный визит Министра обороны Армении в Москву. В ходе визита Министром обороны Российской Федерации С.Шойгу и Министром обороны Республики Армения В. Саргсяном было подписано Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения об Объединенной группировке войск (сил) Вооруженных Сил Республики Армения и Вооруженных Сил Российской Федерации. Данное соглашение направлено на дальнейшую военную интеграцию двух дружественных государств.

3 ноября 2016 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации № 1126 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Армения об Объединенной группировке войск (сил) Вооруженных Сил Республики Армения и Вооруженных Сил Российской Федерации»¹.

Высшие должностные лица Министерства обороны РФ и Министерства обороны РА периодически проводят встречи для оперативного решения вопросов военного сотрудничества в рамках их компетенции.

24–27 апреля 2013 г. в Армении находилась делегация во главе с помощником Министра обороны Российской Федерации В. Г. Евневичем для участия в заседании Российско-Армянской межгосударственной комиссии по передаче земельных участков и недвижимости для размещения и функционирования российской военной базы на территории Республики Армения. В ходе поездки В. Г. Евневич встретился с первым заместителем Министра обороны Республики Армения Д. Э. Тонояном, стороны обсудили вопросы двустороннего военного сотрудничества.

Судебные органы. 29 августа 1997 г. между Российской Федерацией и Республикой Армения было заключено Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республики Армения. По делам о преступлениях и иных правонарушениях, совершенных на территории Республики Армения лицами, входящими в состав российской военной базы, и членами семей этих лиц, применяется законодательство Республики Армения, действуют ее компетентные органы. По делам о преступлениях на территории пунктов размещения российской военной базы; совершенных против Российской Федерации или лиц, входящих в состав российской военной базы, и членов семей этих лиц; по делам о воинских преступлениях применяется законодательство Российской Федерации, действуют ее компетентные органы.

Органы прокуратуры. Сотрудничество органов прокуратуры на сегодняшний день регламентировано общей Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., г. Минск. Однако в правовой доктрине справедливо указывается, что необходимо принятие специальных правовых актов для возможности непосредственного взаимодействия военных прокуроров. Отмечается, что взаимодействие следователей военной прокуратуры Российской Федерации, находящейся на российской военной базе, дислоцирующейся на территории РА с полицией Республики Армения имеет ряд особенностей: «в большинстве случаев совместно с органами расследования РФ и РА осуществляется розыск лица, совершившего преступление по «горячим следам»; полиция РА оказывает помощь в розыске лиц, совершивших преступление, подпадающее под юрисдикцию РФ; совместная деятельность подчиняется принципу двойной криминальности; национальный надзор и процессуальный контроль государства, на территории которого производится действия; при производстве полицией РА по запросу Российской стороны процессуальных, оперативно-розыскных, следственных и иных действий, следователь РФ лишь принимает участие в их производстве» [7].

Итак, стратегическое партнерство Российской Федерации и Республики Армения основано на комплексном многоуровневом взаимодействии компетентных государ-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации № 1126 «О представлении президенту Российской Федерации предложения о подписании Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Армения об Объединенной группировке войск (сил) Вооруженных Сил Республики Армения и Вооруженных Сил Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 08.11.2016, № 0001201611080006.

ственных органов, и достижение стратегического сотрудничества зависит от согласованных и непротиворечивых действий всех ветвей власти.

В заключение стоит отметить, что Республика Армения ратифицировала практически все международные соглашения (как многосторонние, так и двусторонние) с участием Российской Федерации по вопросам военного сотрудничества.

Литература

1. Арутюнян А. А. Международно-правовые основы военного сотрудничества Республики Армения и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
2. Бордюжа Н. Н. Проблемы создания нормативной правовой базы по обеспечению деятельности коллективных сил оперативного реагирования Организации договора о коллективной безопасности и вопросы гармонизации национального законодательства // Вестник Межпарламентской ассамблеи. 2010. № 1 (54). С. 12–18.
3. Дадаян Д. С. Принципы российско-армянского стратегического партнерства // Армения и мир: сб. статей / под ред. Э. Р. Григорьева. М. : Институт социальных наук, 2013. С. 37–46.
4. Котляров И. И. Военное право: учебник для воен.-учеб. заведений ВС РФ. М., 1997.
5. Организация договора о коллективной безопасности. Институт ОДКБ. Армянское национальное представительство. ОДКБ. Выпуск 2011.
6. Песков В. Ю. Межпарламентское сотрудничество как форма представления национальных интересов: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2013.
7. Хорхорунни А. Х. Взаимодействие органов дознания и предварительного следствия при расследовании преступлений в Вооруженных Силах Республики Армения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

References

1. Arutyunyan A. A. *International legal bases of military cooperation of the Republic of Armenia and the Russian Federation* [Mezhdunarodno-pravovye osnovy voennogo sotrudnichestva Respubliki Armeniya i Rossiiskoi Federatsii]. Dissertation. M., 2004. 202 p. (rus)
2. Bordyuzha N. N. *Problems of creation of the regulatory legal base on ensuring activity of collective rapid reaction forces of the Collective Security Treaty Organization and questions of harmonization of the national legislation* [Problemy sozdaniya normativnoi pravovoi bazy po obespecheniyu deyatel'nosti kollektivnykh sil operativnogo reagirovaniya Organizatsii dogovora o kollektivnoi bezopasnosti i voprosy garmonizatsii natsional'nogo zakonodatel'stva] // Messenger of Inter-parliamentary assembly [Vestnik Mezhpardamentskoi assamblei]. 2010. № 1 (54). P. 12–18. (rus)
3. Dadayan D. S. *Principles of the Russian-Armenian strategic partnership* [Printsipy rossiisko-armyanskogo strategicheskogo partnerstva] // Armenia and World. The collection of articles [Armeniya i mir. Sbornik statei] / Under the editorship of E. R. Grigoriev. M. : Institute of social sciences [Institut sotsial'nykh nauk], 2013. P. 37–46. (rus)
4. Kotlyarov I. I. *Military law* [Voennoe pravo]: The textbook for the military education Institutions of Russian Armed Forces. M., 1997. 243 p. (rus)
5. Collective Security Treaty Organization. Institute of the CSTO. Armenian national representation [Organizatsiya dogovora o kollektivnoi bezopasnosti. Institut ODKB. Armyanskoe natsional'noe predstavitel'stvo]. CSTO. Release 2011. (rus)
6. Peskov V. Yu. *Inter-parliamentary cooperation as form of representation of national interests* [Mezhpardamentskoe sotrudnichestvo kak forma predstavleniya natsional'nykh interesov]. Dissertation abstract. Pyatigorsk, 2013. 21 p. (rus)
7. Khorkhoruni A. H. *Interaction of bodies of inquiry and preliminary investigation at investigation of crimes in Armed Forces of the Republic of Armenia* [Vzaimodeistvie organov doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya pri rassledovanii prestuplenii v Vooruzhennykh Silakh Respubliki Armeniya]. Dissertation. M., 2004. 198 p. (rus)

Реализация государственной кадровой политики и профессиональное самочувствие гражданских служащих Сибирского региона: инструментальные возможности и первые результаты

Бойко Евгений Александрович

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС (г. Новосибирск)
Советник директора
Кандидат политических наук, доцент
boyko.sapa@gmail.com

Меньшова Вера Николаевна

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС (г. Новосибирск)
Доцент кафедры управления персоналом
Кандидат социологических наук, доцент
menshovavera@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению государственной кадровой политики как ключевого инструмента реформирования и развития государственной гражданской службы как института общественного служения. Показывается, что причинами разрыва между провозглашенными намерениями и реальной практикой реализации кадровой политики зачастую являются внутренние причины, обусловленные влиянием человеческого фактора и связанного с пониманием смысла и содержания необходимых трансформаций и кадровых процессов на государственной службе. Особое внимание уделяется вопросу встраивания в систему управления государственной службой России мониторинга профессионального самочувствия гражданских служащих. На примере анализа результатов on-line опроса более 9 тысяч гражданских служащих субъектов РФ Сибирского федерального округа рассматриваются его потенциальные возможности как инструмента, позволяющего своевременно выявлять системные проблемы, риск-факторы и нацеливать на поиск более глубоких объективных причин и зон развития государственной службы и кадровой политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная гражданская служба, государственная кадровая политика, профессиональное самочувствие гражданских служащих

Boiko E. A., Menshova V. N.

The State Personnel Policy Implementation and Professional Well-Being of Civil Servants in Siberia: Capabilities and First Results

Boiko Evgeny Aleksandrovich

Siberian Institute of Management — branch of RANEP (Novosibirsk)
Adviser of the director
PhD in Political sciences, Associate Professor
boyko.sapa@gmail.com

Menshova Vera Nikolaevna

Siberian Institute of Management — branch of RANEP (Novosibirsk)
Associate Professor of the Chair of Human Resource Management
PhD in Sociology, Associate Professor
menshovavera@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to consideration of the state personnel policy as a key tool for the public service reforming and developing. It is shown that the reasons for the gap between intentions and real practice of the personnel policy implementation is internal caused by the influence of the human factor and connected with the meaning of the necessary transformations and personnel processes in the civil service area. Particular attention is paid to the issue of the integration the monitoring of professional civil servants well-being in the public administration in Russia. Based on the on-line survey results more than 9,000 civil servants of the RF subjects in Siberia the article treats this monitoring as a potential tool for identification of challenges, of risk factors and for seeking deeper objective reasons and improving areas.

KEYWORDS

public administration, state personnel policy, professional well-being of civil servants

Альфой и омегой реформы государственной службы России является кадровая политика, посредством которой проводятся в жизнь заложенные в Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации¹ и последующих законодательных документах модельные представления о государственной службе как институте общественного служения. Несмотря на ужесточение требований, развитие правового поля и административные меры, предпринимаемые к кадровому составу и кадровым процессам в государственных органах, противоречие между декларируемыми намерениями и реальной практикой реализации кадровой политики в сфере государственной службы усиливается, эффективность реформ — падает, доверие граждан — ослабевает².

Представляется, что сложность и неоднозначность протекания реформы во многом есть следствие внутренних причин государственной службы как социального института, ярким примером одной из них может быть незаметная на первый взгляд подмена концептуальной рамки, нацеливающей гражданского служащего при исполнении должностных обязанностей «исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют смысл и содержание его профессиональной служебной деятельности»³, на ее сугубо прагматичное толкование — обеспечение исполнения полномочий государственных органов и лиц, замещающих государственные должности РФ и субъектов РФ⁴.

С момента замещения должности государственной службы гражданин приобретает особый правовой статус, компоненты которого оцениваются гражданскими служащими как внешние требования и смысловые ориентиры, подмена или игнорирование которых ведет к неприятию ценностной оценки профессиональной деятельности, возникновению личностных конфликтов, снижению мотивации [1; 5; 7–9; 12].

Привлекая людей на государственную службу, государство берет на себя определенные обязательства и ответственность, не только создавая необходимые для их деятельности условия, но и способствуя развитию их внутренней мотивации и профессионального самосознания. Организация регулярной обратной связи с ними, выявление их обобщенного мнения о разных аспектах деятельности, об условиях жизни, желаниях и чаяниях, их понимания необходимости и путей реформирова-

¹ Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 15 августа 2001 г. № Пр-1496) .

² См. Граждане наслышаны о громких делах (Публикация «Левада-Центра»). 16.08.2016 [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/2016/08/16/grazhdane-naslyshany--gromkikh-delah/> (дата обращения: 13.11.2016).

³ Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) // СЗ РФ Ст. 18 п. 2.

⁴ Там же. Ст. 3.

ния административного дела позволит использовать и своевременно выявлять проблемные места и области совершенствования.

Блестящей иллюстрацией этого подхода может служить массовый опрос чиновников, проведенный журналом «Спутник Чиновника» в 1912–1913 гг. Примечательно, что результаты опроса «не остались анкетной ненужностью», они обобщались в серии публикаций, широко обсуждались в канцеляриях и по запросу четвертой Государственной думы были переданы для принятия соответствующих законов о необходимости коренных реформ, улучшения условий труда, правового и денежного обеспечения российского чиновничества, особенно его низового состава [6].

Еще успешным примером может быть требование Конгресса США (2004), обязавшее Службу Управления Персоналом (Office of Personal Management) проводить ежегодный опрос федеральных служащих (the Federal Employee Viewpoint Survey — FEVS), а федеральное правительство — использовать обзоры результатов для оценки степени их удовлетворенности и выявления практик, способствующих повышению эффективности государственного управления и привлечения новых сотрудников на федеральную государственную службу¹.

Для апробации инструментальной возможности и оценки успешности реализации кадровой политики в сфере государственной службы в 2015 г. Сибирским институтом управления — филиалом РАНХиГС был проведен пилотный on-line опрос, направленный на исследование профессионального самочувствия гражданских служащих субъектов РФ Сибирского федерального округа [2–4]. Профессиональное самочувствие при этом рассматривалось как индикатор социальной ситуации в государственных органах, как некий гипотетический конструкт, который отражает в интегральном виде социальную позицию специалиста, оценку себя как социального субъекта [11], индивидуальную значимость для человека степени вовлеченности его в профессию и выявляет механизмы, «которые позволяют сохранять комфортное существование в социальном окружении» [10].

Анкета носила комплексный характер, охватывала ключевые, установленные нормами права аспекты деятельности гражданских служащих, связанные с реализацией кадровой политики, к разработке и обсуждению анкеты были привлечены федеральные гражданские служащие и гражданские служащие субъектов РФ Сибирского федерального округа. Общее количество опрошенных, после исключения анкет с незаполненными социально-демографическими характеристиками, составило 9063 человека или 41% от численности государственных служащих 12 субъектов РФ Сибирского федерального округа.

Результаты опроса имели колоссальный исследовательский потенциал не только из-за наличия обширного контента и эмпирической базы исследования. К несомненным достоинствам относится простота сбора on-line информации и возможность обработки данных с помощью встроенного математического инструментария в разрезе поколенческих, гендерных и должностных и иным социально-демографическим характеристикам. Низкая оценка гражданскими служащими тех или иных аспектов деятельности рассматривалась как индикатор типичных внутренних проблем реализации кадровой политики на государственной гражданской службе и риск-факторов, обусловленных объективными причинами.

Проиллюстрируем это примером, характеризующим отношение гражданских служащих и их удовлетворенность работой. Показательно, что уровень удовлетворенности в целом достаточно высокий, и доля тех, кто не удовлетворен, составляет немногим более 1% (табл. 1).

¹Government wide Management Report. Federal Employee Viewpoint Survey. Empowering Employees. Inspiring Change. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedview.opm.gov/> (дата обращения: 24.10.2016).

**Результаты ответов на вопросы «Работа нравится»,
«Работа дает чувство личного удовлетворения», «Удовлетворен работой в целом»
в разрезе категорий и групп должностей, %**

Категории и группы должностей	Работа нравится		Работа дает чувство личного удовлетворения		Удовлетворен работой в целом	
	полностью согласен	не согласен	полностью согласен	не согласен	полностью удовлетв.	совсем неудовлетв.
1	2	3	4	5	6	7
Руководители высшей группы	60,3	0,8	50,2	1,7	45,9	0,8
Руководители главной группы	55,3	1,3	41,7	2,3	39,1	1,7
Руководители ведущие группы	58,9	0,7	41,1	2,1	39,2	0,4
Специалисты главной группы	46,0	1,9	33,2	5,6	32,0	1,0
Специалисты ведущей группы	47,6	2,1	34,5	5,5	34,8	1,0
Специалисты старшей группы	47,9	2,3	33,1	7,3	31,4	1,7
Остальные категории и группы	51,0	2,6	37,0	5,3	37,5	1,3

Понимая ответственность и важность своей работы, примерно половине опрошенных (56,6% руководителей и 47,1% специалистов) выполняемая работа нравится. При этом личное удовлетворение получают 42,4% руководителей и 33,6% специалистов. При этом полностью удовлетворены только 35,4% гражданских служащих, из них 41,2% — женщины-руководители, 40,9% — мужчины категории «обеспечивающие специалисты». Наименее удовлетворены работой молодые гражданские служащие: их доля составляет 28,9%. По мере «взросления» уровень удовлетворенности повышается и в возрасте 51–55 лет этот показатель равен 39,8%, 56–60 лет — 46,6%.

Результаты опроса показали, что хотя характер работы гражданских служащих весьма разнообразен, 32% опрошенных работают только с документами, 29% — с документами и с другими государственными служащими, каждый пятый (22%) — с гражданами и документами, только с гражданами работают 5% гражданских служащих. Следует признать, что уровень осведомленности гражданских служащих о целях и приоритетах государственного органа можно характеризовать как высокий — доля тех, кто не знаком с целями и приоритетами, составляет менее 1% (табл. 2).

Вместе с тем наблюдается определенная дифференциация в ответах в зависимости от должности и возраста. Так, если хорошо знают цели государственного органа 94% руководителей, то среди специалистов эта доля уменьшается до 83,6%, среди обеспечивающих специалистов до 81,4%. Примерно такая же картина в ответах о знании целей (приоритетов) структурного подразделения — 97,3%, 92%

Распределение гражданских служащих, которым хорошо известны цели и приоритеты государственного органа и их связь с работой, в зависимости от должностной и возрастной структуры, %

	Достаточно хорошо известны цели и приоритеты государственного органа	Знают, как их работа связана с целями и приоритетами государственного органа (полностью согласны)
Все опрошенные, в том числе:	85,3	69,0
все руководители	94,0	78,2
все помощники	88,8	72,7
специалисты до 25 лет	72,0	60,0
специалисты 26–30 лет	79,6	64,0
специалисты 31–35 лет	83,4	64,8
специалисты 36–40 лет	82,9	65,4
специалисты 41–45 лет	86,2	66,0
специалисты старше 46 лет	87,8	71,7
обеспечивающие специалисты	81,4	67,3

и 60% соответственно. Поразительно, что 22% руководителей не знают, как выполняемая ими работа связана с целями и приоритетами деятельности государственного органа, преимущественно это государственные служащие в возрасте до 25 лет.

Анализ результатов опроса выявил зависимость между удовлетворенностью работой и пониманием связи работы с целями и приоритетами деятельности государственного органа и структурного подразделения (табл. 3).

Так, 94,7% государственных служащих, которые удовлетворены своей работой, отчетливо понимают связь своей работы с целями государственного органа. Именно они высоко оценивают то, как руководители доводят цели и приоритеты государственного органа до сотрудников (52,7%), анализируют и оценивают прогресс в их достижении (56,5%), четко ставят цели и задачи работы (51,1%). Все, кто работой удовлетворен недостаточно, дали низкую оценку этим аспектам работы руководителей.

Для того чтобы государственные служащие могли отчетливо видеть связь между своей работой и работой госоргана в целом, руководителям необходимо искать способы разъяснять и доводить это до всех государственных служащих. В противном случае происходит выхолащивание смысла деятельности и усиливается формальный подход к исполнению обязанностей.

Невольно напрашивается вывод, что далеко не все руководители разъясняют гражданским служащим цели и приоритеты их деятельности, связывают содержание их работы с предназначением государственного органа.

Для подтверждения или опровержения этого вывода был проведен экспресс-анализ должностных регламентов руководителей структурных подразделений государственных органов субъектов РФ, который выявил, что во многих из них отсутствуют функции и обязанности по осуществлению информационно-разъяснительной и воспитательной работы со своими подчиненными. Представляется крайне важным закрепить эту функцию в должностных регламентах гражданских служащих категории «руководитель» как обязательный компонент и как критерий оценки при аттестации.

**Результаты ответов на вопросы анкеты
«Насколько вы удовлетворены своей работой в целом?»
и «Я знаю, как моя работа связана с целями
и приоритетами государственного органа»**

12. Я знаю, как моя работа связана с целями и приоритетами государственного органа	88. Насколько вы удовлетворены своей работой в целом?			
	полностью удовлетворен	скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	совсем не удовлетворен
полностью согласен	44,2	50,5	4,6	0,7
скорее согласен, чем не согласен	15,6	68,4	14,2	1,9
скорее не согласен, чем согласен	7,5	48,7	38,7	5,0
не согласен	10,9	25,0	43,8	20,3
ИТОГО:	35,1	55,3	8,4	1,2
Среднее	1,14	1,40	1,80	1,96
Стандартное отклонение	0,38	0,55	0,77	0,97

Еще одним заслуживающим внимания примером использования результатов on-line опроса как основания для поиска более глубоких причин может являться показатель удовлетворенности гражданских служащих оплатой труда (табл. 4).

Из таблицы видно, что 51,4% гражданских служащих «полностью или скорее не удовлетворены оплатой труда» в сравнении с 48,6% теми, кто «полностью или скорее удовлетворены», то есть наблюдается хоть и незначительное смещение в сторону неудовлетворенности. Разница в оценках руководителей и специалистов значительна: среди специалистов полностью удовлетворен оплатой труда примерно один из 12–13 государственных служащих, среди руководителей — один из 5–6. При этом многие государственные служащие отмечают отсутствие зависимости вознаграждения от качества работы. Среди специалистов эта доля составляет от 32,8% до 38,9% в зависимости от группы должностей.

Цифры весьма тревожные и позволяют не только зафиксировать ощущение несправедливости в оплате труда гражданских служащих, но и, обратившись к данным федеральной службы государственной статистики, убедиться в ее высокой дифференциации. Разница в среднемесечной оплате труда гражданских служащих органов исполнительной власти субъектов РФ и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти составляет 100% и более. Выявленные диспропорции сложно объяснить разницей в полномочиях, содержании, сложности, масштабах труда федеральных гражданских служащих и гражданских служащих субъектов РФ.

И это при том, что структура и порядок оплаты труда гражданских служащих унифицированы Федеральным законом № 79-ФЗ (ст. 50, 51 гл. 10) и Указом Президента РФ¹ и основаны на прогрессивных принципах².

¹ Указ Президента РФ от 25 июля 2006 г. № 763 «О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих Российской Федерации».

² Согласно ст. X Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации (утверждена Президентом РФ от 15 августа 2001 г. Пр-1496) оплата труда явля-

**Соотношение ответов на вопрос «89. Насколько Вы удовлетворены оплатой
Вашего труда?» и среднемесячной оплатой труда по категориям
и группам должностей**

Категории и группы должностей	Количество ответивших, %		Среднемесячное ден. содержание (руб./мес.)
	Полностью/ скорее удовлет- ворен	Полностью или скорее неудовлет- ворен	
Все ответившие, том числе	48,6	51,4	28 590
все руководители	68,2	31,9	40 488
все помощники	48,6	51,4	28 766
специалисты до 25 лет	44,6	55,4	20 845
специалисты 26–30 лет	45,4	54,6	24 566
специалисты 31–35 лет	41,5	58,6	25 975
специалисты 36–40 лет	41,7	58,3	26 611
специалисты 41–45 лет	42,2	57,8	27 125
специалисты старше 46 лет	48,7	51,3	28 576
обеспечивающие специ- алисты	39,8	60,2	21 766

Более того, данные федеральной службы государственной статистики за 2012 г. показывают, что доля должностного оклада в структуре среднемесячного денежного содержания гражданских служащих составляла менее 15%, а размеры ежемесячных денежных поощрений гражданских служащих варьировались от 1 до 14 должностных окладов в зависимости от категории и группы должностей в соответствии с Реестром должностей федеральной государственной гражданской службы¹, поскольку именно к нему привязаны должностные оклады, ежемесячные должностные поощрения, доплаты за классный чин и пр. выплаты.

Несмотря на то что по своему замыслу Реестр должностей должен обеспечивать унификацию должностей гражданской службы, отражать классификационные признаки и являться основой установления справедливого денежного содержания, его анализ показал, что внесение с момента принятия более 60 различных изменений, дополнений, превратили его в сложный и запутанный, потерявший свою классификационную способность документ, в котором видны следы лоббирования интересов отдельных государственных органов. Такую лазейку дает заложенный в законе² подход к классификации должностей федеральной государственной граж-

ется основой стимулирования и должна обеспечивать государственному служащему и его семье качество жизни, соответствующее уровню развития общества и государства; соотноситься на рынке труда с заработной платой работников соответствующей специальности и квалификации негосударственного сектора экономики; зависеть от объема полномочий и возложенной на него по этой должности ответственности и стимулировать стремление к должностному (служебному) росту; быть связана с результатами деятельности государственных гражданских служащих, подразделения и государственного органа в целом.

¹ Указ Президента РФ от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» (с изменениями на 26 января 2017 г.).

² Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79–ФЗ (ст. 10).

данской службы «по государственным органам, категориям, группам, а также по иным признакам», что представляется алогичным и противоречит принципу унификации. Это при том, что порядок отнесения той или иной должности к конкретной категории и группе не установлен и носит усмотрительный характер.

Еще несколько фактов. Так, если в 2005 г. Реестр должностей федеральной государственной службы размещался на 10 страницах, то по состоянию на 16 декабря 2016 г. его объем превышал 100 страниц. Непонятно, в силу каких причин многие руководящие должности (например, начальника отдела в департаменте федерального министерства, в управлении Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Аппарата Правительства РФ и др.) отнесены к категории «специалисты». Не являясь официальными руководителями, они не обязаны управлять находящимися у них в подчинении гражданскими служащими, проводить с ними разъяснительную и воспитательную работу, организовывать обратную связь и мотивировать. По-видимому, это одна из наиболее серьезных скрытых причин, порождающих множество системных внутриорганизационных проблем.

Формирование и использование Реестров должностей гражданской службы в субъектах РФ осуществляется аналогично, что объясняет причины и результаты on-line опроса.

На наш взгляд, необходимым условием преодоления ситуации является наведение порядка в Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы и Реестрах должностей государственной гражданской службы субъектов РФ. Эта работа должна предшествовать разработке и внедрению стандартов нормирования численности типовых подразделений федеральных органов исполнительной власти¹. В противном случае уровень неудовлетворенности и чувство несправедливости у гражданских служащих оплатой труда и иными аспектами реализации кадровой политики обострится, и вместо мотиватора превратится в свою противоположность.

Заключение

Мониторинг профессионального самочувствия гражданских служащих является необходимым условием развития государственной службы как института общественного служения и совершенствования государственной кадровой политики как на уровне государственного органа, субъекта РФ и государственной службы в целом. Хотя рассмотренные примеры иллюстрируют малую толику потенциальных возможностей on-line опроса профессионального самочувствия гражданских служащих, он показал свою измерительную чувствительность к их нуждам и может рассматриваться как инструмент оценки успешности реализации кадровой политики, который позволяет своевременно выявлять проблемные зоны, вскрывать объективные внутриорганизационные причины и предлагать меры по их преодолению.

Необходима дальнейшая проверка мониторинговых и социально-прикладных возможностей инструментария для федеральных гражданских служащих и гражданских служащих субъектов РФ иных федеральных округов.

Литература

1. Бельчик Т. А. Удовлетворенность различными аспектами трудовой деятельности как фактор роста производительности труда// *Фундаментальные исследования*. 2013. № 8–6. С. 1430–1433.

¹Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы: Указ Президента РФ от 11 августа 2016 г. № 403.

2. Бойко Е. А., Меньшова В. Н. Пилотный мониторинг профессионального самочувствия гражданских служащих Сибирского федерального округа: от замысла к реализации // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16–17 марта 2016 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М. : АО «ВЦИОМ». 2016. С. 103–110.
3. Бойко Е. А., Меньшова В. Н. Профессиональное самочувствие государственных гражданских служащих субъектов РФ Сибирского федерального округа: замысел и основные результаты on-line опроса // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Технологии прикладной политологии и социологии как инструмент повышения эффективности государственного и муниципального управления», 28 октября 2016 года / отв. ред. С. Г. Зырянов. Челябинск : Челябинский филиал РАНХиГС, 2016. С. 72–87.
4. Бойко Е. А., Меньшова В. Н. Ценности государственной службы и государственных служащих: перспективы для России // Власть. 2015. № 4. С. 116–123.
5. Борщевский Г. А. Вектор трансформации института государственной службы в России на современном этапе // Государственная служба. 2016. № 6. С. 57–68.
6. Голосенко И. А. Начальство. Очерки по истории российской социологии чиновничества конца XIX — начала XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 54–85.
7. Жуйкова М. А. Удовлетворенность трудом как объект социологического изучения // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 3–1. С. 18–22.
8. Карташевич Е. В., Агишева А. В., Григорьева А. А. Исследование зависимости уровня удовлетворенности трудом персонала от занимаемой должности (на примере Управления Федеральной налоговой службы по Ростовской области) // Молодой ученый. 2015. № 8. С. 548–551.
9. Катренко Е. В. Удовлетворенность государственных гражданских служащих своей работой: опыт социологического анализа // Вестник Орловского государственного университета. Сер. «Новые гуманитарные исследования». 2015. № 4 (35). С. 330–332.
10. Ложкин Г. В., Волянюк Н. Ю. Профессиональное самочувствие субъекта // Горизонты образования. 2012. № 2 (35). С. 14–19.
11. Птицына Н. А. Социально-профессиональное самочувствие социальных работников // Женщина в российском обществе. 2007. № 4. С. 70–78.
12. Оболонский А. В. Этика и ответственность в публичной службе // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 7–30.

References

1. Belchik T.A. *Satisfaction with various aspects of work as labor productivity growth factor* [Udovletvorennost' razlichnymi aspektami trudovoi deyatel'nosti kak faktor rosta proizvoditel'nosti truda] // Basic researches [Fundamental'nye issledovaniya]. 2013. № 8-6. P. 1430–1433. (rus)
2. Boyko E. A., Menshova V. N. *Pilot monitoring of professional health of civil servants of Siberian Federal District: from a plan to realization* [Pilotnyi monitoring professional'nogo samochuvstviya grazhdanskikh sluzhashchikh Sibirskogo federal'nogo okruga: ot zamysla k realizatsii] // Materials of the VI international Grushin sociological conference “Research life after the research: how to make results clear and useful” [Materialy VI mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi Grushinskoi konferentsii «Zhizn' issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat' rezul'taty ponyatnymi i poleznymi»], on March 16–17, 2016 / ex. edition of A. V. Kuleshov. M. : Russian Public Opinion Research Center [AO «VTsIOM»]. 2016. P. 103–110. (rus)
3. Boyko E. A., Menshova V. N. *Professional health of the public civil servants of the Territorial subjects of the Russian Federation of Siberian Federal District: plan and main results of on-line of poll* [Professional'noe samochuvstvie gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh sub'ektov RF Sibirskogo federal'nogo okruga: zamysel i osnovnye rezul'taty on-line oprosa] // Materials of the All-Russian scientific and practical conference “Technologies of Applied Political Science and Sociology as Instrument of Increase in Efficiency of the Public and Municipal Administration” [Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Tekhnologii prikladnoi politologii i sotsiologii kak instrument povysheniya effektivnosti gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya»], on October 28, 2016 / ex. editor Zyryanov S. G. Chelyabinsk, Chelyabinsk branch of RANEPА [Chelyabinskii filial RANKhiGS], 2016. P. 72–87. (rus)
4. Boyko E. A., Menshova V. N. *Values of public service and public servants: prospects for Russia* [Tsennosti gosudarstvennoi sluzhby i gosudarstvennykh sluzhashchikh: perspektivy dlya Rossii] // Power [Vlast']. 2015. № 4. P. 116–123. (rus)

5. Borschevsky G.A. *A vector of transformation of institute of public service in Russia at the present stage* [Vektor transformatsii instituta gosudarstvennoi sluzhby v Rossii na sovremennom etape] // Public service [Gosudarstvennaya sluzhba]. 2016. № 6. P. 57–68. (rus)
6. Golosenko I.A. *Administration. Sketches on stories of the Russian sociology of officials of the end XIX — the beginnings of the 20th centuries* [Ocherki po istorii rossiiskoi sotsiologii chinovnichestva kontsa XIX — nachala XX w.] // Journal of sociology and social anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2005. V. 8. № 1. P. 54–85. (rus)
7. Zhuykova M.A. *Satisfaction with work as object of sociological studying* [Udovletvorennost' trudom kak ob'ekt sotsiologicheskogo izucheniya] // Messenger of the Udmurt University [Vestnik Udmurtskogo universiteta]. 2014. № 3–1. P. 18–22. (rus)
8. Kartashevich E.V., Agisheva A.V., Grigorieva A.A. *A research of dependence of level of satisfaction with work of personnel on a post (on the example of Federal Treasury Department for the Rostov region)* [Issledovanie zavisimosti urovnya udovletvorennosti trudom personala ot zanimaemoi dolzhnosti (na primere Upravleniya Federal'nogo kaznacheistva po Rostovskoi oblasti)] // Young scientist [Molodoi uchenyi]. 2015. № 8. P. 548–551. (rus)
9. Katrenko E.V. *Satisfaction of the public civil servants with the work: experience of the sociological analysis* [Udovletvorennost' gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh svoei rabotoi: opyt sotsiologicheskogo analiza] // Messenger of the Oryol State University. Series: New humanitarian researches [Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Novye gumanitarnye issledovaniya»]. 2015. № 4 (35). P. 330–332. (rus)
10. Lozhkin G.V., Volyanyuk N.Yu. *Professional health of the subject* [Professional'noe samochuvstvie sub"ekta] // Education Horizons [Gorizonty obrazovaniya]. 2012. № 2(35). P. 14–19. (rus)
11. Ptitsyn N.A. *Social and professional health of social workers* [Sotsial'no-professional'noe samochuvstvie sotsial'nykh rabotnikov] // Woman in the Russian society [Zhenshchina v rossiiskom obshchestve]. 2007. № 4. P. 70–78. (rus)
12. Obolonskiy A.V. *Ethic and responsibility in public service* [Etika i otvetstvennost' v publichnoi sluzhbe] // Questions of the public and municipal management [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2015. № 1. P. 7–30. (rus)

Проблемы формирования и перспектива развития государственно-частного партнерства в России

Запорожан Анатолий Яковлевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры макроэкономического регулирования
Доктор экономических наук, профессор
Rakov1960@rambler.ru

РЕФЕРАТ

Россия в настоящее время испытывает инвестиционный голод, а российская экономика в значительной мере недоинвестирована. Государственно-частное партнерство может служить магистральным направлением развития инвестирования российской экономики. Только для этого надо перестроить государственную политику, усовершенствовать законодательство и снять дисбаланс интересов публичного и частного партнеров в сфере государственно-частного партнерства. Рассмотрению этих проблем и перспективе развития государственно-частного партнерства в РФ посвящена статья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственно-частное партнерство, концессия, публичный партнер, частный партнер, концессионер, концедент, ГЧП-соглашение, концессионное соглашение, гарантия минимального дохода

Zaporozhan A.Ya.

Actual Problems and Prospects for the Development of Public-Private Partnership in Russia

Zaporozhan Anatoly Yakovlevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Macroeconomic Regulation
Doctor of Science (Economics), Professor
Rakov1960@rambler.ru

ABSTRACT

Russia is currently experiencing investment hunger, and the Russian economy is largely not to be invested. Public-private partnerships can serve as the main direction of the investment of the Russian economy. Only for this purpose it is necessary to radically restructure the state policy, improve legislation and to remove the imbalance of interests of public and private partners in the field of public-private partnership. Consideration of these issues and the future development of public-private partnership in RF in an article.

KEYWORDS

public-private partnership, concession, the public partner, the private partner, the concessionaire, grantor, PPP agreement, concession agreement, the minimum income guarantee

Россия, по мнению автора, в настоящее время испытывает «инвестиционный голод», а российская экономика в значительной мере недоинвестирована. По нашим оценкам, главным инвестором в России является государство, а главным источником инвестиционных ресурсов — бюджет, что ненормально. Частный инвестор инвестирует в российскую экономику пока еще слабо, при этом рассчитывать на значительный приток иностранных инвестиций в современных условиях нереально. В этом плане государственно-частное партнерство (ГЧП) может служить маги-

стральным направлением развития инвестирования российской экономики. Рассмотрим его возможности более детально.

В настоящее время говорить о системности развития ГЧП в России не приходится. На практике до сих пор применяется устаревший подход к формированию проектов ГЧП — найти проект под имеющиеся бюджетные средства, а не средства под проект. Цепочка принятия решений такова: есть средства в бюджете, есть идея инвестиционного проекта ГЧП, есть инвестиционный проект, есть реализация проекта. В результате нет стратегии развития экономики страны как единого целого, а есть совокупность не связанных между собой инвестиционных проектов ГЧП.

При наличии концепции развития ГЧП цепочка принятия решений другая: стратегия развития страны; портфель проектов ГЧП, необходимых для реализации стратегии; разработка и реализация проектов ГЧП. То есть для развития ГЧП требуются изменения в системе стратегического планирования. Проекты ГЧП в своей основе являются долгосрочными. Поэтому необходима система стратегического планирования на длительный период времени.

В Российской Федерации на практике до сих пор применяется краткосрочный подход к планированию экономического развития страны. Основной финансовый документ — бюджет РФ — принимают сроком на 3 года. Поэтому органы государственного, муниципального управления не могут принять на себя обязательства в рамках соответствующих контрактов за пределами бюджетного периода.

Проекты ГЧП могут встраиваться в государственные программы как их подпрограммы, основные мероприятия или мероприятия. Однако действующие государственные программы сформированы и реализуются уже несколько лет. Это, во-первых. Во-вторых, плановый горизонт государственных программ в 8–10 лет недостаточен для проектов ГЧП. Поэтому «для реализации ГЧП нужна перестройка всей системы бюджетного планирования и финансирования (долгосрочность финансового планирования, разработка системы гарантирования окупаемости инвестиций частного сектора, вложенных в объекты государственной собственности, мониторинг проектов ГЧП, оценка финансового эффекта)»¹.

На сегодняшний день в России отсутствует четкая система управления ГЧП. Так, только на федеральном уровне действуют в сфере ГЧП два департамента, что уже ненормально: департамент бюджетной политики в сфере инноваций, промышленности гражданского назначения, энергетики, связи и частно-государственного партнерства при Министерстве финансов; департамент инвестиционной политики и развития частно-государственного партнерства при Министерстве экономического развития. При этом, целью данных департаментов является преимущественно консультационная деятельность, а не управление проектами ГЧП.

Поэтому необходимо создание единого специального федерального органа (например, Федерального агентства по ГЧП или по концессиям), который должен реализовывать политику ГЧП в России и отвечать перед президентом, правительством и обществом за весь комплекс вопросов ГЧП. Этот орган должен быть достаточно самостоятельной и полномочной структурой, иметь целью изучение всего спектра проблем ГЧП — юридических, организационных, финансовых, экономических — и осуществлять подготовку методической, нормативной, правовой, инструментальной базы для развития ГЧП в России. И этот орган должен иметь структуры (подразделения), которые должны управлять, координировать и контролировать выполнение соглашений и контрактов по конкретным проектам ГЧП.

¹ Айрапетян М. С. Зарубежный опыт государственно-частного партнерства / Аналитическая записка Правового управления Аппарата Государственной Думы РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: : 26.12.2016).

В свете сказанного интересен опыт Санкт-Петербурга в организации и управлении проектами ГЧП. Комитет по инвестициям и стратегическим проектам (КИСП) правительства Петербурга формирует и реализует политику Правительства С-Петербурга в сфере ГЧП. В рамках (КИСП) действует Управление проектов государственно-частного партнерства и правового обеспечения, которое работает по конкретным проектам ГЧП.

С 1 января 2016 г. государственно-частное партнерство в РФ регулируется двумя федеральными законами: Федеральным законом от 13 июля 2015 г. 224-ФЗ¹ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ...» (далее 224-ФЗ); Федеральным законом от 21.07.05 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее — 115-ФЗ). При этом важно отметить, что концессионные соглашения в соответствии с нормой 224-ФЗ (ст. 2 п. 2) выведены из-под его регулирования и по-прежнему регулируются 115-ФЗ. Такой подход законодателей вызывает недоумение и создает дополнительные трудности регулирования ГЧП:

- концессия — одна из форм ГЧП. Поэтому непонятно, почему ее надо регулировать особым законом;
- Федеральный закон 115-ФЗ допускает только одну из множества распространенных в мировой практике форм концессий — BOT (Build, Operate, Transfer — строительство, управление, передача) и тем сдерживает развитие концессий в России. Следует отметить, что именно ограниченность Федерального закона «О концессионных соглашениях» обусловила нормотворческую деятельность в субъектах федерации. Санкт-Петербург стал первым субъектом в РФ, где было разработано законодательство, регулирующее развитие ГЧП на региональном уровне. Принятие нового федерального законодательства по ГЧП коренным образом повлияло на региональные рынки ГЧП-проектов. Принятое в субъектах РФ законодательство по ГЧП, согласно ст. 47 224-ФЗ должно было быть приведено в соответствие с Федеральным законом до 1 июля 2016 г. С 1 июля 2016 г. законы о ГЧП субъектов РФ и муниципальных образований применяются в части, не противоречащей положениям 224-ФЗ. В ряде субъектов РФ, например в Санкт-Петербурге, это уже привело к изменению перечня допустимых форм региональных ГЧП. Слабым утешением здесь является только то, что на реализацию уже заключенных соглашений 224-ФЗ не влияет²;
- Федеральным законом 224-ФЗ не поименованы регулируемые им формы ГЧП. А учитывая тот факт, что среди специалистов нет единства мнений по формам ГЧП, становится непонятным, какие формы взаимодействия государства и бизнеса этим законом должны регулироваться;
- в Федеральном законе 224-ФЗ проведено разделение между ГЧП-проектами и концессионными проектами, которое основывается на различном субъектном составе, требованиях к объектам соглашения и частично на отдельных условиях соглашения. Однако, если посмотреть обязательные элементы ГЧП-соглашения, то они фактически повторяют обязательные элементы концессионного соглашения (табл. 1). Отличие ГЧП и концессионного соглашения заключается только в одном элементе: 224-ФЗ допускает переход объекта соглашения к частному партнеру, а 115-ФЗ — нет. В связи с этим возникает вопрос. Если концессии выведены из предмета регулирования 224-ФЗ, то какой форме (формам) ГЧП соответствует обязательный состав ГЧП-соглашения?

¹ О государственно-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ // Управление собственностью: теория и практика. 2015. № 3.

² Евгения Зусман, Руководитель Практики ГЧП и инфраструктуры VEGAS LEX //WWW. VEGASLEX.RU.

Обязательные и факультативные элементы ГЧП-соглашения¹

ЭЛЕМЕНТЫ ГЧП-СОГЛАШЕНИЯ	
Обязательные	Факультативные
Строительство и/или реконструкция объекта частным партнером	Проектирование объекта соглашения частным партнером
Полное или частичное финансирование создания объекта частным партнером	Полное или частичное финансирование эксплуатации и/или технического обслуживания частным партнером
Эксплуатация и/или техническое обслуживание объекта частным партнером	Обеспечение публичным партнером частичного финансирования создания объекта соглашения
Возникновение права собственности на объект соглашения у частного партнера при условии обременения объекта	Передача объекта соглашения в собственность публичного партнера по истечении срока соглашения

- Федеральный закон 224-ФЗ является более совершенным и снимает ряд проблем взаимоотношений публичного и частного партнеров, обусловленных нормами 115-ФЗ. Однако нововведения 224-ФЗ на концессию как наиболее эффективную форму ГЧП не распространяются и, тем самым, ограничивают ее развитие в России.

Рассмотрим более детально некоторые несовершенства законодательной базы:

1. Запрет залога прав по концессионному соглашению. В большинстве реализуемых проектов ГЧП используется кредитная схема финансирования в форме так называемого проектного финансирования. В основе проектного финансирования ГЧП лежит механизм кредитования инвестиционных проектов под гарантии ожидаемой от их реализации прибыли. Этот механизм ведет к уменьшению процентных ставок за кредит и, соответственно, удешевляет стоимость концессии. Однако 115-ФЗ (п. 6 ст. 3) запрещает концессионерам передачу в залог кредиторам (банкам) объекта концессионных соглашений, например уступку права на взимание платы за проезд на автомагистрали. В результате необеспеченный кредит увеличивает риск его невозврата банкам-кредиторам. Для уменьшения риска банки увеличивают процентную ставку, что ведет к удорожанию проекта. В Федеральном законе «О государственно-частном партнерстве в Российской Федерации» был устранен этот недостаток: «Частный партнер не вправе передавать в залог объект соглашения и (или) свои права по соглашению, за исключением их использования в качестве способа обеспечения исполнения обязательств перед финансирующим лицом при наличии прямого соглашения» (ст. 7 п. 6).

2. Одним из важнейших принципов ГЧП является принцип распределения рисков между органом власти и частным бизнесом. Государство должно часть рисков брать на себя, гарантируя частному партнеру хотя бы частичную компенсацию потерь (убытков, дополнительных расходов) от реализации проектов ГЧП. Однако механизм компенсации государством потерь частного партнерства отсутствует на уровне закона.

3. В концессионный процесс могут быть вовлечены нерезиденты (как инвесторы, так и кредиторы). Но в этом случае необходимо предусмотреть возможность вы-

¹ Евгения Зусман, Руководитель Практики ГЧП и инфраструктуры VEGAS LEX //WWW.VEGASLEX.RU.

бора сторонами соглашения международного арбитража за пределами страны концедента. Это распространенная практика в мире на рынке проектов ГЧП. Закон «О концессиях» допускает возможность участвовать в том или ином качестве в реализации проектов ГЧП нерезидентов. Однако законом определяется в качестве места рассмотрения споров между участниками концессионных соглашений только Российская Федерация. А это существенно ограничивает заинтересованность нерезидентов участвовать в том или ином качестве в реализации проектов ГЧП на территории России. ФЗ-224 вообще не допускает участия нерезидентов в ГЧП-проектах.

4. В обоих законах отсутствует процедура рассмотрения споров технического характера между концедентом и концессионером. Поэтому необходимо «законодательно закрепить институт независимого инженера, имеющего полномочия по контролю и аттестации работ, решение которого будет обязательным для сторон концессионного соглашения» [1].

5. Для успешного осуществления проектов ГЧП необходимо сбалансированное распределение рисков между государством и концессионером; а также четкое законодательное регламентирование гарантий прав частного инвестора. В частности, требуют урегулирования:

- гарантии минимального дохода. Выплаты по гарантии минимального дохода предусматриваются в случае недостижения установленных концессионным соглашением показателей эксплуатации объекта ГЧП. Такие гарантии предусмотрены в большинстве проектов ГЧП в мире.

В законе «О государственно-частном партнерстве в Российской Федерации» эта проблема частично решается: «В случае, если в течение срока действия соглашения в законодательство Российской Федерации, нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, муниципальные правовые акты были внесены и вступили в силу изменения, приводящие к увеличению совокупной налоговой нагрузки на частного партнера или к ухудшению его положения по сравнению с положением до вступления в силу указанных изменений таким образом, что он лишается того, на что был вправе рассчитывать при заключении соглашения, публичный партнер обязан принять меры, обеспечивающие окупаемость инвестиций частного партнера и получение им валовой выручки в объеме не менее объема, изначально определенного соглашением» (ст. 15).

Достоинством этой нормы является то, что публичный партнер обязан принять меры, обеспечивающие окупаемость инвестиций частного партнера и получение им валовой выручки в объеме не менее объема, изначально определенного соглашением. Ограничение этой нормы: она работает только при наступлении одной причины — изменения законодательства; в Бюджетном кодексе РФ отсутствуют нормы, позволяющие концеденту производить выплаты в пользу концессионера, необходимые в связи с возникновением дополнительных затрат;

- компенсация концессионеру в связи с возникновением дополнительных затрат при реализации концессионных проектов, которые не учтены в паспорте соответствующего проекта.

На практике начало осуществления проекта отстает от даты, предусмотренной паспортом проекта, на один год и более. Это приводит к несоответствию сумм, заложенных в паспорте проекта, и реальных затрат. Кроме того, проекты ГЧП носят длительный характер, и при расчете их стоимости не учитывается инфляция, прежде всего, рост цен на рынке строительных материалов.

В 224-ФЗ эта проблема частично решается: «Публичный партнер обязан рассматривать предложения частного партнера по изменению существенных условий соглашения в случае, если реализация соглашения стала невозможной в установленные в нем сроки в результате возникновения обстоятельств непреодолимой

силы, в случае существенного изменения обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении соглашения, в случае, если вступившими в законную силу решениями суда или федерального антимонопольного органа установлена невозможность исполнения установленных соглашением обязательств» (ст. 13 п. 3).

Здесь важно отметить, что публичный партнер обязан рассмотреть предложение частного партнера по изменению существенных условий соглашения, но не обязан их принимать. Также в этой норме не учитываются изменения финансовых условий реализации проекта ГЧП, в частности нет учета инфляции. То есть здесь нет нормы прямого действия — индексации затрат на реализацию проекта ГЧП с учетом инфляции.

6. В 115-ФЗ предусматривается возможность одностороннего расторжения концессионного договора государством. Однако при этом не оговаривается компенсация затрат концессионера, которые еще не окупились. В 224-ФЗ эта проблема частично решается: «В соглашения о государственно-частном партнерстве между публичным и частным партнерами в соответствии с п. 10 (ст. 12) предусмотрена возможность описания обязательства сторон в связи с досрочным прекращением соглашения, обязательства сторон в связи с заменой частного партнера; порядок и сроки возмещения расходов сторон соглашения, в том числе в случае его досрочного прекращения».

Отметим, что любой договор в рыночной экономике должен быть взаимовыгоден договаривающимся партнерам. Специфика ГЧП-соглашений заключается в том, что в них изначально довлеет интерес публичного партнера. В соответствии с практическим руководством по вопросам эффективного управления в сфере ГЧП, разработанным Европейской экономической комиссией в 2008 г., можно выделить ключевые параметры ГЧП: финансирование объектов ГЧП частным бизнесом, реализация проекта ГЧП частным бизнесом, эксплуатация объектов ГЧП преимущественно частным бизнесом, сохранение государственного контроля над объектом ГЧП, по крайней мере, в течение срока действия контракта. Эти рекомендации полностью реализуются российским законодательством. В 224-ФЗ (ст. 6 п. 2) обязательными и возможными элементами ГЧП-соглашения являются аналогичные вышеперечисленным положения (см. табл. 1).

В ГЧП-проектах изначально довлеет интерес публичного партнера. Но данная специфика ГЧП-проектов не отменяет исходный принцип рыночной экономики — взаимодействие сторон при заключении договоров между публичным и частным партнером должно иметь равноправный и взаимовыгодный характер. Эта норма зафиксирована в 224-ФЗ — «Государственно-частное партнерство в Российской Федерации основано, в том числе, на принципах (ст. 4):

«Отсутствие дискриминации, равноправие сторон соглашения и равенство их перед законом...

Справедливое распределение рисков и обязательств между сторонами соглашения».

Однако эти принципы расходятся с другими нормами законодательства по ГЧП. Ст. 12 п. 2.9 224-ФЗ устанавливает требования обеспечения обязательств частного партнера: передача частным партнером публичному партнеру в залог своих прав по договору банковского вклада; страхование риска ответственности частного партнера за нарушение обязательств по ГЧП-соглашению. Аналогичная норма имеет место и в 115-ФЗ.

Критически анализируя эту норму, можно отметить, что, во-первых, эта норма противоречит мировой практике. Во-вторых, страхование риска ответственности концессионера увеличивает его затраты и, соответственно, удорожает объект концессионного или ГЧП-соглашения. В-третьих, и это главное, в обоих законах не прописаны нормы ответственности публичного партнера за нарушения обязательств с его

стороны. В результате не реализуется упомянутый выше принцип ГЧП-соглашений: «Справедливое распределение рисков и обязательств между сторонами соглашения», — ибо риски публичного партнера страхуются и тем самым уменьшаются, а риски частного партнера — нет. К тому же частный партнер несет дополнительные расходы.

В соответствии со ст. 12 п. 9 закона «О государственно-частном партнерстве в Российской Федерации» «соглашением может быть предусмотрена плата, вносимая частным партнером публичному партнеру в период эксплуатации и (или) технического обслуживания объекта соглашения. Внесение платы частного партнера может предусматриваться как в течение всего срока эксплуатации и (или) технического обслуживания объекта соглашения, так и в течение отдельных периодов его эксплуатации и (или) технического обслуживания. Размер платы частного партнера, форма, порядок и сроки ее внесения устанавливаются соглашением». Заметим, что законом не описывается «природа» этой платы. Это ведь не арендная плата, не процентные платежи за кредит и т. д. Иначе говоря, непонятно — вследствие чего частный партнер должен платить публичному партнеру. Мало того, что частный партнер за свой счет финансирует строительство и обслуживание объекта, он еще оказывается должен платить публичному партнеру непонятно за что...

В ст. 12 п. 3 224-ФЗ проводится следующее положение: «В случае, если соглашением предусмотрена передача земельного участка в аренду в целях реализации проекта, соглашение должно содержать условие о размере арендной платы за указанный земельный участок либо порядок ее определения». Эта норма работает опять же исключительно в интересах публичного партнера. Частный партнер возводит объект, нужный публичному партнеру да еще выплачивает ему арендную плату за земельный участок, на котором этот объект возводится. Эта норма ведет к удорожанию стоимости возводимого объекта и соответственно ведет к росту цен или тарифов на производимые на этом объекте товары или оказываемые услуги.

Все рассмотренное выше можно объяснить необходимостью отстаивания общественных интересов во взаимоотношениях публичного и частного партнера. Однако, как справедливо пишет заместитель председателя правления по инвестиционной политике и корпоративному развитию ГК «Автодор» А. Г. Носов: «Логика «отстаивания государственных интересов» зачастую заканчивается тем, что никаких проектов нет. Каждый эту логику по-разному понимает! И мне часто приходится с коллегами спорить, что с вашим отстаиванием государственных интересов можно страну без инвестиций оставить. Здесь нужен разумный баланс»¹ интересов публичного и частного партнера. Более того, исходя из того, что в ГЧП-соглашениях изначально довлеет интерес публичного партнера, последний должен заинтересовывать частного партнера участвовать в ГЧП-соглашениях.

По этому пути пошли в Министерстве строительства и ЖКХ РФ и добились вследствие этого значительных результатов. Заместитель Министра строительства и ЖКХ РФ Чибис А. В. в интервью ГЧП-журналу сказал: «Сегодня созданы условия, обеспечивающие инвесторам надежность вложений в ЖКХ, а именно: на весь срок концессии устанавливается формула тарифа; предпринимательская прибыль фиксируется в соглашении; установлена возможность сохранения за частным оператором экономии в случае повышения эффективности на этапе эксплуатации. Также мы заложили в концессию гарантию возврата инвестиций: если соглашение расторгается, в том числе по вине концессионера, вложенные, но невозвращенные инвестиции в рамках тарифной формулы возвращаются инвестору публичной вла-

¹ Единая информационная система государственно-частного партнерства в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pppi.ru/experts/opinion> (дата обращения: : 26.12.2016).

стью. Это очень серьезная защита от любой политической нестабильности в субъекте. Мы делаем все возможное, чтобы бизнес поверил в ЖКХ»¹.

И такая политика дала результаты. «За 2015 г. в теплоснабжение, водоснабжение и водоотведение, а также в сферу обращения с коммунальными отходами инвестировано порядка 183 млрд руб. Мы с уверенностью можем сказать, что наконец-то у нас заработали концессии. Мало того, что количество концессий в ЖКХ в 2015 г. увеличилось в 2,5 раза по сравнению с 2014 г., важно, что объем инвестиционных обязательств, которые взяли на себя концессионеры, по сравнению с 2014 г. вырос в 10 раз и составил 70,9 млрд руб. Если раньше сфера обращения с ТКО ассоциировалась с нелегальными свалками и криминальными группами, которые эти свалки контролировали, то теперь все видят, что это вполне рентабельный бизнес. Заработал институт концессий, и уже более чем в 20 субъектах заключены соглашения на сбор и переработку коммунальных отходов»².

Государственно-частное партнерство может служить магистральным направлением инвестирования российской экономики. Только для этого надо перестроить государственную политику в сфере ГЧП, отработать законодательство и снять дисбаланс интересов публичного и частного партнеров в сфере государственно-частного партнерства.

Литература

1. *Государственно-частное партнерство: пути совершенствования законодательной базы* / под ред. А. А. Зверева. М., 2009.

References

1. *Public-private partnership: ways of improvement of the legislative base* [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: puti sovershenstvovaniya zakonodatel'noi bazy] / Under the editorship of A. A. Zverev. M., 2009. 244 p. (rus)

¹ О масштабной работе по превращению ЖКХ из «черной дыры» в инвестиционно привлекательную отрасль рассказал заместитель министра строительства и ЖКХ Андрей Чибис // ГЧП-журнал. № 13. Октябрь, 2016.

² Там же.

Multivariable Modeling in the Analysis of Current Assets in the Format of the Hybrid Model t/v -models

Tsatsulin Alexander Nickolaevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of Financial Management
 Doctor of Sciences (Economy), Professor
 Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation
 Full member of National Academy of Tourism of Russia
 Member of the European Academy of Natural Sciences (Hannover, Germany)
 vash_64@mail.ru

ABSTRACT

This article discusses the principles and methods of constructing hybrid model multivariate index analysis treatment of tangible assets on the example of retail trade enterprises. Analysis of the time and speed of the current assets held in respect of the current inventory storage for uniform positions of the group range shoe department of the economic entity. Separately were built time model and the turnover rate. And the final stage, the crossing using the index procedure was constructed by $v|t$ -model, which comprises five separate signs factors. For each of rounds signs factors hides its standard statistical measure, which is traditionally carried out by an economic analysis based on defined goals and objectives, both in enterprises and for special applied research. These indicators serve as indicators of the financial condition of any economic subject, are comparative characteristics in assessing the competitiveness of the subject in the commodity markets and can be used to assess the market value of the business. The resulting model is verified, it held on reliable calculations. The model opens up new horizons of financial and economic analysis of movement of material assets of the enterprise, and allows you to put together a comprehensive study the parameters of speed and time of commodity circulation. The latter is complicated, and it is sometimes even impossible, in multivariate econometric models in connection with the phenomenon of multicollinearity of signs factors. This circumstance makes it promising for the first time built a similar hybrid model for solving the problems of short-term forecasting, and for the purpose of operational planning of material circulating assets.

KEYWORDS

simple index, analytical index, index crossing, mixed-index analysis, hybrid model of factor analysis, primary and secondary feature, working capital, current assets, index model

Цацулин А. Н.

Многофакторное моделирование при анализе оборотных активов в формате гибридной модели t/v -модели

Цацулин Александр Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры финансового менеджмента
 Доктор экономических наук, профессор
 Почетный работник высшего профессионального образования РФ
 Действительный член Национальной академии туризма России
 Член Европейской академии естественных наук (Ганновер, Германия)
 vash_64@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются принципы и методы построения гибридной модели многофакторного индексного анализа обращения материальных активов на примере розничного торгового предприятия. Анализ времени и скорости движения оборотных средств проведен в отношении товарных запасов текущего хранения по однородным позициям группового ассортимента обувного отдела экономического субъекта. Отдельно были построены модель времени и модель скорости оборачиваемости изучаемых активов. А на за-

ключительном этапе, применяя процедуру индексного кроссинга, была сконструирована $v|t$ -модель, которая содержит пять самостоятельных признаков-факторов. За каждым из учтенных признаков-факторов скрывается свой стандартный статистический показатель, по которому традиционно осуществляется экономический анализ в зависимости от сформулированных целей и задач, как на предприятиях, так и для специальных прикладных исследований. Эти же показатели служат индикаторами финансового состояния любого экономического субъекта, работают как сравнительные характеристики при оценке конкурентоспособности субъекта на товарных рынках и могут быть использованы при оценках рыночной стоимости бизнеса. Полученная модель верифицирована, по ней проведены достоверные расчеты. Модель открывает новые горизонты проведения финансово-экономического анализа движения материальных активов предприятия, позволяет воедино и комплексно изучать параметры скорости и времени товарного обращения. Последнее осложнено, а подчас бывает и вовсе невозможно, в эконометрических многофакторных моделях в связи с явлением мультиколлинеарности признаков-факторов. Отмеченное обстоятельство делает перспективной построенную впервые подобную гибридную модель в решении задач краткосрочного прогнозирования и оперативного планирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

простой индекс, аналитический индекс, индексный кроссинг, индексный микст-анализ, гибридная модель факторного анализа, первичный и вторичный признак, оборотный капитал, оборотные активы, индексная модель

“Well, in our country,” said Alice, still panting a little, “you’d generally get to somewhere else — if you run very fast for a long time, as we’ve been doing.”

“A slow sort of country!” said the Queen. “Now, here, you see, it takes all the running you can do, to keep in the same place. If you want to get somewhere else, you must run at least twice as fast as that!”

Carroll, Lewis:
*Through the Looking-Glass
 and What Alice Found tThere,*
 Chapter 2

Introduction

Research in the field of industrial production, as well as in wholesale and retail trade links issues of turnover of tangible assets is a separate and important area of analysis of the financial condition of any economic subject. The effectiveness of such asset management is reflected immediately in terms of solvency and stability of the enterprise. There is considerable domestic and foreign bibliography dedicated to the study of time and the speed of certain types of tangible assets. This article is related to the construction of a fundamentally new hybrid $v|t$ -model multivariate analysis on the example of the dynamics of asset inventory of a particular trader.

Among the most important economic characteristics and generalizing Stick efficiency of movement in the market space and the commodity circulation mass in the form of raw materials and fuel finished product inventories and etc. within the production cycles are *indicators* — *The time of the working capital* and *the velocity of the working capital*. These indicators generally serve a special economic concept as turnover of goods.

The economic analysis of these characteristics is particularly important in setting conditions of the market mechanism of management of industrial enterprises of the real sector, sales, trading and purchasing of specialized applications and systems, improvement of commercial calculation and the increasing importance of financial leverage in the market of diverse relationship partners [13; 14].

Formulation of the problem

Analysis of the time and the velocity of inventory included in the scheme of analysis of working capital, but it should be carried out taking into account the results directly analyzing the volume and structure of sales production and trade. Let us consider the measure currents security indicator turnover of inventory, i. e. during the treatment of a fixed mass of commodities, in order to build a multifactor index model analysis of treatment of tangible assets of the economic entity [3].

The indicator in the corresponding provision of i -th period is measured in days of turnover, i. e. the time of treatment j -th asset on the following relationship:

$$t_i^{(j)} = \overline{\mathfrak{Z}_i^{(j)}} / W(1)_i^{(j)}; \quad i = \overline{1, n}; \quad j = \overline{1, m}, \quad (1)$$

where $t_i^{(j)}$ — the spending time average stock, for example, normal sales process of goods in the days or time of circulation of goods; $\overline{\mathfrak{Z}_i^{(j)}}$ — the average size of inventory in value during the reporting period, which is calculated as the average dynamic range of the torque on the observations of the state of inventory; $W(1)_i^{(j)}$ — the cost of one-day turnover of the j -th asset on the integrated heading, in the relevant currency units in the i -th period.

Index of turnover margin of security, or a measure of time circulation of goods, gives an idea of how many days the uniform sale will be enough the actual size of the inventory, recorded and evaluated at the end of the reporting period, i. e. at a particular time or date. If you interpret the value of this indicator in terms of the treatment time goods, it characterizes the length of stay of the goods assortment of varieties in the form of a corresponding commodity stock.

We calculate the value $t_i^{(j)}$ from Table 1 on the example of the company “Trading House” for the III quarter of 2015, which will continue to be regarded as a period. Anticipating all subsequent analytical calculations, should estimate the size of the average of inventory for the III quarter of the reporting period — $\overline{\mathfrak{Z}_1^{(ij)}}$:

$$\overline{\mathfrak{Z}_1^{(ij)}} = \frac{0.5 \times 15\,600 + 12\,000 + 9\,600 + 0.5 \times 15\,900}{3} = 12\,450 \text{ ths rub.} \quad (2)$$

Given that the turnover of one day in the III quarter of 2015, i. e. the reporting period was 200 thousand rubles, the actual provision of turnover inventory was found to be in days

$$t_1^{(ij)} = \frac{12\,450}{200} = 62.25 \text{ days.}$$

In this case, a known certainty we can say that its enterprise standard of inventory are not filled, because the time of his treatment of inventory amounted to only 62.25 days with easily defined regulatory largest circulation time:

$$t_{n_0}^{(ij)} = \frac{\overline{\mathfrak{Z}_{n_0}^{(ij)}}}{W(1)_1^{(ij)}} = \frac{15\,000}{200} = 75.00 \text{ days.} \quad (3)$$

Most often in practice, the calculation of this parameter in the denominator taken one-day turnover of the reporting period — month or quarter, and in the chamber celebrates the numerator — the actual inventory at the end of the reporting period, that will ensure the future of the trade, the forthcoming period.

So, for example, the provision of inventory turnover in days for these the conditions of the sales process in August for ($i = 2$) was found to be

Table 1

Calculation of deviations from the norm of inventory storage current *j*-th type retailer Limited Liability Company "Trading House" for the III quarter of 2015*

Order № $i = \overline{1, k}$	At the beginning of the month of the reporting year <i>i</i>	Credited (planned) turnover for the quarter, ths. rub.		The actual inventory of the current storage		Deviation from the norm		The actual turnover per month, ths. rub. $W(1)_i^{(j)}$
		Total	day turnover $W(1)_{pl}^{(j)}$	cost of, ths. rub.	turnover in days $v_1^{(j)} = \overline{g_1^{(j)}} / W(1)_{pl}^{(j)}$	cost of, ths. rub. $\Delta Z_{1/n_0}^{(j)}$	turnover in days $\Delta t_1^{(j)} / n_0$	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	01.07.2015	×	×	15 600	78.00	600.00	3.00	5 850.00
2	01.08.2015	×	×	12 000	60.00	-3 000.00	-15.00	5 200.00
3	01.09.2015	×	×	9600	48.00	-5 400.00	-27.00	6 900.00
4	The specification for the III quarter	18 000	200.00	15 000	75.00	×	×	17 950.00
5	01.10.2015	18 900	210.00	15 900	-	-	-	-

* Data source: the official state reporting data operational and technical and managerial accounting;

** Note: $n_{pl} = 90$ days.

$$t_1^{(2j)} = \frac{Z_1^{(2j)}}{W(1)_1^{(2j)}} = \frac{12\,000}{200} = 60.00 \text{ days.} \quad (4)$$

As seen from the expression (4), the calculation of this parameter as the denominator is taken one-day turnover of the reporting period (month or quarter), as well as the numerator — the actual inventory at the end of the month in the reporting period, which will directly provide trade next month. Naturally, it is thin and commercial point that at the time of calculating the index of the next analyzed one day trade $W(1)^{(i)}$ is not yet known. Therefore, in commercial practice often takes the actual turnover of preplanning period $W(1)_1^{(ij)}$. Index of turnover of inventory availability, in days, is determined by the individual products, product groups and as a whole.

Unequal turnover of tangible assets for selected groups of food and non-food items is primarily due to: the quality of goods, determine the nature of customer demand — daily, periodic, excessive; the complexity of the product portfolio; conditions for storage of inventory determined by the physicochemical properties of the goods; so a variety of food products require special storage conditions, which can be provided only in large enterprises, for example, or urban refrigeration chambers, vaults with special gas fillings, effective in the conditions of refrigerants and the use of modern innovative technologies [10].

Inventories turnover in days for a complex range of products, such as significant depth and breadth/width range, and durable, are generally much higher than for a simple range of goods and *FMCG* (Fast Moving Consumer Goods). Thus, food products of the so-called “Basic basket” consumption (bread, milk, eggs, cheese, etc.), without which the trading network can’t work (required, tie-in), have a transient turnover, in contrast to the products of the premium segment and the goods with a period of prolonged turnover (alcohol, confectionery and tobacco products and so on).

The magnitude of commodity circulation time is influenced by various factors that can be taken into account and importantly as in the direction of acceleration and deceleration in the direction of this circulation, and thus for the size of inventory, the use of inventory management system. The main, quite objective factors that reduce treatment time and thus improve the trade efficiency should include such factors flax-supermarket goods movement process benefits as general economic, industrial, trade and marketing.

The factors of general economic order should include political, social, legal and economic stability of the state, development of market structures, having a healthy competition among producers, suppliers and vendors, and as a consequence of the marked points — an increase market supply of goods in accordance with the positive dynamics of solvent demand of the population as a whole and the individual consumer groups, in particular [8].

For production factors, such as the manufacture of printing book products include the degree of conformity to customer demand print runs of books in the publication. In the book market, this factor ultimately emerges as the changing ratio of the size of consumer demand for a specific product offering literature and adjusted the number of so-called “factories”, i. e. publication issues within the general circulation.

Research methods

Analysis of the inventory of the current storage for example, by the trade organization, can be illustrated by the example shown in the table 1 (columns 7–8). After analyzing the current inventory storage overall economic entity by techniques is analyzed by comparing individual headings range. Research Methodology, used here by the author, based on the technique of index analysis with the assistance of the First and Second Index systems, the development of which directly involved the works of authors [1; 2; 4–6].

The range of instruments used in the study includes the construction of simple and multivariate analytical indexes, with the release of a result on the construction of the

five-factor model, a hybrid of retail turnover. Author's model contains the analysis of the time factors, material assets turnover rate, size, inventory and analysis of two structural components with respect to the value of one-day sales and stock SKUs current storage company.

We consider the applied methodology. For each j -th commodity group it is determined by the size of the actual stock of the current storage at the beginning of the quarter, and in days of turnover. The value of index turnover in days of turnover is obtained by dividing the total stock on a one-day planning, credited the come quarter turnover for a particular product group:

$$t_1^{(ij)} = \frac{\overline{Z}_1^{(ij)}}{W(1)_1^{(ij)}}. \quad (5)$$

For July 2015, i. e. for the number $i = 1$ period of time, the stock will be equal treatment

$$t_1^{(1j)} = 15\,600/200 = 78.00 \text{ days.}$$

Then, the value of $t_1^{(1j)}$ is compared with the value of $t_{n_0}^{(ij)}$, i. e. to the agreed norm or reference turnover.

In the event of significant changes in the actual structure of the turnover compared to a planned recalculation of sums standards for product groups, based on the actual size of turnover:

$$\Delta t_{1/n_0}^{(ij)} = t_1^{(ij)} - t_{n_0}^{(ij)}; \quad (6)$$

Let's say, for the points in time — July 2015 ($i = 1$)

$$\Delta t_{1/n_0}^{(1j)} = 78.00 - 75.00 = +3.00 \text{ days.} \quad (7)$$

Thus, the excess of inventory for the month turned out to be three days, and on the cost of the commodity mass excess was the same:

$$\overline{\Delta Z}_{1/n_0}^{(1j)} = \Delta t_{1/n_0}^{(1j)} \times W(1)_1^{(ij)} = 3.00 \times 200.00 = 600.00 \text{ ths rub.} \quad (8)$$

These estimates characterizing the excess of the normal level of monthly stocks already in this form can serve as valuable indicators of the inventory, even with very superficial conduct rapid analysis.

The analysis of speed of turnover of material current assets in trade (v-model).

Analysis of the current inventory storage, one of whose tasks is to identify deviations of the actual stock on a specific date from the commodity standard of this period can't be complete without examining the rate of turnover of tangible assets, which has independent significance.

It is recalled that already considered above the indicator for the asset or the time-reversal of inventory — is the term or period of time during which marketed the average inventory. The faster committed commercialized products, the less working capital in the form of tangible assets required for uninterrupted treatment process in trading systems, and the lower, hence, distribution costs are developing in trade and value chains.

Acceleration asset turnover, in turn, leads to a reduction the duration of the process of handling the material benefits in the form of a complete production and supply cycle, and, accordingly, to increase profitability, strengthen the financial condition of the company and etc. On an indicator of security turnover inventory is closely related indicator

of the *speed of circulation of commodities*, or the turnover of tangible assets having independent analytical value.

The rate of circulation of commodities, or *inventory turnover*, or even *the turnover speed* characterizes the number of revolutions of the mass of commodities, taken in the amount of the average commodity stock, which is calculated every time specifically for the analyzed period. The practical content of this characteristic can be interpreted as follows with the options a comment: how many times renewed commodity stock during the analyzed period, or a sales occurs during the reporting period in the amount of the average commodity stock.

The rate of turnover in the reporting period $v_1^{(ij)}$ is defined as a relative value by dividing the volume of trade on the average size of inventory for a particular i -th period and, preferably, on the integrated j -th commodity items with the following well-known relation:

$$v_1^{(ij)} = W_1^{(ij)} / \overline{Z}_1^{(ij)}, \quad (9)$$

where $W_1^{(ij)}$ — the value of the actual turnover for the period (quarter); $\overline{Z}_1^{(ij)}$ — the average inventory for the same period (quarter).

We perform speed calculation according to the same table 1 for the period with the final counting of the column 9, in which the actual trade shows in the amount of 17 950.0 thousand rubles. The velocity of the turnover for the quarter was, according to the expression (9):

$$v_1^{(ij)} = 17\,950.00 / 12\,450.00 = 1.44 \text{ turnover}. \quad (10)$$

Thus, the mass of commodities, which is equal to the average commodity stocks, addressed during the period of about one and a half times. Knowing the speed of commodity treatment $v_1^{(ij)}$, can be determined already known during treatment $t_1^{(ij)}$. For it will carry out a series of necessary identity transformations taking into account the meaning of the expression of the formula (6):

$$v_1^{(ij)} = \frac{W_1^{(ij)}}{Z_1^{(ij)}} = \frac{W(1)_1^{(ij)} \times n_1}{Z_1^{(ij)}} = \frac{n_1}{t_1^{(ij)}}, \quad (11)$$

where n_1 — the number of days of operation of the enterprise in this quarter.

Location is determined by the time the average stock turnover rate through its characteristic

$$t_1^{(ij)} = n_1 / v_1^{(ij)} = 90.00 / 1.44 = 62.25 \text{ days}. \quad (12)$$

Consequently, the weight of tangible assets, equal to the average value of inventory, addressed in the quarter of about 62.25 days — i.e. slightly more than the length of two full consecutive months.

In analyzing the dynamics of the rate of circulation of commodities and commodity-supply treatment time is traditionally used index method is simple, it is a clear, reliable and generally efficient comparison tool in conducting analytical calculations factor in the following areas: analysis of growth in turnover through faster turnover of goods; calculation of volume released (mobilized) or overly involved (immobilized) current assets as a result of the rate of change and the time the time of turnover of goods [11].

In order to illustrate these aspects of the example analysis of said range of footwear companies, which is listed in Table 2, should be to build the index dynamics of the average rate of turnover for the three k -th commodity items ($k=1, s$), that are reflected in the table for the reporting and the base period. This measure of the average

The analysis of turnaround time of (t-model) and of turnover speed (v-model) of Limited Liability Company "Trading

Order №	Name of product group footwear	Quarterly volume of turnover by period, ths. rub.		Individual quarterly turnover index
		basic	reported	
$k = \overline{1, s}$	k	$w_0^{(k)}$	$w_1^{(k)}$	$i_{W_{1,0}}^{(k)} = \frac{W_1^{(k)}}{W_0^{(k)}}$
1	2	3	4	5
1	Leather	24 260.00	29 820.00	1.2214
2	Combined	21 350.00	30 640.00	1.4346
3	Sports	12 080.00	12 110.00	1.0150
–	In total:	57 690.00	72 570.00	1.2579

Individual index of commodity circulation speed	The volume of trade turnover for the one-day period, ths. rub.		Individual commodity mass index of a one-day turnover
	basic	reported	
$i_{v_{1,0}}^{(k)} = \frac{v_1^{(k)}}{v_0^{(k)}}$	$W(1)_0^{(k)}$	$W(1)_1^{(k)}$	$i_{W(1)_{1,0}}^{(k)} = \frac{W(1)_1^{(k)}}{W(1)_0^{(k)}}$
13	14	15	16
1.4006	271.00	331.00	1.2214
1.1754	237.00	340.00	1.4346
1.0068	133.00	135.00	1.0150
1.1935	641.00	806.00	1.2574

speed will be the index of variable composition — characteristic of a productive attribute the so-called First index system (I IS):

$$\mathfrak{I}_{v(\bar{3},v)\%} = \bar{3}_1 \overline{v_1^{(k)}} : \bar{3}_0 \overline{v_0^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s v_1^{(k)} \bar{3}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \bar{3}_1^{(k)}} : \frac{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \bar{3}_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \bar{3}_0^{(k)}}, \quad (13)$$

$V_0^{(k)} \Rightarrow v_1^{(k)}$
$\mathfrak{I}_0^{(k)} \Rightarrow \mathfrak{I}_1^{(k)}$

material current assets in trade for the shoe department
House" for the III quarter of 2014–2015

Average inventory on current storage periods, ths. rub.		Individual index of inventories	Structure of average inventory for the period, %		The speed of turnover by period, time	
basic	reported		basic	reported	basic	reported
$\bar{z}_0^{(k)}$	$\bar{z}_1^{(k)}$	$i_{z_{1,0}}^{(k)} = \frac{\bar{z}_1^{(k)}}{\bar{z}_0^{(k)}}$	$d_{z_0}^{(k)} = \frac{\bar{z}_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \bar{z}_0^{(k)}}$	$d_{z_1}^{(k)} = \frac{\bar{z}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \bar{z}_1^{(k)}}$	$v_0^{(k)}$	$v_1^{(k)}$
6	7	8	9	10	11	12
6 990.00	6 130.00	0.8770	27.67	23.03	3.47	4.86
10 100.00	12 340.00	1.2218	39.99	46.36	2.11	2.48
8 170.00	8 150.00	0.9976	32.34	30.61	1.48	1.49
25 260.00	26 620.00	1.0538	100.00	100.00	2.284	2.726

Continuation of Table 2

The structure of the one-day turnover by period, %		Treatment in time periods, days		Individual index time reversal commodity weight
basic	reported	basic	reported	
$d_{W(1)_0}^{(k)} = \frac{W(1)_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}}$	$d_{W(1)_1}^{(k)} = \frac{W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}}$	$t_0^{(k)}$	$t_1^{(k)}$	$i_{t_{1,0}}^{(k)} = \frac{t_1^{(k)}}{t_0^{(k)}}$
17	18	19	20	21
42.28	41.07	25.79	18.52	0.7181
36.97	42.18	42.62	36.29	0.8515
20.75	16.75	61.43	60.37	0.9827
100.00	100.00	39.407	33.027	0.8381

where $\bar{v}_1^{(k)}$ — the average speed of the mass of commodities turnover in the reporting period specified in the Table 2 commodity groups shoe range, which can be estimated from the ratio of the final counting (FC) of columns 4 and 6 as FC_4/FC_6 :

$$\bar{v}_1^{(k)} = \frac{\sum_{k=1}^s v_1^{(k)} \bar{z}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \bar{z}_1^{(k)}} = \frac{72570.00}{26620.00} = 2.726; \quad (14)$$

value $\overline{v_0^{(k)}}$ — the average rate of the mass of commodities turnover in the corresponding reference period on the specified table in the same commodity groups shoe range, which can be estimated from the FC_3/FC_5 calculation:

$$\overline{v_0^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \overline{z_0^{(k)}}}{\sum_{k=1}^s \overline{z_0^{(k)}}} = \frac{57\,690.00}{25\,260.00} = 2.284. \quad (15)$$

Finally, the very dynamics of the index of the average turnover rate, according to the expression (13), was found to be

$$\mathfrak{I}_{v(\overline{z}, v)} = \overline{v_1^{(k)}} : \overline{v_0^{(k)}} = 2.726 : 2.284 = 1.1935 \sim 119.35\%. \quad (16)$$

$v_0^{(j)} \Rightarrow v_1^{(j)}$
$z_0^{(j)} \Rightarrow z_1^{(j)}$

Thus, the relative growth rate of turnover in the reporting period compared with baseline was 19.35%. This increase occurred both through the growth of the actual speed rate (circulation of commodities) on all commodity positions range (see: Individual indices rate of commodity circulation in column 13 of Table 2), and due to changes in inventory structure for the same commodity items, that is, i. e. on the analyzed groups of shoes — leather, combined and sports (respectively, columns 9 and 10 of Table 2).

In other words, the very average increment rate in the dynamics of the expression (16) has taken place due to the simultaneous and combined effects of these two factors taken into account traits that should be resolved by the analyst on the individual components. Consequently, this increment should be laid out on the factors noted specifically that will take into account their impact on the isolated change in the average characteristics of the velocity under the First IS.

The index schema of factor analysis in this case can be constructed by the expansion of variable composition of the index, which is in a particular situation has, in fact, constructed and calculated in the formula of the expression (13÷16). But for the purposes of further analysis, the simple index of variable composition present in its *modified form* entry through the structural component — the proportion of margin in the range of graphs 9 and 10 Table 2.

$$\mathfrak{I}_{v(d_3, v)} = \frac{\sum_{k=1}^s d_{z_1}^{(k)} v_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s d_{z_0}^{(k)} v_0^{(k)}}. \quad (17)$$

$d_{z_0} \Rightarrow d_{z_1}$
$v_0 \Rightarrow v_1$

The aggregate index (17), all the values of the factors taken into account ($d_{3и} v$) change their value during the transition from reporting period to the base period. For this reason, it should be recalled, the index is called the index of variable composition resultant variable. In order not to clutter the calculation formulas in the following text, the expression “hell” over the symbol of the sign as a characteristic of a statistical averaging of inventory on the corresponding headings of the analyzed sign-factor $\overline{z_0^{(k)}}$, $\overline{z_1^{(k)}}$ will have to be omitted.

To assess the impact of the turnover rate of individual headings to change the average velocity for the entire range of goods should be built within the IC I have analytical index of constant composition. Actually, the analytical index is constructed according to the rules of construction of factor analytic index with weights appropriate period taking into account the statistical nature of the indexed attribute [12]. In the case of constructing the index of constant composition — on the balance of the reporting quarter of 2015 in relation to the secondary feature — the velocity of the mass of commodities (v)

$$\bar{\mathfrak{I}}_{v(v)\%} = \frac{\overline{v_1^{(k)}}_{d_{31}}}{\overline{v_0^{(k)}}_{d_{31}}} = \frac{\sum_{k=1}^s v_1^{(k)} d_{31}^{(k)}}{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} d_{31}^{(k)}} = \frac{2.726}{2.230} = 1.2224 \sim 122.24\% \quad (18)$$

$d_{31} = \text{const}$
$v_0 = v_1$

Thus, according to the results of calculations in the expression (18) by increasing the velocity of the actual commodity weight for individual commodity groups the average speed of the mass of commodities turnover increased in the reporting period compared to the base period by 22.24%.

Next, you should find out how to affect change in the structure of inventory at an average speed of circulation of commodities. To this end, it is recommended to build the index has structural shifts or index structure

$$\bar{\mathfrak{I}}_{v(d_3)\%} = \frac{\overline{v_0^{(k)}}_{d_{31}}}{\overline{v_0^{(k)}}_{d_{30}}} = \frac{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} d_{31}^{(k)}}{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} d_{30}^{(k)}} = \frac{2.230}{2.284} = 0.9764 \sim 97.64\% \quad (19)$$

$d_{30} = d_{31}$
$v_0 = \text{const}$

Calculations show that the decrease in the average turnover rate of 2.36%, reflecting the structure of index changes in the expression (19), there by reducing the proportion of the fastest on the winding assets against the share of growth relatively “slow” the winding assets (compare the reduction in the share of leather shoes and footwear increased percentage combined in rows 1 and 2 in column 9). This brings to mind a quote from Carroll, quoted in an epigraph to the article, where there categories *Comparability*, *Relativity* are treating terminologically extremely informative and very modern.

Of course, all built in (13–19) indexes both simple and analytical algebraically linked together in so-called First index system as follows

$$\bar{\mathfrak{I}}_{v(d_3,v)\%} = \bar{\mathfrak{I}}_{v(d_3)\%} \times \bar{\mathfrak{I}}_{v(v)\%} = 1.2224 \times 0.9764 = 1.1935 \sim 119.35\% \quad (20)$$

Verification of calculations, of course, gives a numerical link built analytical indexes in said system in a relative way.

Built system indices can also be determined in accordance with the above trend analysis of the absolute amount of growth in turnover due to the acceleration of the turnover of individual products. This value is defined as the difference form the index of

constant composition formula of the expression (18), presented in a familiar, for analytical indexes, aggregate form. Where the difference form of this index can be presented and is calculated as the

$$\Delta \sum_{k=1}^s W(v^{(k)})_{1/0} = \sum_{k=1}^s v_1^{(k)} d_{3_1}^{(k)} - \sum_{k=1}^s v_0^{(k)} d_{3_1}^{(k)} = 72\,570.00 - 59\,370.00 = 13\,200.00 \text{ ths. rub.} \quad (21)$$

The resulting valuation gain of 13.2 million rubles you can comment on the increase in turnover for the footwear product group achieved retailer in the reporting quarter compared with the base at the expense of increasing the turnover rate of tangible assets in the form of stock. In addition to I IS for the purposes of this analysis can be used Second index system (II IS), built on the lines of the statistical characteristics of the communications and presented as three indices [9].

The index of permanent staff from the expression (18) $\mathfrak{I}_{v(v)}\%$ can also be found by a simple calculation in the framework of a direct statistical relationship characteristics following expression

$$\mathfrak{I}_{v(v)}\% = \mathfrak{I}_{W(v,3)}\% : \mathfrak{I}_{W(3)}\%, \quad (22)$$

but as an analytical index another index system — II IS.

The presented scheme of construction of I and II IS, followed by analytical calculations and comments reveal certain possibilities of deepening and detailed economic analysis of the characteristics of the retail turnover of the company investigated. Opening possibilities allow further discussion during case study material to build more complex multivariate index structure in the form of analytical models involving, in addition to the characteristics of the turnover rate of current tangible assets (v), and the characteristic time of their treatment (t).

The above is structurally loose material requires its logical conclusion in the form of a holistic copyright construct, based on the methodology adopted by the multivariate index analysis, which must be backed up by illustrative calculations on the raw data from Tables 1 and 2, which will be demonstrated in the continuation of the article.

For the construction of the aforesaid models were used index methods of analyzing the dynamics of inventory homogeneous range with the assistance of the First (I IS) and the Second index system (II IS). And if I IS allows factor analysis with elements of degradation of resultant variable with respect to changes in the structure and composition of the assets, the II IS directs the analyst on the study of direct communication characteristics of statistical factors and their components.

In support of the above in the article once again back to the first index system (I IS), more precisely, to its resultant variable $W^{(k)}$, and is applicable to a system known analytical technique *replacing the secondary diagonal elements*. That is, the above expression (13) are made known to convert, of course, does not change the essence of this equation

$$\mathfrak{I}_{v(v,3)}\% = \frac{\sum_{k=1}^s v_1^{(k)} \mathfrak{I}_1^{(k)} \cdot \sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{I}_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \mathfrak{I}_1^{(k)} \cdot \sum_{k=1}^s \mathfrak{I}_0^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s v_1^{(k)} \mathfrak{I}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{I}_0^{(k)}} : \frac{\sum_{k=1}^s \mathfrak{I}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \mathfrak{I}_0^{(k)}} = \mathfrak{I}_{W(v,3)}\% : \mathfrak{I}_{\mathfrak{I}_3}\% \quad (23)$$

$v_0 \Rightarrow v_1$
$\mathfrak{I}_0 \Rightarrow \mathfrak{I}_1$

Index of variable composition from the First index system of the first index turned out to be mixed by, as shown in the expression (23), with respect to the two simple *indexes dynamics* of trade turnover and commodity stocks the current storage. But thus obtained ratio is useful for the further deepening of factor analysis purposes, and here it is permissible to use analytical technique that allows due to differences in the two index systems to carry out a kind of complement factor. Such a technique may well be called a *crossing index*, or *the index of mixed analysis*.

Thus, on one hand, according to the expression (20) of variable composition index $\mathfrak{I}_{v(v^{(k)}, \mathfrak{Z}^{(k)})\%}$ equal to the product of the two factorial indices

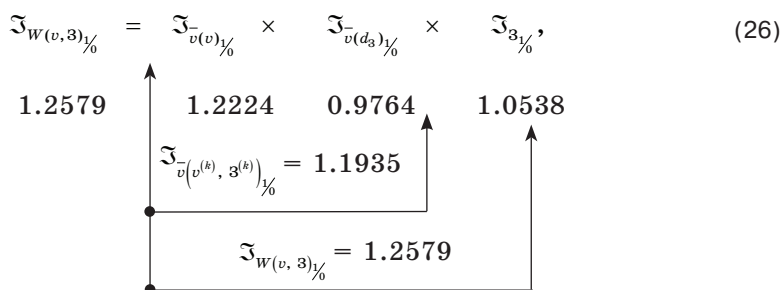
$$\mathfrak{I}_{v(d_3, v)\%}^- = \mathfrak{I}_{v(d_3)\%}^- \times \mathfrak{I}_{v(v)\%}^- \tag{24}$$

and, on the other hand, the same index $\mathfrak{I}_{v(d_3, v)\%}^-$, according to equation (23) coincides with the following expression

$$\mathfrak{I}_{v(d_3, v)\%}^- = \mathfrak{I}_{W(v, \mathfrak{Z})\%} \cdot \mathfrak{I}_{\mathfrak{Z}\%} \tag{25}$$

Considering the last two entries (24) and (25) as a system of two equations with the same left-hand sides, with respect to solve their $\mathfrak{I}_{W(v, \mathfrak{Z})\%}$ of an unknown quantity indices posting the right side of the multiplier in a strictly meaningful sequence the purpose of the circular linking these indices in shown pattern of expression (26).

Thus, in the course of transformation was obtained 3-factor model of the volume index of turnover, depending on changes in the average of inventory, changing its structure and changes in the average speed (rate) of its commodity circulation. This model can be called *three-factor model* analysis of trade, depending on the state and dynamics of commodity stocks. In terms of content model must be “streamlined” as indicated in the scheme of logical and quantitative link located directly below the expression (27).

The analysis of turnaround time of material current assets in trade (t-model).

Similarly, the above analysis the turnover rate can be analyzed during the treatment of inventory on the scheme I /S suitable for a homogeneous mix. However, here the pair Rounds and independent of each other factors ($t^{(k)}, W(1)^{(k)}$) of the multiplier determines the average size of the current storage stock ($\mathfrak{Z}^{(k)}$). Needless to say, the influence factor calculations similar to the calculations for the analysis of asset turnover rate.

In particular, the index of variable composition from I /S in its modified form is customary to visually browse and convenient for the purpose of factor analysis view time

$$\mathfrak{I}_{t(t_1^{(k)}, t_0^{(k)})\%} = w_{(1)_1} \overline{t_1^{(k)}} : w_{(1)_0} \overline{t_0^{(k)}} \tag{27}$$

where $\overline{t_1^{(k)}}$ — the average handling time of inventory of current storage in the reporting period, which is calculated as the weighted arithmetic mean value of the slurry, and as feature-weight in this calculation is the value of a one-day turnover in the reporting period — $W(1)_1^{(k)}$:

$$\overline{t_1^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}} = \frac{26\,620.00}{806.00} = 33.027 \text{ дн}; \quad (28)$$

value $\overline{t_0^{(k)}}$ — average handling time of inventory of current storage in the base period, and it is estimated that the prescribed manner, at the same time as weight-sign stands one-day turnover of the reference period — $W(1)_0^{(k)}$:

$$\overline{t_0^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} = \frac{25\,260.00}{641.00} = 39.407 \text{ days}. \quad (29)$$

Finally, the very dynamics of the index of the average time of treatment of inventory in accordance with the expression (27), was found to be

$$\mathfrak{I}_{\overline{t_1^{(k)}}} = \overline{t_1^{(k)}} : \overline{t_0^{(k)}} = 33.027 : 39.407 = 0.8381 \sim 83.81\%. \quad (30)$$

Thus, due to the simultaneous and joint action of the two factors taken into account the average time of treatment of inventory decreased by 16.19% in the reporting quarter compared to quarter basis. This means that if in 2014 the average current storage of inventory enough without interruption in trade by 39.41 days, in 2015 — only 33.03 days, i. e. the differences observed in almost one week.

In other words, the average commodity stock in the last year turned into a realized turnover rate of approximately 6.4 days, or 153.6 hours, respectively, faster. This was the result of reducing the actual time reversal of inventory by individual commodity groups and items and changes in the structure of one-day sales of footwear in groups. Changes were noted in the reporting quarter compared to quarter basis in the respective years (see graphs 21 and 19–20 in Table 2).

The first circumstance (change time reversal) is reflected quantitatively in a specially constructed for this case the index of constant composition of the following form

$$\mathfrak{I}_{\overline{t_1^{(k)}}} = \overline{t_1^{(k)}} : \overline{t_0^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}} : \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(j)}} =$$

$t_0^{(k)} \rightarrow t_1^{(k)}$
$W(1)_1^{(k)} = \text{const}$

$$= 33.027 : \frac{25.79 \times 331.00 + 42.62 \times 340.00 + 61.43 \times 135.00}{806.00} =$$

$$= 33.027 : \frac{31\,320.34}{806.00} = 33.027 : 38.859 = 0.8499 \sim 84.99\%. \quad (31)$$

The second circumstance, namely, structural changes have taken place, in turn, can be quantified by constructing the index structure changes daily sales

$$\mathfrak{I}_{\overline{t(W(1))}_{1/0}} = \overline{W(1)_1} \cdot \overline{t_0^{(k)}} : \overline{W(1)_0} \cdot \overline{t_0^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}} : \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} =$$

$t_0^{(k)} = \text{const}$
$W(1)_0^{(k)} \Rightarrow W(1)_1^{(k)}$

$$= 38.859 : 39.407 = 0.9861 \sim 98.61\% . \tag{32}$$

The index indicates a decline in the average time of treatment of inventory by improving the day-sales structure: in particular, significantly decreased the proportion of third heading (from 20.65% to 16.75% — see graphs 16 and 17 in Table 2), in which observed the most significant treatment time (see graph 19 in the same Table 2).

Naturally, all built indexes in (30)÷(33) are linked to each other in the *First index system* through the multiplier analytical indexes

$$\mathfrak{I}_{\overline{t(W(1))}_{1/0}} = \mathfrak{I}_{\overline{t(t)}_{1/0}} \times \mathfrak{I}_{\overline{t(W(1))}_{1/0}} =$$

$t_0^{(k)} \Rightarrow t_1^{(k)}$
$W(1)_0^{(k)} \Rightarrow W(1)_1^{(k)}$

$t_0^{(k)} \Rightarrow t_1^{(k)}$
$W(1)_1^{(k)} = \text{const}$

$t_0^{(k)} = \text{const}$
$W(1)_0^{(k)} \Rightarrow W(1)_1^{(k)}$

$$= 0.8499 \times 0.9861 = 0.8381 \sim 83.81\% . \tag{33}$$

Verification in the expression (33), of course, and in this case it gives a numerical linking pre correctly calculated indexes in a closed factor index system.

Built system indices can also be defined in accordance with the absolute amount indicated above trend analysis of the use of current assets freed up working capital in a mode such as the immobilization of assets, by reducing the time of their treatment. This amount is estimated using the difference forms the analytical index of constant composition from the expression (32)

$$\Delta \overline{\mathfrak{Z}(t)}_{1/0} = \sum_{k=1}^s \overline{\mathfrak{Z}(t_1^{(k)})}_1 - \sum_{k=1}^s \overline{\mathfrak{Z}(t_0^{(k)})}_1 = \sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)} - \sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)} =$$

$$= 26620.00 - 31320.34 = -4700.34 \text{ ths rub.} \tag{34}$$

According to its economic content decreases in the expression (34) represents the average value of inventory used in the reporting period, the conversion of which in the daily retail sales actually took place with time spent on one turn stock in the corresponding quarter of the reporting year. Subtrahend is also some kind of a notional amount of working capital, indicating how much working capital would be needed in 2015 if the treatment time would be as large as the original, i. e. a year ago, as shown in the expression (34).

Received the same amount of “savings” (in its arithmetic sign “minus”) in the amount of more than 4.7 million rubles indicates the notional value immobilized assets. In other words, the assessment carried out by the volume of released working capital by reducing the time of their circulation in the channels of goods movement study trading network.

Upon completion of the analysis of current assets can be cut to obtain another interesting derivative of the dependence of the analyzed indicators. To do this, repeat all the necessary transformations with algebraic expressions, used as the component of I / S. Namely, with the index of variable composition, the average time reversal of inventory depending on changes in the actual turnaround time and one-day volume of turnover.

It is appropriate to use the analytical technique is already familiar “replacement diagonal elements of the secondary” as the aggregate value of the ratio of the two weighted average values treatment time counted for dissimilar periods

$$\mathfrak{I}_{\bar{t}(t,W(1))\%} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}} \cdot \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}} \cdot \frac{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} = \quad (35)$$

$t_0^{(k)} \Rightarrow t_1^{(k)}$
$W(1)_0^{(k)} \Rightarrow W(1)_1^{(k)}$

 $= \mathfrak{I}_{\bar{t}(t,W(1))\%} : \mathfrak{I}_{W(1)\%}$

Thus, the index of variable composition analysis of the average time of treatment of inventory of the current storage of the I/S in the expression (27) proved to be mixed by, as shown in the expression (35), with respect to the two simple indexes for average inventory of current storage and one-day turnover.

But the resulting ratio is definitely not the ultimate goal of the done reforms and is only an intermediate structure for the purpose of a more detailed study of the state and dynamics of current assets with the involvement of other optional examined similar analysis systems. It is also permissible already used technique *index cross connection*, which allows due to differences in the analyzed attributes index systems to implement a kind of factorial addition.

So, on the one hand, according to the expression (36), of variable composition index $\mathfrak{I}_{\bar{t}(t,W(1))\%}$ is equal to the product of two factor indices treatment time and one-day turnover

$$\mathfrak{I}_{\bar{t}(t,W(1))\%} = \mathfrak{I}_{\bar{t}(t)\%} \times \mathfrak{I}_{W(1)\%} \quad (36)$$

On the other hand, the same index $\mathfrak{I}_{\bar{t}(t,W(1))\%}$ in accordance with equation (35) coincides with the expression

$$\mathfrak{I}_{\bar{t}(t,W(1))\%} = \mathfrak{I}_{\bar{t}(t,W(1))\%} : \mathfrak{I}_{W(1)\%} \quad (37)$$

Considering the last two entries in the expressions (36) and (37) as a system of two equations with the same left-hand sides, we solve the system of equations for the index $\mathfrak{I}_{\bar{t}(t,W(1))\%}$, taken as an unknown variable. Then place all the existing (pre-built) codes on the right side of the multiplier factor in a strictly meaningful sequence to link the goals of these indices in the system.

In this way the updated causal mechanism of statistical relationships and productive factor, in this case, the primary feature of this time stands for average commodity index storage inventories current reporting period compared to the base period.

$$\mathfrak{I}_{\bar{t}(t,d_{W(1)},W(1))\%} = \mathfrak{I}_{\bar{t}(t)\%} \times \mathfrak{I}_{\bar{t}(d_{W(1)})\%} \times \mathfrak{I}_{W(1)\%}, \quad (38)$$

1.0538

↑

0.8499

↑

0.9861

↑

1.2574

↑

$\mathfrak{I}_{\bar{t}(t,W(1))\%} = 0.8381$

$\mathfrak{I}_{\bar{t}(t,d_{W(1)},W(1))\%} = 1.0538$

As a result of conversions received three-factor index model of average inventory-dependent changes in the mean time reversal of inventory (\bar{t}), a one-day change in the structure of trade turnover ($d_{W(1)}$) and the dynamics of one-day sales ($W(1)$).

This pattern of expression (38) can be called *three-factor t-model* analysis of average inventory, depending on changes in the average time of treatment of assets, changes in one-day sales structure and dynamics of the one-day turnover. In terms of content and organizational terms aforesaid medium model of inventory of current storage must also be “ordered” or “linked” in a way that has already been used up, and as it is shown in the diagram, located directly under the multiplier from the expression (38).

Such an ordering mechanism for causality of the phenomenon allows expert- analysts to perform, in addition to analysis of the influence of factors taken into account in the relative form, as an analysis of the impact of all the factors taken into account signs on the average size of inventory storage and the current in absolute terms, that is extremely important in the operational work of the specialists of the enterprise.

The data from this example Table 2 permit to conduct such analysis of the impact of factors taken into account in absolute terms by the example of the same shoe product groups. For this it is necessary to arrange signs factors in the circuit of expression (38), starting with a *primary feature*, which is one-day trade $W(1)$, and further, in order of the content of their linkage in the index multiplier middle of inventory ($\bar{3}$), as shown expression in the circuit (39).

Then skip to the absolute account level of symptoms-factors, taking already as calculated indices and make a difference by calculating the index of the form, using the method of *chain substitutions*.

$$\begin{array}{rcccl}
 \bar{3}_{\bar{3}(W(1), d_{W(1)}, t)}\% & = & \bar{3}_{W(1)}\% & \times & \bar{3}_{t(d_{W(1)})}\% & \times & \bar{3}_{t(t)}\% & , & (39) \\
 1.0538 & & 1.2574 & & 0.9861 & & 0.8499 & & \\
 & \uparrow & & & & & & & \\
 & \bar{3}_{\bar{3}(W(1), d_{W(1)})}\% & = & 1.2399 & & & & & \\
 & \uparrow & & & & & & & \\
 & \bar{3}_{\bar{3}(W(1), d_{W(1)}, t)}\% & = & 1.0538 & & & & &
 \end{array}$$

Because calculations on the scheme in the expression (39) that due to a change in the structure of one-day sales (-1.39%), the mean of inventory increased by 23.99%. But due to the reduction of the time reversal of this reserve at 15,01% increase in the average stock of goods necessary for the reporting period was limited to only the size of a 5.38% compared to baseline.

Let us estimate the change in absolute terms due to the influence of each of the three Rounds signs factors. The total deviation of inventory due to the cumulative effect of all the factors is:

$$\begin{aligned}
 \Delta \sum_{k=1}^s \bar{3}(W(1), d_{W(1)}, \bar{t})\% &= \sum_{k=1}^s \bar{3}(W(1), d_{W(1)}, \bar{t})_1 - \sum_{k=1}^s \bar{3}(W(1), d_{W(1)}, \bar{t})_0 = \\
 &= 26620.00 - 25260.00 = 1360.00 \text{ ths rub.}
 \end{aligned}
 \tag{40}$$

The impact of one-day sales in the amount of inventories was equal

$$\begin{aligned}
 \Delta \sum_{k=1}^s \bar{3}(W(1))\% &= \sum_{k=1}^s \Delta W(1)^{(k)}\% \times d_{W(1)0}^{(k)} \times \bar{t}_0^{(k)} = \\
 &= (806.00 - 641.00) \times [0.4255 \times 25.79 + 0.3680 \times 42.62 + 0.2065 \times 61.43] = \\
 &= 165.00 \times [10.97 + 15.678 + 12.69] = \\
 &= 165.00 \times 39.34 = 6491.01 \text{ ths rub.}
 \end{aligned}
 \tag{41}$$

Summary description of the analysis of the dynamics of material circ

Order №	Factor name, which has been taken into account	Unit measurement	Contingent designations
$k = \overline{1, K}$	x_k	module	$\Delta W(x_k)_{1/0}$
1	2	3	4
1	The volume of one-day sales	Rub. per day	$\Delta W(W(1))_{1/0}$
2	The structure daily sales average time of treatment of the current inventory storage	days	$\Delta W(\bar{t}(d_{w(1)}))_{1/0}$
3	The average stock turnover time	days	$\Delta W(\bar{t}(t))_{1/0}$
4	Change in the average rate of inventory turnover due to a structural shift	speed for the period	$\Delta W(\bar{v}(d_3))_{1/0}$
5	The average velocity of circulation of inventory	speed for the period	$\Delta W(\bar{v}(v))_{1/0}$
–	In total:	Rub.	$\Delta W(x_1, x_2, x_3, x_4, x_5)_{1/0}$

Influence of the structure of one-day sales in the amount of inventories in absolute terms is estimated as follows:

$$\begin{aligned}
 \Delta \sum_{k=1}^s \mathfrak{Z}(d_{w(1)})_{1/0} &= \sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)} \times \Delta d_{w(1)1/0}^{(k)} \times \overline{t_0^{(k)}} = & (42) \\
 &= 806.00 \times [(0.4107 - 0.4255) \times 25.79 + (0.4218 - 0.3680) \times 42.62 + \\
 &+ (0.1675 - 0.2065) \times 61.43] = 806.00 \times [-0.3817 + 2.2930 - 2.3958] = \\
 &= 806.00 \times (-0.4845) = -390.51 \text{ ths rub.}
 \end{aligned}$$

Effect of changes in commodity-supply treatment time by the amount of stock in absolute terms is estimated as follows:

$$\begin{aligned}
 \Delta \sum_{k=1}^s \bar{\mathfrak{Z}}(t)_{1/0} &= \sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)} \times d_{w(1)1}^{(k)} \times \Delta \bar{t}^{(k)}_{1/0} = & (43) \\
 &= 806.00 [(0.4107 \times (18.52 - 25.79) + 0.4218 (36.29 - 42.62) = \\
 &= +0.1675 \times (60.37 - 61.43)] = \\
 &= 806.00 (-2.9858 - 2.6700 - 0.1776) = -4701.72 \text{ ths rub.}
 \end{aligned}$$

Impact in absolute terms, Rub.	Relative deviation, % to	
	the total change	the level of the base period
$\Delta W(x_m)_{1/0} =$ $= x_{11}x_{21}\dots\Delta x_{m1/0}\dots x_{k0}$	$\frac{\Delta \sum_{j=1}^m W(x_k^{(j)})_{1/0}}{\Delta \sum_{j=1}^m W(x_1, x_2, x_3, x_4, x_5)_{1/0}}$	$\frac{\Delta \sum_{j=1}^m W(x_k^{(j)})_{1/0}}{\sum_{j=1}^m W_0^{(j)}}$
5	6	7
15 043 700.13	101.10	26.08
-3 008 815.39	-20.22	-5.22
-6 073 615.21	-40.82	-10.53
-4 374 671.48	-29.39	-7.58
13 293 401.95	89.33	23.04
14 880 000.00	100.00	25.79

Control countable check the balance of the partial effects (increments) factors on the change in the size of inventory in the reporting period compared to the base period gives a total of the amount of the total increment of the expression (40) with the proviso of possible acceptable rounding error. All private, increment factors may be, if necessary, for the purpose of clarity, are summarized in a single standard analytical table of the Table 3 type.

The results of research

In this article the author presents the conceptual hybrid v|t-model multivariate analysis (velocity-time), allowing much more detailed and much more fully explore the phenomenon of turnover of tangible assets of the economic entity.

Using the index schema of the expressions (25) and (38) we can without difficulty obtain analytical relations that will link the complex into a single index variable composition scheme, both the index and three simple index of turnover dynamics, dynamics of average commodity stocks and the dynamics of one-day sales. The effectiveness of a sign, given the linear relationship (direct statistical relationship characteristics) of all indices in the form of a multiplier, will the index of retail trade turnover dynamics as dependent Rounds held in the analysis of the relative signs of factors, according to the regulations following *the five-factor model*

$$\begin{aligned}
 \mathfrak{I}_{W\%} &= \mathfrak{I}_{\bar{v}(v)\%} \times \mathfrak{I}_{\bar{v}(3)\%} \times \mathfrak{I}_{\bar{t}(t)\%} \times \mathfrak{I}_{\bar{t}(d_{w(1)})\%} \times \mathfrak{I}_{W(1)\%} \\
 1.2579 & \quad 1.2224 \quad 0.9764 \quad 0.8499 \quad 0.9861 \quad 1.2574
 \end{aligned}$$

(44)

If *quantitative linkage* of all indices in direct communication performance does not cause technical difficulties, the meaningful economic docked each step with scoring indication (change of retail trade turnover) is not always obvious. Here, the expert-analyst should show patience in building a causal chain of interrelated signs, to find the necessary parts of the circuit with fixed them actual performance. And finally, it is necessary to carry out a detailed interpretation of the results consistently. This is extremely important and is associated primarily with the fact that the plug-in hybrid model factors are manageable, they can predict and plan in orientation mode, the final economic results.

Bearing in mind the analysis of the absolute influence of the factors taken into account on a productive feature (in this case — the amount of retail goods turnover), the starting index of the chain in the formula of the expression (44) should be the primary composite index only for its statistical nature trait-factor on the right side of the multiplier. He is a simple index of the dynamics of one-day sales — $\mathfrak{I}_{W(1)\%}$.

The next element of the chain linking “begs” to be an index that contains, at least in the numerator or the denominator of the aggregate characteristic of one-day sales volumes throughout the shoe assortment. That index is the index of one-day sales structure — $\mathfrak{I}_{\bar{t}(d_{w(1)})\%}$. Therefore, carefully calibrated and meaningful economic aspect of the method of chain substitutions, you can build the required analytical chain indices strictly specified sequence recorded chart below from the expression (45).

$$\begin{aligned}
 \mathfrak{I}_{W(W(1), \bar{t}(d_{w(1)}), \bar{t}(t), \bar{v}(d_3), \bar{v}(v))\%} &= \mathfrak{I}_{W(1)\%} \times \mathfrak{I}_{\bar{t}(d_{w(1)})\%} \times \mathfrak{I}_{\bar{t}(t)\%} \times \mathfrak{I}_{\bar{v}(d_3)\%} \times \mathfrak{I}_{\bar{v}(v)\%} \\
 1.2579 & \quad 1.2574 \quad 0.9861 \quad 0.8499 \quad 0.9764 \quad 1.2224
 \end{aligned}$$

(45)

As a control test is necessary to carry out an algebraic coherent meaningful linkage of each of the index built into the hybrid v|t-model (velocity|time) of turnover of tangible assets represented by the formula of the expression (45) one by one, moving phases of this scheme in the direction of *the left – right*:

We carry out a second factor linking the analytical index of the expression (45) in the scheme of the index multiplier model. The second account is the index of the influence of the structure on the daily sales average time of treatment of the current inventory storage — $\mathfrak{I}_{i(d_{w(1)})\%}$. The product of the first pair of indices gives the following interesting and understandable analytical dependence

$$\begin{aligned} \mathfrak{I}_{W(1)\%} \times \mathfrak{I}_{i(d_{w(1)})\%} &= \frac{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} \times \left[\frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_1^{(k)}} : \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W(1)_0^{(k)}} \right] = \\ \boxed{W(1) \Rightarrow W(1)} \quad \boxed{\begin{matrix} d_{W(1)_0} \Rightarrow d_{W(1)_1} \\ t_0 = \text{const} \end{matrix}} &= \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}} = \mathfrak{I}_{\bar{3}(d_{w(1)})\%} \cdot \boxed{\begin{matrix} d_{W(1)_0} \Rightarrow d_{W(1)_1} \\ t_0 = \text{const} \end{matrix}} \end{aligned} \quad (46)$$

As a result, changes in the expression (46) obtained an analytical index of commodity stock, depending on changes in the structure of one-day sales $\mathfrak{I}_{\bar{3}(d_{w(1)})\%}$. The next (third in a row) factorial analytical index in the formula of the expression (45), which is to be linked to the multiplier circuit is the index of constant composition, the average time of inventory turnover — $\mathfrak{I}_{i(t)\%}$ of course, affects the size of the average stocks of this storage. We show below the necessary conversion

$$\begin{aligned} \bullet \quad \mathfrak{I}_{\bar{3}(d_{w(1)})\%} \times \mathfrak{I}_{i(t)\%} &= \frac{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}} \times \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_1^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}} = \\ &= \mathfrak{I}_{\bar{3}(d_{w(1), t})\%} = \mathfrak{I}_{\bar{3}i0} \cdot \end{aligned} \quad (47)$$

Next, for each factor to implement the scheme linking multiplier the fourth at the row components — index changes in the average turnover rate of tangible assets due to a structural shift in the composition of inventories. Here the result of the previous link of the index $\mathfrak{I}_{\bar{3}\%}$, i. e. a simple index of the expression (47) should be multiplied by an analytical index $\mathfrak{I}_{v(d_s)\%}$. Should whenever approached carefully, guided by the rules of construction of the index scheme, the economic content of the technical and economic indicators and thoroughly carrying out the necessary changes in the aggregate parts conjugate of factor analytic index to the circular linking procedure codes into the system. We realize these recommendations in relation to the following scheme:

$$\mathfrak{I}_{\bar{3}\%} \times \mathfrak{I}_{v(d_s)\%} = \frac{\sum_{k=1}^s t_1^{(k)} W(1)_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s t_0^{(k)} W(1)_0^{(k)}} \times \left[\frac{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{I}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \mathfrak{I}_1^{(k)}} : \frac{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{I}_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \mathfrak{I}_0^{(k)}} \right] = \frac{\sum_{k=1}^s \bar{\mathfrak{I}}_1^{(k)} v_0^{(k)}}{\sum_{k=1}^s \bar{\mathfrak{I}}_0^{(k)} v_0^{(k)}} = \mathfrak{I}_{W(\bar{3})\%} \cdot \quad (48)$$

Resulting in the expression (48) analytical index of the dynamics of retail trade turnover has been dependent on changes in the structure of inventory by SKUs. And finally, the last, the fifth factor of influence on the size of inventory, which is also subject to the index linking scheme multiplier effect on the relative volume of retail turnover $\bar{v}^{(v)}_{\%}$ shoe group. It is an analytical index of constant composition of inventory velocity — $\bar{v}^{(v)}_{\%}$. It should “agree” with the previous result in the form of turnover index changes depending on changes in the value of inventory of current storage — $\bar{v}^{(v)}_{\%}$.

$$\begin{aligned} \bar{W}^{(v)}_{\%} \times \bar{v}^{(v)}_{\%} &= \frac{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{Z}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{Z}_0^{(k)}} \times \frac{\sum_{k=1}^s v_1^{(k)} \mathfrak{Z}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{Z}_1^{(k)}} = \frac{\sum_{k=1}^s v_1^{(k)} \mathfrak{Z}_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s v_0^{(k)} \mathfrak{Z}_0^{(k)}} = \\ &= \frac{\sum_{k=1}^s W_1^{(k)}}{\sum_{k=1}^s W_0^{(k)}} = \bar{W}^{(v)}_{\%}. \end{aligned} \tag{49}$$

Noteworthy is the fact of “as if” automatic clarify the location of primary and secondary symptoms-factors ($W(1)^{(k)}, d_W^{(k)}, t^{(k)}, d_3^{(k)}, v^{(k)}$) in the corresponding intermediate chain links of the hybrid v|t-model up to the resultant variable factor — W from the expression (49). However, this seemingly natural ease laid analyst in advance in the preliminary selection of the factors taken into account and building up in the meaningful chain of interrelated indicators.

Conclusions

In the end, a case study based hybrid index model analysis of cost volume of the quarterly turnover, depending on the value of inventory and the current storage volume of daily sales. It is enough for the reader a clear economic sense of the final result of the conversion from the expression (49), and allows managers to logistics and distribution business processes of production and trade, wholesale and retail trade and retailers to establish reasonable standards of current inventory storage.

This approach can also be timely to make these regulations required course corrections as taking into account the intensity of daily sales, and taking into account an accurate assessment of the seasonality factor purchases-sales. Thus, even when taken separately and piecemeal, but a row, analytical indexes pair give in linking cost-clear and transparent results in the assumption that the factorial scheme in a straight multiplier characteristics of the statistical relationship is sufficiently pre-calibrated.

Semantic analysis of the scheme by individual expressions (47) and (49), can be interesting to be interpreted as analytical indices built by a group of assessors “dual structural shift”, which occurred in the first place, as a part of inventory, providing trade reporting period, due to changes in the structure of sales of daily trading enterprise of shoes. And this turned out to be an adverse structural shift was the cause of a different shift has happened as a result in the range of sales for the period under review. This is the second circumstance, as a result, led to a slight, barely noticeable, but the growth of retail trade turnover in the reporting period compared with the base only by 1.44% {compare with the previous indicator of growth +19.36% expression of formula (44)} in the calculations of the analytical chain.

In fact, the first structural shift in the assessment of significant symptoms are caused by (as the cause) of the second structural shift of another, no less significant feature for quite appropriate analogy with the movement of geologic plates or reservoirs under tectonic phenomena of nature. The proposed model allows the author simultaneously and jointly

explore and speed, and time of turnover of tangible assets with respect to typical primary reporting indicators and standard indicators of economic activity of the economic entity.

The hybrid model provides a reliable assessment of the effects of each factor on a productive sign and, accordingly, the carrying circular linking increments of each factor, not only in relative form, but also in absolute terms, i.e. at cost, using the method of the first differences as a special case of the method of chain substitutions with respect and dynamics, and targets, and the level of the plan. Table 3 shows the influence of the absolute size of each of the five signs of factors on the amount of the quarterly retail turnover, as well as the values of these increments in comparison with both the overall increase (column 6), and in comparison with the base level of a productive attribute (column 7).

Inference

Of course, the above scheme is proposed based on a factor analysis of the hybrid model of the index is not the only possible one. There are other, no less interesting patterns of economic analysis of the state and dynamics of current tangible assets with a different set of factors that characterize the level of inventory at different angles and in different aspects, and with not necessarily the index method, and correlation and regression methods analysis, and other analytical methods, complexity; at the expense of more serious mathematical apparatus, for example, with the use of matrix methods of research [7], and so forth.

The direction of future research

However, due to set out in a two-part article considerations, it seems very promising is the use of hybrid aggregated v|t-model systems integrated analysis of financial and economic state of the business entity as well as, say, a ratio analysis and multivariate models predicting the subject of bankruptcy. Of particular interest are the undoubted opportunities offered by the author of the model to be useful in order to adjust the state of the accounting (financial) statements of the enterprise in making its management informed management decisions in the organization, in assessing the market value of the business, as well as in the provision of engineering and operational long-term planning.

References

1. Adamov V. E. *Factor index analysis (Methods and problems)* [Faktornyi indeksnyi analiz (Metodika i problemy)]. Moscow : Statistics [Statistika], 2012. 200 p. (rus)
2. Alan R. *Economic indexes* [Ekonomicheskie indeksy]. Translation from English. M. : Statistics [Statistika], 1980. 324 p. (rus)
3. Baklanov G. I. *Some questions of an index method* [Nekotorye voprosy indeksnogo metoda]. M. : Statistics [Statistika], 1972. 346 p. (rus)
4. David R. A. *Statistics for business and economics* / R. A. David, J. S. Dennis, A. W. Thomas. Mason, USA : Thomson Higher Education / Thomson South-Western, 2006. 1010 p.
5. Kazinets L. S. *Growth rates and structural shifts in economy (indicators of planning and statistics)* [Tempy rosta i strukturnye sdvigi v ekonomike (pokazateli planirovaniya i statistiki)]. M. : Economy [Ekonomika], 1981. 184 p. (rus)
6. Mackeviius, J. *Benendrojo pardavimo elningumo kompleksinès analizès metodika* / J. Mackeviius, O. Moliën, D. Popkait // *Economika*. 2008. Vol. 25, № 8. P. 74–90.
7. Maksimenko E. I. *Mathematical methods of controlling* [Matematicheskie metody kontrollinga] // State and business: modern problems of economy. Materials of the VIII international scientific and practical conference [Gosudarstvo i biznes: sovremennye problemy ekonomiki. Materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii]. V. 4. SPb. : NWIM [SZIU], 2016. P. 65–70. (rus)
8. Ploshko B. G. *Grouping and systems of statistics. Indexes* [Gruppirovka i sistemy statisticheskikh pokazatelei. Indeksy]. M.: Statistics [Statistika], 1971. 177 p. (rus)
9. Tsatsulin A. N. *Economic analysis* [Ekonomicheskii analiz]. The textbook for higher education institutions. SPb. : NWIM of RANEPa publishing house [Izd-vo SZIU RANKhiGS], 2012. 924 p. (rus)
10. Tsatsulin A. N. *Management of expenses at the enterprise* [Upravlenie zatratami na predpriyatii]. Educational and methodical complex. Direction of education: 08.02.00.62 "Management". Qualification (degree) of the graduate bachelor / Baltic academy of tourism and business [Baltiiskaya akademiya turizma i predprinimatel'stva]. St. Petersburg, 2014. 112 p. (rus)

11. Tsatsulin A. N. On the construction of the index analysis model of material current assets in trade [O postroenii indeksnykh modelei analiza material'nykh oborotnykh aktivov v trgovle] // Belgorod University of cooperation, economics and law — HERALD [Mezhdunarodnyi nauchno-teoreticheskiy zhurnal «Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava», Seriya «Ekonomicheskie nauki»] / Issue 3(59), 2016. pp. 113–128. (rus)
12. Tsatsulin A. N. *The analysis of a condition of commodity stocks by means of index schemes* [Analiz sostoyaniya tovarnykh zapasov s pomoshch'yu indeksnykh skhem] / In the collection: "Improvement of wholesale trade in consumer goods" [Sovershenstvovanie optovoi trgovli tovarami narodnogo potrebleniya] // Materials of a scientific and technical conference [Materialy nauchno-tekhnicheskoj konferentsii]. Under edition of N. P. Goncharov. SPb. : Knowledge [Znanie], 1989. p. 52–59. (rus)
13. Tsatsulin A. N. *The Peculiarities of demand in the new forms of trade* [Osobennosti formirovaniya sprosа v ramkakh novyih form trgovli. Materialiy respublikanskogo sovetzhanija-seminara «Sovershenstvovanie raboty po izucheniyu sprosа v novyih usloviyah hoziystvovaniya», Cheliyabinsk. M. : Izd-vo VNIKS MT RSFSR, 1988. P. 50–53. (rus)
14. Tsatsulin A. N., Babkin A. V. *Analysis of the Structural Components and Measurement of the Effects of Cost Inflation in the Industry with the Help of the Index Method*. Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference 9–10 November 2016 Seville, Spain. Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth // Editor Khalid S. Soliman, International Business Information Management Association (IBIMA). P. 1559–1573.

Литература

1. Адамов В. Е. Факторный индексный анализ (Методика и проблемы) / под ред. В. Е. Адамова. М. : Статистика, 2012. 200 с.
2. Алан Р. Экономические индексы. Пер. с англ. М. : Статистика, 1980. 324 с.
3. Бакланов Г. И. Некоторые вопросы индексного метода. М. : Статистика, 1972. 346 с.
4. David R. A. *Statistics for business and economics* / R. A. David, J. S. Dennis, A. W. Thomas. Mason, USA : Thomson Higher Education / Thomson South-Western, 2006. 1010 p.
5. Казинец Л. С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике (показатели планирования и статистики). М. : Экономика, 1981. 184 с.
6. Mackeviius, J. Benendrojo pardavimo elningumo kompleksinès analizès metodika / J. Mackeviius, O. Moliën, D. Popkait // *Economika*. 2008. Vol. 25, № 8. P. 74–90.
7. Максименко Е. И. Математические методы контроллинга // Государство и бизнес: современные проблемы экономики. Материалы VIII международной научно-практической конференции. Т. 4. СПб. : СЗИУ, 2016. СС. 65–70.
8. Плошко Б. Г. Группировка и системы статистических показателей. Индексы. М. : Статистика, 1971. 177 с.
9. Цацулин А. Н. Экономический анализ. Учебник для вузов. СПб. : Изд-во СЗИУ РАНХиГС, 2012. 924 с.
10. Цацулин А. Н. Управление затратами на предприятии. Учебно-методический комплекс. Направление подготовки: 08.02.00.62 «Менеджмент». Квалификация (степень) выпускника бакалавр / Балтийская академия туризма и предпринимательства. Санкт-Петербург, 2014. 112 с.
11. Цацулин А. Н. О построении индексных моделей анализа материальных оборотных активов в торговле // Международный научно-теоретический журнал «Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права», Серия «Экономические науки». 2016. № 3. С. 113–128.
12. Цацулин А. Н. Анализ состояния товарных запасов с помощью индексных схем / В сборнике: «Совершенствование оптовой торговли товарами народного потребления» // Материалы научно-технической конференции. Под редакцией к. э. н. П. Г. Гончарова. СПб. : Знание, 1989. С. 52–59.
13. Цацулин А. Н. Особенности формирования спроса в рамках новых форм торговли. Материалы республиканского совещания-семинара «Совершенствование работы по изучению спроса в новых условиях хозяйствования», г. Челябинск. М. : Изд-во ВНИИКС МТ РСФСР, 1988. С. 50–53.
14. Tsatsulin A. N., Babkin A. V. *Analysis of the Structural Components and Measurement of the Effects of Cost Inflation in the Industry with the Help of the Index Method*. Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference 9–10 November 2016 Seville, Spain. Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth // Editor Khalid S. Soliman, International Business Information Management Association (IBIMA). P. 1559–1573.

Методические основы текущей оценки собираемости таможенных платежей

Анисимов Владимир Георгиевич

Санкт-Петербургский государственный технический университет
Профессор кафедры информационных систем в экономике и менеджменте
Доктор технических наук, профессор
an-33@yandex.ru

Анисимов Евгений Георгиевич

Военный институт управления национальной обороной ВАГШ ВС РФ (Москва)
Начальник лаборатории
Доктор технических наук, доктор военных наук, профессор
an-33@rambler.ru

Родионова Евгения Сергеевна

Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал Российской Таможенной академии
Доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета
Кандидат экономических наук
wart1983@mail.ru

Сауренко Татьяна Николаевна

Российский университет дружбы народов (Москва)
Заведующий кафедрой таможенного дела
Доктор экономических наук
Tanya@saurenko.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены методические основы текущей оценки процесса сбора таможенных платежей. В основу оценки положены показатели объема, полноты и относительной себестоимости сбора. Исходную информацию для оценивания составляют данные о результатах функционирования системы управления таможенными рисками за установленный период времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

таможенные платежи, оценка собираемости, объем платежей, полнота платежей, себестоимость сбора платежей

Anisimov V. G., Anisimov E. G., Rodionova E. S., Saurenko T. N.

Methodical Bases of an Estimation of the Current Collection of Customs Duties

Anisimov Vladimir Georgievich

Saint-Petersburg State Technical University (Russian Federation)
Professor of the Chair of Information systems in economy and management
Doctor of Science (Engineering), Professor
an-33@yandex.ru

Anisimov Evgeny Georgiyevich

Military Institute of National Defense Management of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia (Moscow, Russian Federation)
Chief of laboratory
Doctor of Science (Engineering, Military Sciences), Professor
an-33@rambler.ru

Rodionova Evgenia Sergeevna

Saint-Petersburg named by V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy (Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of International economic relations

Saurenko Tatyana Nikolaevna

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)
Head of the Chair of Customs affairs
Doctor of Science (Economics)
Tanya@saurenko.ru

ABSTRACT

In the article the methodical bases of the current assessment process of collection of customs payments. The assessment is based on indicators of volume, completeness and relative cost of their collection. Baseline information for assessment are data on the results of the functioning of customs risk management for a specified period of time.

KEYWORDS

customs payments, evaluation of collection, amount of payments, full payments, the cost of collecting payments

Таможенные платежи в настоящее время составляют более половины доходной части федерального бюджета Российской Федерации [1–3]. Это обуславливает важность проблемы обеспечения результативности их сбора. Решение этой проблемы требует объективной, основанной на современных методах, оценки собираемости таможенных платежей. Разработка методических основ текущей оценки процесса сбора таможенных платежей с учетом реальной информационной ситуации и составляет цель настоящей статьи.

Результативность сбора таможенных платежей может оцениваться следующими показателями [4; 5]:

- 1) объем таможенных платежей, собранных за установленный период времени $[0, t]$ (к текущему моменту времени t) — $G(t)$;
- 2) полнота собираемости таможенных платежей в период $[0, t]$ — $Q(t)$;
- 3) относительная себестоимость процесса сбора таможенных платежей в период $[0, t]$ — $W(t)$.

При этом объем $G(t)$ таможенных платежей представляет собой денежное выражение их суммы, поступившей в федеральный бюджет в период времени $[0, t]$.

Полнота $Q(t)$ собираемости таможенных платежей определяется соотношением:

$$Q(t) = \frac{G(t)}{G(t) + G^1(t)}, \quad (1)$$

где $G^1(t)$ — объем недополученных вследствие тех или иных нарушений таможенного законодательства таможенных платежей за период $[0, t]$.

Относительная себестоимость $W(t)$ процесса сбора таможенных платежей в период $[0, t]$ определяется соотношением:

$$W(t) = \frac{G(t)}{Z(t)}, \quad (2)$$

где $Z(t)$ — затраты федерального бюджета на обеспечение в период времени $[0, t]$ процесса сбора таможенных платежей (затраты на обеспечение ФТС России).

Указанные показатели могут определяться как в целом за ФТС России, так и по отдельным таможенным органам. При этом в качестве таможенных органов рассматриваются: региональные таможенные управления с подведомственными им таможнями и таможенными постами и др. структурами; отдельные таможни и та-

моженные посты из состава региональных таможенных управлений, с подведомственными им структурами; осуществляющие таможенное оформление товаров таможи центрального подчинения и подведомственные им структуры. Такая структуризация обеспечивает учет при оценке себестоимости процесса сбора таможенных платежей затраты как непосредственно реализующих этот процесс органов ФТС России, так и органов, обеспечивающих их деятельность.

Для выбранных таким образом таможенных органов рассматриваемые показатели могут определяться для всех товаров, перемещенных через таможенную границу в период времени $[0, t]$, или для отдельных групп товаров. Группирование товаров при этом осуществляется в соответствии с Единой товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ЕТН ВЭД).

В детализированном виде объем, полнота и эффективность сбора таможенных платежей за период времени $[0, t]$ определяются матрицами:

$$G^*(t) = \|G_{nj}(t)\|, n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J; \quad (3)$$

$$Q^*(t) = \|Q_{nj}(t)\|, n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J; \quad (4)$$

$$W^*(t) = \|W_n(t)\|, n = 1, 2, \dots, N, \quad (5)$$

где $G_{nj}(t)$ — объем таможенных платежей, перечисленных в федеральный бюджет n -м таможенным органом в результате таможенного оформления товаров j -го вида в период времени $[0, t]$; N — выделенное в рамках установленной детализации количество таможенных органов; J — выделенное при установленной детализации количество видов товаров, перемещенных через таможенную границу за период времени $[0, t]$; $Q_{nj}(t)$ — полнота собираемости за период времени $[0, t]$ таможенных платежей n -м таможенным органом в результате таможенного оформления товаров j -го вида; $W_n(t)$ — эффективность сбора таможенных платежей n -м таможенным органом в период $[0, t]$.

Величины $Q_{nj}(t)$, $n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J$ определяются соотношением

$$Q_{nj}(t) = \frac{G_{nj}(t)}{G_{nj}(t) + G_{nj}^1(t)}, n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J, \quad (6)$$

где $G_{nj}^1(t)$ — объем недополученных вследствие тех или иных нарушений таможенного законодательства таможенных платежей n -м таможенным органом в результате таможенного оформления товаров j -го вида за период $[0, t]$.

Величины $W_n(t)$, $n = 1, 2, \dots, N$ определяются соотношением:

$$W_n(T) = \frac{G_n(t)}{Z_n(t)}, \quad (7)$$

где $G_n(t) = \sum_{j=1}^J G_{nj}(t)$ — объем таможенных платежей, перечисленных в федеральный бюджет n -м таможенным органом в период времени $[0, T]$; $Z_n(t)$ — затраты федерального бюджета на обеспечение в период времени $[0, t]$ процесса сбора таможенных платежей n -м таможенным органом.

С учетом такой детализации общие показатели объема, полноты и эффективности собираемости таможенных платежей за период времени $[0, t]$ определяются соотношениями:

$$G(t) = \sum_{n=1}^N \sum_{j=1}^J G_{nj}(t); \quad (8)$$

$$Q(T) = \frac{\sum_{n=1}^N \sum_{j=1}^J G_{nj}(t)}{\sum_{n=1}^N \sum_{j=1}^J G_{nj}(t) + \sum_{n=1}^N \sum_{j=1}^J G_{nj}^1(t)}; \quad (9)$$

$$W(t) = \frac{\sum_{n=1}^N Z_n(t)}{\sum_{n=1}^N Z_n(t)}. \quad (10)$$

Степень детализации показателей (количество N таможенных органов и выделенных J видов товаров) определяется целями и задачами исследования. Так, таможенные органы могут детализироваться до ФТС России в целом, региональных таможенных управлений, таможен, таможенных постов.

Для товаров минимальный уровень детализации состоит в учете только общего объема начисляемых таможенных платежей за установленный период времени. Повышение уровня детализации состоит в той или иной степени учета специфики перемещаемых товаров и особенностей начисления таможенных платежей. Их специфику отражает Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС). Особенности начисления таможенных платежей для товаров, ввозимых на территорию Таможенного союза, определяются порядком взимания таможенных сборов, ввозных таможенных пошлин, налога на добавленную стоимость и акцизов, а для вывозимых товаров — порядком взимания таможенных сборов и вывозных таможенных пошлин [6].

В ТН ВЭД ЕАЭС выделены пять уровней детализации специфики товаров: 1 — разделы; 2 — группы (подгруппы) (двухзначный код); 3 — товарные позиции (четырёхзначный код); 4 — субпозиции (шестизначный код); 5 — подсубпозиции (десятизначный код). При этом в целом ТН ВЭД ЕАЭС включает 21 раздел, 97 групп, более 1200 товарных позиций, более 5000 субпозиций и около 12 000 подсубпозиций. Следовательно, наиболее подробный учет при прогнозировании объемов таможенных платежей, специфики перемещаемых через таможенную границу товаров связан с отслеживанием объемов таможенных сборов, ввозных и вывозных таможенных пошлин, налога на добавленную стоимость и акцизов для более чем 12 000 видов товаров.

В целом приведенные соотношения (1)—(10) определяют состав и взаимосвязи показателей результативности сбора таможенных платежей. Как следует из этих соотношений, для определения значений показателей результативности сбора таможенных платежей следует установить период времени $[0, t]$, степень детализации показателей (установить значения N и J) и определить величины $G_{nj}(t)$, $G_{nj}^1(t)$, $Z_n(t)$ ($n = 1, 2, \dots, N$, $j = 1, 2, \dots, J$). Эти величины могут определяться в момент времени $\tau < t$, или в момент времени $\tau > t$. В первом случае осуществляется прогноз показателей результативности сбора таможенных платежей, а во втором — их апостериорная оценка.

При прогнозе показателей собираемости таможенных платежей известны величины $Z_n(t)$ ($n = 1, 2, \dots, N$), а определению подлежат $G_{nj}(t)$, $G_{nj}^1(t)$ ($n = 1, 2, \dots, N$, $j = 1, 2, \dots, J$). В рамках апостериорной оценки рассматриваемых показателей величины

$G_{nj}(t), Z_n(t), (n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J)$ известны, а определению подлежат величины $G_{nj}^1(t)$ ($n = 1, 2, \dots, n, j = 1, 2, \dots, J$). Именно этот случай соответствует текущей оценке собираемости таможенных платежей и рассмотрен далее в рамках настоящей статьи.

Особенность оценки объема недополученных вследствие тех или иных нарушений таможенного законодательства таможенных платежей заключается в том, что эти нарушения и обусловленное ими недовзыскание таможенных платежей скрыты от непосредственного наблюдения. Они могут быть в полной мере выявлены только в результате тотального контроля перемещаемых через таможенную границу товарных партий. Вследствие невозможности такого контроля недополучение таможенных платежей при перемещении товаров через таможенную границу можно оценить только косвенными методами [4; 7].

При этом вследствие скрытости нарушений и случайного характера многих факторов, определяющих объемы недополучения таможенных платежей, решение указанной задачи возможно только на основе применения соответствующих стохастических моделей [8–15]. В их основу может быть положена информация о вскрытых в ходе случайного выбора из перемещаемого через таможенную границу товарного потока товарных партиях, содержащих нарушения таможенного законодательства, приводящие к недоначислению таможенных платежей. Такой выбор реализован в настоящее время в системе управления рисками (СУР) ФТС России [2; 4; 6; 11]. Его результаты содержат детальную информацию о каждой товарной партии, отобранной в соответствии со «случайным профилем риска» для углубленного таможенного контроля, и информацию о результатах этого контроля.

Обозначим:

- $V_n^0(t) = \{V_{n1}^0(t), V_{n2}^0(t), \dots, V_{nj}^0(t)\}, n = 1, 2, \dots, N$ — множество товарных партий, подвергнутых в n -м таможенном органе таможенному контролю за период времени $[0, t]$;
- $V_{nj}^0(t), (n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J)$ — множество партий товаров j -го вида, подвергнутых таможенному контролю в n -м таможенном органе за период времени $[0, t]$;
- $N_{nj}^0(t)$ — общее количество партий товаров j -го вида, подвергнутых в n -м таможенном органе таможенному контролю за период времени $[0, t]$ (мощность множества $V_{nj}^0(t)$);
- $V_n^1(t) = \{V_{n1}^1(t), V_{n2}^1(t), \dots, V_{nj}^1(t)\}, (n = 1, 2, \dots, N)$ — множество товарных партий, в отношении которых в соответствии с обычными профилями риска в n -м таможенном органе проведены мероприятия углубленного таможенного контроля за период времени $[0, t]$;
- $V_{nj}^1(t), n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J$ — множество партий товаров j -го вида, подвергнутых углубленному таможенному контролю в n -м таможенном органе за период времени $[0, t]$ в соответствии с обычными профилями риска;
- $N_{nj}^1(t)$ — количество партий товаров j -го вида, в отношении которых в соответствии с обычными профилями риска проведены мероприятия углубленного таможенного контроля в n -м таможенном органе за период времени $[0, t]$ (мощность множества $V_{nj}^1(t)$);
- $S_n(t) = \{S_{n1}(t), S_{n2}(t), \dots, S_{nj}(t)\}$ — множество товарных партий, в отношении которых в соответствии со «случайным профилем риска» проведены мероприятия углубленного таможенного контроля в n -м таможенном органе за период времени $[0, t]$;
- $S_{nj}(t), n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J$ — множество партий товаров j -го вида, подвергнутых углубленному таможенному контролю в n -м таможенном органе за период времени $[0, t]$ в соответствии со «случайным профилем риска»;
- $N_{nj}^2(t)$ — количество партий товаров j -го вида, в отношении которых в соот-

ветствии со «случайным профилем риска» проведены мероприятия углубленного таможенного контроля в n -м таможенном органе за период времени $[0, t]$ (мощность множества $S_{nj}(t)$);

- C_k^{nj} — требуемый объем таможенных платежей с k -й товарной партии из множества $S_{nj}(t)$;
- $_{nj}$ — объем таможенных платежей с k -й товарной партии из множества $S_{nj}(t)$, определяемый сведениями, заявленными в таможенной декларации.

Реальная информационная ситуация для оценивания в близком к реальному масштабе времени объема недоначисленных таможенных платежей исчерпывается знанием указанных величин для потока товаров в целом, потоков отдельных видов товаров, потоков товаров, оформляемых тем или иным таможенным органом. С учетом принятых обозначений, необнаруженные товарные партии, для которых имело место недоначисление n -м таможенным органом таможенных платежей, могут содержаться только в множестве

$$V_n(t) = \{V_{n1}(t), V_{n2}(t), \dots, V_{nJ}(t)\}, \quad n = 1, 2, \dots, N, \quad (11)$$

элементы которого равны

$$V_{nj}(t) = V_{nj}^0(t) - V_{nj}^1(t), \quad j = 1, 2, \dots, J. \quad (12)$$

Мощности множеств $V_{nj}(t)$, $n = 1, 2, \dots, N$, $j = 1, 2, \dots, J$ равны:

$$N_{nj}(t) = N_{nj}^0(t) - N_{nj}^1(t), \quad n = 1, 2, \dots, N, \quad j = 1, 2, \dots, J. \quad (13)$$

Введем в рассмотрение случайные величины $G_k^{nj}(t)$, $0 \leq G_k^{nj}(t) < \infty$, $n = 1, 2, \dots, N$, $j = 1, 2, \dots, J$, $k = 1, 2, \dots, N_{nj}(t)$, отражающие объем недополучения таможенных платежей при ввозе некоторой k -й товарной партии из соответствующих множеств $V_{nj}(t)$, $n = 1, 2, \dots, N$, $j = 1, 2, \dots, J$.

Тогда объем $G_{nj}^1(t)$ недополученных n -м таможенным органом таможенных платежей при перемещении через таможенную границу за период времени $[0, t]$ товаров j -го вида определяется соотношением:

$$G_{nj}^1(t) = \sum_{k \in V_{nj}(t)} G_k^{nj}(t), \quad n = 1, 2, \dots, N, \quad j = 1, 2, \dots, J. \quad (14)$$

Представление объема недополученных n -м таможенным органом таможенных платежей в виде соотношения (14) имитирует реальный процесс его формирования и, следовательно, позволяет более адекватно, чем обычно применяемые регрессивные и экспертные модели, учесть имеющуюся информацию о недополученных платежах. Тем самым повышается точность оценки их объема и структуры. Вследствие случайности величин $G_k^{nj}(t)$, ($n = 1, 2, \dots, N$, $j = 1, 2, \dots, J$), $k \in V_{nj}$ величины $G_{nj}^1(t)$ ($n = 1, 2, \dots, N$, $j = 1, 2, \dots, J$) также являются случайными.

Наиболее полную информацию о случайной величине содержит функция ее распределения или функция плотности распределения. Следовательно, построение модели для оценивания объема и структуры недополученных таможенных платежей состоит в [12–15]:

- а) построении, на основе имеющейся информации, функций $f_k^{nj}(z, t) = f^{nj}(z, t)$ плотности распределения случайных величин $G_k^{nj}(t)$ ($n = 1, 2, \dots, N$, $j = 1, 2, \dots, J$,

$k = 1, 2, \dots, N_{nj}(t)$), отражающих объемы недополученных n -м таможенным органом таможенных платежей при перемещении через таможенную границу каждой партии товаров j -го вида;

б) построении на их основе функций $g^{nj}(z, t)$ плотности распределения случайных величин, ($n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J$), отражающих суммарные объемы недополучения n -м таможенным органом таможенных платежей за период времени $[0, t]$ при перемещении через таможенную границу товаров j -го вида.

Исходную информацию для определения функций $f^{nj}(z, t)$ ($n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J$) содержат сведения о результатах проведения мероприятий углубленного таможенного контроля для товарных партий из множества $S_n(t) = \{S_{n1}(t), S_{n2}(t), S_{nJ}(t)\}$. Эти результаты определяются соотношением:

$$z_k^{nj} = C_k^{nj} - C_k^{nj*}, \quad (n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J, k = 1, 2, \dots, N_{nj}(t)). \quad (15)$$

Их можно рассматривать как случайные выборки из генеральных совокупностей, отражающих объемы недополученных n -м таможенным органом таможенных платежей, присущие перемещаемым товарам j -го вида. Выбор метода построения функций $f^{nj}(z, t)$ ($n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J$) на основе выборок (15) зависит от их объемов (мощностей $N_{nj}^2(t)$, $n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J$). При этом возможны две ситуации:

- 1) мощности элементов множества $S_n(t)$ достаточны для построения эмпирических функций $f^{nj}(z, t)$ плотности распределения случайных величин $G_k^{nj}(t)$ ($n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J, k = 1, 2, \dots, N_{nj}(t)$);
- 2) мощности выборок недостаточны для построения этих функций.

В рамках настоящей работы мы будем полагать, что мощности выборок недостаточны для построения указанных функций. Это предположение вытекает из реализуемого в настоящее время принципа содействия внешнеторговой деятельности и сокращения в связи с его реализацией количества товарных партий, подвергаемых углубленному таможенному контролю. В такой ситуации для построения функций $f^{nj}(z, t)$, $n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J$ целесообразно воспользоваться принципом минимизации домыслов (принципом максимума энтропии).

Будем полагать, что информация для реализации этого принципа исчерпывается знанием диапазона ($0 \leq G_k^{nj}(t) < \infty$) изменения величин $G_k^{nj}(t)$ ($n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J, k = 1, 2, \dots, N_{nj}(t)$) и среднего значения $\bar{z}^{nj}(t)$ объема недополученных n -м таможенным органом таможенных платежей для одной партии товаров j -го вида из множества $S(t)$:

$$\bar{z}^{nj}(t) = \frac{1}{N_{nj}^2(t)} \sum_{k \in S_{nj}(t)} z_k^{nj}, \quad n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J, \quad (16)$$

где z_k^{nj} — объем недополученных таможенных платежей, соответствующий k -й товарной партии из множества $S_{nj}(t)$, определяемый соотношением (15).

Тогда, приняв величину $\bar{z}^{nj}(t)$ в качестве оценки математического ожидания объема недополучения таможенных платежей, приходящегося на одну товарную партию из множества $V_{nj}(t)$, на основе принципа максимума энтропии [8, 9, 10] получим следующую экстремальную задачу для определения функций $f_{nj}(z, t)$, $n = 1, 2, \dots, N, j = 1, 2, \dots, J$:

$$H^{nj} = - \int_{-\infty}^{\infty} f^{nj}(z, t) \ln f^{nj}(z, t) dz \xrightarrow{f^{nj}(z, t)} \max; \quad (17)$$

$$\int_0^{\infty} z f^{nj}(z, t) z = \bar{z}^{nj}(t); \tag{18}$$

$$\int_0^{\infty} f^{nj}(z, t) z = 1. \tag{19}$$

Ее решением является соответствующая функция:

$$f^{nj}(z, t) = \frac{1}{\bar{z}^{nj}(t)} e^{-\frac{1}{\bar{z}^{nj}(t)} z(t)}, \quad n = 1, 2, \dots, N, \quad j = 1, 2, \dots, J. \tag{20}$$

Следовательно, объемы недополученных n -м таможенным органом таможенных платежей при перемещении каждой партии товаров j -го вида имеют экспоненциальное распределение. Исходя из этого, с учетом (14), функции плотности распределения величин $G_{nj}^1(t)$, $n = 1, 2, \dots, N$, $j = 1, 2, \dots, J$ представляются как комбинации распределений $N_{nj}(t)$ одинаково распределенных по экспоненциальному закону случайных величин. Их построение может осуществляться на основе математического аппарата характеристических функций. Характеристическая функция $\phi_{nj}(l)$ представляет собой преобразование Фурье-Стилтьеса плотности распределения и для функций (20) имеет вид:

$$\begin{aligned} \phi_{nj}(l) &= \int_{-\infty}^{\infty} e^{ilz(t)} f^{nj}(z, t) dz = \int_{-\infty}^{\infty} e^{ilz(t)} \frac{1}{\bar{z}^{nj}(t)} e^{-\frac{1}{\bar{z}^{nj}(t)} z(t)} dz = \\ &= [1 - il\bar{z}^{nj}(t)]^{-1}, \quad n = 1, 2, \dots, N, \quad j = 1, 2, \dots, J. \end{aligned} \tag{21}$$

На основе свойства мультипликативности характеристических функций, с учетом (21), характеристические функции $\upsilon_{nj}(l)$ величин $G^{nj}(t)$, $n = 1, 2, \dots, N$, $j = 1, 2, \dots, J$ определяются соотношением:

$$\upsilon_{nj}(l) = \left\{ [1 - il\bar{z}^{nj}(t)]^{-1} \right\}^{N_{nj}(t)}, \quad n = 1, 2, \dots, N, \quad j = 1, 2, \dots, J. \tag{22}$$

С учетом (22), на основе формулы обращения преобразования Фурье-Стилтьеса, функций $g^{nj}(z, t)$ плотности распределения случайных величин $G_{nj}^1(t)$, $n = 1, 2, \dots, N$, $j = 1, 2, \dots, J$, отражающих суммарные объемы недополученных n -м таможенным органом таможенных платежей за период времени $[0, t]$ при перемещении через таможенную границу товаров j -го вида, определяются соотношением:

$$\begin{aligned} g^{nj}(z, t) &= \frac{1}{2\pi} \int_{-\infty}^{\infty} e^{-ilz(t)} \left\{ [1 - il\bar{z}^{nj}(t)]^{-1} \right\}^{N_{nj}(t)} dl = \\ &= \frac{\left(\frac{z(t)}{\bar{z}^{nj}(t)} \right)^{N_{nj}(t)-1} e^{-\left(\frac{z(t)}{\bar{z}^{nj}(t)} \right)}}{\bar{z}^{nj}(t) \Gamma[N_{nj}(t)]}, \quad n = 1, 2, \dots, N, \quad j = 1, 2, \dots, J \end{aligned} \tag{23}$$

где $\Gamma[N_{nj}(t)]$ -гамма-функция.

Функции (23) являются стохастической моделью для текущей оценки объемов недополучения n -м таможенным органом таможенных платежей при перемещении товаров j -го вида через таможенную границу в рассмотренной информационной

ситуации. Они содержат весь объем информации о возможном общем объеме недополучения таможенных платежей за период $[0, t]$ (при $I = 1, J = 1$) и его в той или иной мере детализированной структуре (при $I > 1, J > 1$). Применение функций (23) позволяет рассчитывать вероятности недополучения таможенных платежей, их математические ожидания, дисперсии и др. характеристики, необходимые для осуществления надежной текущей оценки объема и структуры недополученных платежей.

Подстановка определяемых на основе соотношения (23) математических ожиданий недополученных таможенных платежей в соотношения (8)—(10) позволяет сформировать комплексную оценку текущей собираемости таможенных платежей с учетом реальной информационной ситуации.

Литература

1. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Капитоненко В. В. Экономико-математические методы и модели в мирохозяйственных связях: учебник. М. : Изд-во Российской таможенной академии. 2011.
2. Арсланов Р. Ф. и др. Теоретические основы применения системы управления рисками в таможенной службе Российской Федерации: науч.-метод. пособие. М. : Изд-во Российской таможенной академии. 2015.
3. Анисимов Е. Г., Анисимов В. Г., Гладков А. Р., Коровина Я. В. Методика прогнозирования объемов таможенных платежей // Вестник Российской таможенной академии. 2016. № 1. С. 119–125.
4. Тебекин А. В. и др. Экономический и таможенный риск-менеджмент: монография. М. : РИО Российской таможенной академии, 2015.
5. Сауренко Т. Н. и др. Методологические основы построения показателей эффективности контрольной деятельности органов государственной власти // Вопросы оборонной техники. Сер. 16: Технические средства противодействия терроризму. 2015. № 3–4. С. 17–20.
6. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Богоева Е. М., Коровина Я. В. Методика оценивания эффективности функционирования системы управления рисками таможенных органов Российской Федерации // Крымский научный вестник. 2016. № 3 (9). С. 116–127.
7. Богоева Е. М. и др. Методологические основы построения показателей эффективности контрольной деятельности органов государственной власти // Вопросы оборонной техники. Сер. 16: Технические средства противодействия терроризму. 2015. № 3–4. С. 17–20.
8. Ильин И. В., Ильяшенко О. Ю., Левина А. И., Широкова С. В., Дубгорн А. С. Формирование проекта по интеграции технологий обработки больших данных в архитектуру предприятия // В кн.: Неделя науки СПбПУ. Материалы научного форума с международным участием. Междисциплинарные секции и пленарные заседания институтов. 2015. С. 92–102.
9. Артамонов В. С., Черных А. К., Клыков П. Н. Подход к оценке эффективности систем управления организационными системами, функционирующими в реальном масштабе времени // Проблемы управления рисками в техносфере. 2014. № 4 (32). С. 60–68.
10. Кутузов А. Л. Исследование операций: учеб. пособие. М-во образования и науки Российской Федерации, Санкт-Петербургский гос. политехнический ун-т. СПб., 2012.
11. Сауренко Т. Н. и др. Стохастическая модель для оценки эффективности управления таможенными рисками // Управленческое консультирование. 2016. № 9. С. 83–95.
12. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Родионова Е. С., Сауренко Т. Н. Математические методы и модели в экономическом и таможенном риск-менеджменте. СПб. : Стратегия будущего, 2016.
13. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Кежаев В. А., Свертилов Н. И., Шатохин Д. В. Методы и модели стандартизации и унификации в управлении развитием военно-технических систем. М. : Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, 2004.
14. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Мартыщенко Л. А., Шатохин Д. В. Методы оперативного статистического анализа результатов выборочного контроля качества промышленной продукции. Международная академия информатизации. СПб., Тула, 2001.

15. Авдеев М. М. и др. Информационно-статистические методы в управлении микроэкономическими системами. Международная академия информатизации. СПб., Тула. 2001.

References

1. Anisimov V.G., Anisimov E.G., Kapitonenko V.V. *Economic and mathematical methods and models in world economic communications* [Ekonomiko-matematicheskie metody i modeli v mirokhozyaistvennykh svyazyakh]: textbook. M. : Publishing house of the Russian Customs Academy [Izd-vo Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2011. 179 p. (rus)
2. Arslanov R.F., etc. *Theoretical bases of application of a control system of risks in customs service of the Russian Federation* [Teoreticheskie osnovy primeneniya sistemy upravleniya riskami v tamozhennoi sluzhbe Rossiiskoi Federatsii]: Scientific and methodical tutorial. M. : Publishing house of the Russian Customs Academy [Izd-vo Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2015. 282 p. (rus)
3. Anisimov E. G., Anisimov V. G., Gladkov A. R., Korovina Ya. V. *Technique of forecasting of volumes of customs payments* [Metodika prognozirovaniya ob'emov tamozhennykh platezhei] // Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2016. № 1. P. 119–125. (rus)
4. Tebekin A.V., etc. *Economic and customs risk-management* [Ekonomicheskii i tamozhennyi risk-menedzhment]: monograph. M. : Publishing house of the Russian Customs Academy [Izd-vo Rossiiskoi tamozhennoi akademii], 2015. 180 p. (rus)
5. Saurenko T.N., etc. *Methodological bases of creation of indicators of efficiency of control activity of public authorities* [Metodologicheskie osnovy postroeniya pokazatelei effektivnosti kontrol'noi deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti] // Questions of the defensive equipment. Series 16: Technical means of counteraction to terrorism [Voprosy oboronnoi tekhniki. Ser. 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu. 2015. № 3–4. P. 17–20. (rus)
6. Anisimov V.G., Anisimov E.G., Bogoyeva E.M., Korovina Ya. V. *Methodic of estimation of efficiency of functioning of a control system of risks of customs authorities of the Russian Federation* [Metodika otsenivaniya effektivnosti funktsionirovaniya sistemy upravleniya riskami tamozhennykh organov Rossiiskoi Federatsii] // Crimean scientific bulletin [Krymskii nauchnyi vestnik]. 2016. № 3(9). P. 116–127. (rus)
7. Bogoyeva E.M., etc. *Methodological bases of creation of indicators of efficiency of control activity of public authorities* [Metodologicheskie osnovy postroeniya pokazatelei effektivnosti kontrol'noi deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti] // Questions of the defensive equipment. Series 16: Technical means of counteraction to terrorism [Voprosy oboronnoi tekhniki. Ser. 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu. 2015. № 3–4. P. 17–20. (rus)
8. Ilyin I.V., Ilyashenko O. Yu., Levina A.I., Shirokova S.V., Dubgorn A. S. *Formation of the project on integration of technologies of processing of big data into architecture of the enterprise* [Formirovanie proekta po integratsii tekhnologii obrabotki bol'shikh dannykh v arkhitekturu predpriyatiya] // Week of science of SPbSPU. Materials of a scientific forum with the international participation. Cross-disciplinary sections and plenary sessions of institutes [Nedelya nauki SPbPU. Materialy nauchnogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem. Mezhdistsiplinarnye seksii i plenarnye zasedaniya institutov]. 2015. P. 92–102. (rus)
9. Artamonov V.S., Chernykh A.K., Klykov P.N. *Approach to an assessment of efficiency of control systems of the organizational systems functioning in real time* [Podkhod k otsenke effektivnosti sistem upravleniya organizatsionnymi sistemami, funktsioniruyushchimi v real'nom mashtabe vremeni] // Risk management problems in a techno sphere [Problemy upravleniya riskami v tekhnosfere]. 2014. № 4 (32). P. 60–68. (rus)
10. Kutuzov A.L. *Research of operations* [Issledovanie operatsii]: manual. St. Petersburg State Polytechnical University [M-vo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, Sankt-Peterburgskii gos. politekhnicheskii un-t]. St. Petersburg, 2012. (rus)
11. Saurenko T.N., etc. *Stochastic model for an assessment of effective management of customs risks* [Stokhasticheskaya model' dlya otsenki effektivnosti upravleniya tamozhennymi riskami] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. № 9. P. 83–95. (rus)
12. Anisimov V.G., Anisimov E.G., Rodionova E.S., Saurenko T.N. *Mathematical methods and models in an economic and customs risk management* [Matematicheskie metody i modeli v ekonomicheskoi i tamozhennom risk-menedzhmente]. SPb. : Strategy of the future [Strategiya budushchego], 2016. 236 p. (rus)

13. Anisimov V.G., Anisimov E.G., Kezhayev V.A., Svertilov N.I., Shatokhin D.V. *Methods and models of standardization and unification in management of development of military and technical systems* [Metody i modeli standartizatsii i unifikatsii v upravlenii razvitiem voenno-tekhnicheskikh system]. M. : Military academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation [Voennaya akademiya General'nogo shtaba Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii], 2004. 279 p. (rus)
14. Anisimov V.G., Anisimov E.G., Martyshchenko L.A., Shatokhin D.V. *Methods of the operational statistical analysis of results of selective quality control of industrial output* [Metody operativnogo statisticheskogo analiza rezul'tatov vyborochnogo kontrolya kachestva promyshlennoi produktsii]. International academy of informatization [Mezhdunarodnaya akademiya informatizatsii]. St. Petersburg, Tula, 2001. 72 p. (rus)
15. Avdeev M.M., etc. *Information and statistical methods in management of microeconomic systems* [Informatsionno-statisticheskie metody v upravlenii mikroekonomicheskimi sistemami]. International academy of informatization [Mezhdunarodnaya akademiya informatizatsii]. St. Petersburg; Tula. 2001. 139 p. (rus)

Методика эколого-экономического обоснования создания современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства

Курбанов Тимур Хусаинович

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург)
Докторант кафедры Материального обеспечения
Кандидат экономических наук
kurbanov.t.h@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье освещены проблемные вопросы, связанные с переработкой отходов, образуемых в результате потребления материально-технических средств военной организацией. Рассмотрены факторы, обуславливающие значимость создания современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах. Представлена возможная классификация отходов, необходимая для организации раздельного сбора и определения способов переработки отходов. Автором разработана перспективная схема организации переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства. Методика, описанная в статье, позволяет оценить затраты на создание и эксплуатацию системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства, а также провести оценку экономической эффективности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

военная организация государства, переработка отходов, стационарные складские объекты, утилизация

Kurbanov T. Kh.

Methods of Eco-Economic Feasibility Study of Modern Waste-Treatment System on the Stationary Storage Facilities of the Military Organization of the State

Kurbanov Timur Husainovich

Military Academy of Logistics named after Army General A. V. Khrulev (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Doctoral student of Department of Material support
PhD in Economics
kurbanov.t.h@yandex.ru

ABSTRACT

In the article, the problematic issues connected with processing of the waste formed because of consumption of material means by the military organization are taken up. The factors causing the importance of creation of modern system of processing of waste on stationary warehouse objects are considered. The possible classification of waste necessary for the organization of separate collecting and definition of ways of processing of waste is presented. The author has developed the perspective scheme of the organization of processing of waste on stationary warehouse objects of the military organization of the state. The technique described in the article allows to estimate costs of creation and operation of system of processing of waste on stationary warehouse objects of the military organization of the state, and to carry out an assessment of economic efficiency.

KEYWORDS

military organization of the state, waste treatment, fixed storage facilities, disposal

На современном этапе развития России как никогда ранее стоит задача эффективного расходования денежных средств и материальных ресурсов, выделяемых на содержание и развитие Вооруженных сил [5, 7, 8, 9]. Создание производственно-логистических комплексов (ПЛК), включающих обособленную зону по переработке отходов, позволит эффективнее использовать материальные и финансовые ресурсы государства, а также значительно снизить экологическую нагрузку на окружающую среду.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 5 января 2016 г. № 7 «О проведении в Российской Федерации Года экологии»¹ и Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1082-р² в рамках создания ПЛК в интересах Минобороны предлагается разработать и внедрить современную гибкую систему переработки отходов, которые образуются в процессе потребления товарно-материальных ценностей военного назначения. Очевидно, что в данном случае необходимо соответствующее научно-методическое сопровождение мероприятий обеспечения экологической безопасности и экономической эффективности утилизации отходов. Таким образом, разработка методики эколого-экономического обоснования создания современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства является актуальной задачей [2].

Значимость разделения и переработки отходов военной организации обусловлена рядом факторов. Рассмотрим основные из них [10, 11]:

1. Экономичность — несмотря на довольно высокую стоимость разделения и переработки отходов, экономическая эффективность достигается за счет получаемого вторсырья, применяемого для производства различной продукции (современные технологии и возможность управления системой с начального момента образования отходов до конечного момента переработки обеспечивают высокую рентабельность их повторного использования).

2. Социальная значимость утилизации — создание дополнительных высокотехнологических рабочих мест и повышение занятости трудоспособных граждан в регионе (повышение эффективности использования трудовых ресурсов). Разумное обращение с отходами положительно сказывается на санитарно-эпидемиологической обстановке — снижается уровень заболеваемости населения.

3. Безопасность переработки отходов — использование только безопасных методов и способов утилизации отходов, образуемых военными потребителями. Риск негативного воздействия на жизнь и здоровье человека, а также на окружающую среду сводится к минимальному значению на всех стадиях преобразования отходов во вторсырье, начиная со сбора мусора.

4. Ресурсосбережение — рациональное использование ресурсов при полном удовлетворении прироста потребности, за счет использования при производстве вторсырья (регенерация и восстановление материалов либо выделение полезной энергии при термической утилизации). Отсутствие полигонов (свалок) или минимальное их количество позволяет использовать освободившиеся земли для других целей.

5. Экологичность — сохранность окружающей среды. Благодаря переработке отходов снижается негативное влияние на природу за счет уменьшения количества

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 января 2016 г. № 7 «О проведении в Российской Федерации Года экологии» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=6461270> (дата обращения: : 26.12.2016).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1082-р «Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2017 году в Российской Федерации Года экологии» [Электронный ресурс]. URL: <http://giod.consultant.ru/documents/3710280> (дата обращения: : 26.12.2016).

захороняемых отходов на полигонах (свалках), использования безопасных способов утилизации мусора, а также применения вторсырья (уменьшение количества добываемых ресурсов).

6. Репутация — качественный и количественный нематериальный показатель деятельности военной организации, представляющий собой прочно установившееся общественное мнение. Военные отходы могут быть легко идентифицированы, и нахождение их на полигонах (свалках), особенно на несанкционированных, в том числе образованных по вине компаний, отвечающих за вывоз и уничтожение отходов, может отрицательно сказаться непосредственно на репутации военной организации. По нашему мнению, раздельный сбор и переработка отходов существенно повысят престиж военной организации в обществе.

Для определения оптимальных способов сортировки и переработки, рекомендуемых в военной организации при перспективных стационарных объектах хранения, необходимо классифицировать отходы по определенным признакам (табл. 1).

Представленная классификация отходов необходима в методике для того, чтобы на ее первоначальном этапе установить — каким образом организовать раздельный сбор отходов, а также определить дальнейшие способы их переработки (место и способ утилизации).

На рис. 1 представлена перспективная схема организации переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства, согласно которой потребление военной продукции, утилизация и вторичное использование отходов представляет собой замкнутый цикл.

Военная организация государства является особой частью государственной экономической системы потребления, специфика которой вероятнее всего окажет по-

Рис. 1. Перспективная схема организации переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства

Источник: разработано автором.

Классификация отходов и их краткая характеристика

Признак классификации	Условное наименование	Краткая характеристика
По классу опасности для окружающей среды (природоохранный классификация)	I класс опасности (чрезвычайно опасные)	Очень высокая степень вредного воздействия опасных отходов на природную окружающую среду. Экологическая система необратимо нарушена, отсутствует какой-либо период восстановления
	II класс опасности (высокоопасные)	Высокая степень вредного воздействия опасных отходов на природную окружающую среду. В экологической системе существуют очень сильные нарушения, период восстановления не менее 30 лет после полного устранения источника
	III класс опасности (умеренно опасные)	Средняя степень вредного воздействия опасных отходов на природную окружающую среду. Экологическая система подвергнута сильным нарушениям. Период восстановления после снижения вредного воздействия от источника загрязнения составляет 10–30 лет
	IV класс опасности (малоопасные)	Низкая степень вредного воздействия опасных отходов на природную окружающую среду. Экологическая система сильно нарушена. Самовосстановление экосистемы происходит после устранения источника загрязнения в течение 3–10 лет
	V класс опасности (неопасные)	Очень низкая степень вредного воздействия опасных отходов на природную окружающую среду. Экология практически не нарушена. Самовосстановление экологической системы происходит в течение 3 лет
По цвету (классификация стран Европы)	Зеленый	Стеклянные отходы не токсичны, так как представляют собой природный долговечный и стабильный минерал — кварц, однако осколки стека потенциально опасны для жизни и здоровья человека и животных. Стеклянное вторсырье используется для производства новых изделий из стекла, а также для производства стеклосодержащих строительных материалов
	Синий	Газеты, журналы и другие печатные издания (макулатура) собираются отдельно от картона, так как применяются различные способы переработки. Макулатура перерабатывается в среднем 5–7 раз
	Желтый	Картон, пустые картонные упаковки (макулатура). При возможности — наиболее эффективный способ повторного использования в качестве возвратной тары

Признак классификации	Условное наименование	Краткая характеристика
По цвету (классификация стран Европы)	Желтый	Картон, пустые картонные упаковки (макулатура). При возможности — наиболее эффективный способ повторного использования в качестве возвратной тары
	Черный	Органические остатки, пищевые отходы, которые, как правило, компостируются и перерабатываются. Полезные продукты, полученные в результате компостирования, могут быть использованы в сельском хозяйстве в качестве удобрений
	Коричневый	Опасные отходы (батарейки и аккумуляторы) содержат высокотоксичные ядовитые вещества, в связи с чем требуют особых условий утилизации
	Красный	Неперерабатываемые отходы или прочие отходы. Вывоз данной категории мусора стоит намного дороже. Разумеется, мусор утилизируется, однако вторсырье из неперерабатываемых отходов добывать экономически невыгодно
	Оранжевый	Пластик (пластиковые бутылки и пластиковые упаковки) используется для производства вторсырья, а также при изготовлении альтернативных видов топлива (энергетических ресурсов, превращение пластика в электро- и теплоэнергию)

ложительное влияние при формировании инновационной системы переработки отходов. Во-первых, принятие норм и правил, связанных со сбором и утилизацией отходов внутри военной организации будет протекать по более упрощенной процедуре, чем в масштабах государства; во-вторых планирование объемов отходов, а соответственно и мощностей завода по переработке отходов будет достаточно точным, так как заранее известен объем потребляемых ресурсов; в-третьих, организация переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства значительно снизит финансовые затраты, связанные с транспортировкой (повысится эффективность использования грузовых транспортных средств), в-четвертых, существует возможность организовать максимально эффективный способ извлечения вторсырья из отходов посредством организации отдельного сбора мусора на начальном этапе его возникновения [15].

Следует отметить, что нами рассматривается не один единственно возможный вариант утилизации отходов после организации рационального отдельного сбора вторсырья. Варианты могут быть следующие: сдача вторсырья в пункты сбора; передача мусора сторонним организациям, в случае нецелесообразности переработки самостоятельно; самостоятельная переработка отходов непосредственно

Рис. 2. Структурная схема методики эколого-экономического обоснования создания современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства

Источник: разработано автором.

при ПЛК и создание готовых изделий для потребления либо изготовление вторсырья, готового для использования в производстве (в данном случае под самостоятельной переработкой понимается создание гражданских объектов на основе государственно-частного партнерства). Используется именно тот вариант, который позволяет достичь наилучших результатов использования ресурсов [1].

Методика эколого-экономического обоснования создания современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства включает в себя несколько этапов (см. рис. 2).

На первоначальном этапе необходимо провести анализ нормативно-правовой базы, рассмотреть существующие современные технологии переработки отходов, а также уточнить классификацию отходов (для организации раздельного сбора отходов необходимо выбрать существующую классификацию отходов либо разработать собственную).

Следующим шагом после анализа будет определение цели инвестирования, назначения и мощности объектов по переработке и хранению отходов, номенклатуры перерабатываемой продукции и продукции, получаемой в результате переработки (видов оказываемых услуг), местоположения объектов по переработке и хранению отходов (предположительно в местах дислокации ПЛК), а также определение возможности финансирования и достижения требуемых технико-экономических показателей объектов по переработке (утилизации) отходов.

Вторым этапом разрабатываемой методики эколого-экономического обоснования создания современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства является расчетно-аналитический этап. На данном этапе необходимо определить затраты на создание системы переработки отходов и рассчитать эксплуатационные затраты.

При создании объектов инфраструктуры по утилизации отходов, образуемых военными потребителями, необходимо оценить предстоящие затраты на строительство, оборудование, затраты на автоматизацию процесса переработки отходов:

$$P_{sozd} = P_{ob} + P_{obutil} + P_{avtp} + P_{proc}, \quad (1)$$

где P_{ob} — общая стоимость строительства всех необходимых зданий и сооружений, тыс. руб.; P_{obutil} — стоимость оборудования, необходимого для переработки отходов (вторсырья), тыс. руб.; P_{avtp} — стоимость внедрения системы автоматизации процесса переработки отходов, тыс. руб.; P_{proc} — прочие расходы, тыс. руб.

При расчетах нам также необходимо знать, какое количество отходов мы будем перерабатывать:

$$Q_0 = W_{iSS}^{Okr(F), SN} \times N_{oi}, \quad (2)$$

где Q_0 — количество отходов, образуемых в результате потребления в течение суток, тонн; $W_{iSS}^{Okr(F), SN}$ — среднесуточная потребность в материально-технических средствах (МТС) i -го вида военных потребителей в пределах округа (флота) и стратегического направления, тонн; N_{oi} — норма отходов для МТС i -го вида.

Расчет осуществляется по каждому виду отходов. Итоговые значения суммируются. Общая стоимость строительства всех необходимых зданий и сооружений будет рассчитана по формуле:

$$P_{ob} = P_p + P_h, \quad (3)$$

где P_{ob} — общая стоимость строительства всех необходимых зданий и сооружений, тыс. руб.; P_p — общая стоимость строительства производственных зданий и соору-

жений, тыс. руб.; P_h — общая стоимость строительства складских зданий и сооружений по хранению военных отходов (вторсырья), тыс. руб.

Стоимость строительства новых объектов (сооружений) по переработке военных отходов, определяется по зависимости:

$$P_i^p = \sum_{i=1}^n \frac{n_j N_j^p}{f_j^p} P_j k_{ci} k_{pi} k_{nri}, \quad (4)$$

где P_i^p — стоимость строительства производственных зданий и сооружений i -го типа, тыс. руб.; n — количество требуемых производственных зданий (сооружений); n_j — норма производственной мощности по переработке мусора j -й категории; N_j^p — показатель требуемой производственной мощности по переработке мусора j -й категории, на которой предусматривается строительство зданий (сооружений) i -го типа; f_j^p — норма единиц площади или объема на единицу производственной мощности по переработке мусора j -й категории; C_i — стоимость единицы площади зданий и сооружений i -го типа, тыс. руб.; K_{ci} — коэффициент индексации (изменения стоимости зданий и сооружений i -го типа); K_{pi} — коэффициент удорожания в зависимости от климатического, географического района строительства; K_{nri} — коэффициент непредвиденных расходов.

Стоимость строительства новых объектов (сооружений) по хранению военных отходов (вторсырья) определяется по зависимости:

$$P_i^h = \sum_{i=1}^n \frac{n_j N(q)_j^h}{f_j^h} P_j k_{ci} k_{pi} k_{nri}, \quad (5)$$

где P_i^h — стоимость строительства складских зданий и сооружений по хранению военных отходов (вторсырья) i -го типа, тыс. руб.; n — количество требуемых складских зданий (сооружений); n_j — норма содержания запасов j -го вида отходов (вторсырья); $N(q)_j^h$ — количество j -го вида отходов (вторсырья), на которые предусматривается строительство складских зданий (сооружений) i -го типа; f_j^h — норма единиц площади на единицу отходов (вторсырья) j -го вида; P_i — стоимость единицы площади складских зданий и сооружений i -го типа тыс. руб.; k_{ci} — коэффициент индексации (изменения стоимости зданий и сооружений i -го типа); k_{pi} — коэффициент удорожания в зависимости от климатического, географического района строительства; k_{nri} — коэффициент непредвиденных расходов.

Далее рассчитываем затраты на технические средства переработки отходов (вторсырья):

$$P_{obutil} = \sum^n P_{obutili} \times N_{utili}, \quad (6)$$

где $P_{obutili}$ — стоимость оборудования i -го типа, необходимого для переработки отходов (вторсырья), тыс. руб.; N_{utili} — количество оборудования i -го типа, которое требуется приобрести.

Затраты на автоматизацию процесса переработки отходов рассчитываются по формуле:

$$P_{avtp} = P_{doc} + P_{prog} + P_{teho} + P_{dor} + P_{vn}, \quad (7)$$

где P_{avtp} — стоимость внедрения автоматизации процесса переработки отходов, тыс. руб.; P_{doc} — стоимость документального сопровождения процесса автоматизации, тыс. руб.; P_{prog} — стоимость программного обеспечения автоматизации процесса, тыс. руб.; P_{teho} — стоимость технического обеспечения автоматизации процесса переработки отходов (сервера, персональные станции, каналы связи, сетевые устройства и т. д.), тыс. руб.; P_{dor} — стоимость настройки (доработки) автоматизированной системы (сервера, персональные станции, каналы связи, се-

твые устройства и т. д.), тыс. руб.; P_{vn} — стоимость внедрения (обучение пользователей, перенос данных, развертывание системы, интеграция с другими приложениями, тестирование), тыс. руб.

Эксплуатационные затраты будут складываться из затрат на переработку, стоимости хранения отходов, а также затрат, связанных с транспортированием отходов. Непосредственные затраты на соответствующие мероприятия утилизации отходов, образующихся в результате потребления продукции военного назначения, можно рассчитать по формуле:

$$P_{per} = P_0 N_{pi}, \quad (8)$$

где P_{per} — непосредственные затраты на соответствующие мероприятия утилизации отходов, тыс. руб.; P_0 — стоимость переработки (превращение в сырье и др.) 1 т (ед.) отходов, тыс. руб.; N_{pi} — количество единиц утилизируемых отходов (тонн отходов).

Стоимость хранения отходов, подлежащих утилизации, может быть определена по следующей зависимости:

$$P_{hr} = P_{amort} + P_{kz} + P_{pers}, \quad (9)$$

где P_{hr} — стоимость хранения отходов, тыс. руб.; P_{amort} — стоимость коммунальных затрат, тыс. руб.; P_{kz} — стоимость коммунальных затрат, тыс. руб.; P_{pers} — затраты на обслуживающий персонал, тыс. руб.

Затраты на транспортирование отходов (вторсырья) к местам сбора хранения должны учитывать возможность осуществления перевозок различными видами транспорта. Стоимость перевозки отходов (транспортные расходы при автомобильных перевозках) предлагается определить по следующей формуле:

$$P_{avttr} = (P_{pg} + P_{vg}) k_{pvg} + T_{at} k_{tar} k_{eo} k_{bd}, \quad (10)$$

где P_{avttr} — транспортные расходы при автомобильных перевозках, тыс. руб.; P_{pg} , P_{vg} — соответственно стоимость погрузки и выгрузки, тыс. руб.; k_{pvg} — поправочный коэффициент к стоимости погрузочно-выгрузочных работ; T_{at} — тариф на автоперевозки, тыс. руб.; k_{tar} , k_{eo} , k_{bd} — коэффициенты, учитывающие надбавку к тарифу, экспозиционные операции и бездорожье.

Расчет стоимости затрат на транспортирование отходов железнодорожным транспортом предлагается определять по формуле:

$$P_{tzd} = (P_{pgzd} + P_{vgzd}) k_{pvgzd} + T_{zd} + P_{pp}, \quad (11)$$

где P_{tzd} — транспортные расходы при перевозках железнодорожным транспортом, тыс. руб.; P_{pgzd} , P_{vgzd} — сметные цены на погрузку и выгрузку при железнодорожных перевозках, тыс. руб.; k_{pvgzd} — поправочный коэффициент к стоимости, аналогичный автомобильному; T_{zd} — тариф на железнодорожные перевозки, тыс. руб.; P_{pp} — расходы на эксплуатацию подъездных путей, тыс. руб.

Что касается расчета затрат на речные и морские перевозки, то они практически аналогичны расчетам при перевозке по железным дорогам. Отметим также, что массовый характер такие перевозки носить не будут ввиду нецелесообразности и недостаточной экономической эффективности.

На заключительном этапе методики необходимо оценить экономическую эффективность [12] в результате внедрения современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства. Для этого необходимо рассчитать: чистый дисконтированный доход (NPV); индекс доходности

(PI); внутреннюю норму доходности (IRR); дисконтированный период (срок) окупаемости (DPP).

Чистый дисконтированный доход NPV определяется следующим образом:

$$NPV = -IC + \sum_{t=1}^n CF_t \times \frac{1}{(1+i)^t}, \quad (12)$$

где NPV — чистый дисконтированный доход, тыс. руб.; IC — планируемые расходы на создание современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства, тыс. руб.; CF_t — денежный поток, дисконтированный с учетом времени, тыс. руб.; i — ставка дисконта (процента); t — период (изменяется от 1 до n , где n — длительность инвестиционного проекта).

Источником денежных потоков в этом случае будет снижение затрат военного ведомства на обеспечение функционирования системы обращения отходов, а также прибыль от реализации переработанного вторсырья. В силу особенностей военной организации и наличия целого ряда ограничений на виды ее деятельности представляется целесообразным сотрудничество с частными коммерческими структурами.

При $NPV > 0$ можно сделать вывод о том, что инвестиции в проект современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства экономически эффективны. Ситуация, в которой $NPV = 0$, свидетельствует о том, что для реализации проекта потребуется поддержка государства. Необходимость утилизации отходов подтверждается тем, что помимо экономического интереса данный проект обладает другими не менее важными показателями значимости — экологичность деятельности военной организации, социальная значимость проекта, репутация организации и др. В том случае, если $NPV < 0$, когда проект не только не принесет какой-либо прибыли, но и будет убыточным, вероятнее всего он будет отклонен.

Индекс доходности PI определяется по формуле:

$$PI = NPV \times \frac{1}{IC}. \quad (13)$$

Внутреннюю норму доходности IRR определяют следующим образом:

$$IRR = r_1 + NPV(r_1) \times \frac{1}{NPV(r_1) - NPV(r_2)} \times (r_2 - r_1), \quad (14)$$

где r_1 — ставка дисконтирования, при которой величина NPV имеет положительное значение; r_2 — ставка дисконтирования, при которой величина NPV имеет отрицательное значение; $NPV(r_1)$ — величина положительного чистого дисконтированного дохода; $NPV(r_2)$ — величина отрицательного чистого дисконтированного дохода.

Дисконтированный период (срок) окупаемости $DPP = n$, при котором NPV больше либо равно 0.

Подводя итог, стоит отметить, что, несмотря на тот факт, что в настоящее время переработка отходов в полезное вторсырье осуществляется различными отечественными и зарубежными предприятиями (в том числе при поддержке государства), задача эффективности проектирования, разработки и внедрения системы переработки остается малоисследованной. Существующие методы научного обоснования данного вопроса в большей степени находятся на стадии становления и разработки. В единичных случаях все же некоторые из них могут быть признаны как методики, подтверждающие экономическую (экологическую) эффективность создания системы переработ-

ки отходов, включающие в себя весь спектр вопросов от постановки задачи до реализации. Однако вопросы эколого-экономического обоснования создания современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства в научном плане до настоящего времени не исследовались.

Таким образом, приведенные в настоящей статье положения являются актуальными, заслуживающими определенного интереса как с теоретической, так и с практической точек зрения. А сама методика эколого-экономического обоснования создания современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства обладает научной новизной. Основное отличие методики от разработанных ранее заключается в комплексном подходе к обоснованию создания современной системы переработки отходов на стационарных складских объектах военной организации государства. Предложенная методика развивает теорию экономического и инвестиционного анализа, а также теорию принятия управленческих решений в сфере материально-технического обеспечения военной организации государства.

Литература

1. Венцюлис Л. С. Экономическая и экологическая эффективность различных способов обезвреживания и утилизации отходов // Региональная экология. 2015. № 7 (42). С. 88–92.
2. Внукова Н. В., Беспалова М. В., Зубова Ю. С., Горох Н. П. Твердые бытовые отходы: эффективная реальность, проблемы накопления и переработки // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. 2008. № 43. С. 73–77.
3. Ершов А. Г., Ершова В. А. Технико-экономический выбор метода уничтожения опасных отходов мегаполиса // Вопросы экономических наук. 2009. № 3 (36). С. 59–60.
4. Ершов А. Г., Ершова В. А. Инновационный анализ создания заводов по уничтожению твердых бытовых и медицинских отходов // Проблемы экономики. 2009. № 3. С. 22–23.
5. Коновалов В. Б., Тришункин В. В. Перспективные направления развития и пути совершенствования военной логистики // Экономика и предпринимательство. 2014. № 4–1 (45–1). С. 455–458.
6. Косинцев В. И., Бордунов С. В., Пилипенко В. Г., Прокудин И. А., Куликова М. В. Вариант решения проблем переработки полимерных отходов // Успехи современного естествознания. 2007. № 8. С. 64–65.
7. Курбанов А. Х., Курбанов Т. Х., Плотников В. А. Модель военно-экономического обоснования стационарной системы хранения материально-технических средств Тыла для ВС РФ нового облика // Вооружение и экономика. 2011. № 1 (13). С. 139–148.
8. Курбанов А. Х., Курбанов Т. Х. Основные направления развития системы стационарных объектов хранения военной организации государства // Научно-практическая конференция с международным участием «Неделя науки СПбПУ» / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб., 2016. С. 138–144.
9. Курбанов Т. Х., Ларин И. А. Перспективы развития стационарной складской базы, используемой при материально-техническом обеспечении военной организации государства // Сборник статей 4-й международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы развития современного общества». Курск, 2014. С. 452–455.
10. Латышенко К. П., Гарелина С. А. Экологические и энергетические проблемы современности // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2013. Т. 2. № 3 (17). С. 56–62.
11. Михайлов В. Г., Бугрова С. М. Проблемы управления отходами химических производств на примере переработки полимерного вторичного сырья // В мире научных открытий. 2012. № 8.1. С. 170–189.
12. Рогова Е. М., Ткаченко Е. А. Финансовый менеджмент: учебник и практикум. 2-е изд., испр. и доп. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс. М., 2015.
13. Рыбин А. В. Переработка макулатуры сохранит леса // Наука и образование. 2014. № 3 (3). С. 46–47.
14. Саушева О. С. Реализация рециклинга в РФ в контексте построения инновационной экономики // Инновационное развитие Российской экономики. IX Международная научно-

практическая конференция. Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; Российский гуманитарный научный фонд. М., 2016. С. 111–113.

15. Чарнецкий А. Д. Уничтожение опасных отходов: проекты и исследования // Твердые бытовые отходы. 2007. № 10. С. 68–69.

References

- Ventsyulis L. S. *Economic and ecological efficiency of various ways of neutralization and recycling* [Ekonomicheskaya i ekologicheskaya effektivnost' razlichnykh sposobov obezvrezhivaniya i utilizatsii otkhodov] // Regional ecology [Regional'naya ekologiya]. 2015. N 7 (42). P. 88–92. (rus)
- Vnukova N. V., Bepalov M. V., Zubov Yu. S., Gorokh N. P. *Municipal solid waste: objective reality, problems of accumulation and processing* [Tverdye bytovye otkhody: ob"ektivnaya real'nost', problemy nakopleniya i pererabotki] // Bulletin of the Kharkiv national automobile and road University [Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo avtomobil'no-dorozhnogo universiteta]. 2008. N 43. P. 73–77. (rus)
- Yershov A. G., Yershova V. A. *Technical and economic choice of a method of destruction of dangerous wastes of the megalopolis* [Tekhniko-ekonomicheskii vybor metoda unichtozheniya opasnykh otkhodov megapolisa] // Questions of economic sciences [Voprosy ekonomicheskikh nauk]. 2009. N 3 (36). P. 59–60. (rus)
- Yershov A. G., Yershova V. A. *Innovative analysis of creation of the plants on destruction of solid household and medical waste* [Innovatsionnyi analiz sozdaniya zavodov po unichtozheniyu tverdykh bytovykh i meditsinskikh otkhodov] // Problems of economy [Problemy ekonomiki]. 2009. N 3. P. 22–23. (rus)
- Konovalov V. B., Trishunkin V. V. *Perspective directions of development and way of improvement of military logistics* [Perspektivnye napravleniya razvitiya i puti sovershenstvovaniya voennoi logistiki] // Economy and business [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2014. N 4-1 (45-1). P. 455–458. (rus)
- Kosintsev V. I., Bordunov S. V., Pilipenko V. G., Prokudin I. A., Kulikova M. V. *Variant of the solution of problems of processing of polymeric waste* [Variant resheniya problem pererabotki polimernykh otkhodov] // Progress of modern natural sciences [Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya]. 2007. N 8. P. 64–65. (rus)
- Kurbanov A. H., Kurbanov T. H., Plotnikov V. A. *Model of military-economic justification of stationary system of storage of material means of the Back for Russian Armed Forces of new shape* [Model' voenno-ekonomicheskogo obosnovaniya statsionarnoi sistemy khraneniya material'no-tehnicheskikh sredstv Tyla dlya VS RF novogo oblika] // Arms and economy [Vooruzhenie i ekonomika]. 2011. N 1 (13). P. 139–148. (rus)
- Kurbanov A. H., Kurbanov T. H. *The main directions of development of system of stationary objects of storage of the military organization of the state* [Osnovnye napravleniya razvitiya sistemy statsionarnykh ob"ektov khraneniya voennoi organizatsii gosudarstva] // The Scientific and practical conference with the international participation "Week of science SPbSPU" [Nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem «Nedelya nauki SPbPU»] / St. Petersburg State Polytechnical University of Peter the Great [Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii universitet Petra Velikogo]. SPb., 2016. P. 138–144. (rus)
- Kurbanov T. H., Larin I. A. *The prospects of development of the stationary warehouse base used at material support of the military organization of the state* [Perspektivy razvitiya statsionarnoi skladskoi bazy, ispol'zuemoi pri material'no-tehnicheskome obespechenii voennoi organizatsii gosudarstva] // Collection of articles of the 4th international scientific and practical conference "Topical Issues of Development of Modern Society" [Sbornik statei 4-oi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy razvitiya sovremennogo obshchestva»]. Kursk, 2014. P. 452–455. (rus)
- Latyshenko K. P., Garelina S. A. *Environmental and power problems of the present* [Ekologicheskie i energeticheskie problemy sovremennosti] // News of the Moscow state technical university [Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI]. 2013. V. 2. N 3 (17) P. 56–62. (rus)
- Mikhaylov V. G., Bugrova S. M. *Problems of waste management of chemical productions on the example of processing of polymeric secondary raw materials* [Problemy upravleniya otkhodami khimicheskikh proizvodstv na primere pererabotki polimernogo vtorichnogo syr'ya] // In the world of discoveries [V mire nauchnykh otkrytii]. 2012. N 8.1. P. 170–189. (rus)

12. Rogova E. M., Tkachenko E. A. *Financial management* [Finansovyi menedzhment]. Textbook and practical work. 2nd edition. Series 58. Bachelor. Academic course. M., 2015. 540 p. (rus)
13. Rybin A. V. *Processing of waste paper will keep the woods* [Pererabotka makulatury sokhranit lesa] // Science and education [Nauka i obrazovanie]. 2014. N 3 (3). P. 46–47. (rus)
14. Sausheva O. S. *Realization of a recycling in the Russian Federation in the context of creation of innovative economy* [Realizatsiya retsiklinga v RF v kontekste postroeniya innovatsionnoi ekonomiki] // Innovative development of the Russian Economy. IX International scientific and practical conference. Plekhanov Russian Academy of Economics; Russian humanitarian scientific fund [Innovatsionnoe razvitie Rossiiskoi ekonomkiIX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Rossiiskii ekonomicheskii universitet im. G. V. Plekhanova; Rossiiskii gumanitarnyi nauchnyi fond]. M., 2016. P. 111–113. (rus)
15. Charnetsky A. D. *Destruction of dangerous wastes: projects and researches* [Unichtozhenie opasnykh otkhodov: proekty i issledovaniya] // Municipal solid waste [Tverdye bytovye otkhody]. 2007. N 10. P. 68–69. (rus)

Использование PDCA-модели в управлении государственными закупками

Кузьмин Алексей Евгеньевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС
Доцент кафедры экономики и финансов
Кандидат политических наук
fef@sziu.ranepa.ru

Филей Павел Николаевич

ООО «Контракт Солюшнс Энтерпрайз»
Генеральный директор
info@contractse.ru

РЕФЕРАТ

В статье предлагаются рекомендации по организации закупочного процесса у государственных и муниципальных заказчиков на основе принципа Деминга — Шухарта (цикл PDCA). Авторы приводят результаты первого этапа исследования закупочной практики заказчиков и предлагают внедрение принципов бережливого производства в госсекторе в закупочную практику заказчиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

организация закупок, закупочный процесс, PDCA, контрактная служба, специалист в сфере закупок, проектное управление в госсекторе

Kuzmin A. E., Filey P. N.

Specialist in Procurement as the Owner of the Public Procurement Process

Kuzmin Aleksey Evgenevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Economy and Finance
PhD in Political Science
fef@sziu.ranepa.ru

Filey Pavel Nikolayevich

LLC «Contract SE»
CEO
info@contractse.ru

ABSTRACT

This article proposes recommendations on how to organize the procurement process for state and municipal customers based on the Deming-Schuhart principle (the PDCA cycle). The authors give the results of the first stage of the study of procurement practices of customers and propose the introduction of principles of project management in the public sector in the procurement practice of customers.

KEYWORDS

organization of procurement, Procurement process, PDCA, Contract service, Specialist in the field of procurement, Project management in the public sector.

С 1 января 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», пришедший на смену Федеральному закону от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выпол-

нение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». За 3 года правоприменительной практики 44-ФЗ вызывает как одобрение, так и критику со стороны государственных/муниципальных заказчиков и участников размещения закупок. В данной статье предпринята попытка ответить на несколько вопросов теоретической и практической направленности: насколько государственные закупки выполняют свои функции в наши дни и от чего зависит их итоговый результат, какие методы возможно применять для достижения целей при закупочной деятельности?

В соответствии со ст. 38 44-ФЗ, важнейшим звеном при проведении закупки является контрактный служащий (управляющий) — это должностное лицо заказчика, ответственное за проведение закупок, которое несет ответственность за результативность и эффективность закупочной деятельности. Контрактный служащий отвечает за соблюдение интересов (с оптимальными затратами времени, материальных и финансовых ресурсов) государства в контрактруемых расходах. За нарушение требований, установленных законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок, контрактные служащие несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность (ст. 107 Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ).

Весь процесс закупочной процедуры со стороны контрактных служащих можно разделить на следующие этапы: стратегический; управленческий; операционный; административный. На стратегическом этапе контрактный служащий вместе с руководством планирует закупочную деятельность на соответствующий период; на управленческом формирует анализ потребностей организации в закупках и определяет состояния конкурентной среды на соответствующих рынках товаров, работ, услуг; на операционном подготавливает документацию, в том числе занимается описанием объекта закупки; административные функции сопровождают все вышеперечисленные этапы, они связаны, например, с ведением отчетности в ЕИС.

На первый взгляд, при всей понятности этапов процедуры, данный процесс скрывает «подводные камни», человеческие ограничения и противоречия федерального закона, которые необходимо соблюдать на всех этапах закупки и не допустить нарушений КОАП РФ. Как можно понять, эта задача — не из легких, так как необходимо не только пройти весь этап процедуры и выполнить заявленные потребности, но и улучшить сам процесс без существенных затрат.

Мы рассмотрим процесс закупки в разрезе модели по улучшению или цикла PDCA, как один из примеров того, каким образом можно применять инструменты анализа для преодоления узких и проблемных мест при осуществлении закупочной деятельности. Данный метод был разработан в 50-х годах XX в. и назван по имени создателей «принцип Деминга — Шухарта» или цикл *PDCA* (англ. «Plan-Do-Check-Act»). Это циклически повторяющийся процесс принятия решения, используемый в управлении качеством, а также ставшей популярной в последнее время концепции бережливого производства.

Выбор процесса улучшений инициируется на этапе Plan — планирование закупочной деятельности. Как правило, заявленный план закупок и план-график закупок не всегда реализуется в соответствии с заявленными сроками, что может привести к некачественному результату по причине продуктовой сезонности или спешки, что не способствует улучшению в работе контрактного служащего. Причины отклонений могут быть разные: как ожидаемые, например, отсутствие соответствующего объема финансового обеспечения, так и совсем неожиданные, такие как жалобы в ФАС со стороны участников закупки, расторжение контракта во время исполнения. Возможно ли избежать этих сбоев или быть готовым к такому варианту развития событий? Для ответа на этот вопрос мы проанализируем ход выполнения работы, изобразив его графически при помощи процессной модели (см. рис. 1).

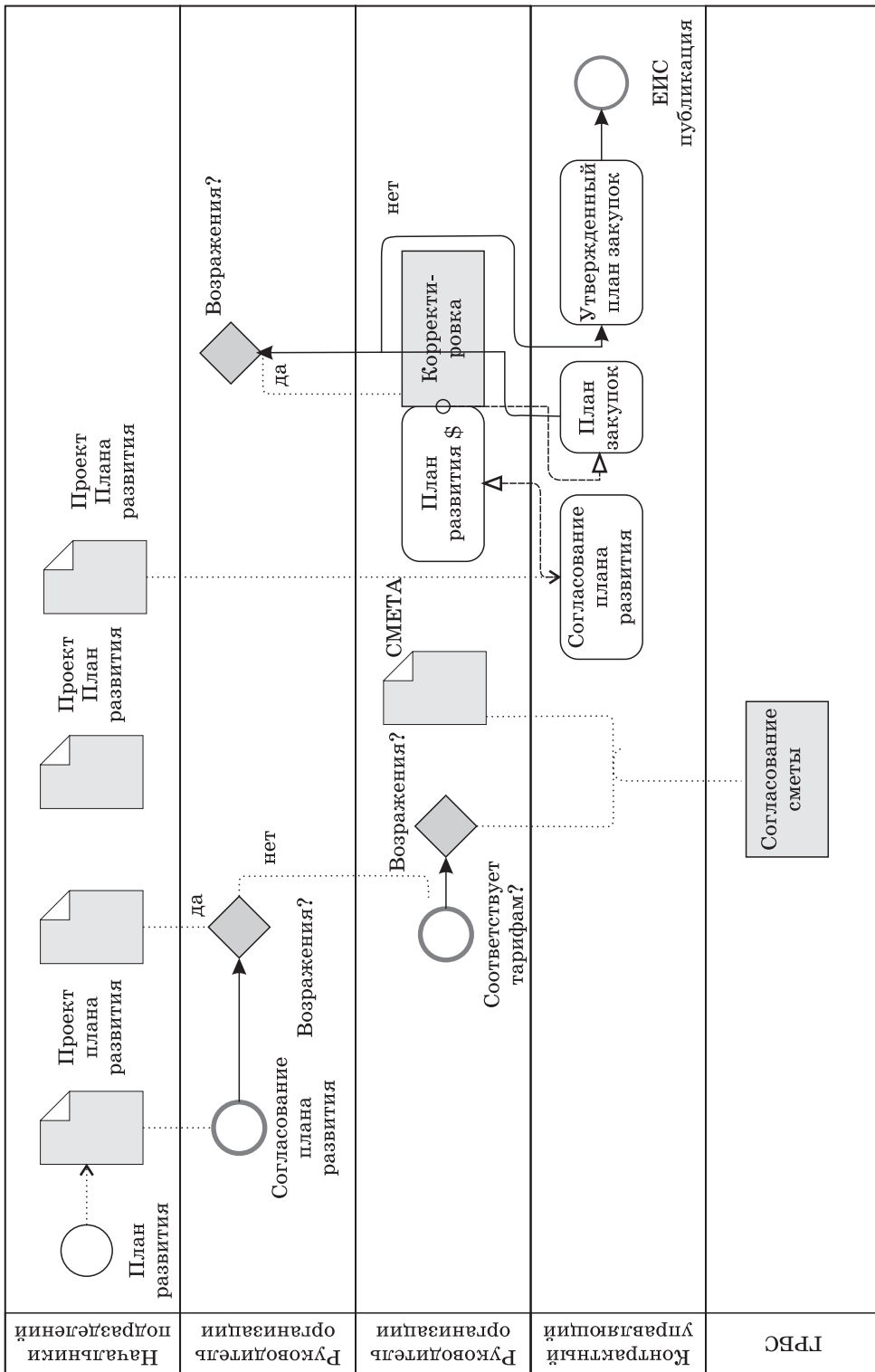

Рис. 1. Процесс планирования закупочной деятельности

Выбрав процесс, который требует улучшения на этапе DO, мы документируем процесс. Как минимум существует три версии процесса: как мы о нем думаем, процесс как он есть, и процесс, каким он должен быть. Отличительная черта в описании карты процесса — это то, что мы его описываем по горизонтали, описывая каждое действие, нами совершаемое. Например, передвижение и выполнение работы с документами, их проверка. Этот подход отличается от традиционного административного: по вертикали сверху вниз. Такое описание указывает больше на функционал, но не отвечает на вопрос: кто и что делает и что чего не делает.

Осуществив описание по модели бизнес-процессов BPMN (англ. Business Process Model and Notation, нотация и модель бизнес-процессов), можно сразу увидеть варианты выполнения работ, в которых происходят потери: например, дублирование функций, где одновременно или повторно согласовывается, например, план график, ожидание подписи документа, согласований действий, переделывание технического задания документации, ошибки в документации, выполнение ненужной работы — все это лишние этапы в процессах проведения закупки, которые не добавляют ценности и результативности. Например, повторная работа с документами «на всякий случай», подготовка месячных отчетов «заранее», рассылка служебных записок всем структурным подразделениям и т.п. Все эти потери затрудняют путь к поставленным целям по эффективному и результативному расходованию бюджетных средств. Для реализации задач нам необходимо определить критерии и соответствующие им показатели на этапе DO (делать) (табл. 1).

Описав всю последовательность действий в формате процесса, даже тех, которые заказчик выполняет «автоматически» и не придает этому значения, переходим к этапу С (Check). На данном этапе мы проверяем результаты работ.

Как правило, существует опасность пропустить данный этап, добившись результата на этапе DO, что фактически возвращает заказчика в исходное состояние, а в сфере государственных и муниципальных закупок влечет негативные последствия. Чтобы этого избежать, необходимо проанализировать достижение целей по показателям. Если показатели не соответствуют заявленным, заказчик анализирует допущенные ошибки на ранних стадиях, возвращается на этап планирования Plan и повторяет цикл заново. На стадии С (Check) необходимо анализировать отклонения от плана. После доработки и достижения поставленного результата заказчик документирует результаты.

Документирование позволяет описать успешный способ решения задачи и дать его детальное описание. Имея готовый маршрут действий, придерживаясь которого заказчик достигает экономии времени, можно найти необходимую последовательность действий, придерживаясь которой достигается результат, заявленный ранее. Также данные действия позволяют передавать опыт новым служащим при помощи готовых решений, что позволяет уйти от зависимости человеческого фактора, что является проблемой из-за дефицита специалистов в сфере закупок, особенно на уровне субъектов РФ. Как правило, специалист с высокой квалификацией, меняя место работы, уносит с собой свои наработки и успешный опыт, что может в перспективе создать работодателю сложности по замене специалиста в ограниченные сроки, привести к потерям времени, нарушению закона и невыполнению своих основных функций и, как итог, нерациональному расходованию бюджета.

Пример анализа на этапе А (act) мы продемонстрируем при помощи диаграммы Исикавы (рис. 2). Диаграмма Исикавы — это модель, позволяющая графически отобразить связи между причинами и проблемой, что позволяет непрерывно совершенствовать процесс выполнения работ.

В рамках государственных закупок в качестве примера возьмем медицинское учреждение с проблемой «недоставка медикаментов» — это будет у нас «голова рыбы», и от нее проводим прямую линию, как бы хребет, на котором изображаем

Критерии и показатели эффективности закупочного процесса

Критерий	Показатель
Эффективность расходования бюджетных средств	Экономия ресурсов учреждения и приобретение товаров, работ, услуг по оптимальной цене (абсолютная и относительная экономия бюджетных средств)
Соблюдение законодательства	Доля обжалований в общем количестве проведенных закупок. Количество нарушений, выявленных в ходе плановых/внеплановых проверок ФАС
Оптимальные сроки поставки товаров, работ, услуг	Удельный вес поставок с нарушением сроков в общем объеме поставок. Количество контрактов, по которым были предъявлены претензии по срокам поставки
Соответствие качества товаров, работ, услуг требованиям заказчика	Доля контрактов, по которым были предъявлены претензии поставщикам (по качеству и комплектности). Количество претензий со стороны подразделений заказчика

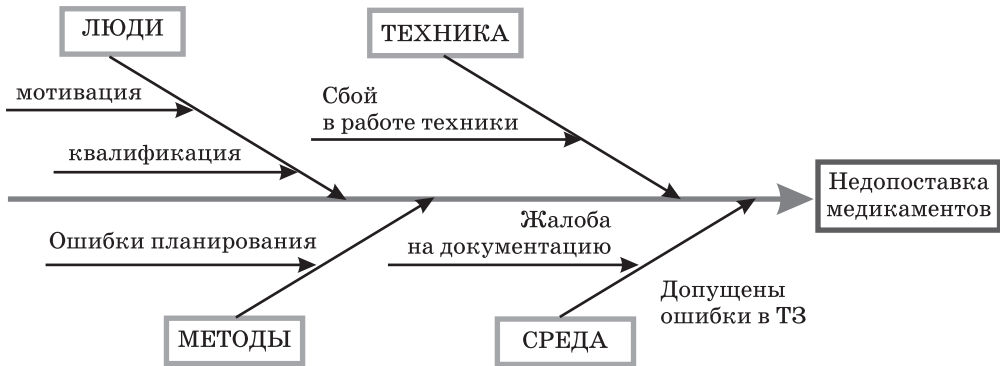

Рис. 2. Пример диаграммы Исикавы

в виде костей области, по причине которых может возникать главная проблема «недоставка медикаментов». В каких областях могут возникнуть проблемы? Это, как правило, люди, техника, методы, среда. И вместе с диаграммой Исикавы мы используем метод «5 почему» (рис. 3).

Берем область возникновения проблемы, например, среда и возникающая в ней проблема — это жалоба в ФАС на документацию. Начинаем использовать метод «5 почему» и по порядку задаем один и тот же вопрос, отвечая на предыдущий. Выявив корневую причину в разбираемой области, специалист в сфере закупок инициирует принятие регламента взаимодействия структурных подразделений с контрактной службой для решения проблемы. И таким же способом необходимо проработать области: люди, техника, методы.

Необходимо обратить внимание, что инструменты и методы, которые мы описываем, не могут применяться по шаблону, даже если в двух организациях схожие проблемы: они не будут работать, либо приведут к негативному результату. Основная идея заключается в том, что при помощи мозгового штурма в границах индивидуальности структуры, людей и других факторов решаются проблемы именно в конкретной ситуации. Понятно, что проблемы схожи у всех заказчиков: сбой сроков, правильность документации, качество исполнения и приемки товаров, работ, услуг,

МЕТОД «5 ПОЧЕМУ»

Проблема:

На нас подали жалобу в ФАС

Рис. 3. Графическое представление метода «5 почему»

но причины возникновения имеют свой индивидуальный характер, выявить причины и устранить их — это является основной задачей специалиста в сфере закупок.

Закрепив стандарт выполнения работ, заказчик начинает поиск улучшенного пути решения задачи. В качестве примера возьмем процесс согласования (рис. 4). Зачастую согласование происходит с разными подразделениями организации, в разное время, а иногда формально (в чем нет надобности), что в конечном итоге увеличивает время производства процедуры.

В 2016 г. на первом этапе исследования авторами статьи было проведено анкетирование заказчиков, работающих в рамках Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В табл. 2 и 3 приведены сведения о принадлежности респондентов к соответствующему типу заказчиков.

Таблица 2

Типы заказчиков, участвующих в анкетировании

Тип заказчика	Количество респондентов
Государственный	64
Муниципальный	1
Бюджетное учреждение	169
Автономное учреждение	1
Казенное учреждение	39
Унитарное предприятие	—
Нет ответа	14
Итого	288

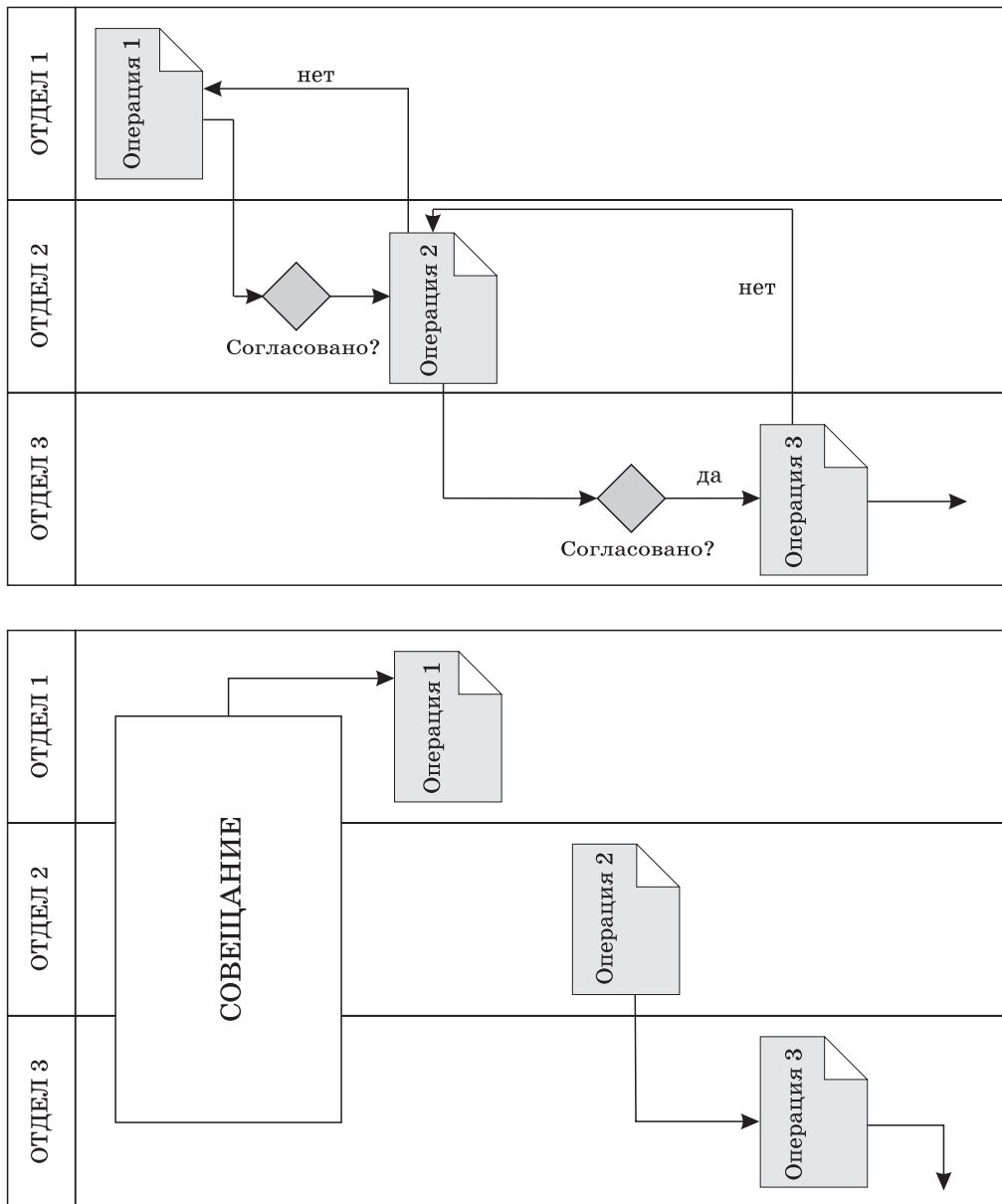

Рис. 4. Процесс согласования в сфере государственных закупок

Анкета состояла из 12 вопросов, из которых 6 были открытыми и 6 — закрытыми. К открытым вопросам были отнесены следующие: тип и уровень заказчика; сложности, которые возникают при планировании; как происходит сравнение качественных (технических, функциональных) характеристик объекта закупки при анализе рынка; какие источники информации используются при обосновании цены; каков объем экономии бюджетных средств в процентах от общего объема финансирования; есть ли, на ваш взгляд, иной способ качественного изменения ситуации

Уровень заказчиков, участвующих в анкетировании

Уровень заказчика	Количество респондентов
Федеральный	18
Региональный	139
Муниципальный	32
Нет ответа	99

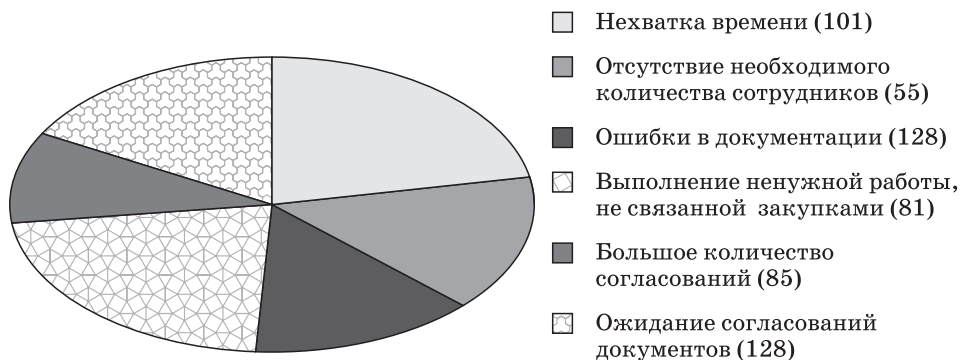

Рис. 5. Основные проблемы, возникающие в ходе закупочного процесса

в сфере закупок. На основе закрытых вопросов был сформирован общий портрет заказчиков по типовым проблемам (было использовано 200 анкет, наиболее полно заполненных со стороны респондентов) (рис. 5).

Подводя итог, отметим, что метод, который был продемонстрирован, имеет циклический характер, где управленец постоянно работает на четырех этапах PDCA до достижения результата. Умение «выйти из процесса» выполнения работ, проанализировать свою деятельность и внести точные изменения и дополнения — это важные составляющие управленческой практики государственных и муниципальных заказчиков. Порой эта, на первый взгляд простая, задача является невыполнимой, так как уйти из-под влияния шаблонных действий практически невозможно, имея ограничения во времени, учитывая специфику изменения рынка поставщиков и меняющегося законодательства.

Используя метод PDCA, заказчики будут стремиться не только упростить себе работу, но и приблизиться к возможности максимально эффективно использовать бюджетные средства и удовлетворять конечного потребителя, избавившись от потерь. На основании проведенного анкетирования нам удалось уточнить основные проблемы, возникающие в ходе закупочного процесса у заказчиков. Также авторы статьи предполагают, что использование метода PDCA в закупочной практике подходит в целом под тренд использования проектного управления в государственном секторе и хорошо соотносится с Приказом МЭР РФ от 14.04.2014 № 26Р-АУ «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти» и Постановлением Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ».

Кризисные явления в экономике России и пути их преодоления

Михайлов Виктор Владимирович

Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Кандидат экономических наук, доцент
victormother39@ gmail.com

Михайлов Сергей Викторович

ООО «АРТЕК» (Санкт-Петербург)
Заместитель директора
Кандидат экономических наук
msvik2010@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены причины кризисных явлений в экономике России и направления их преодоления. Авторы исходят из того, что часть причин вызвана переоценкой роли механизма свободного рыночного регулирования, использование которого в современных экономических условиях должно дополняться государственным регулированием. Его применение направлено на согласование интересов всех субъектов рынка и преодоление кризисных явлений в экономике страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

рыночный либерализм, национальная экономика, рыночная цена, предельный доход, цена капитала, средняя прибыль, государственное регулирование, банкротство, производительность труда, эффективность производства, конкуренция, корпоративная ответственность, государственная собственность, управление

Mikhailov V. V., Mikhailov S. V.

The Crisis Phenomena in Economy of Russia and the Way of their Overcoming

Mikhailov Victor Vladimirovich

Military Academy of the Signal Corps of Marshall of the Soviet Union S. M. Budenny (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Humanitarian, Social and economic disciplines
PhD in Economics, Associate Professor
victormother39@ gmail.com

Mikhailov Sergey Victorovich

LLC ARTEK (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Deputy Director
PhD in Economics
msvik2010@mail.ru

ABSTRACT

In article the reasons of the crisis phenomena in economy of Russia and the direction of their overcoming are considered. Authors recognize that a part of the reasons is caused by revaluation of a role of the mechanism of free market regulation which use in modern economic has to be supplemented with state regulation. Its application is sent for approval of interests of all subjects of the market and overcoming the crisis phenomena in country economy.

KEYWORDS

market liberalism, national economy, market price, limit income, capital price, average profit, state regulation, bankruptcy, labor productivity, production efficiency, competition, corporate property, state ownership, management

В последние годы экономика страны сталкивается с рядом проблем, которые в самом общем виде проявляются в неустойчивости экономического развития, в снижении темпов роста и даже абсолютном сокращении объемов производства не только отдельных предприятий, но и различных отраслей национальной экономики. Хотя и предпринимаются энергичные усилия, пока не удастся преодолеть безработицу и инфляцию, что оказывает негативное влияние на состояние производства и сдерживает экономический рост. Снижение конечных результатов производства в реальном секторе экономики сказывается на доходах бюджетов всех уровней — банкротами становятся не только средние и мелкие, но и крупные предприятия разных отраслей и учреждения банковской сферы. Все эти кризисные явления требуют научного объяснения и анализа причин их возникновения и поиска путей преодоления.

Прежде всего, речь идет об исходных принципах развития современной экономики, где с позиций сторонников рыночного либерализма созданы все необходимые условия для успешной экономической деятельности. Вряд ли можно назвать страну, где бы так поощрялась частная собственность, свобода предпринимательства, хозяйственная инициатива и свобода выбора направлений экономической деятельности. Но не менее трудно назвать страну, где бы так остро давали о себе знать кризисные явления в виде длительного замедления темпов роста и даже спада производства в масштабах национальной экономики.

В наши дни экономическая наука сталкивается с проблемой выбора: защищать ли дальше позиции рыночного либерализма, либо исходить из других принципов, в основе которых лежат объективные законы общественного производства, среди которых видное место занимают и рыночные отношения. Научная задача состоит в том, чтобы правильно определить их место в системе социально-экономических отношений и эффективно использовать в интересах не только отдельных лиц и их сообществ, но общества в целом.

Нельзя согласиться с утверждением, что «рыночные отношения пронизывают экономическую, политическую и социальную жизнь в такой степени, что большинство процессов и явлений в этих сферах могут быть описаны рыночными категориями» [4, с. 29]. И совсем недопустимо такое сравнение, как «рынок значительно шире, чем национальное хозяйство, и уж тем более, значительно шире, чем современная экономика, возникшая в ходе промышленной революции на рубеже 18 и 19 вв.» [4, с. 30].

Если говорить о текущем моменте, то для преодоления кризисных явлений в экономике России применения «невидимой руки» рынка недостаточно. Необходимо использование правовых, организационных и экономических мер, которые бы обеспечивали защиту интересов и безопасность личности, общества и государства. Задача состоит в том, чтобы на определенном временном интервале найти пределы, при которых положительные качества рынка превращаются в свою противоположность и вступают в противоречие с общественными интересами, на смену рыночному равновесию приходят диспропорции в экономической и социальной жизни общества, нарастают кризисные явления, обостряются отношения в экономической и социальной жизни общества.

Примат общественных интересов над частными интересами все ставит на свое место, так как в таком случае экономика рассматривается комплексно как неразрывное единство двух ее подсистем — организационно-экономической и социально-экономической. У такой системы больше преимуществ и возможностей по сравнению с рыночными отношениями, которые по своему содержанию включают лишь отношения купли-продажи как составной части экономических отношений. Извлечение прибыли, обогащение любой ценой неизбежно ведет к перегреву экономики и является одной из причин кризисных явлений, сдерживающих рост и нарушающих

пропорциональное развитие всех отраслей национальной экономики. Напомним, что рыночный механизм изначально предназначался для регулирования рынка свободной конкуренции, основанной на частной собственности мелких производителей и свободы выбора потребителя, а не для решения проблем национальной экономики и тем более проведения антикризисных мер, направленных на защиту государственных и общественных интересов.

Наша позиция заключается в том, что концепция рыночного либерализма основывается на таких факторах роста экономики, которые в современных условиях требуют уточнения и дополнения, а в отдельных случаях и полного отказа от ее основных положений. Трудно, например, представить на огромной территории России свободное перемещение труда и капитала, когда основная масса работников сосредоточена на крупных предприятиях, где отсутствует свободная конкуренция, а вслед за ней и свободное ценообразование, когда предприятия разделены естественными и искусственными барьерами. Для выравнивания диспропорций между регионами, а также их материально-технического и финансового обеспечения необходимы межотраслевые согласования и решения на правительственном уровне.

Необходимо отметить, что рыночный либерализм не предназначен для решения таких задач. По мнению основоположников этой теории, рыночный либерализм применим лишь к условиям свободной конкуренции, т. е. сфера его действия ограничена. В современных условиях — это границы мелких региональных рынков на селе и в городе, где покупатели и продавцы принимают решения, исходя из своих собственных интересов. Очевидно, вмешательство государства в мелкие и повседневные сделки выглядело бы не только излишне, но и нелепо.

Концепция рыночного либерализма нашла свое практическое воплощение в экономике России в начале 90-х годов как противоположность так называемой командной экономике. Стремясь преувеличить недостатки централизованной плановой экономики, сторонники рыночного либерализма сделали критические выводы, но одновременно преувеличили значение рынка в регулировании экономических отношений в масштабе общества. Было бы наивно полагать, что механизм спроса и предложения может решить задачи национальной экономики. С позиций сегодняшнего дня стало окончательно ясно, что реанимирование теории рыночного либерализма было продиктовано политическими соображениями. Предоставление неограниченной свободы крупному и мелкому бизнесу привело к снижению контроля со стороны государства и, как следствие, к нарушению пропорций в экономике и равновесия на всех факторных рынках.

Экономическая теория, как известно, отмечает, что рынок сам по себе, изнутри, неизбежно порождает кризисы. Стремясь получить прибыль, производители не координируют своих действий и перекалдывают экономические трудности либо друг на друга, либо на потребителя. Вот почему необходимо вмешательство третьих лиц. Такие функции выполняет государство. Оно принимает такие решения, которые отвечают интересам конкурирующих сторон и способствуют разрешению кризисных ситуаций. Один из серьезных недостатков сторонников рыночного либерализма состоит в том, что они не считают с объективной экономической реальностью, которая состоит в том, что государство наделяет производителей и потребителей соответствующими правами, которые не ущемляют их свободы, но при этом все субъекты рынка несут ответственность за выполнение своих обязанностей перед обществом. Игнорирование этого современного фактора отбрасывает экономическую теорию на несколько столетий назад и делает ее применение к современной практике неэффективным.

Необходимо отметить, что российская экономика, как и экономика большинства развитых стран мира, сохраняет широкое поле деятельности для малого бизнеса.

Его развитие в современных условиях — это результат длительного исторического процесса. Современная практика показывает примеры взаимодействия малого и среднего бизнеса с крупным бизнесом и государством. Законы рыночной экономики продолжают действовать в малом бизнесе, но они не охватывают всей экономической системы, а только ее часть, отражающую традиционные виды деятельности — мелкое производство и торговлю, а в последние годы и различные виды интеллектуальной деятельности. Экономические законы, действующие в этой сфере, управляют действиями индивидов — производителей и потребителей.

Рыночный механизм здесь чрезвычайно прост, но из этого нельзя делать вывод, что он может быть положен в основу функционирования экономической системы, на которую влияют многочисленные факторы, действующие зачастую в разных направлениях и с разной интенсивностью. Этого как раз не учитывают сторонники рыночного либерализма. Абстрагирование от этих факторов приводит к тому, что абстрактная модель спроса и предложения в условиях спада экономики практически не действует. Если стране необходимы инвестиции, то их применение в общественном масштабе входит в состав государственного регулирования.

По мнению сторонников теории рыночной экономики, исключительную роль в экономической системе играет «невидимая рука» рынка, а именно механизм спроса и предложения, позволяющий в условиях свободной конкуренции добиваться рыночного равновесия. Необходимо отдать должное основоположнику рыночной свободы А. Смиту, который, исходя из объективных реалий того времени, убедительно доказал преимущества свободной конкуренции, позволяющей продавцам и покупателям удовлетворять свои экономические интересы. Для получения прибыли, необходимо, по А. Смиту, считаться с интересами рынка. Этот вывод сохраняет свое значение и в наши дни. На мелких рынках, где экономические вопросы решаются сами собой, купля и продажа товаров по-прежнему управляется законом спроса и предложения. Этот закон служит основой формирования рыночных цен, на которые ориентируются продавцы и покупатели товаров.

Из учения А. Смита следует, что закон спроса и предложения действует в отношении стандартных товаров, когда их дифференциация отсутствует и когда производители сами не в состоянии назначать цены, а принимают их такими, как они сложились на рынке. Следовательно, в современных условиях выводы А. Смита справедливы для тех предприятий, которые незначительны по своим размерам, действуют на свой страх и риск и обладают правом свободного входа на рынок и выхода из него. По этим признакам такие предприятия отличаются от крупных, действующих согласованно с другими предприятиями отрасли и оказывающими влияние на состояние рынка тех или иных товаров.

Взгляды А. Смита на механизм регулирования рынка играют важную роль для развития современной экономической теории, причем по нескольким основаниям. Во-первых, для беспрепятственного действия закона спроса и предложения необходима свободная конкуренция, т. е. должны быть сняты все ограничения, препятствующие свободному перемещению товаров и рабочей силы. Во-вторых, малый бизнес занимает господствующее положение на рынке, т. е. когда отсутствует конкуренция со стороны крупного бизнеса. И в-третьих, когда на длительном историческом отрезке крупное и мелкое производства развиваются параллельно, занимая каждый собственную нишу на рынке.

Следует также учитывать те различия, которые существуют между совершенной и несовершенной конкуренцией, имеющей место в рыночной экономике. Несовершенная конкуренция оказывает давление на общее состояние рынка, тогда как совершенная конкуренция довольствуется равенством рыночных цен предельному доходу и предельным расходам. Таким образом, несовершенная конкуренция вырастает из совершенной, является ее дальнейшим развитием и отличается от нее

по существенным признакам. В условиях несовершенной конкуренции крупные предприятия и их объединения регулируют рынок закупок и продаж, влияют на уровень рыночных цен и их динамику. Отсюда следует, что в современных условиях необходимо считаться с производственными возможностями мелких и крупных предприятий и искать компромисс в развитии свободного и монополизированного рынка, с тем чтобы достичь равновесия интересов в национальной экономике и обеспечить ее экономический рост.

Для экономики в целом одинаково важны и мелкие, и крупные предприятия. Каждое из них занимает свое место в структуре рынка пропорционально применяемому капиталу и масштабу производства. Крупному производству необходимы многономенклатурные оптовые рынки. Мелкосерийному и единичному производству скорее подходят мелкооптовые и рынки розничной торговли. В одном случае закон спроса будет действовать в условиях совершенной, а в другом — несовершенной конкуренции. Во втором случае он действует в единстве со специфическими законами, регулирующими рынок труда, стоимость рабочей силы, рынок капитала и земли, денежный рынок и другие. Вот почему в современных условиях нельзя принимать управленческие решения на основе только закона спроса и предложения и игнорировать десятки специфических законов сферы общественного производства. Речь идет о том, что механический перенос законов свободной конкуренции на современную действительность порождает неправильные решения, когда крупные научно-технические комплексы расчленяются до уровня мелких и экономически недееспособных предприятий.

Несовершенная конкуренция является следствием развития свободной конкуренции, которая по мере развития техники и технологии уступает свое место несовершенной, но в ряде отраслей и производств сохраняет за собой существенные признаки, такие как частная собственность на средства производства и свобода предпринимательства. Вместе с тем мелкое производство сталкивается с дополнительными трудностями — потеря доли рынка и сужение сферы деятельности, объема продаж и размеров получаемой прибыли. Отказ от этих основополагающих принципов организации рынка приводит к необоснованным выводам и принятию ошибочных решений.

Глубокое обоснование принципов совершенной конкуренции имеет место в трудах видного сторонника рыночного либерализма М. Фридмана, который считал, что «невидимая рука» рынка может обеспечить рыночное равновесие не всегда и везде, а лишь при отсутствии естественных и искусственных ограничений свободы предпринимательства. В его трудах мы находим ссылки на такую структуру рынка, где действует несовершенная конкуренция и крупные предприятия монополистического типа, с которыми активно взаимодействует мелкий бизнес и государство. Речь идет о том, что за многие столетия сформировалась экономическая триада в составе мелкого, крупного производства и государства.

Укрупнение производства позволило крупным предприятиям навязывать свои интересы рынку. Глубоко ошибочно не признавать исторически преходящий характер свободной конкуренции и автоматически переносить законы рынка на современную экономику. Мы должны учитывать современные факторы, оказывающие влияние на спрос и предложение со стороны крупных предприятий и государства. Это — необходимое условие регулирования потребительского рынка тем более, когда он в этом нуждается.

В современной практике нередко приходится иметь дело с глубокими и продолжительными отклонениями спроса и предложения, притом по большой группе товаров разных отраслей и для разных категорий потребителей, поэтому рассчитывать на быструю и эффективную помощь со стороны «невидимой руки» рынка не приходится. Решение этих проблем невозможно без участия государства. В этих слу-

чаях в большинстве стран с развитой экономикой проводится комплекс мер по стимулированию спроса и увеличению доходов. Получение дополнительных доходов за счет сокращения занятости либо замораживания заработной платы может вызвать нежелательные социальные последствия, как например, в сфере занятости населения, помощи беднейшим слоям общества, проведения специальных мер в случае возникновения чрезвычайных ситуаций и т. п. Бесконтрольное функционирование рынка ведет к возникновению экономических угроз, а следовательно, к необходимости принятия решений на уровне государственных органов управления.

Для современной экономики не характерны такие критериальные признаки свободного рынка, как отсутствие барьеров для вхождения в бизнес, свободное перемещение труда и капитала, свободное ценообразование, справедливое налогообложение и т. п. В начале прошлого века многие представители разных экономических школ сошлись во мнении, что свободный рынок остался в прошлом, так как на смену производству, основанного на собственном, а затем и наемном труде, пришли монополии и возник монополистический рынок, которому по сравнению со свободным рынком присущи прямо противоположные особенности. Джон Кейнс рассматривал экономику как совокупность рынков несовершенной экономики и считал спрос величиной, зависимой от дохода. Его источником в современных условиях могли бы стать прогрессивные налоги на сверхбогатые слои общества, позволяющие сформировать инвестиции в экономику и вывести ее из кризисного состояния. Установив зависимость спроса от дохода для всех субъектов рынка, Джон Кейнс внес существенный вклад в теорию регулируемого рынка, убедительно доказав несовершенство модели саморегулирования.

С этими выводами приходится считаться, так как они отражают объективную реальность и находят свое отражение в практической деятельности предприятий и объединений различных отраслей национальной экономики. Промышленные корпорации в союзе с банковскими структурами оказывают существенное влияние на общественное производство и вынуждены вести свою деятельность под контролем государства. С этого момента теория свободного рынка в большинстве развитых стран утрачивает свою привлекательность. В сфере производства произошло смещение в пользу среднего и крупного производства главным образом из-за того, что увеличение масштабов производства привело к глобализации рынка и мелкие рынки утратили свою самостоятельность.

Дополнительные аргументы научной обоснованности критики в адрес сторонников рыночного либерализма могут быть получены на основе анализа статистической отчетности по итогам работы различных предприятий и отраслей за последние годы. В каждой отрасли действуют одни и те же законы рынка, но последствия их применения проявляются по-разному. Значит, должны быть и конкретные методы регулирования, позволяющие вывести предприятия из кризисного состояния. Для этой цели необходима разработка частных методик и руководств по обеспечению такого выхода, квалифицированные специалисты, способные оценить масштабы потерь и дать научно обоснованные рекомендации по недопущению спада в будущем. Речь идет о разработке межотраслевых программ вывода страны из очередного и наиболее сложного кризисного состояния. Необходимы советы и рекомендации специалистов из других стран, где экономика сталкивается с аналогичной проблемой. Подтверждением этому могут служить некоторые примеры.

После небольшого затишья Россию вновь захлестнула волна банкротств. И судя по темпам разорения юридических лиц, ситуация в стране сейчас хуже, чем во время прошлого кризиса. Если за 2009–2010 гг. с рынка ушли 24 тыс. компаний, то за 2014–2015 гг. — более 25 тыс., и негативная динамика сохранялась в 2016-м. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) подсчитал, что с января в стране ежемесячно заявляют о несостоятельности в

среднем 1015 предприятий. О том, какие отрасли несут самые серьезные потери и как сохранить бизнес в условиях нестабильности дают экономические обзоры на эту тему.

Абсолютным лидером по числу банкротств в нынешнем году стала торговля. По данным служб экономического анализа в этой сфере работала каждая четвертая разорившаяся компания. Только с января по июнь российский рынок покинули 1562 оптовых и розничных предприятия — почти на 40% больше, чем за тот же период кризисного 2009-го. Последние годы для участников отрасли были непростыми. Здесь и рост курса валют, и повышение стоимости кредитов, и санкционный режим, из-за которого многим пришлось полностью перекроить структуру поставок. Главным негативным фактором стало снижение доходов населения и, как следствие, потребительской активности. Опрос аналитиков служб экономического анализа показал, что более 50% россиян сегодня тратят деньги только на самое необходимое. В итоге с 2013 г. в разных сегментах торговли оборот сократился на 10–30%, а средняя рентабельность бизнеса — на 40%.

Самое сильное падение продаж произошло в непродовольственном секторе. Именно его представители по большей части формируют список банкротов. Первыми пострадали мелкие и средние игроки, теперь очередь дошла и до крупных. В мае 2016 года прогорел ювелирный дом «Яшма», задолжавший банкам 6,5 млрд руб. В июле — ООО «ПланетаСтрой», владелец сети магазинов для дома «Уютterra». Предприятие не смогло выплатить кредиторам 4 млрд. Под угрозой закрытия были сразу два обувных ретейлера: «ЦентрОбувь» и ЗАО «Фирма «Анта»» (CarloPazolini). Долг первой компании превышает 40 млрд руб., второй — 3,2 млрд. Следом за торговлей в отраслевой структуре банкротств идут строительство и операции с недвижимостью: их общая доля превышает 35% от числа ликвидированных предприятий. За I полугодие 2016-го о несостоятельности заявили 1163 строительных и 1056 риэлтерских организаций. К декабрю эти показатели возросли, ведь основная часть таких процедур приходится именно на конец года.

Сфера строительства и недвижимости всегда тяжело переживает кризисные периоды. Прежде всего, из-за падения платежеспособного спроса и роста цен на стройматериалы. Однако в этот раз бизнес столкнулся с дополнительными проблемами. Во-первых, это дефицит бюджета, а соответственно, снижение объема госзаказа. Если в 2009-м власти пытались помогать застройщикам, разрабатывали для них отдельные госпроекты, то теперь такой возможности у руководства нет. Минстрой РФ недавно внес поправки в федеральную программу «Доступное жилье»: вместо запланированных 93 млн м² в 2017 г. при поддержке государства в стране введут максимум 81 млн.

На этом фоне более-менее благополучно выглядят промышленность и сельское хозяйство. Число банкротств здесь держится на докризисном уровне — с января по июнь 2016 г. зафиксировано 590 и 369 случаев соответственно. Причем для аграриев это самый низкий показатель за последние 12 лет. Во многом подобную статистику объясняет увеличение господдержки. После того как страна взяла курс на импортозамещение, предприятия аграрной сферы, пищевого, машиностроения и других направлений получили импульс для развития — повышенные субсидии и налоговые преференции инвесторам предлагают в каждом регионе. Если же у компании начинаются проблемы с финансированием или сбытом, местные власти сопровождают ее в ручном режиме. Как долго правительство сможет обеспечивать такие тепличные условия, сказать сложно, но пока система работает. Разорятся в основном те, кто ушел бы с рынка и без кризиса.

Росстат по итогам трех кварталов 2016-го зафиксировал рост производства в сельском хозяйстве (3%) и в промсекторе (0,4%). Таким образом, именно эти отрасли сейчас являются наиболее безопасными для ведения бизнеса в России. Что

касается остальных, то их участникам можно дать несколько рекомендаций по выходу из кризисной ситуации. Так, предприятиям торговли следует всерьез задуматься о диверсификации бизнеса и оптимизации сети. Если говорить о ценовой политике, то от повышения лучше отказаться, и вместо этого максимально сдерживать ценники. Инвестировать стоит в программы лояльности и грамотное управление ассортиментом. Еще один важный момент — улучшение качества менеджмента.

В 2016 году некоторые торговые компании разорились не только из-за кризиса, но и из-за ошибок в управлении, а именно — нарушения баланса кредиторской задолженности в валюте и рублях. Аналитики считают, что застройщикам необходимо сосредоточиться на реструктуризации кредитов и снижении долговой нагрузки. Наиболее сомнительные проекты, возможно, есть смысл продать более крупным игрокам. Оптимизировать текущие расходы позволит использование отечественных стройматериалов вместо импортных и проведение тендеров среди поставщиков — по ряду позиций можно добиться скидок до 60%. Единственное, чего делать точно не стоит, это пренебрегать качеством. Потребители как никогда тщательно подходят к выбору жилья, и слишком экономный застройщик рискует потерять репутацию, а вместе с ней и клиентов.

Как отмечается в различных источниках, особое место в сельском хозяйстве занимают фермерские хозяйства. В последние три года рост фермерских хозяйств в стране прекратился, возобладала тенденция их сокращения, и это указывает на обострение фермерской проблемы. Первым признаком фермерской проблемы является сравнительно низкая доходность фермерских хозяйств. Объективно доходы и прибыль фермеров должны быть на уровне общенациональных. Фактически же соотношение фермерских доходов, прибыли сельхозпредприятий, с одной стороны, и предприятий промышленности — с другой, в пореформенные годы складывалось не в пользу сельского хозяйства. По оценке самих фермеров, лишь 3% хозяйств можно считать хорошими, неудовлетворительным и на грани банкротства оценивается положение 51% крестьянских (фермерских) хозяйств.

Следующим признаком фермерской проблемы является неравномерность распределения доходов между фермерскими хозяйствами. О структуре фермерских доходов в современной России и о группировке фермеров по этому признаку уже отмечалось неоднократно. Здесь следует подчеркнуть, что эта проблема, во-первых, общеисторическая: она существовала в дореволюционной России, о чем свидетельствуют данные о дифференциации крестьянства по уровню доходности на крупные, средние, мелкие. Во-вторых, эта проблема общемировая: она существует в современной западной экономике (разделение американских фермеров по объему совокупных ежегодных продаж на три группы). В-третьих, наличие этой проблемы осложняет проведение государственной сельскохозяйственной политики, требует дифференцированного подхода. Как считают американские экономисты, мелким и средним фермерам необходимо постоянное субсидирование, а крупным — помощь в стабилизации доходов в краткосрочном периоде через регулирование закупочных цен.

Фермерская проблема в долгосрочном периоде включает колебания спроса и предложения, которые отражаются на доходах фермеров. Выше отмечалось, что ценовая эластичность спроса на сельскохозяйственные продукты в сочетании с низким потребительским спросом на основные продукты питания повлияли на снижение доходности российских сельскохозяйственных товаропроизводителей. Что же касается предложения сельхозпродукции, то при его абсолютном сокращении в результате снижения производительности труда в сельском хозяйстве в последние годы совокупное предложение все же превысило совокупный спрос. Это стало возможно не только вследствие падения спроса, но и возросшего импорта сельскохозяйствен-

ной продукции и сырья в условиях либерализации и открытости внутреннего продовольственного рынка для иностранных производителей.

Анализ публикаций о состоянии рынка России показывает, что те сферы деятельности, которые получают поддержку со стороны государства либо находятся под его контролем, развиваются в нормальных экономических условиях. Например, без всякой помощи «невидимой руки», но при активной помощи государства, продвигается вперед рынок информационных услуг. Благодаря интересу к данным вопросам Президента и Правительства России за последние десять лет в этой сфере произошли значительные изменения: органы власти практически всех субъектов Российской Федерации имеют свои представительства в Интернете на региональном уровне и большинство — на районном и муниципальном уровнях. Это обеспечивает возможность гражданам получать дополнительную информацию о работе властных структур, обращаться к органам государственного управления через интернет, способствует формированию открытого общества. Речь идет о разработке межотраслевой программы вывода страны из очередного и наиболее сложного кризисного состояния. Необходимы советы и рекомендации специалистов из других стран, где экономика сталкивается с аналогичной проблемой информационного общества.

Влияние государственного участия в управлении рынком находит четкое отражение в поддержке развития и многих других отраслей национальной экономики, работающих по государственному заказу. Государственные закупки в нынешних экономических условиях стали важнейшим институтом развития и инструментом поддержки экономики, в том числе малого и среднего бизнеса, заявил руководитель Федеральной антимонопольной службы (ФАС) Игорь Артемьев на открытии форума-выставки «Госзаказ — за честные закупки». Общий объем рынка госзаказа, включая закупки госкорпораций, достиг 30 трлн руб. и 25% ВВП. По его словам, число специалистов, занятых в сфере госзаказа, достигло одного миллиона человек. В контрактной системе функционируют более 330 тыс. государственных и муниципальных заказчиков и около 500 тыс. поставщиков.

Признаком роста конкуренции на рынке госзаказа стало то, что среднее число участников закупки из расчета на одну закупочную процедуру увеличилось в 2015 году с 2,5 до 3, а доля электронных аукционов составила 56,6% от общего количества размещенных извещений, что лишь незначительно меньше уровня 2014 г.

По прямым контрактам малый бизнес получил более 490 млрд руб., что на 41% превышает показатель 2014 г. С учетом субподрядных договоров установленная законодательством 15% квота закупок у малого бизнеса была выполнена, свидетельствуют данные министерства. С точки зрения конкуренции негативным фактором стало то, что среди объявлений о закупке доля сообщений о закупке у единственного поставщика выросла на 69%, до 816 тыс. Учитывая, что общее число объявлений чуть выше трех млн, на закупки у единственного поставщика приходится более четверти всех закупочных процедур. Основной сферой заключения таких контрактов является строительство. По данным Минэкономразвития, в рамках закупок больше всего бюджетных средств в 2015 г. было потрачено на закупки строительных работ — 2,07 трлн руб. Второе место по объему заключенных контрактов занимают закупки медицинских изделий и фармацевтических препаратов, на которые затрачено порядка 486,6 млрд руб., что составляет девять процентов от общего объема закупок.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что рынок заказов стал одним из разновидностей совокупного рынка и что он имеет устойчивую тенденцию к развитию.

Наиболее тесные связи государства и бизнеса сложились в нефтяной и газовой промышленности. Это такое явление, которое не имеет ничего общего с рынком

свободной конкуренции. По итогам 2016 г. Россия заняла первое место в мире по объему добычи нефти, опередив Саудовскую Аравию и США. За прошлый год нефтегазовые доходы составили 43% от общих доходов бюджета, а на 2016 г. правительство запланировало 44%. Но впереди несколько лет низких цен на нефть — в районе 50 долл. за баррель, поэтому доля нефтегазовых доходов в 2016 г. будет явно ниже, чем в 2015. Как заявил премьер-министр РФ Дмитрий Медведев на XV съезде партии «Единая Россия», «раньше 70% бюджета составляли доходы от экспорта углеводородов, а сейчас 45%, значит, мы можем без этого себя кормить. Надо меняться и пользоваться этой ситуацией»¹.

Далее, в федеральный бюджет поступает от 50 до 100% доходов от акцизов на спирт, спиртосодержащую и алкогольную продукцию, табак, легковые автомобили. Данные Минфина показывают, что нефтегазовые доходы достигали пика в 2014 г. на уровне 51,3% и доля их неуклонно росла с 2009 г. на все подакцизные товары, ввозимые в Россию. Поступления от акцизов составляют вторую по значимости после нефтегазовых доходов долю федерального бюджета, 13% (149,4 млрд руб.) за январь 2016 г.

Таким образом, монополизация рынков привела не только к увеличению их удельного веса в объемах продаж и чистой прибыли, но и к усилению связей бизнеса и государства. С годами сформировалось государственно-частное партнерство, обеспечивающее интересы бизнес-сообщества и государства. Государственно-частное партнерство охватывает три сектора и выходит за рамки товарного рынка:

- товарный производственный рынок (сектор реальной экономики);
- финансовый рынок;
- рынок ценных бумаг.

Напомним, что экономическая деятельность — это хозяйственная деятельность физических и юридических лиц с целью получения экономической выгоды от ее осуществления. Государственное управление в сфере экономики представляет собой деятельность органов управления и их должностных лиц по реализации в области экономики функций и полномочий государственной исполнительной власти с целью организации исполнения законов и других общих норм и предписаний полномочных государственных органов.

Полномочия Правительства Российской Федерации в сфере экономики определяются Федеральным конституционным законом от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». Правительство Российской Федерации в сфере экономики в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, нормативными указами Президента Российской Федерации:

- осуществляет регулирование экономических процессов;
- обеспечивает единство экономического пространства и свободу экономической деятельности, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств;
- прогнозирует социально-экономическое развитие Российской Федерации, разрабатывает и осуществляет программы развития приоритетных отраслей экономики;
- вырабатывает государственную структурную и инвестиционную политику и принимает меры по ее реализации;
- осуществляет управление федеральной собственностью;
- разрабатывает и реализует государственную политику в сфере международного экономического, финансового, инвестиционного сотрудничества;

¹ Медведев: доходы бюджета РФ от продажи углеводородов упали до 45% // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20160205/1370232891.html> (дата обращения: 18.03.2017).

- осуществляет общее руководство таможенным делом; принимает меры по защите интересов отечественных производителей товаров, исполнителей работ и услуг;
- формирует мобилизационный план экономики Российской Федерации, обеспечивает функционирование оборонного производства Российской Федерации.

Любое принятие решения предполагает альтернативность выбора и тщательный анализ реальной действительности. С экономической точки зрения сделать выбор — значит остановиться на наилучшем из имеющихся вариантов исходя из сравнительных оценок затрат и выгод. Следовательно, необходимо знать, как провести соответствующий анализ. Чрезвычайно важно, чтобы принимаемые решения отвечали интересам всех участников рынка и обеспечивали устойчивый экономический рост и улучшение качества жизни населения России. При наличии мелких, средних и крупных предприятий и адекватных им рынков необходимо иметь в виду, что эти рынки управляются разными законами, с действиями которых необходимо считаться в процессе принятия решений.

Решения по каждому рынку должны отвечать не только интересам субъектов рынка, но и государства. С этой позиции совсем необоснованно за счет государственной собственности расширять границы частной собственности. Эта мера дает эффект на короткое время, а в долгосрочном периоде приводит к снижению, а затем и к абсолютному снижению показателей экономического роста.

Перераспределение собственности в России в 90-е годы привело к резкому снижению удельного веса государства во всех сферах экономики. За годы рыночных реформ доля государственного сектора в России снизилась в общем объеме годового выпуска продукции до 10,1%, в общей численности работников до 14%. Балансовая стоимость основных фондов составила всего 11,9%, а интегральная доля государственного сектора опустилась до 12,3% [1].

Как следствие, снизились темпы роста производительности труда, валового национального продукта и национального дохода страны. При умеренных темпах приватизации, как например, в Китае, наблюдается иная картина — предприятия всех отраслей входят в единый хозяйственный комплекс, его влияние на динамику внутреннего и внешнего рынка не ослабевает, при этом кризисные проявления сводятся к минимуму.

Современную экономику необходимо понимать и изучать как единое целое. Укрепление производства закономерно приводит к укреплению экономической власти крупных предприятий и производственных комплексов, которые становятся субъектами государственной и акционерной собственности и обладают значительными производственными возможностями. В связи с этим требуется оценка применяемых методов хозяйствования на предмет их соответствия современным требованиям. Выход страны из кризисного состояния предполагает комплексное воздействие государственных органов управления. Мелкая частная собственность оказывает положительное влияние на результаты производства в границах малого бизнеса. При дальнейшем расширении и углублении производства наряду с товарным рынком расширяются и другие рынки, где действуют специфические законы. Они проявляются на рынках труда, капитала и на земельном рынке. Сфера их действия — общественное производство.

Вот почему не следует принимать управленческие решения только на основе действия закона спроса и предложения и пропагандировать преимущества мелкого бизнеса и тем более искусственно насаждать мелкие предприятия под предлогом борьбы с монополизмом и защитой свободной конкуренции. Национальная экономика как единый экономический организм не отторгает субъектов мелкой собственности, а наделяет их правами, адекватными их производственным возможностям.

Если оценивать современную рыночную структуру, то необходимо признать многоуровневую систему рынков России — мелкие нерегулируемые рынки, корпоративные рынки с участием и без участия государства, рынок заказов и поставок, контролируемый государством. За мелким рынком сохраняется право свободного выбора вида и рода деятельности, за крупными рынками — возможности получения преобладающей части доходов. В результате расширения производства и его концентрации происходит обобществление собственности в форме акционерной с последующим участием в ней государства. Мелкий бизнес в большинстве развитых стран не выдерживает конкуренции по сравнению с крупным бизнесом и отступает на задний план.

В слабо развитых странах затраты живого труда по сравнению с материальными затратами преобладают. В промышленно развитых странах, в том числе и в России, имеет место иная картина. По имеющимся подсчетам, материальные затраты на единицу годового выпуска продукции в России превышают 55%. Следовательно, преобладающая часть продукции создается не на мелких, обособленных друг от друга производствах, а на крупных предприятиях с высокой технической оснащенностью. Вот почему очень важно идти в ногу с современной экономической теорией и проводить в жизнь эффективную экономическую политику. Осуществляя инвестиции, государство само создает спрос на факторы производства, взаимодействие которых обеспечивает увеличение объемов выпуска, рост занятости и устранение возникших диспропорций. Игнорирование этих особенностей современного рынка приводит к экономическим потерям.

Необходимо обратить внимание на то, что экономические интересы развитых в промышленном отношении стран сближаются, а прогрессивные методы управления постепенно переходят из одних стран в другие. В обрабатывающей промышленности, например, отдельные стадии и этапы производства тесно связаны в пространстве и во времени и нуждаются в управлении. Стихия, как бы сама собой, по причине укрупнения производства и его перерастания в межотраслевое производство, постепенно сводится к минимуму. Без особых усилий партнерам по бизнесу удается знать все или почти все о перспективах своего развития. Примечательно, что такие страны, как ФРГ, тоже борются с кризисом, но в этой борьбе они учитывают специфику своего производства, его специализацию и место на мировом рынке. Накопленный промышленный потенциал не растрачивается, а преумножается, и на этой основе достигается экономический рост. В отличие от России правительство ФРГ сумело заинтересовать крупный и средний бизнес в необходимости приоритетного финансирования обрабатывающей промышленности. В результате страна сумела за 2011–2012 гг. преодолеть спад и в 2013 г. обеспечить 5% прирост ВВП [3].

Как видно, первооснова борьбы с кризисными явлениями закладывается в производстве, поскольку оно создает предпосылку реального удовлетворения потребностей индивидов и общества в целом, тогда как рынок выполняет лишь посредническую функцию, реализуемую через взаимоотношения продавца и покупателя. В многочисленных актах купли-продажи, характеризующих рыночные отношения, проявляются особенности действия экономических законов. При эквивалентном обмене выигрывают обе стороны. При нарушении рыночного равновесия выигрывает одна из сторон, но ровно столько, сколько проигрывает другая. При этом реальный объем продукции остается прежним. Поэтому выход из кризиса требует системного подхода — восстановления нарушенного равновесия на всех рынках: факторном, потребительских товаров и услуг, денежном и валютном.

Постиндустриальное общество предъявляет спрос на устойчивость экономической системы, на ее равновесие, которое все в большей мере зависит не только от управляемой, но и управляющей системы. Принимаемые решения на всех уровнях должны непременно отражать интересы государства, так как органы государствен-

ного управления несут ответственность за состояние всей экономической системы. В этой связи возрастают требования к управленческим кадрам, к их квалификации и опыту работы по роду деятельности. Необходимы глубокие экономические знания и умения оценивать ситуацию и принимать обоснованные решения. Причина в том, что внутренний рынок неоднороден, на него воздействуют различные факторы, а также процессы, происходящие на мировом рынке.

Экономический рост в стране зависит от рыночной конъюнктуры, от действия ценовых и неценовых факторов спроса и предложения. Более того, с ростом масштабов экономики и расширением сферы рыночных отношений этот механизм модифицируется. Например, в результате межотраслевой конкуренции начинает действовать механизм перераспределения прибыли, который приводит к тому, что каждая отрасль получает среднюю прибыль на капитал, а обмен товаров производится не по стоимости производства, а по цене производства. Суть изменений состоит в том, что хорошо технически вооруженные отрасли получают прибыли больше, чем отрасли, отставшие в техническом отношении. Таким образом, цена формируется под влиянием главным образом передовых в техническом отношении отраслей национальной экономики, что необходимо учитывать при использовании механизма регулирования.

При изменении конъюнктуры рынка доходы продавцов могут и увеличиваться, и уменьшаться, поэтому задача предпринимателей состоит в том, чтобы приспособиться к рыночной ситуации и извлекать прибыль. При сохранении рыночных механизмов необходимо активнее применять методы регулирования внутреннего рынка. Его материальную основу создает реальный сектор экономики. Поэтому капитальные вложения целесообразно направлять в первую очередь в этот сектор экономики.

В условиях спада было бы целесообразно отойти от сложившихся стереотипов рыночной экономики и поискать выходы на стороне организационно-экономических отношений, субъектами которых выступают предприятия разных форм собственности, действующие не вразнобой, а согласованно, по единому плану, отражающему материальные возможности и потребности в продукции на внутреннем и внешнем рынках. Разработка и реализация таких планов могла бы снизить риски, вызываемые изменением рыночной конъюнктуры.

Причины спада кроются в недооценке роли организационно-экономических отношений. Организационно-экономические отношения заслуживают первоочередного внимания потому, что от них зависят объемы создаваемого ВВП и национального дохода. Управление экономикой России испытывает явный дефицит в применении организационно-экономических методов регулирования в виде плановых заданий на выполнение определенных объемов работ, требований выполнения производственных заданий в установленные сроки. Многие предприятия промышленности России простаивают, либо работают не в полную силу. Потери рабочего времени исчисляются миллиардами часов рабочего времени в год. Причины этих явлений кроются в недооценке роли организационно-экономических отношений.

Пока в России органы государственного управления обходят своим вниманием потребности производства. Подходы к этой проблеме ограничиваются решением частных задач и главным образом в сфере финансово-кредитной политики. Ее регулирование необходимо, но недостаточно. Для повышения конкурентоспособности и преодоления зависимости от поставок по импорту необходимо инвестировать средства в развитие прогрессивных отраслей. По этой причине поиск выхода из кризиса должен начинаться с регулирования организационно-экономических отношений, взятых в целом, и охватывать все уровни производства и управления.

При изменении конъюнктуры рынка доходы продавцов могут и увеличиваться, и уменьшаться, поэтому задача предпринимателей состоит в том, чтобы приспособиться к рыночной ситуации и извлекать прибыль.

сабливаться к рыночной ситуации и извлекать прибыль. При сохранении рыночных механизмов необходимо активнее применять методы регулирования внутреннего рынка. Его материальную основу создает реальный сектор экономики. Поэтому капитальные вложения целесообразно направлять в первую очередь в этот сектор экономики.

На рынке свободной конкуренции удельный вес каждого продавца в общем объеме продаж невелик и не оказывает существенного влияния на состояние рынка. Кроме того, величина спроса зависит от доходов покупателей, их количества и качества производимой продукции. В свою очередь, на предложение оказывает влияние численность работников, занятых в реальном секторе экономики, производительность труда, наличие необходимых материальных и трудовых ресурсов. Попытки противопоставить рынок производству противоречат целостности экономической системы и неопровержимой аксиоме, что производство — материальная основа жизни общества и что оно по определению первично по сравнению с рынком.

Активную роль в этом направлении должны сыграть центральные органы управления — министерства и ведомства, Государственные комитеты и Федеральные агентства. Совершенствование организации производства, планирования и управления на предприятиях промышленности и других отраслей национальной экономики могло бы повысить конечные результаты, что особенно важно в условиях спада и вяло текущего роста по сравнению с назревшими потребностями. Но для этого на смену рыночного либерализма должны прийти проверенные практикой методы управления, отвечающие современным требованиям. А для этого управление рынками должно быть комплексным и отвечать взаимным интересам.

Органы государственного управления на уровне Федеральных агентств нередко ограничивают управленческие решения методическими рекомендациями, предоставляя широкие полномочия предприятиям, и не охватывают хозяйственную деятельность отрасли, как единое целое. Сотрудники агентств нередко состоят акционерами коммерческих предприятий и получают от них доходы по привилегированным акциям. Предоставление предприятиям широких полномочий ведет также к опережающему росту заработной платы, особенно управленческого персонала, по сравнению с конечными результатами производства. Такие факторы оказывают влияние на удорожание продукции.

Противодействию удорожанию способствует проведение научно-технической политики в масштабах всех предприятий отрасли, исключение дублирования производства и избыточной номенклатуры продукции за счет ее унификации. Органы управления отраслью в таком случае активно влияют на рыночную ситуацию благодаря координации и планированию производственной деятельности предприятий. При этом границы между предприятиями расширяются, и мелкая собственность входит в корпоративную, либо сливается с нею.

В современных условиях рынок сохраняет за собой исторически присущие ему функции, но в условиях стагнации он дополняется методами прямого регулирования, которые направлены на преодоление дезорганизации производства и рыночной стихии. Во взаимодействии с рыночными методами они влияют на преодоление негативных последствий рынка и приводят в равновесие экономическую систему. Положительное влияние на рост эффективности производства оказывает снижение трудоемкости изделий, увеличение технической оснащенности труда, повышение качества продукции по сравнению с мировым уровнем. Положительное влияние на достижение мирового уровня качества оказывает включение национальной экономики в международное разделение труда, повышение в нем удельного веса стран экономического сотрудничества.

В экономической теории необходимо преодолевать односторонний взгляд на экономическую систему, как исключительно рыночную. Такой подход не имеет не

только ничего общего с экономической теорией, но и наносит огромный вред пониманию сущности экономических процессов. Многие из них вообще реализуются без участия рынка и не имеют цели получения прибыли. Имеется в виду образование, подготовка кадров по различным специальностям, бюджетное финансирование социальной сферы, охрана окружающей среды, обеспечение безопасности страны и государства.

В преодолении кризисных явлений важную роль играет финансовая система. Речь идет о концентрации финансовых средств, необходимых для проведения работ в кратчайшие сроки и с высокой эффективностью. Быстрый рост промышленности Китая, например, обеспечивается с помощью концентрации финансовых средств в двух крупнейших банках страны — строительном и инвестиционном банках с уставным капиталом свыше 200 млрд долл. [3]. Для сравнения, в России насчитывается около 400 коммерческих банков, но их роль ограничивается в основном сферой торговли и не оказывает существенного влияния на развитие других отраслей и общие темпы роста. Поучительно, что дополнительным источником доходов государства во многих странах становятся средства крупных плательщиков, облагаемые по прогрессивной шкале налогообложения. Поступления в бюджет могут увеличиться благодаря прогрессивному налогообложению, изъятию абсолютной ренты в добывающих отраслях промышленности, где на доходы предприятий существенное влияние оказывает природный фактор [2].

Целенаправленное формирование бюджетов всех уровней и законодательное их закрепление во всех развитых странах существенно ограничило власть рынка. В явном виде эта власть сохранилась в малом бизнесе, однако и в нем интересы государства проявляются в виде налогов, сборов и платежей. Развитие среднего и крупного бизнеса находится под непосредственным контролем высших органов управления. Федеральные агентства доводят, например, до руководства предприятий основные экономические показатели, вытекающие из плана развития страны на очередной период. В ряде отраслей действует система заказов, в которых исполнителю заранее поручается произвести и поставить продукцию определенного объема, требуемого качества и в установленное время. Взаимоотношения заказчика и исполнителя регулируются в установленном законом порядке. В этих случаях роль свободного рынка сводится к минимуму.

Постиндустриальное общество предъявляет спрос на стабильность, зависит не только от управляемой, но и управляющей системы. Принимаемые решения на всех уровнях должны непременно отражать интересы государства, так как органы государственного управления одновременно защищают интересы и коммерческих, и некоммерческих предприятий. Отсюда следует, что распродажа государственных предприятий дает получение сиюминутной выручки, но не приводит к устранению причин ухудшения экономических показателей работы предприятия. В процессе акционирования происходит разделение капитала между различными собственниками и отчасти теряется эффект от его концентрации. Договорные обязательства в натурально-вещественном выражении уступают место показателям прибыли, поэтому предприятия стремятся к завышению цен на свою продукцию, что при ее закупке вызывает увеличение расходов государства.

Таким образом, снижение требований госрегулирования связано с риском снижения доходов в бюджетах всех уровней, с необходимостью повышения налогов и цен и отрицательным влиянием не только на развитие производства, но и на снижение уровня жизни населения. Так, разгосударствление предприятий может дать эффект на сравнительно небольшом интервале времени, но в долгосрочном периоде этот эффект может превратиться в свою противоположность. Продажа предприятий или их доли производится чаще всего по ценам ниже стоимости, а выкуп становится дороже из-за разницы в валютных курсах. В итоге в средне-

срочном периоде выручка оборачивается потерей основного капитала. В результате смены собственника прежние проблемы не только остаются, но и обостряются. Исключением не является и переуступка прав собственности иностранным компаниям. Основные источники доходов государства и общества без особого риска могут быть получены на основе фундаментальных выводов экономической науки о факторах экономического роста, среди которых обмен товаров на деньги и денег на товары занимает важное, но не определяющее место.

Объектами государственного регулирования являются все виды рынков, порождаемые потребностями всех субъектов экономической деятельности, которые вносят вклад в создание валового национального продукта и национального дохода страны. В условиях кризисных явлений принцип рыночной свободы нельзя понимать в буквальном смысле слова, т. к. на уровень рыночных цен влияют не только спрос и предложение, но и проводимая государством налоговая политика, которая может не совпадать с интересами покупателя и продавца. Далее, в зависимости от конкретной обстановки интересы крупного бизнеса могут оказаться государству ближе интересов мелкого бизнеса.

Вместо ожидаемого увеличения налогов на крупный бизнес и пополнения доходов бюджета, государственные органы управления могут предоставить этому бизнесу дополнительные льготы в виде снижения процентных ставок на банковские кредиты, при этом не препятствовать бизнесу увеличивать доходы за счет повышения цен на потребительские товары. Таким образом, государственное регулирование — это часть экономической политики. Для принятия решений в пользу общества государственные органы наделены соответствующими правами, которые используются как инструмент регулирования рынков.

Централизация и концентрация капитала в современных условиях позволят государству оказывать действенную помощь тем предприятиям, которые несут потери от применения зарубежных санкций и принимают активное участие в решении стратегических задач страны и государства. Недостающие средства в бюджете могут быть получены за счет национализации предприятий, нарушающих требования налогового законодательства, поступления денежных средств, необходимых как для стимулирования спроса на потребительском и факторном рынках, так и для решения социальных задач.

Таким образом, в экономической теории необходимо преодолевать односторонний взгляд на экономическую систему, как исключительно рыночную. Такой подход наносит огромный вред пониманию сущности экономических процессов, становится катализатором кризисных явлений.

Литература

1. Аукуционек С. П., Егоров А. С. Хозяйственное обозрение // Экономическое развитие России. 2014. Т. 21. № 2. С. 41–46.
2. Давиденко Д. В. Банковская деятельность — организационно-правовая основа денежного обращения и объект валютного, налогового и иных видов государственного контроля // Налоги. 2014. № 1. С. 18–21.
3. Кузнецов А. В., Белов В. Б., Бусыгина И. М., Супян Н. В. Мир. Вызовы глобального кризиса. Германия // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2. С. 38–52.
4. Экономика: учебник / А. И. Архипов [и др.]. Под ред. А. И. Архипова, А. К. Большакова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. 848 с.

References

1. Aukutsionek S. P., Egorov A. S. *Economic review* [Khozyaistvennoe obozrenie] // Economic development of Russia [Ekonomiccheskoe razvitie Rossii]. 2014. V. 21. N 2. P. 41–46. (rus)

2. Davidenko D.V. *Bank activity – an organizational and legal basis of monetary circulation and an object currency, tax and other types of the state control* [Bankovskaya deyatel'nost' — organizatsionno-pravovaya osnova denezhnogo obrashcheniya i ob"ekt valyutnogo, nalogovogo i inykh vidov gosudarstvennogo kontrolya] // Taxes [Nalogi]. 2014. N 1. P. 18–21. (rus)
3. Kuznetsov A.V., Belov V.B., Busygina I.M., Supyan N.V. *World. Calls of global crisis. Germany* [Mir. Vyzovy global'nogo krizisa. Germaniya] // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2014. N 2. P. 38–52. (rus)
4. *Economy* [Ekonomika]: textbook / A.I. Arkhipov [etc.]. Under the editorship of A.I. Arkhipov, A.K. Bolshakov. 3rd edition. M. : Prospectus [Prospekt], 2009. 848 p. (rus)

Туристическая привлекательность Саратовской области

(по материалам эмпирического исследования)

Акаев Дмитрий Валерьевич

Поволжский институт управления им. П.А.Столыпина — филиал РАНХиГС (Саратов)
Доцент кафедры социологии и социальной политики
Кандидат социологических наук
d_akaev@mail.ru

Шугаев Александр Александрович

Министерство информации и печати Саратовской области
Референт отдела информационного взаимодействия и мониторинга
Кандидат политических наук
shugaev-pags@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются подходы к изучению туристической привлекательности с точки зрения экономики, маркетинга, социальных коммуникаций и социологии управления. Анализируются результаты авторского социологического исследования общей удовлетворенности туристов качеством предоставления туристических услуг и туристической привлекательности Саратовской области. Анкетный опрос 1200 респондентов проводился осенью 2016 г., его результаты легли в основу реализации проекта «Знакомство с Саратовской областью: путеводитель по историческим местам», поддержанного президентским грантом ННО. Делается вывод о том, что внутренний туризм в Саратовской области сейчас находится в стадии развития. Так как конкурировать с иностранными пляжными, горными, шопинг-маршрутами в силу объективных географических, климатических и экономических причин не получится, то необходимо искать точки роста в других не менее перспективных направлениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

туризм, туристическая привлекательность региона, Саратовская область, социологическое исследование

Akaev D. V., Shugaev A. A.

Tourist Attractiveness of the Saratov Region (Based on Empirical Research)

Akaev Dmitry Valerievich

Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of RANEPA (Saratov, Russian Federation)
Associate professor of the Chair of Sociology and Social Policy
PhD in sociology
d_akaev@mail.ru

Shugaev Aleksandr Aleksandrovich

Ministry of Information and Press of the Saratov Region (Russian Federation)
Referent of the Department of Information Cooperation and Monitoring
PhD in Political Science
shugaev-pags@yandex.ru

ABSTRACT

The article discusses approaches to the study of tourist attractiveness in terms of economics, marketing, social communication and sociology of management. The results of the authorial sociological study of citizens' overall satisfaction with the quality of tourist services and tourist attractiveness of the Saratov Region are analyzed. A questionnaire survey of 1,200 respondents was conducted in the autumn of 2016, and the results formed the basis for the imple-

mentation of the project «Introduction to the Saratov Region: A Guide to Historical Sites», supported by a Presidential grant from NGO. The conclusion is that domestic tourism in the Saratov Region is now in the stage of development and determining its place among the potential visitors. As it is impossible to compete with foreign beach, mountain, and shopping routes for objective geographical, climatic and economic reasons, it is necessary to look for opportunities in other equally promising directions.

KEYWORDS

tourism, tourist attractiveness of a region, Saratov Region, social research

Неблагоприятный внешний геополитический фон, а также снижение реальных доходов населения в условиях финансово-экономического кризиса актуализировали поиск туристических направлений внутри государства. Неснижающийся интерес к туристическим поездкам в целом в мире позволяет считать это направление одним из перспективных для экономического развития регионов. Саратовская область в качестве одного из направлений своего развития определила совершенствование туристических и рекреационных ресурсов. Наш исследовательский интерес в этой связи коснулся представления туристических услуг и развития туристической привлекательности Саратовской области.

Исследуя методологию оценки туристической привлекательности, в первую очередь сталкиваешься с работами представителей экономической науки. В них оценка туристско-рекреационного потенциала территории является основой оптимизации и рационализации пространственной и хозяйственной организации территориальных туристско-рекреационных систем [1]. Авторами выстраиваются различные методики оценки, в том числе предложена интегральная оценка, позволяющая не только рассчитать рейтинг туристической привлекательности муниципальных образований, но и обеспечить «срезы» по каждому типу показателей [2].

Ряд работ изучают туристическую привлекательность территорий через их имидж и элементы брендинга. Так, Ю. Ю. Казанцев в рамках маркетинга территории приходит к выводу, что рынок российских туристских территорий в основном испытывает дефицит конкурентных маркетинговых идей, вероятно, по причине недостаточного внимания к комплексным проблемам туристских зон (регионов). Вместе с тем, очевидно, что регион, как туристический продукт, переживает основные стадии жизненного цикла товара, а также обладает рядом признаков, позволяющих считать его уникальным торговым предложением на туристическом рынке [3].

С. С. Федюнина и Г. Г. Паничкина в результате проведенного анализа развития региона с позиций стратегии брендинга смогли выявить сильные и слабые места и определить возможности регионального развития Саратовской области [4].

Е. В. Фролова и Е. Е. Кабанова, проанализировав научные публикации по вопросам развития туризма, сделали вывод, что в ряде работ отождествляются понятия «туристическая привлекательность» и «туристический потенциал». На взгляд исследователей, туристический потенциал — это только предпосылки организации туристической деятельности, включающие в себя такие составляющие, как объекты исторического, социально-культурного наследия, природные ресурсы, в то время как туристическая привлекательность — это уже результат соответствующей деятельности по развитию и актуализации туристического потенциала, формированию соответствующей туристской инфраструктуры. Таким образом, туристическая привлекательность — это характеристика территории, отражающая уровень востребованности территориальных туристских услуг и соответствующий уровень удовлетворения туристских потребностей [5].

В нашем случае целью исследования стало изучение общей удовлетворенности туристов качеством предоставления туристических услуг и туристической привле-

кательности Саратовской области в оценках респондентов. Исследование проводилось в рамках президентского гранта некоммерческим неправительственным организациям. По результатам анкетного опроса 1200 иностранных и иногородних респондентов в октябре-декабре 2016 г. были получены результаты, представленные далее.

Основными конкурентами в сфере внутреннего туризма по посещенным местам являются Москва (45%), Санкт-Петербург (около 30%), Краснодарский край (38%), Татарстан (около 21%), Крым (18%), Самарская область (18%). Если конкурировать с морским побережьем и столичными городами, у Саратова мало шансов, то «оттянуть» у соседних регионов часть целевой аудитории нам видится вполне перспективным.

Безоговорочным лидером среди культурно-исторических достопримечательностей Поволжья респонденты называли Кремль (в первую очередь — Казанский, но были и другие варианты — Астраханский, Нижегородский). Здесь чувствуется потенциал массового запроса на исторические артефакты, коим в Саратове в ближайшей перспективе может стать Увек, но не в современном «степном» обличи, не воспринимаемом серьезно респондентами, а пусть и с «новоделом», но в «презентабельном формате».

Для туризма военно-патриотического направления Мамаев курган также является ориентиром для подражания, хотя и Парк Победы вкупе с монументом «Журавли» представлен в ассоциативном ряду очень неплохо. Из культурных объектов зачастую назывались разнообразные музеи Саратовской области (Чернышевского, Радищева, Петрова-Водкина) и Консерватория, которая оценивается скорее как объект архитектуры. В этом направлении нам видится основной потенциал развития туризма Саратовской области, имеющей указанное конкурентное преимущество.

Вопреки заявлениям главы Ростуризма, около 49% всех опрошенных предпочитают пляжный отдых, хотя более 34% заинтересованы в совмещении его с экскурсионной программой. Здесь и может найтись компромиссный вариант развития отрасли — с первичным знакомством с культурными достопримечательностями во время летнего круизного либо «волжского» вояжа с последующим привлечением экскурсантов в низкий сезон для знакомства с культурным наследием. Спортивно-экстремальный вид отдыха также вызывает интерес почти у четверти опрошенных, что может стать определенной точкой роста, — мировой опыт показывает, что востребованность таких пока экзотичных у нас объектов, как зип-лайны, небесные мосты, джампинг, ультралайтпланнинг может дополнительно привлечь существенное число туристов.

Саратов в основном посещаем с целью отдыха (25%), по работе (19%), с целью посмотреть достопримечательности (15%), получить новые знания (12%). Используя сетевой подход в привлечении туристов, необходимо популяризировать поездки в Саратов среди иногородних студентов и трудовых коллективов, через которые можно ретранслировать косвенную рекламу области. Семейной поездка в Саратов является только у трети респондентов, преобладающее число приезжают в город в одиночку (47%), что скорее говорит о нетуристическом основании такого рода поездок.

Основная часть респондентов (более 50%) приезжает в Саратов на срок не более недели. А порядка пятой части приезжих и вовсе на 1–3 дня. Для этой категории лиц возможно предусмотреть краткосрочные маршруты, возможно подкрепленные регулярными туристическими автобусными маршрутами, так как индивидуальное обслуживание априори будет более дорогим и оттолкнет часть потенциальных клиентов. Использование нескольких двухэтажных экскурсионных автобусов по образцу «Hop — Hop-off», по нашему мнению, могло бы привлечь не только иногородних туристов, но и жителей города и области.

Самыми посещаемыми местами приезжих традиционно остаются парк Победы (65%), набережная Саратова (71%), проспект Кирова (74%) и Городской парк (58%). Все эти объекты компактно расположены в центральной части города и потому остаются максимально доступными основной части приезжих. Пониженный интерес наблюдается к Национальной деревне (31%), находящейся рядом с парком Победы. Это свидетельствует о недостаточности работы по популяризации этого места как отдельного туристического объекта. Хвалынский курорт остался посещенным около 10% респондентов. Этот показатель является весьма неплохим, учитывая отдаленность от города и отсутствие комфортного транспортного сообщения, а также интерес к этому виду отдыха у малого количества людей.

Перспективы же развития таких объектов, как Кудеярова пещера, выглядят весьма призрачным для иногородних посетителей. Все же это маршрут выходного дня для жителей Саратовской области и вряд ли он станет основным для приезжих из других регионов и стран. Хотя при определенной переквалификации из единичного объекта посещения в полноценный центр экотуризма (а предпосылки для этого имеются) шансы перенаправления в эту дестинацию части туристического потока повышаются.

Самым высоким интересом к посещению отмечен ежегодный День города Саратова (60%). Как правило, мероприятие проводится с привлечением статусных артистов и с насыщенной программой. Около четверти респондентов заинтересованы в посещении мероприятий массовой направленности с тематическим «гастрономическим» уклоном — фестивали клубники, арбузов, тюльпанов. В условиях переориентации массового туриста с зарубежных поездок создание таких мероприятий может восполнить пробел экзотических мероприятий. Успех массовых фестивалей предопределил и интерес к исторической реконструкции Укека, празднованию Дня космонавтики — по 22% респондентов хотели бы стать их участниками.

Непосредственно с культурными событиями желания соприкоснуться у туристов возникло меньше. И если уже «раскрученные» мероприятия интересны почти пятой части респондентов (Принцесса российского цирка — 18%, кинофестиваль «Саратовские страдания» — 17%, театральный фестиваль памяти О. Янковского — 15%, Собиновский фестиваль — 12%), то новые мероприятия пока не нашли отклика среди потенциальных посетителей (Музыкальный фестиваль имени Г. Нейгауза — 8%, Фестиваль «Обермоунжский треугольник» — 4%).

В целом мировой тренд подтвержден — массовая культура и популярность инстаграм-мероприятий конечно во много превышает интерес к культурным имиджевым событиям и массового посетителя тут не получить. Но устойчивый интерес даже десятой части приезжающих в область к таким мероприятиям может способствовать поддержанию достигнутого уровня культурной и исторической привлекательности и перспективной переориентации части новых мероприятий в Саратовскую область.

Транспортное сообщение с областью остается одним из эффективных каналов поступления приезжих, в первую очередь за счет железнодорожного сообщения (32% респондентов) и развитой сети автодорог (личный автомобиль — 34%, автобусный рейс — 16%). Авиаперелет используется только 14% респондентов в связи с довольно дорогими билетами и отсутствием развитой региональной сети авиаперевозок. Ввод в эксплуатацию нового аэропорта у с. Сабуровка должен рассматриваться не только как мера повышения транспортной доступности Саратова, но и как сигнал к разработке дополнительных туристических направлений, замкнутых на подъездных путях к аэрокомплексу.

Большая часть посетителей потратила на посещение региона от 5 до 20 тыс. руб. (66% в совокупности), что в целом укладывается в среднестатистический портрет внутрироссийского туриста. К сожалению, этих затрат явно не достаточно

на проведение полноценного отдыха и в Саратовской области тоже. Эта сумма скорее является приемлемым компромиссом между качеством потребления и количеством дней посещения. Таким образом, увеличение количества проведенных в области дней наталкивает на экономию в посещении культурных мероприятий, заведений общественного питания, размещения в комфортабельных гостиницах и аренды транспортных средств.

Положительными явились оценки места и условий проживания, работы кафе/ресторанов, доброжелательности жителей, архитектуры и погодных условий. Чуть меньше положительных откликов получили общий уровень цен, безопасность, развлечения и досуг. Наименьшую поддержку получили транспортная доступность, природа и экология (здесь ключевое слово «экология», т. к. крупные промышленные объекты в черте города и в области явно не играют на позитивный образ экологического места).

В целом же посещение Саратовской области оценивают очень хорошо 22% респондентов и скорее хорошо 64%. Эти показатели позволяют судить о положительной оценке комфортности посещения и возможном повторном приезде и транслировании удачного опыта среди своего круга общения.

Респондентами исследования стали жители различных регионов России, в том числе Алтайского, Ставропольского и Краснодарского краев, Астраханской, Белгородской, Брянской, Волгоградской, Владимирской, Воронежской, Ивановской, Самарской, Калужской, Липецкой, Мурманской, Нижегородской, Новгородской, Новосибирской, Оренбургской, Омской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Ульяновской, Читинской, Ярославской областей, республик Татарстан, Дагестан, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Крым, Карачаево-Черкессия, Бурятия, Мордовия, а также проживающие на территории иностранных государств: США, Армении, Италии, Беларуси, Украины, Казахстана, Кыргызстана, Туркмении. Из них 46% — респонденты мужского пола и 54% — женского, что в целом соответствует среднестатистическим значениям общероссийского масштаба и позволяет нам говорить о репрезентативности такой квоты.

Гендерные особенности не стали определяющими, но отчасти подтвердили предварительные гипотезы. Так, женщины являются менее требовательными к условиям проживания, доброжелательности местных жителей, транспортной доступности и безопасности. Они менее критичны в негативных оценках посещения Саратовской области при наименьших затратах на поездку в целом.

В исследовании приняли участие респонденты от 14 до 80 лет, но основной массив приходится на людей в возрасте от 18 до 30 лет. Этот возрастной коридор можно признать наиболее активным в части самостоятельного туризма. Люди более старшего поколения предпочитают либо групповой туризм (практически не вошедший в нашу выборку), либо интересуются заграничными поездками. К сожалению, уровень доходов и жизненные стратегии пенсионеров России не позволяют им стать постоянными потребителями туристических услуг, что и подтвердилось скромным участием в опросе респондентов старше 60 лет.

Из возрастных особенностей отметим следующее. Молодежь (респонденты до 30 лет), с присущим ей максимализмом, весьма полярно оценивают посещение Саратовской области. В этой возрастной категории больше всего критичных ответов с негативной оценкой туристического потенциала. Если старшее поколение зачастую положительно оценивает имеющиеся условия, так как не имеет возможности сравнения с мировыми образцами, то молодые люди, если уж и не лично, то посредством социальных сетей, знакомы с достижениями зарубежной туристической отрасли.

Таким образом, исходя из результатов проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Внутренний туризм в Саратовской области сейчас на-

ходится в стадии развития. Так как конкурировать с иностранными пляжными, горными, шопинг-маршрутами в силу объективных географических, климатических и экономических причин вряд ли получится, то необходимо искать точки роста в других, не менее перспективных, направлениях.

Мировой опыт показывает стремление большого количества туристов, чаще молодежи, не рассматривать туризм и отдых в классическом понимании — как 1–2 поездки в год. Идет тренд на интенсификацию туристической активности в течение всего года, используя уикенды и праздничные дни для совершения непродолжительных поездок при наличии транспортной доступности. И здесь возрастает роль тематических мероприятий, способных привлечь внимание избалованного туриста, который при успешности мероприятия выступит драйвером привлечения дополнительного контингента посетителей.

Литература

1. Саранча М. А. Методологические проблемы интегральной оценки туристско-рекреационного потенциала территории // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о Земле». 2011. № 1. С. 118–127.
2. Пономарева М. В., Пономарева И. Ю., Танкиева Т. А. Методика интегральной оценки туристической привлекательности муниципальных образований Тульской области // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 1–5. С. 458–463.
3. Казанцев Ю. Ю. Имидж территории как инструмент повышения ее туристической привлекательности // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2013. № 2. С. 52–56.
4. Федюнина С. М., Паничкина Г. Г. Стратегия брендинга в политике региона (на примере Саратовской области) // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 1.
5. Фролова Е. В., Кабанова Е. Е. Развитие туристической привлекательности российских территорий: современные тенденции и управленческие практики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 153–169.

References

1. Sarancha M. A. *Methodological problems of an integrated assessment of tourist and recreational capacity of the territory* [Metodologicheskie problemy integral'noi otsenki turistsko-rekreatsionnogo potentsiala territorii] // Bulletin of the Udmurt University. Series "Biology. Sciences about Earth" [Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Biologiya. Nauki o Zemle»]. 2011. № 1. P. 118–127. (rus)
2. Ponomareva M. V., Ponomareva I. Yu., Tankiyeva of T. A. *Methods of an integrated assessment of tourist appeal of municipalities of Tula region* [Metodika integral'noi otsenki turisticheskoi privlekatel'nosti munitsipal'nykh obrazovaniy Tul'skoi oblasti] // News TULSU. Economic and jurisprudence [Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki]. 2014. № 5-1. P. 458–463. (rus)
3. Kazantsev Yu. Yu. *Image of the territory as instrument of increase in her tourist appeal* [Imidzh territorii kak instrument povysheniya ee turisticheskoi privlekatel'nosti] // Interexpo Geo-Siberia [Interekspos Geo-Sibir']. 2013. № 2. P. 52–56. (rus)
4. Fedyunina S. M., Panichkina G. G. *The strategy of branding in policy of the region (on the example of the Saratov region)* [Strategiya brendinga v politike regiona (na primere Saratovskoi oblasti)] // Bulletin of the Volga region Institute of management [Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya]. 2017. Volume 17. № 1. (rus)
5. Frolova E. V., Kabanova E. E. *Development of tourist appeal of the Russian territories: current trends and administrative practices* [Razvitie turisticheskoi privlekatel'nosti rossiiskikh territorii: sovremennyye tendentsii i upravlencheskie praktiki] // Economic and social changes: facts, tendencies, forecast [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz]. 2016. № 1(43). P. 153–169. (rus)

Человек и машина в русской религиозной философии

Александров Владимир Борисович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры философии и культурологии
Доктор философских наук, профессор
vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются взгляды русских философов на проблему человеческого бытия перед лицом научно-технического прогресса. Их размышления выявили глубокую противоречивость взаимоотношения научно-технического прогресса с теми смыслами, которые обретает человек, стремящийся к духовному единению с окружающим миром. Русские мыслители с большой эмоциональной силой выразили ощущение опасности омертвляющего действия машины, как фактора упрощающего и усредняющего общественную жизнь, разрушающего целостность бытия человека и как природного существа, и как существа духовного. Этому действию они считали необходимым противопоставить духовно-нравственное возвышение человека. Однако требование ограничить экспансию машины силой духа, выдвигаемое русскими мыслителями, обнаружило свою абстрактность. Поиск средств ограничения безудержной экспансии технических достижений, грозящей катастрофическими последствиями, привел к тому, что некоторые из них увидели в качестве одного из таких средств науку, которая является основой технического прогресса, поставить границы для которого они требовали. Появились идеи о необходимости обращения к вполне земным средствам воздействия на технический прогресс, главным из которых выступает сила государства, опирающаяся, опять же, на научные представления о природе и обществе. Невозможность выйти из этого круга стала одной из причин трагического видения истории, свойственного русской философии, в соответствии с которым в ней, по словам Бердяева, происходит нарастание противоречия между началом божественным и началом дьявольским, между добром и злом, неразрешимость которого может стать причиной конца земной истории человечества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

человек, машина, научно-технический прогресс, наука, дух

Aleksandrov V. B.

The Person and the Machine in the Russian Religious Philosophy

Aleksandrov Vladimir Borisovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEP (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of Chair of Philosophy and Cultural Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The article considers the views of Russian philosophers on the problem of human existence in the face of scientific and technological progress. Their reflections revealed deep discrepancy of a relation of scientific and technical progress with those meanings which are found by the person aiming at a spiritual unification with the world around. The Russian thinkers with great emotional power expressed feeling of danger of the deadening operation of the machine as the factor simplifying and averaging public life, destroying integrity of life of the person and as natural being and as beings spiritual. To this action they considered necessary to contrast a spiritual and moral eminence of the person. However the requirement to limit expansion of the machine to strength of mind, pushed by the Russian thinkers, found the abstractness. Search of means of restriction of the impetuous expansion of technical achieve-

ments threatening with catastrophic consequences led to the fact that some of them saw science which is a basis of technical progress as one of such means, to deliver borders for which, they required. There were ideas about need of the appeal to quite terrestrial levers on technical progress from which force of the state relying, besides, on scientific ideas of the nature and society acts as the main thing. The impossibility to leave this circle became one of the reasons of the tragic vision of history peculiar to the Russian philosophy according to which in it, according to Berdyaev, there is an increase of a contradiction between the Divine and the beginning devil, between the good and evil which unsolvability can become the reason of the end of terrestrial history of mankind.

KEYWORDS

person, machine, scientific and technical progress, science, spirit

Русская философия, всегда выводившая на первый план социально-философской рефлексии духовную основу общественного бытия, укореняя ее в отечественной культурной традиции, тем не менее, всегда откликалась на вызовы времени, связанные с новыми тенденциями, обозначаемыми в тех или иных сферах современной им общественной жизни. Одним из таких вызовов явился технический прогресс, очевидно требовавший согласования с мировоззренческими установками, определявшими социальные воззрения русских мыслителей. Откликаясь на него, русские мыслители высказали целый ряд идей, которые интересны тем, что, с одной стороны, они углубляют представление об отечественной ментальной традиции, а с другой, образуют специфическую парадигму, могущую обогатить философскую рефлексию на тему смысла и перспектив взаимоотношения человека и создаваемой им технической среды.

Точкой отсчета, по отношению к которой определяется видение технического прогресса в отечественной философии, по-видимому, является традиционная для русской ментальности охранительная установка, которая в данном случае выступает как опасение по поводу возможных разрушительных его последствий для исторического уклада жизни русских людей, для богатства и специфических особенностей их духовной жизни. Вместе с тем русские мыслители стремятся обозначить и последствия технического прогресса для человеческого общества вообще. Свои рассуждения они обосновывают достаточно продуманными концепциями исторического прогресса и смысла человеческого бытия. При этом, конечно, аргументация и логика движения мысли отдельных авторов могут весьма заметно отличаться, что определяется не только особенностями их философских воззрений, но и конкретными условиями, в которых творил мыслитель, уровнем развития современных ему науки и техники. Тем не менее за существующими различиями просматривается некая общая логика отношения к феномену технического прогресса.

В настоящей статье мы рассмотрим наиболее характерные идеи, предложенные выдающимися русскими мыслителями по вопросу о возможных последствиях технического прогресса для различных сторон общественной жизни, для понимания смысловых оснований человеческого бытия, для содержания религиозной жизни. На этой основе можно будет понять и свойственное многим русским мыслителям видение исторического процесса.

Начнем наше рассмотрение с одной из характерных и достаточно аргументированных концепций роли технических инноваций в общественной жизни, выдвинутой большим русским мыслителем К. Н. Леонтьевым. Эта концепция, с одной стороны, основывается на вполне очевидной идеализации опыта русской истории, сближающей ее с взглядами славянофилов, а с другой, выступает следствием весьма продуманной теории исторического прогресса.

Кратко напомним суть этой сегодня хорошо известной теории. Главное в ней заключается в выделении трех основных этапов во всяком процессе развития (не

только социально-историческом): 1) первичной простоты, 2) цветущей сложности, 3) вторичного смесительного упрощения. Эта схема обильно иллюстрируется Леонтьевым разнообразным материалом из области медицины и биологии, истории культуры и философии и пр. Высшая стадия — цветущая сложность — означает переход от «простейшего к сложнейшему» и предполагает индивидуализацию, «обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой, от сходных и родственных организмов» [6, с. 69]. На этом пути происходит «увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства» [6, с. 69]. Третья стадия — вторичное смесительное упрощение. Она предшествует гибели — «индивидуализация как частей, так и целого слабеет. Гибнущее становится и однообразнее внутренне и ближе к окружающему миру» [6, с. 72]. В этой связи все, что приводит к однообразию в общественной жизни, разрушению иерархической организации общества, плоскому уравниванию является, согласно Леонтьеву, признаками регресса и упадка. В социально-политической мысли выразителем такой тенденции, по его мнению, выступает либерализм. «Между эгалитарно-либеральным поступательным движением и идеей развития, — утверждает Леонтьев, — нет ничего логически родственного, даже более: эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития» [6, с. 74]. Развитие предполагает некоторую внутреннюю идею, которая «держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях» [6, с. 76]. Принципиальная позиция Леонтьева заключается в том, что эта организация предполагает неравенство в самых различных областях общественной жизни, которое представляет условие, с одной стороны богатства, разнообразия общественной жизни, а с другой, ее целостности. В соответствии с этой точкой зрения в обществе, например, должны быть сословные различия, выражающиеся, в частности, в наличии аристократии, различия в уровне образования, богатства и т. п.¹

В свете такой концепции исторического прогресса выстраивается его критическое отношение к утверждениям о ведущей роли знания в общественной жизни, к техническому прогрессу, базирующемуся на достижениях научного разума. Главный аргумент Леонтьева против распространения технических достижений заключается в том, что «машина, пар электричество и т. п. <...> усиливают и ускоряют смешение» [6, с. 125], т. е. подталкивают к той самой упадочнической стадии вторичного смесительного упрощения, которая приходит на смену цветущей сложности. Философ предостерегает, что «дальнейшее распространение их приведет неминуемо к насильственным и кровавым переворотам, даже и к непредвиденным физическим катастрофам» [6, с. 125]. Не зная о грядущей тотальной компьютеризации общественной жизни, а так же всего того, что связано с совершающимся сегодня процессом глобализации, он пророчески провозглашает, что «все эти изобретения невыгодны: для государственного обособления, ибо они облегчают заразу иноземными свойствами; для религии, ибо они увлекают мало знающих людей ложными надеждами все на тот же разум (односторонне в прямолинейном смысле понятом)...» [6, с. 125]. Эта односторонность заключена в том, что разум сводится к научному разуму, создающему разнообразные технические новшества. Есть, конечно, и бенефициары технических нововведений. Это те социальные категории, чье благополучие связано с этими нововведениями. По словам Леонтьева, «все эти изобретения <...> выгодны только для буржуазии, выгодны *средним*

¹ Интересно заметить, что приведенные мысли русского мыслителя перекликаются с идеями синергетики, в частности, с положением о том, что самоорганизация возможна в неравновесных системах, т. е. в таких, в которых фиксируется градиент значимых для системы параметров. В этой связи интересны его рассуждения о том, что «знание и незнание, по сути, есть равносильные орудия и условия развития» (123), что разница в «степени познания» может стать условием развития, чему он приводит интересные исторические примеры.

людям, фабрикантам, купцам, банкирам, отчасти и многим ученым, адвокатам...» [6, с. 125]. Именно эти категории настроены против всего социально качественного, против принципа иерархии в организации общественной жизни, против сложности, основанной на «деспотическом» начале, против укорененной во многих поколениях религиозной веры, духовно возвышающей нацию. Недвусмысленный вывод Леонтьева звучит так: изобретения выгодны «среднему классу, который... является главным врагом царей, положительной религии, воинственности и дворянства» [6, с. 125].

Одной из важных и привлекающих внимание особенностей приведенных рассуждений является идея, согласно которой, если разум и является условием развития, то это разум более широко понятый, чем это имеет место в трудах, сводящих его исключительно к разуму научно-техническому. Продуктивная роль разума, как следует из рассуждений философа, заключается не только и, возможно, не столько в создании и продвижении технологий, а главным образом в том, чтобы соотнести развитие техники с историческим опытом, накопленным в процессе общественного развития. Правда, ход размышлений Леонтьева для современного слуха выглядит весьма парадоксально. В частности, мы имеем в виду призыв философа выступить «против смешения сословий, всеобщей грамотности, демократизации познаний», против злоупотребления машинами и против разных прикладных изобретений, ««балующихся», так сказать, весьма опасно со странными и таинственными силами природы» [6, с. 125].

Приведенные пассажи (например, о вреде всеобщей грамотности) выглядят на первый взгляд достаточно «мракобесно». Однако если попытаться отвлечься от прямолинейного их толкования, то за этими, странными, на первый взгляд, рассуждениями можно увидеть и рациональное зерно. Суть его в том, что требование обеспечения равного по уровню образования «для всех» является не просто неосуществимым, но и малопродуктивным в практическом отношении. По-видимому, уровень и содержание образования должны быть «приспособлены» к той профессии, уровню требуемой ею квалификации, которой занимается конкретный субъект. Далеко не каждая профессия предполагает глубокое овладение достижениями фундаментальной науки, навыками серьезной исследовательской работы и пр. Сегодня это обстоятельство находит свое выражение в том, что существуют различные уровни профессионального образования — начальное, среднее, высшее. Сохранение и развитие этой системы необходимо для того, чтобы самые разные области социально значимой деятельности не оказались в той ситуации, которую можно назвать кадровым тупиком. Иными словами, и в области образования необходим тот самый градиент, без которого общественная система не может успешно развиваться.

Другой вариант аргументации скептического отношения к техническому прогрессу мы встречаем в работах Булгакова. Главная особенность его взглядов состоит в том, что науку он рассматривает как «средство хозяйственной ориентировки», не отрицая, правда, при этом опосредованного характера связи с хозяйством наук, производящих идеальные блага. Такое понимание смысла научного познания никоим образом не «спасает» от выводов, несущих в себе опасение по поводу возможных последствий научного овладения природным миром. Опасения, в рамках такого понимания науки, связаны с пониманием материального мира «как царства смерти, враждующего с жизнью». Весьма пророчески звучат слова Булгакова, высказанные им в начале XX в.: «наука ориентирует нас в этом царстве смерти, потому и сама приобретает в себе нечто мертвящее» [5, с. 207].

Конечно, скептическое отношение к техническому прогрессу не является в равной степени разделяемым всеми отечественными мыслителями. В определенных условиях, перед лицом очевидных достижений науки и техники некоторые из них

в той мере и в той форме, которые соответствовали их социально-философским воззрениям, принимали неизбежность и стремились увидеть позитивный смысл научно-технического прогресса. Но рано или поздно эти попытки выводили их на тему противостояния духовно-нравственного начала общественной жизни и всего того, что связано с ее «машинизацией».

В этом отношении показательны взгляды Н. А. Бердяева. Особый интерес они вызывают еще и в связи с тем, что его видение данной проблемы не оставалось неизменным и проделало заметную и весьма характерную эволюцию от стремления к оптимистическому философскому освоению технического прогресса к весьма глубокому скепсису по поводу роли машины в жизни общества.

Поначалу русский мыслитель увидел в техническом прогрессе нечто противоположное тому, что виделось Леонтьеву: не источник падения всего высокого, разрушения религиозности, а наоборот, новый этап возвышения человеческого духа в его стремлении соединиться с Богом. В философском плане такое оптимистическое понимание роли машины в жизни человека является у Бердяева следствием абсолютизации творческого начала как смысловой определенности человеческого бытия. Заметим, что такая абсолютизация для русской философии не является бесспорной. Не случайно Булгаков характеризовал взгляды Бердяева в этой части как сатанизм, полагая, что творческие возможности человека ограничены и их абсолютизация означает приравнение человека Богу. По словам Булгакова, «человек не творит из ничего, а лишь воссоздает и преобразует» [5, с. 207].

Другой причиной оптимистического восприятия Бердяевым технического прогресса стали неоспоримые достижения, которые благодаря техническому прогрессу демонстрировали западные страны в совершенствовании образа жизни, и особенно те возможности ведения военных действий, которые показала Германия в Первой мировой войне. Стало ясно, что взгляды вроде тех, которые высказал донской казак Платов из Сказа Лескова о Левше, с трудом можно рассматривать как имеющие некий реальный смысл. Напомним эти слова, отчетливо выражающие отечественную традицию отношения к достижениям заморских мудрецов. Известно, что в ответ на восхищение Государя достижениями английской военной техникой, он заметил: «Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и двенадцать язык прогнали» [7, с. 425]. В противовес этой линии отношения к техническим достижениям, Бердяев, убежденный, в частности, достижениями военной техники Германии в Первой мировой войне, указывал на необходимость для России как можно скорее вставать на путь технического прогресса. Проблему движения по этому пути Бердяев видел не только как сугубо практическую, но и как метафизическую, поскольку «проблема «духа и машины» имеет огромное значение для русского сознания, для России вообще как проблема ее будущего» [2, с. 217].

В этой связи он критиковал точку зрения, восходящую к славянофилам и противопоставляющую «своеобразие русского духа западной материальной культуре, основанной на механичности и машинности» [2, с. 217]. Такая позиция, указывал Бердяев, оказывается не возвышением духа, как казалось славянофилам, а, наоборот, движением к примитивному материализму. Они, «так дорожившие примитивным и отсталым русским материальным бытом и с ним связывавшие высоту нашего духа, в сущности, держали дух в рабской зависимости от материи» [2, с. 218].

Свои размышления Бердяев обосновывает развиваемой им диалектикой духа и материи. Дух воплощается в формах реальной материальной жизни и она, в ответ, выступает тем основанием, на котором только и возможно духовное творчество. «Дух должен бесстрашно идти по пути материального развития, узрев в нем свою собственную объективацию и манифестацию. Материальное развитие, техника, машина — пути духа» [2, с. 218]. Отсталость в области технической, в области

развития материальных условий жизни, это одновременно отсталость в области духовного творчества, отсталость духа. «Постыдно для духа бояться материально-го развития и цепляться за материальную отсталость» [2, с. 218].

В отличие от Леонтьева он полагал, что материально-техническое развитие не является губительным для религии, а наоборот, создает возможности для перехода религиозной жизни на более высокий уровень. Это обусловлено тем, что благодаря техническому развитию дух все более освобождается от зависимости от материальной жизни, в которую Бердяев включает и природно-органическую жизнь, свойственную человеку, работающему на земле. В отличие от традиций Киреевского и Хомякова, он не считает традиционный крестьянский уклад источником подлинной духовности. Такой натурализм, как следует из его рассуждений, упрощает религиозное чувство, растворяет его в повседневной бытовой и практической жизни. Именно поэтому «огромный смысл явления машины в том, что она помогает окончательно порвать с натурализмом в религии» [2, с. 222].

В последующих работах Бердяева прослеживается возрастание чувства настороженности по отношению к роли машины в жизни человека. Он начинает обращать внимание на опасность машины для природно-телесного бытия человека. В частности в книге «Смысл истории», написанной им через пять лет после упомянутой статьи, со всей определенностью акцентируется понимание машины как силы чуждой человеку как существу природному. Рассматривая машину как силу, разрушающую дух ренессансной эпохи, Бердяев утверждает, что ее вхождение в жизнь человека подвергает его «процессу расчленения, разделения, в силу которого человек как бы перестает быть природным существом, которым он был ранее» [3, с. 118]. Этот мотив связан с существенной конкретизацией представления о пределах человеческого творчества, которое может иметь своим результатом уничтожение и самого человека. Средством самоуничтожения человека и выступает машина. Преодоление этой опасности он видит в измерении человеком границ и смысла своего творчества светом Божественного начала. «Для того, чтобы человек до конца утвердил себя и не утерял источника и цели своего творчества, — пишет философ, — он должен утратить не только себя, но и Бога ... для того чтобы утвердилась человеческая индивидуальность, человеческая личность, для этого она должна осознавать свою связь с началом более высоким, чем она сама, для этого она должна признавать существование другого, Божественного начала» [3, с. 120].

В статье «Человек и машина», написанной в начале 30-х годов, Бердяев углубляет диалектику разрушающего для человека начала, заключающегося в техническом прогрессе, и роли последнего как фактора стимулирующего духовную жизнь человека. «Вопрос техники неизбежно делается духовным вопросом, — пишет он, — в конце концов, религиозным вопросом. От этого зависит судьба человечества. Чудеса техники всегда двойственны, по своей природе требуют небывалого напряжения духовности неизмеримо большего, чем прежние эпохи» [4, с. 25]. При этом он по-прежнему отказывается от традиционного для русской философии укоренения духовности в истории, в частности, истории естественного, природно-обусловленного бытия человека. Вот характерное для данного периода его творческой жизни высказывание: «Власть техники в человеческой жизни влечет за собой очень большие изменения в типе религиозности. И нужно сказать к лучшему. В техническую, машинную эпоху ослабевает и делается все более и более затруднительным наследственный привычный, бытовой, социально-обусловленный тип религиозности. Религиозный субъект меняется, он чувствует себя менее связанным с традиционными формами, с растительным органическим бытием. Религиозная жизнь в технико-машинную эпоху требует более напряженной духовности» [4, с. 26]. Веря в возможность преодоления опасности порабощения человека его собственным созданием, преобразующим и земной мир и даже космос, опасности «уничтожения

человека», он утверждает, что «путь окончательного осуществления его призвания есть путь к царству Божию, которое есть не только царство земное, но и царство преображенной земли, преображенного космоса» [4, с. 37].

По мере дальнейшего развития науки и технического прогресса, когда наука проникла в глубины материи, когда была установлена огромная разрушительная сила, таящаяся в атоме, у философа все более отчетливо нарастает ощущение мертвящего начала науки, опасности, исходящей от механизации общественной жизни. Постепенно утрачивается вера в возможность овладения техническим прогрессом, в успешное разрешение противоречия между наступающей машиной и духом. На эти новые возможности науки Бердяев откликнулся в своих сочинениях последних лет жизни, написанных через тридцать лет после первой рассмотренной нами выше работы. Его взгляды в это время далеко не столь оптимистичны, он видит возможность печальных последствий, которые таит в себе экспансия научного разума в окружающий мир. Теперь технический прогресс уже не видится ему как форма проявления Духа, наоборот он противопоставляет техническому прогрессу Дух, укорененный в истории, которая по своей сути есть история общения человека с Богом.

Теперь техника понимается им не только как сила, разрушающая природное начало в человеке, но и как начало, неподдающееся попыткам его ограничения силами духа. Она по выражению Бердяева, «есть предельное выражение царства Кесаря, новая его форма, непохожая на прежние формы». Это означает, что «дуализм царства Духа и царства Кесаря принимает все более острые формы» [2, с. 251]. Установление этого дуализма является источником нового ощущения, не встречавшегося ранее в его произведениях, посвященных взаимоотношению человека и машины, ощущения нарастающей *абсурдности* жизни.

Оптимистическое видение технического прогресса, которое он разделял в начале века, теперь рассматривается как черта идеологии, созданной марксистами, которые «хотят оставаться оптимистами, верят в благость техники, относят сознание абсурдности жизни исключительно к обреченным на смерть буржуазным классам, и с ней связывают неотвратимость торжества пролетариата» [2, с. 251]. В действительности же ситуация абсурдности становится свойственной человеческому бытию вне зависимости от классовой принадлежности. Развитие техники, казалось бы, свидетельствующее о торжестве разума, порождает «взрыв иррациональных сил», в результате чего «ситуация человека в мире делается абсурдной, бессмысленной...мир приходит к рационализированной тьме» [2, с. 251].

Бердяев, продолжая намеченную в более ранних произведениях линию рассуждений, полагает, что если и есть выход из сложившейся ситуации, то он состоит в подчинении техники духу. «Поскольку остановить технический прогресс невозможно «нужно не отрицать научные открытия техники, а духовно овладевать ими» [2, с. 248]. Однако возможности духовного овладения достижениями технического прогресса ограничены несовершенством самого человека, что делает поставленную задачу, мягко говоря, трудно осуществимой. Технический прогресс предъявляет новые требования к моральному уровню человека, которым он, увы, не соответствует. «Моральное и духовное развитие не соответствует техническому развитию и... это создает главную причину нарушения равновесия человека» [2, с. 252]. Это означает, что еще одной проблемой, связанной с реальным противостоянием духа нарастающей «механизации» общественной жизни, является определение путей преодоления морального несовершенства человека, возведение его на ту ступень, на которой может строиться его влияние на материю.

Поиск путей преодоления морального несовершенства человека предполагает ответ на вопрос, может ли, и если да, то в какой степени, участвовать в решении этой задачи сам научный разум. И вообще может ли дух овладевать техническим прогрессом, находясь в противостоянии научному разуму или его овладение тех-

ническим прогрессом, деятельность по предотвращению разрушительного потенциала, содержащегося в нем, сама должна включить в себя научный разум. Данную дилемму в русской культурной философии видели по-разному. Если охранительная тенденция, воспроизведенная Леонтьевым, принципиально противопоставляла дух достижениям научного разума, то С. Л. Франк занимал принципиально противоположную позицию.

Видя опасность того, что «рост человеческого могущества, через прогресс умения распоряжаться силами природы, может в зависимости от направления его воли, быть употреблен и ко благу, и ко вреду и злу» [8, с. 452], он полагает, что преодоление «злых» сил предполагает опору на само научное знание. Главное, что может дать это знание — понимание человеческой природы, принципов мотивации человеческой воли. По словам Франка, «трезвое научное знание — именно знание человеческой природы и закономерностей мотивации человеческой воли» может быть условием управления этой последней [8, с. 454]. Такой подход, на первый взгляд, выглядит совершенно оправданным. Действительно, на что еще, кроме научного знания, могут опираться усилия по преодолению разрушительного потенциала содержащегося в научно-техническом прогрессе.

Однако эта установка должна быть проработана до своего логического конца. Решая указанную задачу на путях, предложенных Франком, мы сталкиваемся с проблемой ее согласования с принятым в русской философии представлением об иррациональности человеческой природы. Вера в научный разум, могущий овладеть иррациональными силами человеческой природы, выглядит, мягко говоря, нелогично. Кроме того, такой подход как бы отдает на откуп задачу спасения человечества той силе, которую как раз предполагается ограничить. Иными словами, следует признать, что дух и машина являются несоизмеримыми, принадлежащими разным мирам, и эта их несоизмеримость делает непонятным сам механизм воздействия духа на вполне материальный процесс технического прогресса.

Нельзя сказать, что Франк не ощущает противоречивости такого подхода. Отступая от своей рационалистической установки и как бы возвращаясь в лоно отечественной ментальности, он замечает, что нравственное совершенствование мира «в отличие от технически-организационного совершенствования — не чисто человеческий, а богочеловеческий процесс» [8, с. 463]. Смысл этого процесса, согласно Франку, «по своему основному постоянному существу есть излияние в мир благодатной силы любви, т. е. внесения добра в человеческие души и тем самым в непосредственные личные отношения между людьми» [8, с. 457]. Однако человек не сумел «нащупать» этот путь любви, путь нравственного совершенства. Поэтому проблема успешного противостояния человека машинной цивилизации, разрушающей человеческую природу и человеческий дух, остается, более того, с развитием техники она становится все более и более острой.

Охарактеризованные выше размышления русских философов со всей остротой зафиксировали, с одной стороны, необходимость постановки научно-технического прогресса в определенные смысловые рамки, и с другой стороны, принципиальную несовместимость мира, в котором формируется духовно-нравственные начала человеческого бытия и мира научно-технического развития. Эта несовместимость двух миров означает неразрешимость противоречия «дух-машина», а значит, и невозможность для духа ограничить экспансию процесса «машинизации» общественной жизни. Условием разрешения данного противоречия могло бы стать определение реальных «механизмов», с помощью которых может осуществляться влияние духа на технический прогресс. Нерешенность этой проблемы превращает все разговоры о противостоянии духа материи, тем более об ограничивающем его влиянии на разрушающее человека действие машины, в пустые декларации отвлеченного философствования. Эту проблему отчетливо осознает Н. А. Бердяев.

Поиск таких «механизмов» естественным образом опять выводил на определение рациональных принципов их функционирования, поскольку это должны быть вполне реальные земные механизмы, успешность действия которых, явно или неявно, должна опираться опять же на аргументы того же научного разума. Таким механизмом, согласно Бердяеву, может выступить государство. Нетрудно увидеть, что этот подход возвращает тему духовного овладения техническими достижениями в лоно идеи тотального значения рационального познания для общественной жизни. Здесь признается, что дух сам по себе бессилен в противостоянии с техникой и, как это ни парадоксально, он вынужден в этом противостоянии обратиться к вполне земному механизму, в качестве которого выступает государство.

Апелляция к силе государства противоречит принципиальной установке Бердяева о творческой природе человеческого бытия, поскольку регулирующая деятельность государства, исходящая из убежденности в рациональной обоснованности принципов этой деятельности, легко может оборачиваться тоталитаризмом, отдающим государству всеобщую власть над духовными процессами, происходящими в обществе. Обращение к регулирующим возможностям государства оборачивается подавлением свободы духа. Таково еще одно противоречие, с которым сталкиваются попытки перевода в реальную плоскость требования воздействия духа на технический прогресс. Надо сказать, что Бердяев осознает это обстоятельство: «Техника не желает знать никакого высшего начала над собой. Она принуждена считаться лишь с государством, которое тоже приобретает тоталитарное значение» [2, с. 250]. Ощущение неразрешимости данного противоречия становится, по-видимому, одним из истоков трагического ощущения исторического процесса, свойственного мировоззрению многих русских философов [См.: 1].

Таким образом, размышляя на тему взаимоотношения человека и машины в последние годы своего творчества, Бердяев в какой-то степени возвращается к отторгнутым им взглядам русских критиков технического прогресса, начиная видеть в технике не только опасность разрушения природных основ человеческого бытия, но и своего рода смерть духа. Как отмечалось, в начале века Бердяев не только не проводил различия между «общением» человека с природой и его общением с техникой, но, более того, последнее он ставил даже выше первого. «Природно-органическое не есть еще ценное, не есть то высшее, что нужно охранять, — писал он. — Истинная жизнь — творимая жизнь, а не исконная данная жизнь, не органически элементарная, животное-растительная жизнь в природе и обществе. И в физическом организме, борющемся за существование в природном порядке, не больше окончательной правды, чем в машине. Развитие в материальном плане идет от элементарного природного организма к сложной искусственной машине... Обращение к элементарному органическому прошлому, идеализация его, боязнь страдальческого развития, есть малодушие и любовь к покою, лень духа ... в старый рай под старый дуб нет возврата» [2, с. 222]. Так писал Бердяев в начале XX в. В 40-х годах он уже не отрицает того, что в «дотехническую эпоху» общение с миром природы было духовно наполнено, и что такой тип общения в машинном мире утрачивается. «Древнее общение человека с жизнью, — пишет он, — его взаимодействие с природой было духовно наполнено, что невозможно в отношениях с технической средой» [2, с. 252].

Подытоживая, можно констатировать, что размышления русских философов выявили глубокую противоречивость взаимоотношения научно-технического прогресса с теми смыслами, которые обретает человек, стремящийся к глубокому духовному единению с окружающим миром. Эта противоречивость нашла отражение в сложных и неоднозначных идеях русских мыслителей о значении технического прогресса, его влиянии на духовную жизнь человека, конкретных путях овладения разрушительным началом, заключающимся в экспансии технических достижений в различные сферы общественной жизни. Русские мыслители с большой эмоцио-

нальной силой выразили ощущение омертвляющего действия машины, как фактора, упрощающего и усредняющего общественную жизнь, разрушающего целостность бытия человека и как природного существа, и как существа духовного. Этому действию машины они считали необходимым противопоставить духовно-нравственное возвышение человека. К сожалению, требование ограничить экспансию машины силой духа, выдвигаемое русскими мыслителями, обнаружило свою абстрактность. Поиск средств ограничения безудержной экспансии технических достижений, грозящей катастрофическими последствиями, привел к тому, что некоторые из них увидели в качестве одного из таких средств науку, которая является основой технического прогресса, поставить границы для которого они требовали. Появились идеи о необходимости обращения к вполне земным средствам воздействия на технический прогресс, главным из которых выступает сила государства, опирающаяся, опять же, на научные представления о природе и обществе. Невозможность выйти из этого круга стала одной из причин трагического видения истории, свойственного русской философии, в соответствии с которым в ней, по словам Бердяева, происходит нарастание противоречия между началом божественным и началом дьявольским, между добром и злом, неразрешимость которого может стать причиной конца земной истории человечества.

Литература

1. Александров В. Б. Метафизика прогресса в русской религиозной философии // Управленческое консультирование. 2016. № 4. С. 253–262.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Советский писатель, 1989.
3. Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990.
4. Бердяев М. А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. № 38. Май. 1933.
5. Булгаков С. Н. Философия хозяйства // С. Н. Булгаков. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1990.
6. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // К. Н. Леонтьев. Избранные произведения. М., 1993.
7. Лесков Н. А. Левша (Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе) // Н. А. Лесков. Повести. Рассказы. М., 1973.
8. Франк С. Л. Свет во тьме. Опыт Христианской этики и социальной философии // С. Л. Франк. Духовные основы общества. М., 1992.

References

1. Aleksandrov V. B. *Metaphysics of progress in the Russian religious philosophy* [Metafizika progressa v russkoi religioznoi filosofii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovaniye]. 2016. № 4. P. 253–262. (rus)
2. Berdyayev N. A. *The Fate of Russia* [Sud'ba Rossii.]. M. : Soviet writer [Sovetskii pisatel']. 1989. (rus)
3. Berdyayev N. A. *The Meaning of History* [Smysl istorii]. M. : Thought [Mysl']. 1990. (rus)
4. Berdyayev N. A. *The person and the machine (Problem of sociology and metaphysics of the equipment)* [Chelovek i mashina (Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki)] // Way [Put']. № 38. Mai, 1933. (rus)
5. Bulgakov S. N. *Philosophy of economy* [Filosofiya khozyaistva] // S. N. Bulgakov. Compositions in two volumes [Sochineniya v dvukh tomakh]. V. 2, M., 1990. (rus)
6. Leontyev K. N. *Byzantism and Slavophilism* [Vizantizm i slavyanstvo] // K. N. Leontyev. Chosen works [Izbrannye proizvedeniya]. M., 1993. (rus)
7. Leskov N. A. *The lefthander (The narration about the Tula cross-eyed lefthander and about a steel flea)* [Levsha (Skaz o tul'skom kosom levshe i o stal'noi blokhe)] // Leskov N. A. Stories [Povesti. Rasskazy]. M., 1973. (rus)
8. Frank S. L. *Light in darkness. Experience of Christian ethics and social philosophy* [Svet vo t'me. Opyt Khristianskoi etiki i sotsial'noi filosofii] / Frank S. L. Spiritual bases of society [Dukhovnye osnovy obshchestva]. M., 1992. (rus)

Андропов и Карелия

Лабудин Александр Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры экономики и финансов
Доктор экономических наук, профессор
Labudin59@mail.ru

Кирьянен Александр Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры моделирования социально-экономических систем
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры экономики и финансов
Кандидат физико-математических наук
Kirjanen@mail.ru

Самодуров Александр Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры экономики и финансов
Кандидат технических наук, доцент
alexanders-2000@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются основные события, связанные с пребыванием в 1940-1951 гг. на руководящих постах в Карело-Финской ССР выдающегося государственного деятеля Юрия Владимировича Андропова. Анализируются принимавшие им и другими карельскими руководителями того времени, прежде всего первым секретарем ЦК КП КФССР Г. Н. Курпrianовым, решения, направленные на защиту интересов карелов, вепсов и финнов. Рассматривается проблема репатриации в Карело-Финскую ССР финнов-ингерманландцев, репрессированных во время и сразу после Второй мировой войны по надуманным обвинениям. Данная проблема рассматривается в контексте непростой и трагической истории финско-ингерманландского народа. Даются авторские выводы, актуальные для сегодняшней политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Карелия, Ингерманландия, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, репатриация, репрессии, выселение, героизм, изучение национальных языков, партийные и советские органы, лесоразработки, лесозаготовки

Labudin A. V., Kirjanen A. I., Samodurov A. A.

Andropov and Karelia

Labudin Alexander Vasilyevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of the Economics and Finance
Doctor of Science (Economy), Professor
Labudin59@mail.ru

Kirjanen Alexander Ivanovich

Saint-Petersburg State University
Associate Professor of the Chair of Modeling of Social and Economic Systems
North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of the Economics and Finance
PhD in Physics and Mathematics
Kirjanen@mail.ru

Samodurov Aleksandr Aleksandrovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of the Economics and Finance
PhD in Technical Science, Associate Professor
alexanders-2000@mail.ru

ABSTRACT

The main events of the eminent statesman Yuriy Andropov's ruling in Karelian-Finnish SSR (1940-1951) are discussed in this article. The decisions of J.Andropov and other Karelian-Finnish leaders (mainly G.Kuprijanov — the first secretary of CK CP KF SSR at that time), directed to the defense of interests of Karelians, Vepses, Finns are analysed also. The problem of the repatriation of Ingermanland Finns to Karelian-Finnish SSR is discussed too. This people were repressed during and immediately after the Second World War according of far-fetched charges with a crime. This problem is discussed in connection with difficult and tragic history of Ingermanland Finns people. The authors draw some actual conclusions for temporary state policy.

KEYWORDS

Karelia, Ingermanland, the Great Patriotic war, the Second World war, repatriation, repressions, expulsion, heroism, the studying of national languages, the party and soviet state bodies, forest exploitation, timber cutting

В последние годы вышло немало интересных исследований, посвященных выдающемуся государственному деятелю XX века Юрию Владимировичу Андропову. Интерес к его жизни, деятельности, политическому и управленческому наследию получил новый импульс в связи со столетним юбилеем Ю. В. Андропова, отмечающимся в июне 2014 г. Свой посильный вклад в создание отечественной «Андроповианы» внесли и авторы этой статьи. В 2014 г. вышла коллективная монография «Ретроспективный анализ политического наследия Ю. В. Андропова» / В. В. Круглов, А. В. Лабудин, А. А. Курприн, А. А. Самодуров, И. В. Жук. СПб. : Астерион, 2014. 168 с. — (Современный взгляд на традиции политического лидерства). Она получила положительный отзыв видного российского специалиста по истории спецслужб и по наследию Ю. В. Андропова Олега Максимовича Хлобустова¹. О. М. Хлобустов отнес вышеуказанную работу к аналитическим, наряду с работами Ю. В. Шлейкина, Р. А. Медведева, Л. Б. Прозорова, А. С. Вергуна. Вышел целый ряд наших статей, посвященных наследию Ю. В. Андропова, прежде всего в научно-практическом журнале Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации «Управленческое консультирование» [15–18]. Особое место в изучении наследия Ю. В. Андропова занимает исследование карельского (или, по тогдашнему названию Карелии, карело-финского) периода его жизни и деятельности. В 2014 г. вышла очень интересная, прекрасно иллюстрированная и насыщенная новыми фактами и материалами книга карельского исследователя Юрия Викторовича Шлейкина «Андропов. Карелия. 1940–1951... Биографическая хроника» [29]. Эта книга получила заслуженную награду — премию ФСБ РФ. В 2014 году также вышла монография профессора Московского гуманитарного университета Юрия Альбертовича Васильева «Тайны «Могикана»», посвященная военному (1941–1945 гг.) периоду деятельности Ю. В. Андропова, неразрывно связанному с Карело-Финской ССР. Она также содержит очень много новых, ранее не вовлеченных в исследовательский оборот документов и фактов [5].

Будучи направленным на руководящую комсомольскую (первый секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР в 1940–1944 гг.), а затем и партийную (второй секретарь Петрозаводского горкома в 1944–1947 гг., второй секретарь ЦК КП Карело-Финской ССР в 1947–1951 гг.) работу в Карелию, Ю. В. Андропов, «державшийся» старого финского социал-демократа и коммуниста Отто Вильгельмовича Куусинена, работавшего в те годы Председателем Президиума Верховного Совета Карело-

¹ См.: Хлобустов О. М. Личность Андропова в отечественной историографии [Электронный ресурс]. URL: [http://samlib.ru/h/hlobustow_o_m/...](http://samlib.ru/h/hlobustow_o_m/) (дата обращения: 26.11.2016).

Финской ССР¹ [21], старательно изучал финский язык, финскую и карельскую литературу, прежде всего «Калевалу», вникал в проблемы культуры коренных народов Карелии² [12, с. 25; 29, с. 129]. А по воспоминаниям В. А. Крючкова, работавшего в 1953–1957 гг. под руководством Ю. В. Андропова в советском посольстве в Венгрии, и работавшего в середине 60-х годов с Андроповым в ЦК КПСС Ф. М. Бурлацкого [3, с. 154; 19, с. 42–44; 22, с. 30], Юрий Владимирович настолько овладел венгерским языком — хотя дипломатический протокол этого не требовал, — что мог без переводчика общаться с венгерскими коллегами. И это при том, что венгерский язык (а равно и финский язык), относящийся к уральской языковой семье, ее угорской группе, на русский язык, родной для Андропова, не похож ни грамматически, ни фонетически, ни по словарному составу. Естественно, что владение венгерским языком повышало степень доверия в отношениях советского посла с венграми.

На первом Международном фестивале национальных культур финно-угорских народов, представителей которых в Российской Федерации насчитывается в настоящее время 2,6 млн человек, состоявшемся в Саранске в июле 2007 г., Президент России В. В. Путин замечательно сказал: «У нас многонациональная страна, и каждый народ, каждая маленькая этническая группа должна чувствовать себя в России комфортно, должна понимать, что это ее родной дом, другого такого дома у нее нет и не будет. В этом основа стабильности и поступательного развития нашей страны»³.

Приведем два суждения о Юрии Владимировиче Андропове. Одно принадлежит историку и журналисту Леониду Млечину, написавшему ряд работ, посвященных видным деятелям советского периода отечественной истории и, в том числе, Юрию Владимировичу Андропову (Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М. : ЗАО Центрполиграф, 2008). «В ноябре 1936 года его [Андропова] из техникума перебросили комсомолом ЦК ВЛКСМ на рыбинскую судовой верфь имени В. Володарского. Ему было двадцать два года. С тех самых пор и до конца жизни Андропов находился на комсомольско-партийной работе — с перерывом на посольскую деятельность и на председательство в КГБ. Он никогда не руководил ни реальным производством, ни каким-то регионом (а работа вторым секретарем ЦК Компартии Карело-Финской ССР в 1947–1951 гг.? — авторы). Не имел ни экономических познаний, ни опыта практической работы в промышленности, сельском хозяйстве, финансах.

Его карьера сложилась так: из комсомола в партию, из партии в КГБ. Достоинства такого жизненного пути очевидны: точное знание государственного механизма, тайных пружин управления страной, умение приводить в действие рычаги власти. Недостаток заключается в том, что все знания о стране почерпнуты из вторых рук — из чьих-то рассказов, донесений, справок и аналитических записок подчиненных.

¹ О положительном влиянии О. В. Куусинена на формирование Ю. В. Андропова как государственного и политического деятеля см.: [21].

² В статьях и речах, относящихся к карельскому периоду жизни и деятельности Ю. В. Андропова, он неоднократно цитировал «Калевалу», вспоминал этот памятник (см.: [1]). «Любить свой родной край, свою республику — это значит, между прочим, знать и ценить народные песни, былинный эпос, танцы», — писал Андропов в «Комсомольской правде» в 1943 г. ([1, с. 25], полный текст статьи см.: [29, с. 103–105]). В феврале 1949 г. явно при непосредственном участии второго секретаря ЦК КП Карело-Финской ССР Ю. В. Андропова и под личным руководством его учителя и наставника О. В. Куусинена в Карелии прошло торжественное празднование 100-летия со дня выхода в свет первого полного издания «Калевалы». В Петрозаводске 25 февраля 1949 г. прошло торжественное заседание, на котором с докладом выступил Председатель Президиума Верховного Совета КФ ССР О. В. Куусинен (см.: [7, с. 151–155; 29, с. 220–221]).

³ Другого дома не будет // Российская газета. 2007. 20 июля. С. 1.

Сотни страниц секретных документов, которые каждый день ложились на стол секретаря ЦК и председателя КГБ, создали ощущение полного знания о происходящем в стране. Это, несомненно, была иллюзия. Вероятно, поэтому Андропов искренне считал, что страна нуждается главным образом в наведении порядка, дисциплине и борьбе с коррупцией, а вовсе не в глубоких экономических и политических реформах» [24, с. 16–17]. А вот слова одного из «выдвиженцев» Андропова, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, едва не ставшего главой Правительства СССР, до этого — первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, а впоследствии — Президента независимого Азербайджана (1993–2003 гг.), выведшего свою страну из тяжелейшего кризиса конца 80-х — начала 90-х годов, Гейдара Алиева: «...Если говорить об экономических реформах, мы ведь и в недрах Советского Союза пытались их осуществлять. Когда в конце 1982 г., после смерти Брежнева, меня пригласили в Москву, Андропов был очень решительно настроен на осуществление реформ. Конечно, тогда не предполагалось разрушить социалистическую систему, Советский Союз. Нет... Но то, что существовавший хозяйственный механизм не давал результатов, было очевидно. И так же ясно: что-то надо демократизировать — повторяю, говорю сейчас исключительно о сфере экономической. И уже тогда было подготовлено очень много различных проектов, мы постоянно искали пути к обновлению, как бы тогда это обновление не называли»¹. Думаем, что опыт и российских реформ, и реформ в других республиках СССР, ставших в начале 90-х годов XX в. независимыми государствами, показывает, что без наведения порядка, без постоянной и неуклонной работы по преодолению преступности, включая коррупцию, без привития всем и, в первую очередь, управляющим привычки жить и действовать по закону никакие серьезные и рассчитанные на успех и закрепление экономические и политические реформы невозможны. В этом, на наш взгляд, и состоит главный урок, преподанный Юрием Владимировичем Андроповым всем современным ему и последующим реформаторам.

Крайне драматический момент, связанный с деятельностью Ю.В. Андропова в Карело-Финской ССР, был связан с намечавшейся рядом военных и политических деятелей СССР высылкой карелов, финнов и вепсов из республики (естественно, с моментальной ее ликвидацией). Об этих событиях также появилась и научная, и даже художественная литература [6; 9, с. 284–292 и посл.]. Как свидетельствуют исследователи, и тогдашний высший руководитель Карело-Финской ССР первый секретарь ЦК Компартии Карело-Финской ССР и Петрозаводского горкома КП(б) КФССР Г.Н. Куприянов, и его заместитель вначале по Петрозаводскому горкому, а затем и по ЦК КП(б) Карело-Финской ССР в целом Ю.В. Андропов делали все, чтобы предотвратить это трагическое и явно несправедливое решение. И — что тогда случалось весьма редко — им это удалось. Как писал Г.Н. Куприянов, «...по вопросу о партизанском движении и подпольной работе в Карелии в 1944 г. шел серьезный политический спор между двумя группами руководящих работников, стоящих на совершенно противоположных точках зрения в этом вопросе. Одна группа (Мерецков, Штыков, Калашников, Грушевой и их ближайшие помощники — референты и адъютанты) командующий (К.А.Мерецков), члены Военного совета (Т.Ф. Штыков и К.С. Грушевой), начальник политуправления (К.Ф. Калашников) Карельского фронта — *авторы*) считали, что в Карелии не было никакого партизанского движения, никакой подпольной работы на оккупированной территории. Более того, они считали, что все карелы, оставшиеся на оккупированной финнами территории, вели себя предательски и во всем сотрудничали с оккупантами.

¹ Алиев Г. Время танков в Баку прошло. Ответы на вопросы корреспондента «Общей газеты» // Общая газета. 1998. № 11 (241). 19–25 марта. С. 5.

Группа Штыкова тогда, в 1944 г., официально ставила вопрос перед И. В. Сталиным, чтобы всех карелов и финнов (подданных СССР, проживавших на территории КФСР) выселить в Сибирь по примеру крымских татар, калмыков, чеченов, ингушей, кабардинцев, балкарцев, немцев Поволжья. А Карело-Финскую республику ликвидировать, сделав ее территорию русской областью.

И была другая группа (Куприянов, Богданов, Соляков, Прокконен, Сюкияйнен, Яковлев) (руководители Карело-Финской ССР — *авторы*), которая резко протестовала против вымыслов Штыкова-Калашникова.

Обе группы писали Сталину. Одна свое, другая свое. Вопрос разбирался у Сталина. Я был у него на приеме по этому вопросу. И даже Сталин возмущился беспардонной ложью и вымыслом о карелах. И сказал, что никакой параллели между карелами и крымскими татарами проводить нельзя. Это абсурд!

Затем вопрос разбирался на заседании секретариата ЦК ВКП(б). Предложение Штыкова-Калашникова о поголовной репрессии карелов и ликвидации КФСР было отвергнуто как ничем не обоснованное. Но им удалось добиться высылки финнов-ингерманландцев, проживавших в Ленинградской области. Надо ли доказывать, что все эти массовые репрессии были ничем не обоснованы, вредны...»¹.

Руководители Карело-Финской ССР всячески доказывали, что представители карельского, финского, вепсского народов — автохтонных народов республики, принимают самое активное участие в Великой Отечественной войне, в том числе и в первую очередь на Карельском фронте. Так, в статье «Мы защитим тебя, Карелия родная!», опубликованной в газете «Смена» в 1942 г. (№ 23–24), первый секретарь ЦК Комсомола Карело-Финской ССР Ю. Андропов приводил примеры героизма молодых воинов и тружеников тыла с подчеркнута финскими фамилиями: Кирьянахо, Аино, Руколайнен, Лесонен. Вот, что писал Андропов о подвиге разведчика Кирьянахо: «Комсомолец Кирьянахо — смелый, отважный разведчик, но каждую операцию он тщательно готовит. Кирьянахо получил важное задание: надо было проникнуть в расположение переднего края обороны противника. С наступлением темноты Кирьянахо и шесть бойцов отправились в путь. Бойцы ползли к землянкам, а Кирьянахо шел во весь рост, не оглядываясь. Товарищи следили за ним и ждали сигнала. Наконец, он подал знак занять свои места у землянок. На этот момент прямо перед Кирьянахо вырос вражеский часовой. Кирьянахо не растерялся, он **по-фински** (выделено нами — *авторы*) сказал, что проводит тактические занятия. Потом часовой был уничтожен. После этого уже не представляло особого труда забросать землянки гранатами. Разведчики уничтожили за это время 35 вражеских солдат и захватили одного «языка»»². Ю. В. Андропов в сентябре 1943 г. добился присвоения звания Героя Советского Союза (посмертно) Марии Мелентьевой и Анне Лисицыной — героическим дочерям карельского и вепсского народов, комсомолкам, погибшим при выполнении боевого задания. В статье «Они — наша гордость», опубликованной в газете «Ленинское знамя» за 26 сентября 1943 г. первый секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР Ю. Андропов писал: «Простые карельские девушки совершили подвиг. Великий советский народ назвал их героями своей страны. Комсомольцы Карело-Финской республики гордятся подвигами отважных девушек. Пусть каждый юноша и девушка увидят в работе, которую они выполняют, возможность отдать

¹ Из письма Г. Н. Куприянова в «Политиздат», написанного и отправленного в январе 1970 г. Цит. по: [29, с. 140].

² Андропов Ю. В. Мы защитим тебя, Карелия родная! Цит. по: [29, с. 77]. Характерно, что эту статью Ю. В. Андропов, уже будучи членом Политбюро ЦК КПСС, председателем КГБ СССР, а затем и Генеральным секретарем ЦК КПСС, включал в издававшиеся сборники своих избранных статей и речей (1979, 1983 и, наконец, 1984 г., вышедший уже после кончины автора).

все свои силы и помыслы для нашего общего дела так, как это сделали комсомолки Мелентьева и Лисицына»¹.

Вновь к теме подвигов карело-финской молодежи в войне Ю. Андропов вернулся в отдельной брошюре, вышедшей в ноябре 1943 г., «Карело-финские комсомольцы в Отечественной войне» [29, с. 117–121].

Скрупулезный исследователь периода Второй мировой войны в Карелии директор института истории, политических и социальных наук, заведующий кафедрой отечественной истории Петрозаводского государственного университета профессор С. Г. Веригин в своей докторской диссертации доказал, что «масштаб коллаборационизма среди населения оккупированных районов Карелии (военный, административный, экономический, культурный) был значительно ниже, чем в других оккупированных регионах страны. Общее число лиц, сотрудничавших с оккупационными властями, не превышало трех процентов. Это объясняется прежде всего тем, что в оккупированных районах Карелии отсутствовала широкая социальная база для проявления коллаборационизма» [6].

Большую роль в предотвращении трагедии карелов, финнов и вепсов, живущих в Карело-Финской ССР (ныне — Республики Карелии в составе Российской Федерации) сыграли, на взгляд авторов, статьи и книги известного писателя и публициста Геннадия Семеновича Фиша, который в годы Великой Отечественной войны служил в армейских газетах, выходявших в частях, воевавших на Карельском фронте. Печатался Г. С. Фиш и в центральных газетах. Интересно, что Геннадий Семенович и Юрий Владимирович дружили в годы войны [см. более подробно: 8, с. 7–11], не прерывали они дружеских отношений и контактов и в послевоенный период (сведения из семьи Г. С. Фиша) [27, с. 20]. Не исключено, что свой рассказ «Карельские девушки» [27, с. 375–395], посвященный героическим боевым делам Анны Лисицыной и Марии Мелентьевой, Г. С. Фиш написал по просьбе своего друга². Первая его версия появилась на страницах главной карело-финской русскоязычной газеты «Ленинское знамя» (орган Центрального Комитета и Петрозаводского горкома КП(б) Карело-Финской ССР и Верховного Совета Карело-Финской ССР) [29, с. 112], вторая — «Известий» в 1942 г., 10 декабря³, третья — на страницах «Комсомольской правды» в 1943 г., 29 сентября [там же]. Впоследствии писатель опубликовал целый ряд произведений, посвященных Великой Отечественной войне в Карелии, в том числе пользующуюся широкой известностью повесть «На земле Калевалы» [27, с. 7–119] (1944 г.)⁴. Публикации в центральной печати, безусловно, способствовали популяризации и героизации партизанского движения и в целом военных действий в Карелии среди самых широких слоев населения Советского Союза в целом. После публикации подобных произведений, известных

¹ Андропов Ю. В. Они — наша гордость. Цит. по: [29, с. 114].

² Интересно, что одному из героев своей повести «Контрудар. Северная повесть» (Фиш Г. С. Избранные произведения. Т. 2. С. 129–287), написанной в апреле-октябре 1942 г. и доработанной уже в Москве в декабре 1946 г., Г. С. Фиш дал фамилию «Андропов». При этом он подчеркивал «скандирующий голос Андропова», который «создавал у всех слушающих ощущение спокойствия и благополучия» (Фиш Г. С. Указ. соч. Т. 2. С. 182). И завершает писатель эту повесть опять же долгожданным, радостным и жизнеутверждающим сообщением, которое принес боец-связист Андропов: «Сводка... Радио... — повторил Андропов. — Москва... Немцы разбиты под Москвой! И отброшены! Отброшены и разбиты!» (там же, с. 287). Конечно, любое сравнение хромает, но не случайно, в переводе с древнегреческого, Евангелие — благая весть. Отношение писателя к своему другу, представленное через его отношение к герою написанной им повести, очевидно.

³ См.: Рубашкин А. «Самая большая ошибка...» // Известия. 2009. 23 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/351052> (дата обращения: 28.11.2016).

⁴ Подробно о жизни и деятельности Г. С. Фиша в годы Великой Отечественной войны см.: [10, с. 192–223].

всем советским людям, принимать решение о принудительном выселении жителей Карело-Финской ССР, относящихся к ее коренным национальностям, было уже весьма затруднено и по моральным, и по пропагандистским соображениям. Тем более, авторитета этим произведениям добавляло то, что их автором был уже знаменитый писатель, к тому же автор сценария культового довоенного фильма «Девушка с характером» Геннадий Фиш.

Выступая 6 декабря 1944 г. на пленуме Петрозаводского горкома КП Карело-Финской ССР с докладом «О выполнении решения ЦК КП(б) КФССР от 16 сентября 1944 г. “О серьезных недостатках политработы среди населения районов КФССР, освобожденных от финской оккупации”», Ю. В. Андропов — уже в новом качестве второго, а фактически — первого, секретаря горкома партии — поставил точку в вопросе о «виновности» карело-финского населения в «работе» на оккупантов. Он прямо отнес имевшие место факты «враждебного отношения русских к карелам и наоборот, отдельной части карелов к русским» на совесть «враждебной нам финской (читай, оккупантской — *авторы*) пропаганды». Андропов подчеркнул, что в первую очередь свою половину пути в преодолении возникшего в годы оккупации межнационального недоверия должны пройти представители русского населения: «...Следы враждебной нам финской пропаганды находят свое проявление в отношениях между карелами и русскими. Имеют место факты недоверчивого отношения русской части населения, оставшейся на оккупированной территории, к карелам и вепсам, **огульное** (выделено нами — *авторы*) обвинение их в нечестном, неправильном поведении на оккупированной территории» [29, с. 147–148]. Надо отметить, что и в годы работы на посту секретаря ЦК КПСС, затем председателя Комитета государственной безопасности СССР и, наконец, Генерального секретаря ЦК КПСС, занимаясь вопросами межнациональных отношений и возникающими в них рисками и критическими точками, Ю. В. Андропов главную долю ответственности за межнациональный мир в стране возлагал, прежде всего, на центральную (союзную, а в больших республиках, особенно в РСФСР, но и не только в России, и на республиканскую) власть, и на представителей больших народов. «Кому многое дано — с того много и спросится».

Ю. В. Андропову иногда ставят в вину то, что он подписал постановление бюро ЦК КП КФССР от 20 апреля 1950 года № 65 [30, с. 132–134]¹, согласно которому предусматривалось прекращение организованного переселения ингерманландцев в Карело-Финскую ССР и перемещение ранее репатриировавшихся согласно принятому по инициативе и по настоятельной просьбе руководства Карело-Финской ССР во главе с Г. Н. Куприяновым, чьим заместителем работал Ю. В. Андропов, постановлению Совета Министров СССР «О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело-Финской ССР» № 589 от 11 февраля 1949 г. [4, с. 24–27; 20, с. 30–31; 28, с. 75] в Карело-Финскую ССР после войны финнов-ингерманландцев из приграничных с Финляндией районов во внутренние районы КФССР. Однако, во-первых, Андропов в это время да и вообще никогда не был первым секретарем ЦК Компартии республики. Он работал вторым секретарем, т. е. заместителем первого секретаря, причем находился после разгромного пленума ЦК КП КФССР в подвешенном положении. Постановление он подписал, видимо, только потому, что ввиду отсутствия на заседании первого секретаря (который был тяжело больным человеком и вскоре умер) вел это заседание бюро ЦК. Первым секретарем ЦК Компартии Карело-Финской ССР в это время был присланный из Москвы ранее работавший инспектором ЦК ВКП(б) Александр Андреевич Кондаков (с 25 января по 26 сентября 1950 г.). Его сменил снова не Андропов,

¹ См. также: *Нестеров А. В.* Вехи истории или зигзаги судьбы? [Электронный ресурс]. URL: www.uusikotimaa.org/12/041.htm (дата обращения: 03.12.2016).

а переведенный из Брянского обкома ВКП(б) Александр Николаевич Егоров, работавший в Карелии до 15 августа 1955 г. Во-вторых, одним из обвинений, предъявленных свергнутому Г. Н. Куприянову, было то, что он размещал в приграничных районах «политически неблагонадежных людей», «засорял» ими республику¹. Это обвинение было явно согласовано на самом верху — как минимум с фактически вторым секретарем ЦК ВКП(б) Г. М. Маленковым, а скорее всего — с самим И. В. Сталиным. Как писал Г. Н. Куприянов из тюрьмы председателю Совета Министров Карело-Финской ССР П. С. Прокконену, ему на следствии предъявили такие обвинения: «После войны — вредительствовал. Это главное обвинение. Оно обосновано такими фактами:

1. Привлекал на лесозаготовки людей из др[угих] отраслей нар[одного] х[озяйств]а, чем наносил вред тем отраслям.
2. Переселил в КФССР финнов-ингерманландцев, чем умышленно засорял пограничную полосу политически враждебным народом. Ввел в заблуждение Правительство СССР, представляя финнов в хорошем свете. Истратил большие суммы на их переселение.
3. Выпустил из тюрем в 1938 году явных буржуазных националистов и выдвинул их на отв[етственную] работу (Золина, Савельева и др.). ...

В отношении финнов и их переселения я всегда считал, что финны, как и карелы, трудолюбивый народ, что для лесной промышленности это клад. Я проявил инициативу в их переселении в Карелию. Они охотно ехали к нам. Все меня поддерживали в этом вопросе.

Вспомнили лето 1944 года — мою записку по поводу участия карел в Отечественной войне, не раз давали зуботычины. Обвиняли во лжи и тенденциозности этой записки. Следователь стоял на позициях Штыкова (начальник политуправления Карельского фронта — *авторы*) в этом вопросе и считал, что КФССР надо было ликвидировать, а карел выслать, как крымских татар» [11, с. 130]. Ослушаться московских «начальников», действовавших по поручению И. В. Сталина и по прямому указанию и под контролем главного кадровика партии Г. М. Маленкова, было совершенно невозможно. Тогда Андропову надо было либо застрелиться, либо отправиться вслед за Геннадием Николаевичем Куприяновым². Причем на тот момент еще не был решен вопрос, останется ли Куприянов жив или его расстреляют³. На заседании бюро ЦК Компартии Карело-Финской ССР 20 апреля 1950 г., пересмотревшем решение бюро ЦК КП КФССР и Совета Министров республики от 1 декабря 1949 г. о переселении ингерманландцев в Карело-Финскую ССР, присутствовал, судя по опубликованной исследователем А. В. Нестеровым выписке из протокола, и не только присутствовал, но и докладывал по данному вопросу (он обозначен первым в перечне выступавших по этому пункту повестки дня) инспек-

¹ Из воспоминаний Г. Н. Куприянова // НА РК. Ф. 3435, оп. 3, д. 5, л. 200. Цит. по: [25, с. 91].

² Подробно о событиях конца 1949–1950 гг. в Карелии в целом и в жизни Андропова в частности см.: [29, с. 216–217, 231, 234–247].

³ Приговор Г. Н. Куприянову был вынесен только 17 января 1952 г. — 25 лет исправительно-трудовых работ (фактически — каторга) с конфискацией всего имущества. По данным уголовного дела, следователи предлагали вынести расстрельный приговор Куприянову, их поддерживал Г. М. Маленков (это не задокументировано), но приговор к расстрелу не был утвержден И. В. Сталиным, что по тогдашним правилам было необходимо ввиду очень высокого служебного положения обвиняемого. Правда, в августе 1952 г. срок Куприянову был снижен до 10 (тоже немало!) лет тюремного заключения и без конфискации имущества (сильно сомневаемся, что таковое в сколько-нибудь серьезных масштабах у Куприянова было!) [Электронный ресурс]. URL: <http://pomnipro.ru/memorypage6550/biography> (дата обращения: 04.12.2016).

тор ЦК ВКП(б) Кузнецов [Г.В.]¹, который был главным докладчиком и на пленуме ЦК Компартии Карело-Финской ССР 24–25 января 1950 г., где Г. Н. Куприянов был разгромно снят с поста первого секретаря ЦК КП КФССР². Так что, явно не Андропов был инициатором «коррекции» декабрьского 1949 г. решения карело-финских властей, принятого в пользу ингерманландцев, переселяющихся в республику. В-третьих, в постановлении предусматривалось переселить ингерманландцев в пределах Карело-Финской республики, а не выдворение их за ее пределы, как вполне можно было предположить по понятиям и нравам начала пятидесятих годов. Это отмечает и такой весьма жесткий критик советской политики в отношении финско-ингерманландского народа, как историк Вадим Мусаев: «Тех, кто уже переселился, выселять из республики все же не стали. Более того, и пункт решения республиканского ЦК от 20 апреля о выселении ингерманландцев из приграничных районов не был полностью выполнен» [30, с. 134]. По данным этнографа В. Н. Бирин, хотя в 1950 г. переселение финнов-ингерманландцев [в Карелию] было прекращено, однако они продолжали приезжать в Карелию еще в течение нескольких лет. В итоге численность финнов в Карелии резко выросла и составила в 1959 г. 27,8 тыс. чел. (4,3% населения)³. Как пишет И. А. Муллонен, после постановления 20 апреля 1950 г., подписанного Ю. В. Андроповым, прекратившего организационный набор финнов-ингерманландцев на лесные предприятия республики, «теперь уже ингерманландцы продолжали приезжать самостоятельно, а переселенческие билеты согласившимся работать в лесу выдавали уже в Петрозаводске. Сколько осело в лесных предприятиях семей? Можно с уверенностью сказать, что не менее 6 тыс. семей и 10 тыс. трудоспособных» [25, с. 87]. Так что, похоже, решение бюро ЦК Компартии Карело-Финской ССР от 20 апреля 1950 г. больше имело целью «успокоить» московских «кураторов».

Возникает и другой вопрос. 1 декабря 1949 г. Совет Министров Карело-Финской ССР и бюро ЦК Компартии Карело-Финской ССР приняли постановление, согласно которому планировалось в 1950 г. в порядке вербовки («оргнабора») переселить в Карелию восемь тысяч семей финнов-ингерманландцев, а также просить Совет Министров Союза ССР обязать МВД СССР дать указания во все области и республики страны, где проживают финны-ингерманландцы, не препятствовать их выезду в Карело-Финскую ССР и, более того, выделить из союзного бюджета для вербовки и завоза планируемого количества финнов-ингерманландцев в КФССР на 1950 г. 39 млн руб. (по тем временам — весомая сумма!) — правда, союзный Минфин не нашел средств для проведения этого мероприятия [30, с. 133]. А — согласно воспоминаниям тогдашних участников политической жизни Карелии — в конце года, после начавшихся еще в июле (по данным Л. М. Млечина в сентябре [23]) 1949 г. массированных проверок всей работы республиканских партийных и государственных органов Г. Н. Куприянов фактически отошел от дел. А это означает, что решение о привлечении ингерманландцев к работе в Карелии и, соответственно, их переселению в республику не могло быть принято без деятельной поддержки второго секретаря ЦК КП КФ ССР Ю. В. Андропова, который по должности всегда исполнял обязанности первого секретаря ЦК в его отсутствие.

Интересен биографический момент, касающийся родословной Юрия Владимировича Андропова. Его родного или приемного деда звали Карл Францевич Флек-

¹ Нестеров А. В. Вехи истории или зигзаги судьбы? [Электронный ресурс]. URL: www.uusikotimaa.org/12/041.htm (дата обращения: 04.12.2016).

² См.: 24–25 января 1950 года. Карелия, Петрозаводск [Электронный ресурс]. URL: [www.e-reading.club/chapter.php/1027101/21/Minutko_-_Bezdna_\(Mif_o_Yurii_Andropove\).html](http://www.e-reading.club/chapter.php/1027101/21/Minutko_-_Bezdna_(Mif_o_Yurii_Andropove).html) (дата обращения: 04.12.2016).

³ Бирин В. Н. Финны в Карелии [Электронный ресурс]. URL: <http://knk.karelia.ru/site/birin/birin.pdf> С. 4. (дата обращения: 04.12.2016).

кенштейн и был он выходцем из Финляндии [2; 14]. Не исключено, что при направлении Андропова в 1940 году на работу в Карелию, ставшую Карело-Финской ССР, этот фактор учитывался кадровиками ЦК ВКП(б) — ведь речь шла о выдвижении на пост первого секретаря ЦК ЛКСМ КФССР, т. е. о должности, входящей в номенклатуру ЦК ВКП(б).

Характеризуя пребывание Ю. В. Андропова на руководящих должностях в Карелии, следует более подробно остановиться на языковой проблеме. Конечно, она так или иначе касается всего населения. Когда соседи знают языки друг друга, это в очень высокой степени способствует росту доверия и взаимопонимания между ними, установлению прочных дружелюбных человеческих взаимоотношений. Но в первую очередь эта истина относится к так называемым «элитам», т. е. группам людей, причастным к власти, принятию решений. Надо отметить, что требование досконального знания языка или даже языков населения, живущего в той местности, которую предстоит возглавить тому или иному кадровому работнику, на наш взгляд, является совершенно справедливым. Оно, в частности, выдвигалось Юрием Владимировичем Андроповым в период его работы на руководящих должностях в Карело-Финской ССР (1940–1951 гг.). По воспоминаниям Марии Комиссаровой, комсомольского и партийного работника, педагога, когда в 1943 г. Андропов — тогда первый секретарь ЦК Комсомола Карело-Финской ССР — направлял ее на работу в основном карельский Тугундский район вторым секретарем райкома комсомола, он посоветовал ей освоить карельский язык. «Вы поедете в этот (Ругозерский — *авторы*) район на полгода специально изучать карельский язык. Вам надо будет научиться разговаривать с людьми на карельском.... Запишитесь, например, в народный хор, учите стихи, выступайте. Научитесь говорить...» [29, с. 74]. Через год Мария Комиссарова уже смогла ответить первому секретарю ЦК ЛКСМ КФССР, что она несколько освоила карельский язык и продолжает овладевать им. И только тогда Андропов сказал ей, что Комиссарову направляют в Тугундский райком комсомола и теперь уже первым секретарем. Как вспоминает Мария Комиссарова, столкнувшись с тем, что некоторые жители не умеют или не хотят говорить по-русски и не разрешают это делать своим детям, «вот тогда я поняла и оценила предвидение Андропова, поняла, зачем он меня послал в Ругозерский район, где я стала учиться карельскому языку» [29, с. 143].

Сам Ю. В. Андропов, работая в Карелии, прилежно изучал финский язык (карельский язык является его диалектом) [29, с. 129]. Как вспоминала его сотрудница Нина Леонтьева, в апреле 1944 г., т. е. когда война уже явно шла к концу, Юрий Владимирович попросил ее заниматься с ним финским языком. Преподаватель удивлялась, как ее ученик «успевал между основным делом так много учить. Говорили мы с ним только по-фински по его просьбе. Все просил повторять произношение слов с удвоенными согласными и дифтонгами» [там же]. Как вспоминает работавший в годы Великой Отечественной войны вместе с Ю. В. Андроповым комсомольский работник Н. С. Тихонов, каждый день еще до начала рабочего дня Ю. В. Андропов уделял время изучению финского языка [29, с. 65].

Даже уже после разгромного январского (1950 г.) пленума ЦК КП КФССР на заседании бюро ЦК республиканской компартии было принято решение об издании на основе альманаха «Punalippi» («Красное Знамя») на финском языке журнала с тем же названием и выходящего шесть раз в году [29, с. 243]. Это, безусловно, способствовало развитию финноязычной литературы в Карелии и распространению знаний финского языка.

Пример Юрия Владимировича Андропова вполне мог бы быть взят на вооружение партийными, советскими, военными и другими кадровыми работниками, которых направляли на работу в союзные и автономные республики, области, округа. Однако это было (да и остается в наше сильно изменившееся время) не правилом,

а исключением. Безусловно, такое отношение к языку, культуре, традициям того народа, среди которого тебе предстояло работать, вызывало (и вызывает) напряжение в отношениях, а иногда и конфликты. В июне 1959 г. вполне разумное требование руководства Центрального Комитета Компартии Латвии, чтобы все номенклатурные работники в Латвийской ССР владели латышским языком, вызвало столь негативную реакцию тех, кому нужно было в связи с этим решением изучить латышский язык, что дело закончилось вмешательством ЦК КПСС, Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, проведением разгромного пленума ЦК Компартии Латвии и отставки многих национально ориентированных руководителей республики. Требование знания руководящими работниками (государственными служащими — в нынешней терминологии) как общесоюзного русского, так и республиканского латышского языков было отменено. Хотя, на наш взгляд, напрасно. Это позволило бы «русскоязычному» населению, прежде всего тем его представителям, которые занимали те или иные ответственные, руководящие посты, органичнее интегрироваться в латышскую среду, стать в ней «своими», снять известные перегородки, которые возникли еще в 40-х годах XX в. в период непосредственно после включения Латвии и других балтийских государств в состав Советского Союза в качестве союзных республик и дают о себе знать и поныне, уже в условиях независимой Латвийской Республики.

В статье группы авторов в журнале СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» «Национальная политика Ю. В. Андропова: история и современность» приведены данные о степени владения русскими, проживавшими в союзных и автономных республиках, языками их титульных народов в сравнении с теми, как владели русским языком представители этих титульных народов. Данные приведены за 1979 и 1989 гг., по итогам проводившихся в эти годы переписей населения. Сравнение оказывается не в пользу русских [18, № 11, с. 146–148]. Прошло много лет. Однако новые переписи населения и социологические исследования показывают, что ситуация если и изменилась, то в сторону еще меньшего владения языками титульных народов как бывших союзных республик, ставших независимыми государствами, так и особенно, республик в составе Российской Федерации, бывших автономных республик и областей. Конечно, данные переписей не выделяют государственных служащих. Однако, похоже, они не сильно отличаются в этом отношении от основной массы населения. Так что кадровым службам органов государственной власти и управления, а также органов местного самоуправления и муниципального управления, которые еще плотнее и теснее взаимодействуют с людьми, есть над чем работать.

Литература

1. Андропов Ю. В. Ленинизм — неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. М. : Политиздат, 1984.
2. Бабиченко Д. Легендарная личность // Итоги. 2005. 3 октября. № 40 (386) [Электронный ресурс]. URL: www.itogi.ru/archive/2005/40/60618.html (дата обращения: 11.12.2016).
3. Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. 2-е изд. М. : Рипол-Классик, 2003.
4. Вавулинская Л. И. Демографическая ситуация и переселение в Карело-Финскую ССР (конец 1940-х — начало 1950-х гг.) // Историческая демография. Научный журнал. 2011. № 2 (8) [Электронный ресурс]. URL: ilhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/07/2011_21.pdf (дата обращения: 03.07.2016).
5. Васильев Ю. А. Тайны «Могикана» (К 100-летию со дня рождения Ю. В. Андропова). М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2014.
6. Веригин С. Г. Карелия в годы Второй мировой войны: политические и социально-экономические процессы (1939–1945 гг.): дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2012.
7. Викстрем У. К. Отто Вилле Куусинен. Документальная повесть. Петрозаводск : Карелия, 1974.

8. Ганелин Р. Ш. В штабе Карельского фронта (по воспоминаниям И. М. Дьяконова и Б. Г. Эткинды) // Уч. зап. Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2012. № 5 (126). С. 7–11.
9. Гордиенко А. А. Куприянов и его время. Петрозаводск : АУ РК «Издательский дом «Карелия»», 2010.
10. Жак Л. П. Геннадий Фиш. М. : Советский писатель, 1976.
11. Закурдаев И. В. Владимирский централ. М. : Рипол-Классик, 2013.
12. Зеньковский Н. А. Самые закрытые люди. Энциклопедия биографий. М. : ОЛМА-ПРЕСС, Звездный мир, 2004.
13. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: военно-исторический очерк / отв. ред. д-р истор. наук А. И. Бабин. М. : Наука, 1984.
14. Костырченко Г. Карьерные страдания молодого Андропова: как он «отмывал» свое прошлое // Каскад. 2013. 21 марта [Электронный ресурс]. URL: [Kaskad.com/kaskad/карьерные-страдания-молодого-андропова/](http://kaskad.com/kaskad/карьерные-страдания-молодого-андропова/) (дата обращения: 11.12.2016).
15. Круглов В. В., Лабудин А. В. Иная стратегия реформ (к 95-летию Ю. В. Андропова) // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 164–186.
16. Круглов В. В., Лабудин А. В. Стратегия экономических реформ Ю. В. Андропова // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 116–139.
17. Круглов В. В., Лабудин А. В. Ю. В. Андропов: формирование плана реформ (О попытках найти выход из тупика тоталитарного социализма) // Управленческое консультирование. 2007. № 2. С. 165–199.
18. Круглов В. В., Лабудин А. В., Куприн А. А., Самодуров А. А., Василенко В. А. Национальная политика Ю. В. Андропова: история и современность // Управленческое консультирование. 2014. № 10. С. 115–129; № 11. С. 142–157; № 12. С. 138–150.
19. Крючков В. А. Личное дело: в 2 ч. Ч. 1. М. : Олимп; ТК О АСТ, 1996.
20. Кулагин О. И. Лесопромышленный комплекс как механизм взаимодействия центра и региона во второй половине 1940-х — 1960 гг. (по материалам Карелии) // Carelica: научный электронный журнал. 2016. № 1 (15) [Электронный ресурс]. URL: <http://carelica.petrsu.ru/CARELICA/Journal.html> (дата обращения: 03.12.2016).
21. Лабудин А. В. Юрий Владимирович Андропов: неутраченные споры // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 3 (4). С. 281–302.
22. Медведев Р. Неизвестный Андропов. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999.
23. Млечин Л. М. Андропов: последняя надежда режима [Электронный ресурс]. URL: www.litmir.me/br/?b=140652 (дата обращения: 11.12.2016).
24. Млечин Л. М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М. : Центрполиграф, 2008.
25. Муллонен И. А. Адаптация ингерманландских финнов к новым условиям в Карелии во второй половине XX века // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. статей, посвященных 20-летию Ингерманландского союза финнов в Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010.
26. Сеницын И. Е. Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя. М. : Центрполиграф, 2015.
27. Фиш Г. С. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М. : Художественная литература, 1976.
28. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.): монография [Электронный ресурс]. URL: window.edu.ru/catalog/pdf2txt/997/71997/49525 (дата обращения: 03.12.2016).
29. Шлейкин Ю. В. Андропов. Карелия, 1940–1951...: биографическая хроника. Петрозаводск : Острова, 2014.
30. Musayev V. The Ingrian Question as a Historical and Political Phenomenon (на русском языке). Praha: Research Support Scheme, Virtus, 2000 [Электронный ресурс]. URL: ligovo-spb.ru/docs/musayev_the-ingrian-question.pdf (дата обращения: 03.12.2016).

References

1. Andropov Yu. V. *Leninism — an inexhaustible source of revolutionary energy and creativity of masses* [Leninizm — neisчерpaemyi istochnik revolyutsionnoi energii i tvorchestva mass]. М. : Politizdat, 1984. (rus)
2. Babichenko D. *Legendary personality* [Legendarnaya lichnost'] // Results [Itogi]. 2005. October 3. № 40(386) [An electronic resource]. URL: www.itogi.ru/archive/2005/40/60618.html (Date of the address: 12/11/2016). (rus)
3. Burlatsky F. M. *Nikita Khrushchev* [Nikita Khrushchev]. 2nd edition. М. : Ripol-Classic, 2003. (rus)

4. Vavulinskaya L. I. *A demographic situation and resettlement to the Karelian-Finnish SSR (the end of the 1940th — the beginning of the 1950th)* [Demograficheskaya situatsiya i pereselenie v Karelo-Finskuyu SSR (konets 1940-kh — nachalo 1950-kh gg.)] // Historical demography. Scientific journal [Istoricheskaya demografiya. Nauchnyi zhurnal]. 2011. № 2(8). [Electronic resource]. URL: illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/07/2011_21.pdf (Date of the address: 7/3/2016). (rus)
5. Vasilyev Yu. A. *The mysteries of Mogikan (to the 100 anniversary since the birth of Yu. V. Andropov)* [Tainy «Mogikana» (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. V. Andropova)]. M. : Publishing house of the Moscow Humanitarian university [Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta], 2014. 200 p. (rus)
6. Verigin S. G. *Karelia in the years of World War II: political and social and economic processes (1939–1945)* [Kareliya v gody Vtoroi mirovoi voiny: politicheskie i sotsial'no-ekonomicheskie protsessy (1939–1945 gg.)]: Doctoral Dissertation. Moscow, 2012. 528 p. (rus)
7. Vikstrem U. K. *Otto Wille Kuusinen. Documentary story* [Otto Ville Kuusinen. Dokumental'naya povest']. Translation from Finnish. Petrozavodsk : Karelia, 1974. (rus)
8. Ganelin R. Sh. *In headquarters of the Karelian front (on I. M. Dyakonov and B. G. Etkind's memoirs)* [V shtabe Karel'skogo fronta (po vospominaniyam I. M. D'yakonova i B. G. Etkinda)] // Scientific notes of the Petrozavodsk State University [Uch. zap. Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta]. Series: Public and humanities. 2012. № 5(126). P. 7–11. (rus)
9. Gordiyenko A. A. *Kupriyanov and his time* [Kupriyanov i ego vremena]. Petrozavodsk : AI RK "Karelia Publishing House" [Izdatel'skii dom «Kareliya»], 2010. 448 p. (rus)
10. Jak L. P. *Gennadi Fish* [Gennadii Fish]. M. : Soviet writer [Sovetskii pisatel'], 1976. 288 p. (rus)
11. Zakurdayev I. V. *Vladimir Prison* [Vladimirskii tsentral]. M. : Ripol-Classic, 2013. 288 p. (rus)
12. Zenkovsky N. A. *The most closed people. Encyclopedia of biographies* [Samye zakrytye lyudi. Entsiklopediya biografii]. M. : OLMA-PRESS, Star world, 2004. (rus)
13. *The Karelian front in the Great Patriotic War of 1941–1945* [Karel'skii front v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.]: Military and historical sketch / Ex. edition of Babin A. I. M. : Science [Nauka], 1984. 360 p. (rus)
14. Kostyrchenko G. *Career sufferings of young Andropov: as he «washed» the past* [Kar'ernye stradaniya molodogo Andropova: kak on «otmyval» svoe proshloe] // Cascade. 2013. On March 21 [Electronic resource]. URL: Kaskad.com/kaskad/карьерные-страдания-молодого-андропова/ (Date of the address: 12/11/2016). (rus)
15. Kruglov V. V., Labudin A. V. *Other strategy of reforms (to Yu. V. Andropov's 95 anniversary)* [Inaya strategiya reform (k 95-letiyu Yu. V. Andropova)] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2010. № 1. P. 164–186. (rus)
16. Kruglov V. V., Labudin A. V. *Strategy of economic reforms of Yu. V. Andropov* [Strategiya ekonomicheskikh reform Yu. V. Andropova] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2010. № 2. P. 116–139. (rus)
17. Kruglov V. V., Labudin A. V. *Yu. V. Andropov: Formation of the plan of reforms (About attempts to break the deadlock of totalitarian socialism)* [Yu. V. Andropov: formirovanie plana reform (O popytках naiti vykhod iz tupika totalitarnogo sotsializma)] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2007. № 2. P. 165–199. (rus)
18. Kruglov V. V., Labudin A. V., Kuprin A. A., Samodurov A. A., Vasilenko V. A. *National policy of Yu. V. Andropov: history and modernity* [Natsional'naya politika Yu. V. Andropova: istoriya i sovremennost'] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. № 10. P. 115–129; № 11. P. 142–157; № 12. P. 138–150. (rus)
19. Kruchkov V. A. *Personal record* [Lichnoe delo]: In 2 parts. P. 1. M. : Olympus; AST, 1996. (rus)
20. Kulagin O. I. *Timber processing complex as the mechanism of interaction of the center and the region in the second half of the 1940th — 1960 (on materials of Karelia)* [Lesopromyshlenni kompleks kak mekhanizm vzaimodeistviya tsentra i regiona vo vtoroi polovine 1940-kh — 1960 gg. (po materialam Karelii)] // Carelica: scientific online journal. 2016. № 1(15) [An electronic resource]. URL: <http://carelica.petrsu.ru/CARELICA/Journal.html> (Date of the address: 12/3/2016). (rus)
21. Labudin A. V. *Yury Vladimirovich Andropov: unceasing disputes* [Yurii Vladimirovich Andropov: neutikhayushchie spory] // Scientific works of North-West academy of public administration [Nauchnye trudy Severo-Zapadnoi akademii gosudarstvennoi sluzhby]. 2011. V. 2. Release 3(4). P. 281–302. (rus)
22. Medvedev R. *Unknown Andropov* [Neizvestnyi Andropov]. Rostov-on-Don : Phoenix, 1999. (rus)
23. Mlechin L. M. *Andropov: last hope of the mode* [Andropov: poslednyaya nadezhda rezhima] [An electronic resource]. URL: www.litmir.me/br/?b=140652 (Date of the address: 12/11/2016). (rus)

24. Mlechin L.M. *Yury Andropov. Last hope of the mode* [Yurii Andropov. Poslednyaya nadezhda rezhima]. M. : Centerpolygraf, 2008. (rus)
25. Mullonen I.A. *Adaptation the Ingrian Finnish to new conditions in Karelia in the second half of the XX century* [Adaptatsiya ingermanlandskikh finnov k novym usloviyam v Karelii vo vtoroi polovine XX veka] // the Russian Finns: yesterday, today, tomorrow [Rossiiskie finny: vchera, segodnya, zavtra]. The collection of articles devoted to the 20 anniversary of the union of Ingrian Finnish in Karelia / Scientific editor E.I. Klementyev. Petrozavodsk : Karelian scientific center of RAS [Karel'skii nauchnyi tsentr RAN], 2010. 209 p. (rus)
26. Sinitsyn I.E. *Andropov close. Memories of times of thaw and stagnation* [Andropov vblizi. Vospominaniya o vremenakh ottepeli i zastoya]. M. : Centerpolygraf, 2015. 512 p. (rus)
27. Fish G.S. *Chosen works* [Izbrannye proizvedeniya]. In two volumes. V. 2. M. : Fiction [Khudozhestvennaya literature], 1976. 447 p. (rus)
28. Shegelman I.R. *Forest transformations (the 15–21st centuries)* [Lesnye transformatsii (XV–XXI vv.)]: Monograph [An electronic resource]. URL: window.edu.ru/catalog/pdf2txt/997/71997/49525 (Date of the address: 12/3/2016). (rus)
29. Shleykin Yu.V. *Andropov. Karelia, 1940–1951 <...> : biographic chronicle* [Andropov. Kareliya, 1940–1951...: biograficheskaya khronika]. Petrozavodsk : Islands [Ostrova], 2014. 288 p. (rus)
30. Musayev V. *The Ingrian Question as a Historical and Political Phenomenon*. Praha : Research Support Scheme, Virtus, 2000. [An electronic resource]. URL: ligovo-spb.ru/docs/musayev_the-ingrian-question.pdf (Date of the address 03.12.2016). (rus)

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры государственного и муниципального управления
Кандидат исторических наук, доцент
mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Для России начало 1905 г. складывалось из тех политических событий, которые в дальнейшем привели к ослаблению самодержавия: 9 января, убийство Великого князя Сергея Александровича, февральские дискуссии правительства, поражение русской армии под Мукденом, Бьеркский договор. Однако С. Ю. Витте предлагал Николаю II изменить систему государственного управления, в целях укрепления, надеясь на благоразумие Николая II. Но его подозревали в неискренности, правые силы создавали против него тайные сговоры, пытались скомпрометировать его в глазах общественности и царя. При этом С. Ю. Витте демонстрировал свою приверженность к российской политике и верности самодержавию, за что был возведен в графское достоинство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Византийская культура, автократор, февральские дискуссии, манифест о веротерпимости, общественное мнение, Е. В. и А. В. Богданович, Б. В. Никольский и Николай II, Портсмутский договор, графское достоинство С. Ю. Витте, Бьеркский договор

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolled

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management
PhD in History, Associate Professor
mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

For Russia the beginning of 1905 consisted of those political events which have led further to weakening of autocracy: January 9, murder of the Grand duke Sergey Aleksandrovich, February discussions of the government, defeat of the Russian army near Mukden, Treaty of Bjorko. However S.Yu. Witte suggested Nicholas II to change system of public administration, for strengthening, hoping for Nicholas II's prudence. But he was suspected of insincerity, the right forces created against him collusions, trying to compromise him in the opinion of the public and the tsar. At this S.Yu. Witte showed the commitment to the Russian policy and fidelity to autocracy for what has been built in count advantage.

KEYWORDS

Byzantine culture, autocrat, February discussions, manifesto on toleration, public opinion, E.V. and A.V. Bogdanovich, B.V. Nikolsky and Nicholas II, Portsmouth contract, count dignity of S.Yu. Witte, Treaty of Bjorko

В феврале 1905 г. политические дискуссии в правительстве были ничем иным как попыткой изменить образ существующей власти в России. Идея «царственности»

* Продолжение. Начало см.: Управленческое консультирование. 2016: № 3. С. 166–183; № 9. С. 159–171; № 10. С. 173–184; № 11. С. 149–163. 2017. № 2. С. 103–120; № 3. С. 134–145.

власти претерпевала существенное изменение. В ее символике идея царственной власти опиралась на пирамиду социальной иерархии, где выше царя только Бог. Власть царя, освященная Божественным знаком на земле, оказалась священной, а император символизировал в земной жизни Божественную власть. Как известно, прежде императоры особую роль придавали утверждению собственного титула для внешнего и внутреннего употребления функций власти. От признания титула во многом зависели дипломатические отношения и связи с собственным народом. На престол от Бога царь посажен был не один, а вместе с «правдой», олицетворяющей проводимую им политику. Политика «правды», полученной от Бога, помогла Руси сделать свой «правильный» выбор и стать христианской «православной» страной.

В условиях христианизации власть царя в русской культуре имела византийские корни, которые переплетались с римской титулатурой императорской власти. Так, императором начал называть себя Иван III (1440–1505), принимая во внимание, что Русь должна иметь свой путь развития. Когда Византия пала под натиском турок в 1453 г., то «византийское содружество» распалось. С падением Византийской империи исчез институт императорской власти, как гарант сохранения порядка в мире. Русь, как единственно «правильная» страна, смогла сохранить свой суверенитет, не подчиняясь никаким союзам, и удержать традиции, которые принадлежали византийской императорской власти.

Апогеем величия царской власти Российского государства становятся переговоры новгородцев с Иваном III в 1462 г. Новгородцы, прибыв в Москву, просили царя выполнить некоторые обязательства, только с выполнением этих условий они гарантировали признать его как государя. Иван III решительно отклонил торг новгородцев и твердо отказался от их условий, но существенным являлось само обращение новгородцев к великому князю: они его впервые назвали «государем», и «господин Великий Новгород» подчинился Москве. Тем не менее, Иван III в дипломатических отношениях использовал титул «царь» (кесарь), создавая авторитет своей власти в понятных европейцам терминах. В политической жизни Московской Руси термин «государь» соответствовал понятию из частного права: личность «государя» выступала в качестве владельца, хозяина своего имущества. «Государь» — владелец «холопов», т. е. людей, добровольно продавшихся в рабство к личности, которую называют «государем». Иван III первым установил на русской почве правило — «государь» не знает каких-либо связывающих его письменных или устных обязательств в отношении с подданными. Если более конкретно — между «государем» и подданными не может существовать договорных отношений, власть государя должна быть абсолютной и неделимой. «Государь» мог лишь воспользоваться своей «милостью» в целях удовлетворения пожеланий своих подданных без каких-либо письменных или устных обязательств [11].

По причине того, что Русь должна иметь национальный путь развития, отличный от других, — независимый, суверенный, в 1469 г. Иван III отказался от титула «короля», который предложил ему посол Священной Римской империи Николай Поппель от имени своего сюзерена. Иван III не дал себя подчинить императору Священной Римской империи, пожелав быть не одним из многих под властью автократора (*греч.* — самодержец), а быть с ним на равных. Русь стала правопреемницей Византийской империи (идея «Москва — третий мир»), а ее власть — самодержавной.

Доктрина императорской власти на Руси постоянно находилась в процессе изменения, каждый исторический отрезок времени вносил существенные изменения в образ императорской власти. В XVI в. видный идеолог православной теологии и Русской Церкви Иосиф Волоцкий, в миру Иван Санин (1439–1515) в посланиях к великому князю Владимирскому и Московскому Василию III Ивановичу (1479–1533) обращался не по великокняжескому титулу, но старался выделить в обращении к не-

му особенные отношения современников, именуя Василия III не только «самодержцем», «царем», но и «государем всея Руския земля», хотя эти титулы не являлись официальными титулами великого князя. Разумеется, И. Волоцкий ближе всего склонялся к признанию титула «государя» [8]. Одно дело символически в административном значении именовать великого князя, другое дело — придать власти принцип ее религиозного зарождения. Иосиф Волоцкий в Средневековой Руси первым задумался о Божественном происхождении власти русского государя. Таким образом, политическая теология земную миссию государя уподобила Божьему Промыслу.

После Ивана III официально царский титул получил его внук великий князь Московский и всея Руси Иван IV Васильевич, прозванный Грозным (1530–1584), который при венчании 16 января 1547 г. получил титул царя. Титул царь (от лат. *caesar*) был равнозначен с единственным в Европе титулом Императора Священной Римской империи, вассалами которого являлось множество европейских государств. Во многом, политическая теология монархии на Руси сформировалась как аналог западного типа, включая в себя как византийские, так и европейские элементы коронации королей и императоров. Коронация на русской православной почве определялась божественным правом, включая в себя две церемонии: политическую инвеституру (коронация, клятва, вручение царских регалий) и религиозное освящение (венчание, помазание, благословение регалий). В конце XVI в. через церемонию миропомазания, заимствованную у Византии, первым прошел 31 мая 1584 г. преемник Ивана Грозного — Феодор Иоаннович. Смутное время начала XVII в. вносит некоторые новшества в титулатуре русских царей. На престоле в 1605 г. появляется лжецарь Дмитрий I, приказавший называть себя «непобедимым цесарем», т. е. императором. В иностранной корреспонденции — в посланиях к Римскому Папе, польскому королю Сигизмунду III и вельможам — Самозванец претендует на признание своей власти как наимогущественной среди земных монархов с указанием на ее Божественный аналог — «царя царей». В формулу титулатуры включена символика названий территорий, а также признания себя, как равно стоящего к Богу: «Мы, Пресветлейший и Непобедимый монарх, Дмитрий Иванович, Божиею милостию цесарь Великий Князь всея России, и всех татарских государств и прочих многих земель, к монархии Московской принадлежащих государь и король». Сигизмунд III гневно отнесся к титулу Дмитрия, он не принимал титул «царя» у русских князей, не считая их равными своему титулу «короля», а тут какой-то самозванец диктует свои правила. В ответном послании прозвучал титул «великий князь Московский» [6].

Важным событием в истории России стал день 22 октября (2 ноября) 1721 г., когда Синод и Сенат в Троицком соборе Петербурга поднесли царю Петру I титул императора за установление «вечного мира» со Швецией и утвердили ему почетное звание «Отец Отечества». С этого момента Российское царство (Московия) официально стало именоваться Российской империей.

Таким образом, на протяжении столетий русская интеллектуальная элита пыталась наделить своего правителя определенным объемом прав и функциями, которые позволяли видеть великого князя как «царя», «императора» и «государя». И всегда, когда происходило изменение титула правителя, как правило, изменялись не только объем прав и легитимность авторитета правителя, но и территориальное, культурное и политическое содержание государства.

Николай II унаследовал титул от своего предка императора Петра Великого. Поскольку власть царя обростала священной символикой, то личность носителя власти, как представителя Бога на земле, как бы отстраняясь от своей персоны, не называла себя в единственном лице, а определяла себя «моя Царственность» как имя с множественным значением. Эта византийская идея просуществовала в России до XX столетия — обращение русского царя к своим подданным в письменном виде выражалось в словах — «Мы Николай II», что означало «Бог и Я» (или «Я и

мои следующие родственники»). В разные времена к титулу царя добавлялся титул присоединенной территории. Однако к XX столетию над титулом «императора» нависли тени революционных движений и либеральных проектов, стало разрушаться и само традиционное представление о власти «самодержца». От царя требовались уступка и согласие на выборное представительство.

Безусловно, Николай II жил в иной исторической ситуации, но многие традиции предшественников при его правлении сохранялись, но главное, в чем он уступал им, — это проявление силы воли. В его действиях часто проявлялся страх по отношению к подданным: он их сторонился, прятался в своих резиденциях, проводил больше времени в кругу семьи и друзей. Рядом с ним всегда находились советники, более ловкие или жесткие, чем он сам, но всегда использующие его слабости для сохранения при нем собственного положения.

Февральские дискуссии 1905 г. показывают, что правительство было напугано не столько манифестацией народа, сколько своей профессиональной несостоятельностью и неумением организовать государственный порядок. Перед Николаем II стоял принципиально важный вопрос: твердо придерживаться самодержавного курса или предоставить стране возможность двигаться в либеральном направлении с участием выборного представительства. По инициативе Николая II были проведены три заседания. 3 февраля собрался Совет министров, повестку заседания «о привлечении выборных к законодательству» определял С. Ю. Витте. 11 февраля царь самостоятельно вынес на обсуждение два противоположно направленных своих суждения. Они были сформированы по принципу «кнута и пряника»: с одной стороны, предлагалось введение карательных мер против народа, а с другой — удовлетворение требований либеральной оппозиции с помощью рескрипта о созыве представительства. 18 февраля царь от своего имени по секрету от министров вместо рескрипта приготовил на имя Сената — манифест и указ. Никто не знал, кто являлся автором этого манифеста. Витте полагал, что манифест составлен одним «из столпов черносотенцев»¹, так как присутствующие на заседании не были причастны к написанию этого манифеста. Между тем, детективную историю его возникновения в некоторой степени объясняет записка Николая II кн. В. П. Мещерскому. В ней от 12 февраля он просит набросать проект манифеста в духе манифеста его отца от 29 апреля 1881 г., где указывает, что следует упомянуть и «об убийстве великого князя Сергея Александровича, о войне, и о призыве к единению для подавления внутренней крамолы». При этом он призывает кн. Мещерского использовать «карамзинский слог», надеясь на то, что это «заставит всех пошевелиться»². «Проделка» царя с манифестом удивила министров, никто не мог понять откуда так неожиданно появился этот опубликованный манифест и указ. Витте отмечает, что государь появился на заседании как ни в чем не бывало, точно и не было манифеста. В душе он, вероятно, благодушно злорадствовал, ибо любил озадачить неожиданностями своих советчиков. По мнению Витте, все так были фруасированы (озадачены), что не стали спорить с царем, а некоторые даже умиленно расплакались при подписании государем рескрипта и произнесли благодарственные слова³. Любопытна сама ситуация, Витте на всех заседаниях либо молчал, либо выступал против представительства, цепляясь за принцип самодержавия. Что касается Николая II, то он вел себя так, будто бы все, что решалось на заседаниях, не касалось его власти, либо не понимал случившейся революционной уличной схватки власти с народом, или до конца не мог реально осмыслить либеральную идею о пред-

¹ Витте С. Ю. Воспоминания:... С. 376.

² Бахметьевский архив Колумбийского университета. Вох 2. Нью-Йорк, США. Фонд С. Е. Крыжановского // *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 199–200.

³ Витте С. Ю. Воспоминания: ... С. 374–379.

ставительстве, которой в эти дни был одержим. Соответственно, Витте выдерживал позицию за самодержавие, на чем подобало твердо стоять царю, а царь призывал составить проект рескрипта для министра внутренних дел Булыгина о привлечении выборных к законодательству.

Витте явно был убежденным монархистом и политически не отступал от закона о самодержавии, что невозможно сказать о государе императоре. Николай II 18 февраля 1905 г., преодолев вековые традиции об укреплении самодержавной власти, при собственном содействии неожиданно для всех публикует первый манифест об ограничении своих функций автократора, т. е. самодержца. Что это было? Внутренний протест против министров, которые затеяли спор о правомерности абсолютной власти царя и видели в созыве «представительства» панацею от всех бед? Или «мальчишеский» протест против С. Ю. Витте, своеобразно выражавшего свои взгляды на какофонию внутри правительства. В организационной чехарде никто не понимал, кто кому подчиняется, какой акт имеет юридическую силу, каждый министр по тем или иным причинам мог получить благосклонность царя либо его недоверие, и тогда государственные вопросы не решались. И вот, наконец, собрались вместе и царь, и министры, чтобы придать государственному управлению приемлемое единство и чтобы царь согласился на некоторые реформы либерального толка. Царь боялся улицы, во всем мерещилась революция, но искал сам выход из существующей угрозы самодержавию и противился всему, что предлагали министры. В свою очередь Витте вынашивал идею преобразования Совещания министров, председателем которого он стал по воле царя 17 января, а также Комитета министров, где он тоже председательствовал, Совета министров во главе с царем и его уполномоченным и сконцентрировать в единый государственный центр управления. То, что существовало множество комитетов и совещаний, понимал и царь, но он не захотел уступать Витте и преподнести ему такой подарок, поэтому встреча с Витте 9 февраля не принесла им обоим удовлетворения. Царь подозревал, что если все управление слить в один-единственный орган Совет министров, то возникнет европейский Кабинет министров, что вело к укреплению в нем роли Витте. Сам Витте не прочь был занять место рядом с царем — на горизонте маячило премьерство. Видя колебания царя, Витте вел взвешенную политику. Он пытался запугивать царя ролью конституционного монарха, предсказывал вооруженные конфликты, которые могут возникать между представительством и государством, функции которого сокращаются при парламентах [1, с. 161–168] (пугал, ибо глубоко проникся политикой царя и все, что предрекал в 1905, сбылось в 1917 г.). Как видно, указ 18 февраля стал победой не министерской группировки, у царя была своя фракция, которую условно можно назвать «придворной». Поговаривали, что к изданию указа был причастен Д. Ф. Трепов [12, с. 57, 60]; не исключена причастность и профессора Николаевского, который был соратником генерала-черносотенца Е. В. Богдановича и противником Витте.

Другим не менее важным фактором являлось влияние Вильгельма II на своего кузена Ники, использовавшего в политических целях родственные связи. В письме к кузине — вдовствующей императрице Марии Федоровне, германский кайзер советует, чтобы Николай II провозгласил первоначально программу самых скромных, но «надлежащих» реформ. Кроме того, он предложил сделать это так, чтобы эти реформы исходили от него самого и чтобы у министров не было желания отнести их на свой счет [1, с. 168]. Кайзер имел в виду то, что Витте воспрепятствовал реализовать Николаю II реформы манифеста 12 декабря 1904 г.¹ Вместе с тем, он предостерегал Николая II «от вверения внутреннего переустройства России» Витте, считая его «весьма опасным», ввиду того, что его самолюбию со стороны царя

¹Красный архив. 1925. Т. 9. С. 65.

нанесены уколы¹. Совершенно очевидно, что Вильгельм, делая такие замечания по поводу Витте, весьма своеобразно оценил его хватку и умение отстаивать свои интересы. Между тем, Вильгельм считал, что Витте мог быть пригодным даже при либеральном представительстве, если бы Николай взял в свои руки всю исполнительную власть².

Иными совами, византийское начало российской царской власти под воздействием европейской цивилизации стало распадаться, в него стали проникать либеральные ценности. Правительству пришлось обратиться к совершенно новым для самодержавия либеральным ценностям. Январская революционная стихия сменилась апрельской веротерпимостью. Так, 17 апреля 1905 г. в «Манифесте об укреплении начал веротерпимости» возвеличивались наравне с православной верой и другие вероисповедания, которые не подлежали преследованию. Манифест расширил не только корпус личных и гражданских прав³, он стал важным документом высшей бюрократии России. Вопрос «о введении широкой веротерпимости» был поставлен еще при Александре III в 1890 г. председателем Комитета министров Н.Х. Бунге [4, с. 27], лекции которого слушал Николай II, а Витте в свое время имел с ним наилучшие отношения, когда находился на службе в Киеве. Здесь уместно привести воспоминания жены Витте о его общественно-политических взглядах, которые он высказывал в ее присутствии. Матильда Ивановна Витте характеризует их в предисловии к мемуарам самого Витте: «Я не либерал и не консерватор, я просто культурный человек. Я не могу сослать человека в Сибирь только за то, что он мыслит не так, как мыслю я, и не могу лишать его гражданских прав только потому, что он молится Богу не в том храме, в котором молюсь я...»⁴. Отсюда поддержка Витте гуманистического взгляда на вопрос о свободе совести. Как видно, царь вплотную вместе со своей бюрократией подошел к вопросу о реформировании государственного порядка и соблюдении властями законных положений о веротерпимости [10].

Неслучайно С.Ю. Витте, участвуя в обсуждении проекта Указа от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»⁵, защищал положение старообрядцев. По слухам, которые распространялись по городу, в частности со слов члена Государственного совета А.С. Стишинского, известная А.В. Богданович подтверждала причастность Витте к появлению указа о веротерпимости. Пожалуй, любопытным является ее экстраординарное сообщение о том, что в городе существуют 8 масонских лож. В одной из них, что располагалась на ул. Николаевской № 44, членом масонской ложи якобы состоял Витте. Ему, как утверждала Богданович, принадлежала ведущая роль в ее работе (запись 24 апреля 1905 г.) [2, с. 342]. Нет сомнений, создавалось мнение, что Витте способствовал продвижению указа о веротерпимости, поскольку был масоном.

Само собой разумеется, что Витте не мог безразлично относиться к проблеме веротерпимости: человек, женившийся на женщине с еврейскими корнями, не мог не быть терпимым к другим народностям. Он так же как и Николай II, мог сказать — это всегда были его воззрения на вопрос о веротерпимости⁶. Витте жил и учился на Кавказе (Тифлис), а затем в Новороссии (Одесса), где совместно проживали различные кавказские народности, русские и евреи. Он вобрал в себя культуру

¹Красный архив. 1925. Т. 9. С. 69.

²Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1923. С. 91.

³Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV. 1905. СПб., 1908. С. 237–238.

⁴Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. 2003. Т. 1. С. 18.

⁵ПСЗ — III. Т. XXIV. № 25496; Из архива Ю.С. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 661.

⁶Дневник кн. Е.А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. М., 1965. Т. 77. С. 272.

терпимости как русский европеец, но из-за женитьбы на разведенной еврейке постоянно претерпевал унижительные нападки общества и печати на его юдофильство, несмотря на то, что его жена была крещеной еврейкой. Националистические круги общественности свой антисемитизм обыгрывали в сатирической форме, например в «Утре» был выпущен черносотенный листок «Виттова пляска», где в созвучии фамилии Витте и имени христианского (католического) Святого Витта высмеивается его «еврейство», как «клиническая пляска»¹. Еврейское происхождение его жены давало возможность недоброжелателям дискредитировать Витте в глазах государя, которому постоянно докладывали, что Витте причастен к еврейскому заговору и вынашивает изменнические планы [9]. Так, влиятельный в обществе ультрапатриот генерал Е. В. Богданович в письме от 28 июля 1905 г. предупреждает царя о том, что Витте уязвлен и готовит страшную месть императорской семье из-за ее холодности к его супруге. Он сообщает, что за унижение своей жены Витте «отплатит гибельным концом всей династии Романовых», что он «подкапывается под самодержавный трон» и, дескать, «пользуясь охраною правительственной власти, он играет роль Катилины» [там же]. Этим сравнением генерал Богданович пытался подчеркнуть революционность действий Витте. Он подобно Цицерону ораторствует, витиевато изъясняясь — «мы» (видимо, патриоты) готовы воскликнуть: «Иди, Сергей, к твоим друзьям, чтобы всем стало, наконец, ясно, что ты наш явный враг». Здесь автор письма намекает на якобы существующую связь Витте не только с еврейством, но и с франк-масонством [там же]. Отсюда понятна запись в дневнике его супруги А. В. Богданович о масонстве Витте, в салоне обсуждалась эта проблема, она являлась весьма привлекательной, магически таинственной и запрещенной. Возвышение Витте непосредственно вытекало то ли из его германофильства, то ли из его жидо-масонства.

Витте обвиняли в том, что он захватил не только место министра финансов, но и превратил Россию в германскую колонию. В вину вменяли дружественные отношения с кайзером Вильгельмом II и получение от него немецкого ордена Черного Орла². Общественность во всех неудачах начала выделять Витте, как жертву сакрального характера. Не случайно сам Николай II причислил Витте к виновникам не только кровопролития 9 января, но и в прологе так называемой «русской революции 1905 года». К тому же, Николай II об этом коротко намекает в письме к матери, считая, что вина Витте как раз в его бездействии.

Но после московских событий Витте кардинально меняет свои действия, Николай фиксирует изменения в поведении Витте, в письме к матери он пишет, что, дескать, «...теперь он хочет всех вешать и расстреливать». Царь удивлен такой изменчивостью Витте, хотя и сам не отличался постоянством своего характера: «Я никогда не видел такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он». И далее, Николай вновь ссылается на общественное мнение: «Благодаря этому свойству характера, почти никто больше ему не верит, он окончательно потопил самого себя в глазах всех...» [5, с. 132].

Показательно письмо, написанное императору после революционных событий в декабре 1905 г., сыном писателя Л. Н. Толстого — графом Л. Л. Толстым. Он прямо указывал на то, что Витте — «враг России», что «его близкая связь с евреями» жестоко осуждается русским обществом. В письме он ссылается на мнение своего знаменитого отца о виновниках революционных волнений в стране, под-

¹ Любимов С. В. С. Ю. Витте // Русский евриенический журнал. 1928. Т. 6. Вып. 2; Утро: Утро сановника. Сцена в наши дни из нашей жизни // Русская Виттова пляска. СПб., 1906. № 4.

² ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1900. — Копия письма кн. Шаховской С. Ю. Витте с обвинением его в измене России. Копия приложена к записке Славянскому комитету с предложением о создании отделов комитета на местах.

черкивая, что «все это сделали евреи». К словам отца Толстой-младший добавил: «С позволения Витте, женатого на еврейке»¹.

Витте знал о том, что после 12 декабря 1904 г. общество и лично государь отнеслись к нему враждебно. Он постоянно слышал, что государь его не любит и даже ненавидит. Причиной якобы являлась его резкая манера говорить с ним. Да, он признавал, что при спорах бывал резок, говорил то, что думал. Но все это обходилось без упреков при Александре III, царь до последних дней своих благоволил к нему, хотя не любил евреев, но посчитал важным не вмешиваться в личную жизнь Витте. А вот императрица Мария Федоровна его женитьбу из-за сплетен воспринимала враждебно. Но после смерти августейшего мужа, на первой аудиенции, Витте поделился своими опасениями, что при новом царе существующие интриги могут навредить ему, на это императрица заметила, что не следует жаловаться на интриги, дескать, интриги не поколебали его положения при Александре III, и он оставался министром до конца его смерти, так будет и впредь.

Что же мешало императору Николаю II принимать Витте как личность? Нет, не его манера говорить, а то, что он говорил. Витте указывал на то, что все, о чем он говорил и предупреждал государя, все случалось и случалось потому, что тот не хотел слушать. Витте не сомневался, что в глубине души Николай II не переставал осознавать его правоту². Тем не менее, Николай II не смог сдерживать себя и продолжал противодействовать Витте. Прежде всего, Николай II обратил внимание на бурную роль Комитета министров в преобразовании административной практики после принятия указа 12 декабря 1904 г. Государь решил реанимировать Совет министров, который под его председательством не собирался годами. В январе 1905 г. Совет министров неожиданно собрали и в конце заседания не официально, так, между прочим, царь просил гр. Д. М. Сольского (1833–1910) впредь собирать Совет и заниматься всеми вопросами, представленными министрами или теми вопросами, на которые государь сам будет указывать. Все присутствующие определенно сочувствовали Д. М. Сольскому, понимая, что немыслимо в рабочем состоянии содержать два органа — Комитет министров и Совет министров.

В начале 1905 г. общественность правого толка случайно или по чьей-то указке активизирует против Витте свои действия. Так получилось, что в поисках заработка профессор Б. В. Никольский, будучи с 1903 г. членом первой крупной монархической организации — Русского собрания, становится личным секретарем генерала Е. В. Богдановича. Несомненно, на политические взгляды Никольского влияло сотрудничество с Е. В. Богдановичем. Вместе с ним Никольский участвовал в составлении писем к Николаю II, так называемых «записок» в защиту самодержавия, в которых Никольский пытался инспирировать свои собственные политические идеи [13, с. 32]. Выполняя при нем необременительную работу, он за свой труд получал некоторую сумму, как дополнение к основному заработку (буквально до смерти Богдановича в 1914 г.). Генерал Е. В. Богданович одновременно являлся членом Совета министров внутренних дел, а также старостой Исаакиевского собора. Вместе с женой он содержал общественно-политический салон, получая на его содержание и печатание ультрапатриотических брошюр деньги из государственной казны. Б. В. Никольский с момента знакомства с Е. В. Богдановичем приобретает в общественно-политических кругах известность. Более того, из простого наблюдателя за деятельностью Витте он превращается, как и его покровитель, в тайного противника Витте. Как ни парадоксально, но известность в общественных кругах вскружила голову образованнейшего

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/27260). Д. 35. Л. 2. Толстой Л. Л. — Николаю II. 13 декабря 1905 г.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 371.

человека Петербурга. Он полагал, что горькие события выдвинули его вперед, а знакомство с министрами и многими представителями политических и общественных кругов Петербурга делало его известным и информированным человеком, который был нужен всем. Апогеем его политической жизни стал день 2 апреля 1905 г. — император Николай II принимал на аудиенции профессора Б. В. Никольского по рекомендации министра просвещения В. Г. Глазова. В приемной Александровского дворца (Царское Село) находился барон В. Б. Фредерикс, и он спросил, по какому случаю Никольский представляется царю. На это Глазов ответил, что Никольский — член Русского собрания и автор нескольких докладов, о которых государю известно [7, с. 47]. В вопросе барона Фредерикса, видимо, прозвучало недоумение, при Дворе в каждом новом человеке виделся фаворит его величества. Министр императорского двора барон Фредерикс обязан был спросить министра В. Г. Глазова, кого он представляет царю. Тем не менее профессор по своему образованию никоим образом не подходил на роль фаворита царя. Никольский привлек внимание царя своими докладами и письмами и, вполне вероятно, среди них были письма, направленные против предложений Витте. Любопытна и другая сторона этой встречи, она позволяет увидеть глазами ученого Б. В. Никольского, каким предстал перед ним Николай II, причем не понаслышке, а реально в общении с ним. Никольский в дневнике пишет, что во время представления царь слушал его и чуть-чуть улыбался. Он заметил, что при всем самообладании и привычки, царь «не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста». Это выдавало в нем нервного и неуверенного в себе человека. Наблюдая за его мимикой, Никольский обратил внимание на то, что лицо его не движется, но «оно имеет вид насильственно, напряженно улыбающийся». В то же время «веки все время едва уловимо вздрагивают», а «глаза, напротив, робкие, кроткие, добрые и жалкие». Как преподаватель, работающий со студентами, Никольский профессионально передал услышанную речь Николая II: «выбирает расплывчатые, неточные слова, и с большим трудом, нервно запинаясь, как-то выжимая из себя слова всем корпусом, — головой, плечами, руками, даже переступая». Согласно Никольскому, на встрече из них трех не волновался только он один, Глазов — немного смущался и беспокоился, а вот царь «больше всех нервничал, стеснялся и жался». Бесспорно, Никольский не мог не отметить тот факт, что фигура и лицо царя, и многое в нем становилось понятным при определенном сопоставлении фигур его родителей — монументальной громады Александра III с зыбкой фигуркой вдовствующей императрицы. И хотя Никольский не запомнил, сколько времени он говорил с царем, казалось 10 минут, а возможно и больше, однако заметил, что за короткое время постепенно нервность царя успокоилась «и под конец он слушал и просто, и внимательно» [7, с. 47–48].

Б. В. Никольский вел переписку с известными людьми. Так, заслуживает внимания одно из писем Никольского, адресованное ученому богослову, педагогу и известному архиепископу Антонию Храповицкому (1883–1936), он сообщает ему о себе, что самой меньшей частью своей работы он считает публичную деятельность, связанную лишь с речами в различных общественно-политических организациях. Но, самой важной частью, является та часть, которую он выполняет в государственных учреждениях, а она была связана с повышением образования сановников. Никольский утверждает, что ни один вопрос на заседаниях Государственного совета или совещаниях у царя не проходит без его невидимого участия. И далее, без всякого стеснения Никольский сообщает о своей сомнительной деятельности, которую он выполнял на тот момент. То ли для него, как члена «Союза русского народа», такое отношение к негодным людям считалось в порядке вещей, то ли политический успех в кругах сановников, действительно, вскружил ему голову. Как ни парадоксально, но он вполне открыто сообщает о своих предумышленных действиях против Витте, что все его начинания терпели крах, ибо «многие неудачи Витте» создавались у него

в кабинете, и далее, что он становится постепенно «юрисконсультom правой» (видимо, правой партии). Причем, для Никольского в этой деятельности существовали определенные неудобства, служба эта не вознаграждалась материально, мешала ему работать и не позволяла искать иные средства для существования, которых ему постоянно не хватало¹. Поскольку внутри бюрократического аппарата находился своеобразный очаг ультраправых, косвенно одобренный вниманием царя, Никольский старался занять в нем важное место. Как видно, в течение некоторого времени одним из видов деятельности профессора Никольского была его тайная работа по подрыву всякого рода начинаний Витте. Он прилагал усилия к тому, чтобы у окружающих возникло мнение о неспособности Витте к решению государственных дел, а отсюда недолго оставалось до появления ненависти к личности Витте. По существу, не успех должен был вызывать у общественности ненависть к Витте, а его некомпетентность и желание оставаться на государственном поприще.

Любопытно, но и царь боролся с Витте, только иными средствами. Он соперничал со своим министром и в душе противостоял ему, видимо, не мог смириться с тем, что Витте были подвластны все государственные дела. В отличие от Витте император на протяжении многих лет тщетно пытался стать государственным деятелем, но это произошло лишь тогда, когда он неожиданно для всех включился в защиту самодержавия и вновь (в который раз!) пригласил Витте на роль защитника самодержавия. Эта необходимость возникла в стремительном и судьбоносном для России 1905 г.

Провальную авантюрную военную политику с Японией (1904–1905), начатую В.К. Плеве и «безобразовской кликой» при попустительстве царя, пришлось завершать Витте в Портсмуте (США) договором 5 сентября 1905 г. при посредничестве американского президента Т. Рузвельта. Японцы не хотели официально запрашивать мир у России. Они под видом «личного мнения» еще в марте 1905 г. через своего военного министра Масатакэ Тэраути просили оказания посредничества президента США. К посредничеству президента США Т. Рузвельта Николаю II советовал обратиться и кайзер Вильгельм II. В связи с этим, предполагалось начать переговорный процесс в американском городе Портсмут. Тем не менее, Николай II к вопросу о мирных переговорах с Японией подошел лишь в июне, когда он сменил военного и морского министров: 21 июня военное министерство возглавил генерал А.Ф. Редигер, а с 29 июня морское ведомство возглавил адмирал А.А. Бирилев. В этот же день было принято решение о заключении мирного договора. России предлагался вариант окончания войны на условиях японской стороны².

Как ни парадоксально, но представители министерства иностранных дел отказались, испугавшись масштабов политической ответственности, вести переговоры с Японией. Кандидатура Витте в качестве уполномоченного посланника на переговорах с Японией оказалась самой подходящей. С тяжелой ношей — политической ответственностью — мог справиться лишь один государственный деятель того времени — им был Витте. Полное понятие, что у Николая II не было иного выбора: в империи не существовало личности равной Витте для выполнения столь деликатной миссии. Николай II капитулировал перед Витте. Не желая затягивать конфликт, поскольку либеральная оппозиция в своей агитации все настойчивее призывала выступать против войны и действующего правительства, Николай II согласился предложить деликатную миссию Витте и призвал его к себе. Смущал лишь тот факт, что Витте заведомо предупреждал о проигрыше в войне и предостерегал

¹ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 16 (черновик письма от 25 декабря 1905 г.) // Никольский Б. Н. Дневник. 1896–1918. Т. 1. С. 33.

²Кошкин А. Запомните: с 1905 по 1945 год Япония владела Курилами де-факто [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/219099.html> (дата обращения: 29.11.2016).

от ввязывания России в дела Кореи, чтобы не навлечь войны с Японией. Витте был прав, когда выступал против «безобразовской» дальневосточной авантюры. Царь сохранял к нему неприязненные отношения, не забывая его предупреждения о том, что России нужна не война, а мир. Но «мальчишеские» игры мешали ему трезво смотреть на советы Витте. В сложившейся ситуации «безобразовская» клика, выступавшая против Витте и подстрекавшая царя к войне, к этому периоду не имела возможности влиять на государственную политику. Царь сам с момента войны приказал «безобразовцам» не высовываться и помалкивать. Более того, Николай II вначале 1905 г. сумел уволить покровителей «шайки» (в. кн. Алексея Александровича и адмирала Алексеева), чтобы никоим образом на страницах либеральных газет не возник вопрос о лесных концессиях, иначе всплыло бы имя и самого царя [1, с. 189]. Витте вновь был призван в большую политику. Витте торжествовал. Царь, боясь получить отказ, обратился к Витте не напрямую, а через посредников. Но Витте и не думал об отказе — он имел на это право — быть уполномоченным от царя.

Перед отъездом в Портсмут, где должны были состояться переговоры о заключении мира, Николай II сделал прощальные наставления, задав Витте особый алгоритм по ведению переговоров: заключение мира без территориальных уступок и уплаты денежной контрибуции противнику¹. Казалось, на мирных переговорах удача была полностью на стороне Витте. Хотя за столом переговоров находился Витте, как глава русской делегации, однако в тени переговоров для мировой общественности осталась незамеченной роль русского царя. Политический тандем «Витте — Николай II» проявил согласованность и показал, что можно действовать командой и достигать совместными усилиями нужный эффект. Условия мира оказались для России менее унижительными, чем предполагалось. Философию Портсмутского мира определил Николай II, настойчиво требуя от Витте выполнения своего плана мира. Все предложенные условия должны были отвечать державному статусу России, в понятиях царя недопустимы были денежная контрибуция и передача Сахалина японцам. Что касается тактики Витте, то в подтексте переговорного процесса, который он вел, витала идея не сломенного духа русской армии, ибо Россия не проиграла войну и если понадобится, то могла ее продолжить. Именно под этим углом зрения проходили переговоры, учитывался тот фактор, что войну начинали японцы и мир затребовали японцы. К моменту переговоров у японцев не только военная мощь была на исходе, но у них закончились деньги на ведение войны, четыре иностранных займа легли тяжелым бременем на бюджет страны, а пятый заем был заключен лишь к середине 1905 г.

Итак, концепция переговоров со стороны России включала в себя идею победы, о поражении не могло бы идти речи. Безусловно, на переговорах большая заслуга принадлежала Витте, он вызволил Россию из состояния войны не побежденной, а победившей страной. За столом переговоров ему удалось отвоевать то, что было утрачено армией и флотом на суше и море. Витте держал японцев за чертой побежденных, а не победителей, подобно Талейрану, который обеспечил Франции равное положение на Венском конгрессе мира 1814–1815 гг. со странами-победительницами.

Витте в Америке произвел впечатление демократа, о нем писала пресса, ему рукоплескали; но главное — перед ним не устояла японская делегация — психологическая выдержка Витте дополнялась его физическим превосходством, а виртуозность ума позволяла ему комбинировать информацию, получаемую от царя, доверенных лиц, посольств и прессы. Когда Витте садился за стол переговоров, то он знал, как и что будет «выдавливаться» из позиций японцев. Витте на переговорах в Портсмуте, без сомнения, отстоял лицо Николая II — императора России.

¹Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. Рукописные заметки. С. 145.

За переговорами в Портсмуте наблюдали не только во всем мире, но и пристально следили и в Петербурге. Так, 17 августа в Павловске в.к. К.К. Романов записал в дневнике, что из газеты узнал новость о мире. Однако по его ощущению этот мир не может быть радостен, так как увенчался несчастьем для русского оружия, хотя Витте на переговорах и «одержал значительную дипломатическую победу». В последующей записи от 22 августа он сообщает о тех сомнениях, которыми были охвачены в эти дни Николай II и Александра Федоровна. Россия к моменту, когда японцы запросили мир, перегруппировала и усилила свои военные силы, русская армия была готова к продолжению войны. Но вдруг — мир! Государь был уверен в неприемлемости продиктованных японцами условий мира, но когда те приняли русские условия, то Николай II и императрица, по словам очевидцев, как в воду были опущены¹. Возможно, дипломатическая победа Витте ошеломила царственных особ. Не исключено, что царь пользовался планом о мире, который разработали Абаза — Вогак. В духе настроений Николая II и Александры Федоровны прозвучало и мнение Главнокомандующего по Дальнему Востоку генерала А. Н. Куропаткина: он назвал мир между Россией и Японией поспешным и неоправданным, указывая на то, что победа японцам далась сильными потерями, а русская армия на суше имела в несколько меньше потерь, чем рассчитывала. Безусловно, никто в России не мог допустить мысли, что мир будет подписан с денежной контрибуцией и передачей всего о. Сахалина, как того требовали японцы. Этой версии придерживался и президент США Т. Рузвельт, настойчиво продвигая совет России следовать именно японской версии переговоров, что на самом деле отвечало интересам западноевропейских стран. Однако итогом напряженной борьбы стал следующий результат: японцы получили лишь южную часть о. Сахалина, т. к. эта территория на тот момент была занята японской армией, т. е. победившая страна была удовлетворена тем, что ей предложила делегация побежденной страны. Мирный договор был подписан 24 августа (5 сентября) 1905 г., Витте уезжал в Европу и в Россию триумфатором, европейские главы государств стремились заполучить Витте и услышать из первых уст впечатления о событиях в Портсмуте (США).

Популярность Витте на переговорах была высокой как в самой Америке, так и за ее пределами. В Германии кайзер Вильгельм II не менее, чем Николай II, пристально следил за событиями в Портсмуте. За тот период, когда Витте находился в Америке, кайзер и царь тесно общались между собой, обсуждая вопросы не только мирного договора с японцами, но и таможенного договора, подписанного ими 11 июля 1905 г. в Бьерке (около Выборга) на борту императорской яхты «Полярная звезда». Бьеркский договор был подписан без участия иностранных ведомств обеих стран, один на один, между кузенами.

Примерно 2 сентября 1905 г. на имя С. Ю. Витте неожиданно пришла телеграмма с поздравлением за подписью Вильгельма II: «С успехом на переговорах в Портсмуте»². Казалось, это было признание достижений Витте в пользу России на переговорах. По мере продвижения Витте назад в Россию кайзер не выпускал его из виду, и у Вильгельма II были на то веские основания. Перед ним был умный и проницательный сановник, который при любых обстоятельствах мог отстаивать интересы России. В делах с Россией ему нужен был союзник, как Витте.

На обратном пути в Петербург маршрут Витте был также напряженным: заезжал в Париж (6 сентября), где ему удалось встретиться с главой министерства Рувье и президентом Лубе, который завел разговор о внутреннем положении России, о необходимости установления представительства и конституции, что без этого

¹ Из дневника Константина Романова. 1905 год // Красный архив. 1931. Т. 1 (44). С. 134.

² РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 46. Телеграмма Вильгельма II, кайзера Германии — Витте С. Ю.

у России не будет перспектив развития. В Париже он получил из британского и немецкого посольств сообщения, что король Эдуард и император Вильгельм рады его принять. Без высочайшего повеления он не мог принять их приглашения. В рамках Бьеркского соглашения Витте встретился лишь с кайзером, из Берлина он проехал через Вержблowo (пограничная зона России) в Роминтен (Германия) — гостевой домик Вильгельма II, где частыми гостями кайзера были русские сановники, военные и династические родственники. Во время встречи кайзер вручил Витте экстраординарную награду за Портсмут — к первому ордену Черного Орла — ему добавили цепь Красного Орла. Эти ордена вручались лишь членам царствующих домов.

Николаю II после высоких наград кузена Вильгельма II ничего не оставалось, как также высоко оценить достижения Витте на мирных переговорах с Японией в Портсмуте. По прибытии в Петербург Витте на следующий день (17 сентября) получил приглашение его величества приехать к нему в финляндские шхеры, где Николай II со своим семейством находился на императорской яхте «Штандарт»¹. Государь принял Витте в своей каюте. Он «сердечно и искренне» благодарил его за успешные переговоры и ту услугу, которую он оказал лично ему, выполняя на переговорах все монаршие инструкции «не только по букве, но и по духу». Государь за Портсмут пожаловал Витте графское достоинство, что сердечно тронуло сановника, и от неожиданности он поцеловал руку Николая II.

Из воспоминаний А. А. Вырубовой (урожденной Танеевой), фрейлины и ближайшей подруги императрицы, известно, что она увидела Витте за обедом, перед которым он получил графское достоинство. Новоиспеченный счастливый граф вошел вслед за государем и во время обеда рассказывал о своих впечатлениях от Америки [3, с. 24]. Приглашение на яхту означало, что государь действительно был доволен тем, что сделал Витте для него и в целом для России. В этот момент все разногласия, существующие между ними, не являлись непреодолимыми препятствиями. Между ними в какой-то момент исчезло соперничество, казалось, они оба стояли на пьедестале Портсмутского соглашения, создавая устойчивый политический союз. Своим сердечным настроением государь хотел поделиться с императрицей — она сама должна была услышать из первых уст, как завершился русско-японский мир. А. Вырубова не оставила воспоминаний о реакции государыни на посещение яхты Витте, но известно впечатление самого государя, выраженное им в письме из Петергофа от 29 сентября 1905 г. к матери: «В Биорке к нам явился Витте, он был прост и весьма интересен. После длинного разговора с ним, когда я ему объявил о графском титуле, с ним почти случился “столчок” и затем он три раза старался поцеловать руку! На другой день он с нами завтракал и на “Стреле” ушел в Петербург»².

Заслуги Витте были достаточно велики, не скупясь на награды, государь за счет казны в Биаррице (Франция) приобрел ему виллу. Эйфория победы на дипломатическом уровне перекрывала все обиды за неудачные военные действия, создавалось ощущение, что государь, наконец, понял, почему за прошедшие два года изменился внешнеполитический курс — из-за отсутствия Витте — и как трудно без него решались государственные вопросы. Недолюбимая Витте, император все-таки не мог обойтись без него, подарки царя лишь небольшая часть компенсации за столь долгое отсутствие Витте в большой политике.

Графиня Матильда Ивановна Витте наконец, в начале октября 1905 г., была принята в императорском доме. Государственный деятель А. А. Половцев 6 октября

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 2012. С. 471.

² Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906) // Красный архив. Т. 3 (22). М., Л., 1927. С. 161.

1905 г. записал в своем дневнике, что это была крупная новость: новая графиня М. И. Витте после многолетнего ожидания была приглашена в Петергоф императрицей Александрой Федоровной¹. Но свой стиль жизни графская чета не стала изменять — светские приемы оставались их семейной традицией. В годы, когда Витте уже являлся «бывшим» и бюджет семьи не позволял жить как прежде, Матильда Ивановна продолжала поддерживать авторитет своего мужа. Со своей стороны Витте позволял сохранять эту традицию, поскольку он и тогда не желал огорчать свою любимую жену. Витте даже обратился к Николаю II с просьбой о выделении ему в порядке материальной помощи 200 тыс. руб. Ради своей Матильды он не боялся быть смешным и беспринципным, хотя по своему характеру был честолобив. Николай II предоставил Витте затребованную сумму. Возникает вопрос: со стороны Николая II это был жест признания заслуг Витте перед Россией или вынужденная уступка? Возможно, и то, и другое. Так или иначе, с семьи С. Ю. Витте после получения им титула графа были сняты статусные ограничения, и Матильда Ивановна с дочерью Верой могла появляться в высшем свете.

В общественных кругах новоиспеченного графа тут же окрестили «Полусахалинским», кто-то в шутку, а кто-то со злобой. По договору с японцами северная часть о. Сахалина отошла к России, а южная часть, занятая японцами, осталась в их владении — Витте не отстоял полную территорию острова. Указ породил различного рода инсинуации против Витте. Поднялись страсти в «болоте» русского общества: жалели, что Витте стал графом; левые и черносотенцы остались недовольны тем, что мир не был так позорен, как война, были и те, кто в прессе пытались все заслуги акта о мире приписать Рузвельту. Но Витте переживал, когда правые газеты стали его травить, потому что он якобы обманул государя, заключив договор с Японией помимо его воли. Особенно отличалась газета «старика» А. С. Суворина «Новое время», которая продвигала идею о несвоевременности заключения мира с Японией. Сам А. С. Суворин постоянно распространял слухи, что слышал, как государь говорил, что когда все были за заключение мира, то он один был против. Отсюда возникла уверенность в продолжении войны и полной победе над Японией².

И только Вильгельм II непреклонно проявлял последовательность в доброжелательном отношении к Витте. Он оценил выдающиеся заслуги Витте и признал справедливое решение Николая II о пожаловании Витте графского титула за установленный мир с Японией. Не позднее 17 сентября (видимо, зная о намерениях кузена) он телеграфировал Витте и поздравил с пожалованием титула графа за заключение Портсмутского мирного договора³. Такое пристальное внимание к персоне Витте было неслучайным, т. к. Вильгельм II понимал, что Витте поймет смысл Бьеркского договора и характерную для него изворотливость и тайный умысел. Далеко смотрящий Вильгельм ради своих интересов использовал слабости и доверчивый характер кузена Николая, намеренно пытаясь расторгнуть договор между Россией и Францией. Возможно, поэтому при встрече с Витте в своем гостевом доме на границе с Россией, Вильгельм II обхаживал российского сановника и был доволен его пребыванием у него в гостях. В их отношениях сложностей не намечалось, ожидаемой реакции на заключение Бьеркского договора не произошло. Витте, напротив, на тот момент, видимо, согласился с условиями Бьеркского договора, т. к. после триумфа в Америке предполагал, что внимание со стороны кайзера связано именно с его успехами на переговорах с японцами. И только по приезде в столицу, когда Витте окунулся в подводные течения Бьеркского договора, вполне вероятно, он понял, почему был обласкан вниманием со стороны Виль-

¹ Дневник А. А. Половцева // Красный архив. Т. 4. М., Л. 1923. С. 74.

² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 472–473.

³ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 47. Телеграмма Вильгельма II, кайзера Германии — Витте С. Ю.

гельма II. Встреча Витте с графом Ламздорфом произошла после того, как граф побывал у государя с докладом. Он передал Витте их разговор о нем, сказав, что государь очень доволен и его образом действий в Америке, и пребыванием у немецкого кайзера. И отдельно, как бы проверяя государева слова и ища подтверждения у Витте, сообщил, что его величество также сказал ему, что якобы Витте совершенно разделяет Бьеркское соглашение¹.

Витте подтвердил свое согласие с тем, что «правильное ведение политики заключается в установлении союза России, Германии и Франции, а затем распространение этого союза и на другие континентальные державы Европы». Он твердо придерживался этой политической линии. На что граф Ламздорф ответил, что «лучшая политика для России — быть самостоятельной и не обязываться ни перед кем»². Оба были правы и оба понимали друг друга.

И только после обмена мнениями о политике они выяснили, что Витте не читал текста договора, так как не получал его ни от Вильгельма, ни от государя. Что касается графа Ламздорфа, то он узнал о подписании договора лишь через три месяца. В октябре-ноябре 1904 г. Ламздорф смог проконтролировать намечавшийся первый договор между Германией и Россией, тогда он не был подписан Николаем II именно по настоянию Ламздорфа. Теперь, учитывая его прежнее вмешательство, государь ограничился лишь передачей ему текста договора после его подписания в целях ознакомления. Ламздорф тут же предложил с этим документом ознакомиться и Витте. Судя по тому, что Бьеркский договор был подписан императорами Николаем II и Вильгельмом II тайно от министерства иностранных дел, они все-таки соблюдали дипломатический протокол. Договор был контрассигнован: с германской стороны подпись поставил неизвестный сановник, с российской стороны — министр, возглавивший недавно (29 июня) морское ведомство адмирал А. А. Бирилев, который, не читая и ничего не подозревая, формально подписал договор по настоянию Государя³. Контрассигнатура, т. е. подпись министра на акте, означала, что он несет политическую и юридическую ответственность за выполнение договора. Подписи же императоров являлись формальными. Скрепление акта договора подписями лишь указывало на солидарность глав государства друг с другом. Графа Ламздорфа, возглавляющего министерство иностранных дел, не пригласили лишь по той причине, что он принципиально не поддерживал идею подписания договора с Германией. Неслучайно Вильгельм II так старался обхаживать кузена во время их встреч в шхерах. Он намеренно льстил кузену и воспользовался влиянием своей персоны на доверчивого Николая II, чтобы не использовать дипломатический канал. Витте, со своей стороны, прочитав договор, не мог согласиться с тем, что вектор политики развернулся против Франции, с которой был закреплен договор прежде, чем с Германией. Более того, он сам вместе с министром финансов Кокковцевым вел активную работу не только во французской прессе, но и среди банковской элиты о денежном займе для России⁴.

Несмотря на привилегированные знаки отличия, полученные Витте от германского кайзера Вильгельма II, он примкнул к позиции министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа, считавшего, что договор в Бьерке является не выгодным и неприемлемым в решении односторонних отношений с Германией без Франции. Как видно, после прочтения текста договора Витте безоговорочно поддержал позицию правительства, т. е. интересы государства оказались для него выше тех личных

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 475.

² Там же.

³ Там же. С. 476.

⁴ Тарле Е. С. Ю. Витте, французская пресса и русские займы // Красный архив. 1925. № 3 (10). С. 36–37; К переговорам Кокковцова о займе в 1905–1906 гг. Записка С. Ю. Витте // Там же. С. 37–39.

наград и того внимания к своей особе со стороны кайзера Германии — Вильгельма II. Витте всегда в государственных делах придерживался не только российско-го законодательства, но и соблюдал справедливого соглашения. При содействии Витте, Ламздорфа и вел. кн. Николая Николаевича государь отказался ратифицировать договор после заключения мирного договора с Японией, а Ламздорф в дальнейшем предпринял все доступные дипломатические меры, чтобы Бьеркский договор был аннулирован¹. Однако Бьеркский договор стал своего рода первым шагом к разрыву отношений Германии с Россией, который в дальнейшем из-за уязвленного самолюбия будет отдалять Вильгельма II от Николая II, что приведет к трагической войне 1914 г. и гибели двух империй.

Литература

1. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
2. *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990.
3. *Вырубова А.* Воспоминания. М., 2013.
4. *Кризис самодержавия в России. 1895–1917.* Л., 1984.
5. *Кудрина Ю. В.* Императрица Мария Федоровна и император Николай II. Мать и сын. М., 2013.
6. *Морозова Л. Е.* История России. Смутное время. Гл. 6. Лжедмитрий I на престоле [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/morozova-lyudmila-evgenjevna/istoriya-rossii-smutnoe-vremya/7> (дата обращения: 01.03.2017).
7. *Никольский Б. В.* Дневник 1896–1918. Т. 2. СПб, 2015.
8. *Перевезенцев С. В.* Преподобный Иосиф Волоцкий [Электронный ресурс]. URL: [odigitria/by/2014/10/31...isof%20volocky...s-v/](http://odigitria.by/2014/10/31...isof%20volocky...s-v/) (дата обращения: 11.02.2017).
9. *Сагинадзе Э.* «Враг России» С. Ю. Витте: антисемитизм и фобии в риторике дискредитации реформатора [Электронный ресурс]. URL: www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Saginadze.pdf (дата обращения: 06.07.2015).
10. *Сафонов А. А.* Свобода совести в правосознании российской правительственной бюрократии в начале XX века // Тезисы доклада на Всероссийской конференции «Правовая система России: традиции и инновации» (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России, 25–27 апреля 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: www.hse.ru/data/2013/05/02/1296668093/Доклад%20проф.%20А.А.%20Сафонова (дата обращения: 06.07.2015).
11. *Флоря Б. Н.* Представления о власти Московских государей в Древнерусском обществе XV–XVI веков. Иван Грозный [Электронный ресурс]. URL: www.sedmitza.ru/lib/text/438923/ (дата обращения: 09. 12. 2016).
12. *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.
13. *Шиллов Д. Н.* Борис Владимирович Никольский и его дневник // Б. В. Никольский. Дневник 1896–1918. Т. 1. СПб., 2015.

References

1. Ananyich B. V., Ganelin R. Sh. *Sergey Yulyevich Witte and his time* [Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya]. SPb., 2000. (rus)
2. Bogdanovich A. V. *Three last autocrats* [Tri poslednix samoderzhztsa]. M., 1990. (rus)
3. Vyubova A. *Memoirs* [Vospominaniya]. M., 2013.
4. *Crisis of autocracy in Russia. 1895–1917* [Krizis samoderzhaviya v Rossii. 1895–1917]. L., 1984. (rus)
5. Kudrina Yu. V. *Impress Maria Fedorovna and Emperor Nicholas II. Mother and son* [Imperatritsa Mariya Fedorovna i imperator Nikolai II. Mat' i syn]. M., 2013. (rus)
6. Morozova L. E. *History of Russia. Time of troubles. P. 6. False Dmitry I on a throne* [Istoriya Rossii. Smutnoe vremya. Gl. 6. Lzhedmitrii I na prestole] [An electronic resource]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/morozova-lyudmila-evgenjevna/istoriya-rossii-smutnoe-vremya/7> (date of the address: 3/1/2017). (rus)
7. Nikolsky B. V. *Diary 1896–1918* [Dnevnik 1896–1918]. V. 2. SPb., 2015. (rus)

¹Витте С. Ю. Воспоминания. С. 480.

8. Perevezentsev S.V. *Reverend Joseph of Volotsk* [Prepodobnyi Iosif Volotskii] [An electronic resource]. URL: [odigitria.by> 2014/10/31 ... isof volocky ... s-v/](#) (date of the address: 11.02.2017). (rus)
9. Saginadze E. «*Enemy of Russia*» S.Yu. Witte: *antisemitism and phobias in rhetoric of discredit of the reformer* [«Vrag Rossii» S.Yu. Vitte: antisemitizm i fobii v ritorike diskreditatsii reformatora] [An electronic resource]. URL: [www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Saginadze.pdf](#) (date of the address: 06.07.2015). (rus)
10. Safonov A. A. *Freedom of worship in sense of justice of the Russian government bureaucracy at the beginning of the XX century* [Svoboda sovesti v pravosoznanii rossiiskoi pravitel'stvennoi byurokratii v nachale XX veka] // Theses of the report at the Russian conference “Legal system of Russia: traditions and innovations” (SPb., St. Petersburg University Ministry of Internal Affairs of Russia, on April 25–27, 2013) [Electronic resource] / URL: [www.hse.ru/data/2013/05/02/1296668093/Доклад%20проф.%20А.А.%20Сафонова](#) (Date of the address: 06.07.2015). (rus)
11. Florya B.N. *Ideas about the power of the Moscow sovereigns in Old Russian society of the 15–16th centuries. Ivan the Terrible* [Predstavleniya o vlasti Moskovskikh gosudarei v Drevnerusskom obshchestve XV–XVI vekov. Ivan Groznyi] [An electronic resource]. URL: [www.sedmitza.ru/lib/text/438923/](#) (date of the address: 09.12.2016). (rus)
12. Chermensky E.D. *The bourgeoisie and a tsarism in the first Russian revolution* [Burzhuaziya i tsarizm v pervoi russkoi revolyutsii]. M., 1970. (rus)
13. Shilov D.N. *Boris Vladimirovich Nikolsky and his diary* [Boris Vladimirovich Nikol'skii i ego dnevnik] // B.V. Nikolsky. *Diary 1896–1918* [Diary 1896–1918]. V. 1. SPb., 2015. (rus)

Белое духовенство и его отношение к событиям 1917 года

Храпков Геннадий Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Преподаватель кафедры государственного и муниципального управления
 Кандидат исторических наук
 hrpakov-gn@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу и характеристике положения, взглядов и отношения к событиям февраля — октября 1917 г. представителей белого приходского духовенства еще существовавшей в указанный период времени Российской империи. Цель работы — на основе анализа представленных в работе исследований и научных трудов современников происходивших событий и современных исследователей представить общую концепцию отношений и взглядов приходского духовенства на события в представленный в статье период времени, что они конкретно собой представляли, и чего в конечном итоге ожидали священнослужители и остальные члены причтов от всего происходившего в стране. Для написания статьи автором использовались следующие методы: системный (рассмотрение деятельности только приходских клириков из всего духовного сословия, анализ отношений между священниками и высшими иерархами, и органами светской власти непосредственно), структурный (попытка обозначить конкретные черты деятельности белого духовенства в происходивших событиях вплоть до Октябрьской революции). Итогом работы является представление отдельных примеров отношения, взглядов и конкретной деятельности именно белого духовенства в указанный период времени, какие факторы оказывали на них влияние в ходе событий с начала февраля 1917 г., какая часть представителей вышеназванной категории клира проявили себя более активно в сложившейся ситуации. Результаты работы позволяют обратиться к исследованию недостаточно глубоко изученной проблемы с обязательным привлечением источников архивного, историографического и личного характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Февральская революция, Синод, обер-прокурор, епархия, Поместный собор, Временное правительство, съезд

Khrpakov G. N.

Secular Clergy and its Relation to Events of 1917

Khrpakov Gennadii Nikolaevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Lecturer of the Chair of State and Municipal Management
 PhD in History
 hrpakov-gn@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

This article is devoted to the analysis and the characteristics of the position, views and attitude to the events of February — October 1917 the white of the parish clergy still existed in the time period of the Russian Empire. The aim of the work is based on the analysis presented in the research and writings of contemporaries of the events, and modern researchers to provide a General concept of relations and attitudes of the parish clergy to the events in the period of time that they specifically represented, and which ultimately was expected by the clergy and other members of the clergy as a result of what was happening in the country. For the writing of this article the author used the following methods: systematic (review of activities, only the parish clergy from the whole of the clergy, the analysis of the relationship between priests and the higher hierarchies, and authorities of the secular power directly), structural (an attempt to identify specific features of the activities of the secular clergy in the events until

the October revolution). The result of this work is the presentation of individual examples of relationships, attitudes, and specific activities of the secular clergy in this period of time, what factors influenced them in the course of events since the beginning of February 1917, which part of the representatives of the aforementioned categories of the clergy showed themselves more actively in the current situation. The results of this work allow us to address the study does not investigate enough problems with mandatory use of sources of archival, historiographer and personal character.

KEYWORDS

the February revolution, the Synod, the Ober-Procurator, diocese, local Council, the Provisional government, the Congress

В 2017 г. исполняется ровно сто лет событиям, произошедшим в период с февраля по октябрь (по старому стилю) 1917 г., которые стали основными предпосылками для кардинальных изменений внутри государства и общества и направили развитие истории России в совершенно ином направлении вплоть до настоящего времени.

Об экономическом, политическом и социальном влиянии данных событий на страну и различные категории населения тогдашней еще Российской империи, об отношении всех слоев общества к происходившему в государстве подробно представлено в исследованиях, монографиях, статьях советских, российских и зарубежных ученых и исследователей. В их работах отражены взгляды и настроения дворянства, крестьянства, рабочих, купечества, интеллигенции, сторонников и противников складывавшейся ситуации в стране. Также отражена и позиция духовенства, которое во все времена оставалось неотъемлемой частью жизни России.

Тем не менее в большинстве работ по данной проблеме представлено в основном отношение высшего (черного) духовенства, приходские церковно- и священнослужители, их взгляды на события того времени представлены в гораздо меньшей степени или просто упоминаются в общем контексте настроений отдельных категорий населения российского государства.

Следует отметить, что отчасти положение духовенства в приходах, их настроения и позиция по отношению к Синоду и высшему духовенству в указанный период времени получили отражение как в исследованиях современников тех событий [1; 6], так и в более поздних научных трудах [3; 4; 7]. Но взгляды белого духовенства на происходившее в стране представлены в качестве единичных примеров и рассматриваются во многом как противопоставление мнению высшего духовенства, стремление внести изменения в отношения с государством, в подчинении которого церковь находилась со времени правления императора Петра I.

Объектом исследования данной работы является отношение приходского духовенства в епархиях к происходившим событиям в Российской империи в период с февраля по октябрь 1917 г. Предмет исследования — взгляды и настроения священников и служителей церковных причтов в условиях Февральской революции и последовавших за ней последствий.

Цель работы — на основе анализа представленных в работе исследований и научных трудов дать общую характеристику отношений и взглядов приходского духовенства на события февраля — октября 1917 г., что они собой представляли и что в конечном итоге ожидали священнослужители в результате от всего происходившего в стране.

В первую очередь необходимо отметить, что накануне событий февраля 1917 г. настроение среди духовенства, в том числе и приходского, что отмечают практически все исследователи, было неоднозначным в силу сложившихся к этому времени факторов: недовольство существующей системой управления церковью и пре-

обладания государством в ней, крайняя истощенность страны в ходе Первой мировой войны — в некоторых епархиях были отмечены случаи голодной смерти среди низших клириков [5, с. 15], раздражение по поводу вмешательства в дела духовенства лиц, не имеющих никаких оснований для этого, неосведомленность духовенства на местах о происходящем в главных городах страны.

Таким образом, в силу преобладания ряда вышеизложенных факторов приходские клирики в отличие от высшего «черного» духовенства, представители которого имели опасения по поводу возможности дальнейшей службы на занимаемых должностях, встретили Февральскую революцию с достаточно большим энтузиазмом. Во многом это было вновь связано с надеждами на улучшение существующего положения духовенства, предоставление большей самостоятельности, ослабление контроля государства. Вот что говорится в одном из документов, приведенных историком церкви В. Б. Титлиновым: «Приветствуем совершившийся политический переворот. Чтим, как граждане, память самоотверженно пострадавших и умиравших за права народа и благословляем имена живых, ставших во главе народного движения к свержению прежней, потерявшей общее доверие власти. Хотя христианская церковь может существовать при всяком государственном устройстве, но возвышенному христианскому понятию о человеческой личности и церковному началу соборности признаем более соответствующим то государственное управление, при котором народовластие осуществляется во всей полноте» [6, с. 63].

Кроме того, на местах в деятельности священнослужителей (при поддержке прихожан) тоже происходили определенные изменения, основы которых были заложены в период первой русской революции. Вот что отмечено в работе одного из исследователей: «В марте-апреле 1917 г. по стране прокатилась волна чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями, с кафедр были смещены свыше десяти наиболее скомпрометированных архиереев; избранные епархиальные советы значительно ограничивали епископскую власть. Вводился выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиально-представительное начало церковного управления, демократизировалась приходская жизнь. Все эти изменения стихийно шли в направлении, намеченном проектами церковных реформ 1905–1907 гг.» [8].

Аналогичная точка зрения на отношение духовенства к Февральской революции представлена и в работе Д. В. Пospelовского: «Уже в марте члены Думы из духовенства совместно с некоторыми светскими думскими депутатами и общественными деятелями образовали Совет по делам Православной церкви. Хотя его существование было недолгим, он успел провести ряд съездов епархиального духовенства, принимавших либеральные резолюции в поддержку Временного правительства и созыва Поместного собора. А екатеринодарский съезд высказался за выборность епископата духовенством и мирянами из числа не только монашеского, но и белого духовенства. Аналогичные съезды прошли по многим епархиям. Большинство из них приняли резолюции о ликвидации имений и раздаче земли крестьянам за исключением земель церковных» [4, с. 35].

Следовательно, в первые месяцы после Февральской революции священнослужители приходов считали, что наступил наиболее благоприятный момент для проведения реформ в области церковной деятельности и положения самих священников, и надеялись на поддержку и сотрудничество со стороны Временного правительства в решении ряда проблем, сформировавшихся за много лет.

Изначально правительство шло навстречу духовенству, при его активной поддержке Синод увольняет ряд архиереев, проявивших себя с негативной стороны в годы правления последнего императора Николая II, принимается «Временное положение о православном приходе», что способствовало большему усилению самостоятельности работы клириков на местах, проходили выборы в предстоящий

Поместный собор, который должен был определить дальнейшую судьбу всех священно- и церковнослужителей.

Первоначально происходившие перемены были прописаны официально в определении Святейшего Синода, изданном в мае 1917 г.: «Временно (до Собора) епархиальные преосвященные получили возможность предоставлять местным церковно-епархиальным советам (где таковые имелись) право участвовать, посредством трех выбранных представителей с правом совещательного голоса, в заседаниях духовной консистории при решении дел; учреждать при благочинных благочиннические советы, члены которых избирались бы собранием с участием мирян; не возбранялось предоставление прихожанам возможности избирать на освободившиеся священно- и церковнослужительские места достойных кандидатов (право утверждения либо неутверждения этого кандидата оставалось за архиереем). Епархиальному духовенству официально предоставлялся ряд прав; благочиннические, уездные и епархиальные съезды получили возможность избирать, представляя на утверждение архиерею, местных благочинных, штатных членов уездных отделений епархиальных училищных советов и тому подобных организаций. Разрешалось даже созывать чрезвычайные епархиальные съезды духовенства, с участием представителей от приходов и местных духовно-учебных заведений для обсуждения в том числе и общих вопросов о положении Православной Церкви в государстве» [7, с. 503–504].

Полное определение положения духовенства и прихожан в период до октября 1917 г. хорошо представлено в работе историка С. Л. Фирсова. В ней отмечено следующее: «Это был предел. Больше прав православное духовенство и миряне не имели никогда. Однако реализуемые в условиях политической нестабильности, права эти не могли быть закреплены постепенно формирующейся традицией: запоздалые, равно как и вынужденные реформы не помогают» [7, с. 504].

Вместе с тем еще до начала работы Поместного собора между церковью и Временным правительством начинаются расхождения, этому, к примеру, способствовало изъятие из-под ведома Русской церкви принадлежащих ей школ, за исключением семинарий и епархиальных училищ. Данная мера лишила клир части его доходов, что отрицательно сказывалось на причтах, которые в отдельных епархиях жили иногда только за счет них, что не могло не повлиять на их отношение к существовавшей тогда власти.

Тем не менее, в августе 1917 г. в Москве начал работу избранный Поместный собор, в нем приняло участие 564 человека: 73 представителя из числа высшего духовенства, 192 представителя из числа приходского духовенства с мест и 299 представителей из числа прихожан [4, с. 37]. Позиция белого духовенства в ходе работы собора достаточно четко выделена в работе Д. В. Поспеловского. Его мнение заключалось в том, что «левое крыло, в котором преобладало хорошо образованное, честлюбивое, преимущественно белое духовенство городов, где тон задавала церковная интеллигенция и профессура, в том числе из мирян, стремилось ослабить позиции монашества и епископата, выступая за синодальную — максимально демократическую — систему церковного управления, где простой священник имел бы такое же право голоса, что и архиерей» [Там же].

Следует отметить, что взгляды внутри самого белого духовенства также были весьма неоднородны: от умеренных до более радикальных вплоть до создания собственных групп с конкретными требованиями по преобразованиям внутри Православной церкви, что вполне соответствовало сложившейся после февраля 1917 г. ситуации в стране, когда существуют политические организации со своими программами реформирования России, не желающие идти на компромисс друг с другом, результатом чего является усиление кризиса и дальнейшей неопределенности в судьбе страны. Но белое духовенство данное явление затрагивало в меньшей степени, чем все остальные слои населения.

Из числа действовавших религиозно-политических объединений в стране следует назвать следующие: «Группа 32-х священников», «Союз прогрессивного петроградского духовенства», «Всероссийский Союз демократического православного духовенства» (создан по инициативе священника А. И. Введенского) [2]. Главная цель этих организаций заключалась в основном в пропагандировании идеи необходимости скорейшего перехода к реформированию правил и устоев Православной церкви и критика тех иерархов и членов правительства, которые препятствуют этому.

Необходимо сказать, что более активная деятельность и выражение своих взглядов на происходящее в стране со стороны белого духовенства приходится на клириков, что служили при городских приходах. Сельские священнослужители были не столь активны, что объясняется не только безразличием ко всему происходящему за пределами причта, но и отдаленностью самих приходов от центров, где проходили все основные события того периода. Кроме того, неопределенность в правилах исправления службы в сложившихся условиях, еще более усилившаяся зависимость от собственных прихожан, страх за свою жизнь и имущество также сильно влияли на поведение священников сельских приходов в период событий февраля — октября 1917 г.

Поместный собор за весь период работы с августа 1917 по сентябрь 1918 гг. принял ряд определений, которые должны были коренным образом изменить деятельность, права, систему судопроизводства, положение и работу церковных органов власти в центре и на местах — все стороны жизни духовенства. Но события 25–26 октября 1917 г. и затем начавшаяся гражданская война не позволили осуществить реформы на практике, и для духовенства, особенно приходских священнослужителей, начинается совершенно новый этап в российской истории, связанный с гонениями, лагерями, расстрелами, эмиграцией и продолжением своей службы в прежних приходах или в иных местах в условиях развития атеизма и закрепления идеологии реформирования жизни в государстве с точки зрения уже советского правительства.

В конечном итоге следует отметить, что отношение и взгляды белого духовенства на события 1917 г. носили неоднозначный характер и претерпевали изменения по мере дальнейшей работы с действовавшими в данный период времени светскими органами власти. От надежд на изменения к лучшему в своем положении, ослабление контроля государства над церковной жизнью вплоть до недовольства полной неопределенностью во внутренних делах Временного правительства и нежеланием высших иерархов идти на компромисс с органами власти из-за боязни утраты собственных привилегий. Настроения приходских священнослужителей, как один из преобладающих факторов, не могли не оказывать влияние на работу участников Поместного собора. Но слишком затянувшаяся работа избранных членов данного собора, вследствие чего не был реализован ни один проект принятых ими реформ в отношении Русской Православной церкви, Октябрьская революция и гражданская война привели одно из главных в духовной жизни большинства населения страны сословий к весьма трагическим для большинства его представителей последствиям.

Литература

1. Кандидов Б. Церковь и Февральская революция. М., 1934.
2. Карташев А. Революция и Собор 1917–18 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/revoluciya-i-sobor-1917-18-gg> (дата обращения: 26.12.2016).
3. Осипова Е. С. Временное правительство и церковь // Церковь в истории России. М., 1967.
4. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995.
5. Рогозный П. Г. Февральская революция 1917 года и высшее духовенство Российской православной церкви: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 28 с.

6. Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Петроград, 1924. 196 с.
7. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002.
8. Шкаровский М. В. Советское государство и «советская церковь» [Электронный ресурс]. URL: <http://spbda.ru/publications/m-v-shkarovskiy-sovetskoe-gosudarstvo-i-sovetskaya-cerkov> (дата обращения: 26.12.2016).

References

1. Kandidov B. *Church and February revolution* [Tserkov' i Fevral'skaya revolyutsiya]. М., 1934. (rus)
2. Kartashev A. *Revolution and the Council of the Russian Orthodox Church 1917–18* [Revolyutsiya i Sobor 1917–18 gg.] [An electronic resource]. URL: <http://www.pravmir.ru/revolyuciya-i-sobor-1917-18-gg> (rus)
3. Osipova E. S. *Provisional government and church* [Vremennoe pravitel'stvo i tserkov'] // Church in the history of Russia [Tserkov' v istorii Rossii]. М., 1967. (rus)
4. Pospelovsky D. V. *Russian Orthodox Church in the 20th century* [Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke]. М. : Republic, 1995. 511 p. (rus)
5. Rogozny P. G. *February revolution of 1917 and the highest clergy of the Russian Orthodox Church* [Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda i vysshee dukhovenstvo Rossiiskoi pravoslavnoi tserkvi]: Dissertation abstract. SPb., 2005. 28 p. (rus)
6. Titlinov B. V. *Church during the revolution* [Tserkov' vo vremya revolyutsii]. Petrograd, 1924. 196 p. (rus)
7. Firsov S. L. *The Russian Church on the eve of changes (the end of the 1890th — 1918)* [Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh — 1918 gg.)]. М., 2002. 637 p. (rus)
8. Shkarovsky M. V. *Soviet state and «the Soviet church»* [Sovetskoe gosudarstvo i «sovetskaya tserkov'»] [An electronic resource]. URL: <http://spbda.ru/publications/m-v-shkarovskiy-sovetskoe-gosudarstvo-i-sovetskaya-cerkov>. (rus)

Имидж государственных органов: потенциал информационно-коммуникационных технологий

Беленкова Лариса Михайловна

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Аспирант кафедры философских наук и идеологической работы
Магистр политических наук
belenkova.larisa77@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье обоснована значимость использования информационно-коммуникационных технологий в целях повышения эффективности управления имиджем государственных органов. Современные информационно-коммуникационные технологии, доступные государственным органам для формирования их позитивного имиджа, условно разделяются на «традиционные» и «новые». Проанализирован их качественный имиджевый потенциал. Автором предложены практические рекомендации по совершенствованию имиджевого сопровождения деятельности государственных органов в интернет-пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

имидж государственных органов, имиджевая политика, информационно-коммуникационные технологии, интернет-ресурсы государственных органов, формирование имиджа государственной власти в интернет-пространстве

Belenkova L. M.

State Bodies' Image: Potential of Information and Communication Technologies

Belenkova Larisa Mikhailovna

Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus
Postgraduate at the Department of Philosophy and Ideology
Master of political science
belenkova.larisa77@gmail.com

ABSTRACT

The article substantiates the significance of using information and communication technologies to increase efficiency of state bodies' image management. Modern information and communication technologies available to state bodies for positive image-making are conditionally divided into «traditional» and «new» ones. Their qualitative image potential is analyzed. The author suggests practical recommendations on how to improve image support of state bodies' activities in the Internet.

KEYWORDS

state bodies' image, image policy, information and communication technologies, Internet resources of state bodies, state authority image-making in the Internet

Формированию имиджа государственной власти с помощью информационно-коммуникационных технологий должно отводиться большое внимание в современных общественно-политических условиях.

Фактически в любом государстве внутренними источниками угроз его национальной безопасности в информационной сфере являются недостаточное развитие государственной системы регулирования процесса внедрения и использования информационных технологий; недостаточная эффективность информационного обеспечения государственной политики и т. д.

Низкий уровень доверия населения к органам власти может также лежать в основе внутренней угрозы национальной безопасности государства. Повышение и под-

держание высокого уровня доверия граждан является следствием качественной работы по управлению позитивным имиджем органов государственной власти.

Именно по этим причинам государственная информационная политика, отвечающая интересам обеспечения национальной информационной безопасности, с одной стороны, и информационно-идеологического обеспечения внутренней и внешней политики государства, с другой стороны, должна быть способной при необходимости воздействовать на сознание, психику людей, их поведение и деятельность в интересах государства и гражданского общества [7, с. 126]. Такая возможность может достигаться в современных условиях лишь при условии использования информационно-коммуникационных технологий в качестве полноценного инструмента реализации информационной политики государства.

Следует понимать, что создание позитивного имиджа в условиях современной политической интернет-коммуникации, в первую очередь, следует рассматривать как достижение наиболее органичного присутствия власти в интернет-пространстве. Такое присутствие может быть достигнуто посредством эффективного использования информационно-коммуникационных технологий.

Информационно-коммуникационные технологии, используемые государственной властью в работе над своим имиджем, можно условно разделить на «традиционные» и «новые». К «традиционным» стоит отнести интернет-СМИ (в том числе интернет-сайты), а к «новым» — социальные сети и блоги.

Каждый из этих видов обладает большими возможностями по формированию имиджа при их использовании в будущем (условно будем это называть «имиджевым потенциалом»). Представляется, что качественно имиджевый потенциал «традиционных» и «новых» информационно-коммуникационных технологий можно оценить на основании следующих критериев:

- влияние на «внешний» имидж государственной власти;
- влияние на «внутренний» имидж государственной власти;
- организация компетентной и содержательной обратной связи;
- организация оперативной обратной связи.

Итак, пристальное внимание со стороны государственных органов к качеству ведения сайтов способствует переходу на новую ступень развития электронного правительства. Очевидно, что успехи в построении системы «электронного правительства» влияют на международный («внешний») имидж государства.

С другой стороны, ответственное, грамотное техническое сопровождение сайтов государственных органов во многом предопределяет успех в восприятии населением образа государственного аппарата. А это, несомненно, отражается на «внутреннем» имидже государства — имидже государственной власти.

Следовательно, данный вид информационно-коммуникационных технологий влияет и на «внешний», и на «внутренний» имидж государства.

Оценивая качество обратной связи посредством сайтов государственных органов, следует отметить, что они играют значимую роль в обеспечении компетентной (содержательной) обратной связи с населением. Однако с учетом того, что для сайтов обратная связь изначально дополнительная функция, по оперативности «действий» сайты будут уступать, к примеру, социальным сетям.

Оценка каждого из критериев имиджевого потенциала сайтов подчеркивает весомость и значимость этого интернет-ресурса государственных органов. И задача по совершенствованию работы сайтов государственных органов является весьма актуальной. Так как обеспечение позитивного общественного мнения населения о государственном аппарате в целом — это задача, во многом обеспечиваемая «качеством» сайтов органов государственной власти.

Что же касается социальных медиа, то их широкое использование населением заставляет правительство также тщательно задуматься о том, каким образом мож-

но извлечь выгоду от их применения в выстраивании взаимоотношений с гражданами, повышая при этом уровень их вовлеченности и участия.

Западные исследователи отмечают важность присутствия власти в социальных медиа для повышения уровня доверия граждан. Это становится возможным, если правительства используют социальные медиа в качестве активного информационного канала, демонстрируя тем самым, что власть не только мониторит действительность, но и реагирует на нее. Социальные медиа дают возможность государству получить преимущества от их использования за счет креативного и инновационного коммуникационного с гражданами. Данные интернет-ресурсы позволяют государственным органам доносить любые необходимые сообщения или новости быстрее и эффективнее¹.

Оценивая имиджевый потенциал «новых» информационно-коммуникационных технологий согласно представленным качественным критериям, стоит отметить следующее. Эти технологии оказывают незначительное влияние на «внешний» имидж государственной власти, нежели на «внутренний». Деятельность отдельных государственных структур или должностных лиц может быть представлена на их страницах в социальных сетях или в блогах. И в таком случае они будут способствовать формированию имиджа либо конкретного политика, чиновника, либо возглавляемого им государственного органа.

Что же касается организации обратной связи, то по оперативности эти каналы будут явно опережать «традиционные», однако, обеспечить качественную и содержательную обратную связь данные каналы смогут едва.

Анализ данных характеристик дает основание полагать, что социальные сети и блоги начинают играть все более заметную роль в общественно-политической жизни. Причем, социальные сети обладают более высоким имиджевым потенциалом по сравнению с блогами для государственной власти.

Такая оценка имиджевого потенциала ставит перед органами государственной власти задачу активизировать работу по использованию «новых» информационно-коммуникационных технологий для организации диалога с населением, для его сближения с ним, а также охраны его законных интересов, мобилизации активных целевых аудиторий на общественно полезные дела, для формирования важных национальных ценностей, объединяющих общество. Одновременно их потенциал можно задействовать и для защиты общества от масштабных противоправных, экстремистских действий и радикальных националистических выступлений, от различного рода внешних воздействий, направленных на подрыв политической стабильности в государстве.

Таким образом, среди «традиционных» информационно-коммуникационных технологий официальные сайты государственных органов, ввиду своих функций, могут оказывать самое существенное влияние на формирование имиджа государственной власти. Среди «новых», обладающих наибольшим «имиджевым» потенциалом, следует особо выделить социальные сети. Представляется, что, как минимум, все органы государственного управления должны обеспечить в них свое присутствие.

Именно интернет-сайты и социальные сети обладают наибольшим имиджевым потенциалом для государственных органов и становятся важными инструментами в реализации медийной и социальной коммуникации в интернет-пространстве.

Однако, несмотря на это, до настоящего времени представители государственных властей на постсоветском пространстве слабо показывают заинтересованность

¹ Khasawneh R. T. E-Government and social media sites: the role and impact [Electronic resource] // World Journal of Computer Application and Technology. 2013. N 1 (1). P. 10–17 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrpub.org/download/201307/wjcat.2013.010103.pdf> (дата обращения: 09.03.2017).

в обеспечении обратной связи с широкой общественностью и не стремятся активно использовать возможности интерактивных средств политической интернет-коммуникации, а удачные примеры такого использования являются скорее исключением из правил, нежели общепринятой практикой [13, с 21].

При этом реализация имиджевого потенциала информационно-коммуникационных технологий в результате могла бы стать эффективным средством управления имиджем государственных органов.

Западный исследователь К. Вилер выделял два способа улучшения имиджа любой государственной организации. Первый — улучшение ее отличительного облика (привлечение более квалифицированных кадров, дополнительное обучение штатных работников и др.) и второй — улучшение работы «службы донесения действительного отличительного облика города (района) до общественности, т. е. службы коммуникации» [3, с. 26]. Фактически исследователь видел два направления в работе по созданию позитивного имиджа органов государственной власти — организационное и инструментальное.

Представляется, что каждое из этих направлений является весьма важным и неотъемлемым в части совершенствования информационной политики государственных органов с целью их позитивного восприятия населением.

Организационно необходимые действия властей по эффективному управлению имиджем органов государственной власти в процессе политической интернет-коммуникации можно представить следующим образом.

1. Разработка информационной политики государственного органа в соответствии с общей концепцией государственной имиджевой политики.

Необходимо разработать и законодательно утвердить единую концепцию (стратегию) имиджевой политики государственных органов и организаций. В ней может быть закреплена необходимость совершенствования работы государственных органов по имиджевому сопровождению. Так, к примеру, может быть утвержден перечень государственных органов, присутствие которых в социальных сетях обязательно, а также критерии оценки работы государственных органов с интернет-ресурсами.

В соответствии с данной концепцией в государственных органах должны быть разработаны и утверждены программные документы на ближайшие годы, включающие основные направления деятельности по формированию устойчивого положительного имиджа.

2. Введение в государственные образовательные стандарты подготовки государственных служащих компетенций по имиджевому сопровождению работы государственных органов, в том числе и в интернет-пространстве.

Обучение ключевым принципам качественного имиджевого сопровождения государственных органов в интернет-пространстве может быть достигнуто введением спецкурса «Информационно-коммуникационные технологии как инструмент информационной и имиджевой политики государственных органов» в программы подготовки государственных служащих. Дисциплина должна давать понимание основных принципов формирования имиджа государственного органа и разработки имиджевой стратегии для него в интернет-пространстве, знание технологий и тактик в процессе имиджмейкинга. В рамках спецкурса лейтмотивом должно быть активное использование информационно-коммуникационных технологий в рамках идеологической работы с целью информационного противоборства деструктивным действиям, а также обучение тому, как необходимо работать с интернет-сайтами и страницами в социальных сетях государственного органа. Созданию позитивного имиджа государственного органа будет способствовать усвоение обучающимися навыков мониторинга общественного мнения и анализа активности властей и граждан в интернете в сфере деятельности государственного органа.

3. *Создание государственных интернет-изданий или информационных агентств.*
Создание дополнительных государственных интернет-СМИ будет способствовать балансу в информационном пространстве между достоверной и искаженной или деструктивной информацией, предоставляемой оппозиционными или коммерческими СМИ, а также усилит присутствие государственных органов в интернете.
4. *Разработка и внедрение специального программного обеспечения на основе информационно-коммуникационных технологий, позволяющего проводить качественную оценку интернет-ресурсов государственных органов.*

В условиях оптимизации государственных структур работа по мониторингу и оценке интернет-ресурсов государственных органов является весьма трудоемкой. В связи с этим может быть разработано, например, программное обеспечение по мониторингу и оценке интернет-ресурсов государственных органов. Оно может представлять собой автоматизированный аналитический модуль, который позволяет проводить самостоятельный поиск и анализ по количественным и качественным характеристикам интернет-ресурсов за любой заданный период.

Технологии такого аналитического модуля могут быть основаны на принципах математической лингвистики, то есть предварительно все содержимое того или иного интернет-ресурса будет «прочитываться» программой. Критерии и параметры оценки для такого модуля могут быть взяты из конкретной методики оценки интернет-ресурсов. Таким образом, система сможет автоматически оценивать контент интернет-ресурсов по заданным параметрам и экономить колоссальное количество времени.

Обеспечение качественного присутствия государственных органов в интернет-среде, эффективное использование ими информационно-коммуникационных каналов в своих интересах фактически раскрывает инструментальную функцию информационно-коммуникационных технологий.

На данном этапе эта функция реализуется государственными властями не в полной мере. Доступные государственным органам информационно-коммуникационные технологии используются недостаточно эффективно. По справедливому утверждению М. Кастельса, «что не существует в медиапространстве — не существует в публичном сознании»¹. А значит государственным органам необходимо совершенствовать работу по управлению имиджем в интернет-пространстве, расширяя свое присутствие в нем.

Раскрывая **инструментальную** функцию информационно-коммуникационных технологий, можно сформулировать основные рекомендации государственным органам по управлению своим имиджем в интернет-пространстве.

1. *Работа с интернет-СМИ.*

По отношению к интернет-СМИ, применимы общие правила работы со СМИ. Они — ключевая аудитория, с которой нужно установить коммуникацию в процессе построения имиджа. Как утверждает М. Кастельс, СМИ — не четвертая власть. «Они гораздо важнее: они являются пространством создания власти. Медиа конструируют пространство, в котором распределяются властные отношения между конкурирующими политическими и социальными акторами. Таким образом, почти все акторы и сообщения должны проходить через медиа, чтобы достичь своих целей. Они должны принимать правила медиасотрудничества, язык медиа и учитывать их интересы. Медиа в целом не являются нейтральными, как утверждает идеология профессионального журнализма, но они не являются и прямыми инструментами государственной власти...» [6, с. 222].

¹ *Castells M.* Communication, power and counter-power in the network society [Electronic resource] // International Journal of Communication. 2007. N 1. P. 238–266 [Электронный ресурс]. URL: <http://ijoc.org/index.php/ijoc/article/viewFile/46/35> (дата обращения: 09.03.2017).

Основа взаимоотношений с любыми типами СМИ — формирование постоянно-го информационного потока. Выстраивая коммуникацию с любыми массмедиа и их представителями, необходимо предоставлять точную информацию, не опровергать достоверные сведения, а давать свою версию и объяснять свою позицию. Именно журналисты — ключевая и очень требовательная аудитория в процессе формирования позитивного образа страны. Чтобы обеспечить эффективную коммуникацию с журналистами, необходимо строить отношения на равноправной партнерской основе. Для этого нужно доверять объективности журналистов и уважать их стремление опубликовать информацию, действительно ценную и актуальную для их аудитории. Так, навязанность выводов даже ради самых благих целей приведет к тому, что журналисты будут искать иные подходы, формировать параллельную повестку дня.

Таким образом, для успешного формирования позитивного образа страны предоставляемая информация должна быть максимально конкурентоспособной, отвечать принятым в современной медиасреде стандартам [12, с. 31–32].

2. Работа с сайтами государственных органов.

В современных условиях организация работы с сайтами государственных органов должна меняться. В настоящее время за работу сайта в организациях или государственных органах отвечают пресс-центры, отделы информации, сектора информационных технологий и/или другие структурные подразделения, где работа зачастую может сводиться к его техническому поддержанию.

Специалисты отдела, сопровождающие работу сайта, должны отслеживать динамику посещаемости сайта, проводить экспресс-опросы с целью постоянной корректировки сайта, развивать предоставление консультационных услуг в режиме реального времени и расширять спектр онлайн-услуг.

По мнению современных российских исследователей, привлечение пользователей к интернет-голосованию, а также к участию в форумах на сайтах государственных органов является серьезным показателем открытого взаимодействия власти и населения [10, с. 100–101]. Анализировать результаты голосований и участвовать в таких форумах должны представители органа власти, обладающие конкретными полномочиями, ведущие дискуссии по темам в области их компетенции с минимальным модерированием.

Для обеспечения актуальности размещаемой на интернет-сайте информации в государственных органах и организациях должна быть разработана и утверждена процедура эксплуатации и сопровождения интернет-сайта, устанавливающая порядок обработки запросов пользователей, а также ответственность соответствующих должностных лиц за выполнение каждой установленной функции.

Представляется, что на сайтах государственных органов должно быть реализовано полноценное отражение пяти основных критериев: обеспечение доступности, хорошей навигации, привлекательного и продуманного дизайна, глубокого содержательного наполнения и реально функционирующей обратной связи.

Отсутствие необходимой информации или труднодоступное ее местонахождение понижает оценку работы любого интернет-ресурса. Самым главным для каждого пользователя является оперативное нахождение интересующей информации на сайте. «Оборванные» ссылки впустую отнимают время у посетителей и создают впечатление, что сайт обслуживается небрежно и редко [11, с. 21]. Сайты государственных органов должны быть тщательно пересмотрены на предмет возникновения ошибок при переходе с одних страниц на другие.

Специалисты в области продвижения сайтов подчеркивают, что навигация на сайте должна быть максимально продуманной, чтобы пользователь не тратил более 30 с на поиск нужной ему информации. Время загрузки должно быть минимальным — не больше 8–10 с при скорости модема 56 Кб [11, с. 321].

Соответствие такому критерию, как «дизайн», весьма субъективно. Однако очевидно, что есть действительно отличающиеся сайты по своему оформлению и выбору цветовых гамм. Можно предположить, что именно хорошо продуманный дизайн сайта, с учетом психологии выбранного цвета [1, с. 65], многообразии фотоматериалов, а также аудио- и видеоресурсов повысило бы интерес посетителей к сайтам.

На веб-сайте любого государственного органа должна содержаться структурированная информация по всем аспектам его деятельности, поскольку именно информационное наполнение сайта оценивается пользователями как наиболее важный критерий при анализе сайта. Изюминкой сайта может стать наличие самой разнообразной справочной информации, которая зачастую бывает жизненно необходима самым разным людям. Это и статистическая информация, и база данных, бланки и формы, типовые договора, прогноз погоды и многое другое.

Немаловажным аспектом для хорошего содержательного наполнения сайта того или иного органа власти является размещение на нем его миссии, стратегии развития или политики. Нельзя не согласиться, что четкое представление о миссии государственных органов в управленческой вертикали, как самим населением, так и должностными лицами, работающими в этих органах, должно быть обеспечено.

По статистике, число пользователей услугами сети интернет с каждым годом растет. Наибольший процент интернет-пользователей составляет молодежь в возрасте от 16 до 24 лет. Именно эта группа пользователей максимально подвержена влиянию извне и, по сути, является одновременно подавляющим большинством пользователей социальными сетями в интернете.

В связи с этим весьма значимой рекомендацией по улучшению работы сайтов государственных органов является выполнение ими идеологическо-воспитательной функции. Она может реализовываться как напрямую — посредством размещения информации целенаправленного идеологического и воспитательного характера в виде отдельных вкладок, так и косвенно — размещением, к примеру, идеологически направленных видео или мультфильмов по той или иной теме отрасли.

Выверенное идеологическое сопровождение сайтов государственных органов, в особенности касающихся сведений о государственном органе и организации, в наши дни представляется обязательным. Однако данное сопровождение должно быть творчески связано с местными (региональными) условиями идеологической работы и способствовать более полной реализации в информационном пространстве государства и за его пределами базовых принципов его идеологии: патриотизма, единства нации, социальной справедливости, нравственности.

Важное значение также имеет оперативность предоставляемой информации, ее полнота и широта. Вся информация на сайте должна быть актуальной, граждане должны видеть, что сайты регулярно обновляются и дополняются.

Глубина содержательного наполнения сайта является качественным показателем работы государственного органа в целом. То, каким образом интернет-ресурс насыщен полезной, актуальной и необходимой информацией, говорит о том, насколько хорошо организована работа с сайтом в государственном органе.

В целях обеспечения большей открытости государственных органов представляется необходимым создание и функционирование на всех сайтах вкладок «Вакансии» или проведение открытых конкурсов на замещение вакантных должностей. Это поспособствовало бы большему интересу молодых и перспективных специалистов непосредственно к сайтам, а соответственно и к органам власти.

В настоящее время сайт государственного органа — необходимый инструмент информирования граждан о своей деятельности, инструмент взаимодействия с населением и оказания ему определенных услуг, а также информационно-технологического обеспечения идеологической работы и современное средство ее про-

ведения. Поэтому профессиональный подход к сопровождению работы веб-сайта любого органа власти с учетом вышеописанных критериев позволит не только обеспечить поддержку его положительного имиджа, но и обеспечить реальное продвижение в формировании в республике электронного правительства.

3. Работа с социальными сетями.

В настоящее время никто не оспаривает значимость и перспективность социальных сетей. Социальные сети сегодня стремительно развиваются, и все говорит о том, что пользовательская активность в рамках этих интернет-сервисов будет динамично возрастать. Социальные сети предоставляют широкий спектр возможностей для поиска целевой аудитории и взаимодействия на общественное мнение. И именно этот фактор необходимо учитывать связям с общественностью в органах государственной власти при работе с социальными сетями [8, с. 112].

Их преимущества и особенности связей с общественностью в органах власти необходимо изучать и стараться использовать в повседневной работе. Так, через социальные сети можно апробировать некий PR-проект, в социальных сетях можно транспортировать фрагменты официального сайта, организовывать обсуждение проблематики и интересов госструктуры, зондировать общественные настроения, инициировать групповое общение, стыкующееся с действиями и решениями органа власти, внедрять идеи своей организации, создавать устойчивый круг единомышленников государственных интересов, проецировать взгляды и мнения, отражающие элементы государственной политики и пр. Важно делать это умно, деликатно и постоянно.

Общие рекомендации, касающиеся сопровождения страниц в социальных сетях органов государственной власти, можно сформулировать следующим образом:

- расширение присутствия в социальных сетях: создание страниц на самых популярных ресурсах — в «Facebook», «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram»;
- перевод «групп государственных органов», созданных в социальных сетях, в разряд «публичных страниц»;
- регламентация правил поведения в группах и на страницах, утвержденных администрацией;
- создание уникального контента для своих страниц (отказ от использования ссылок на отдельные ресурсы, написание полноценных публикаций): освещение важных событий, достижений государственного органа, ведение регулярных рубрик, проведение возможных конкурсов, интересных социально значимых мероприятий, видеоотчетов с мероприятий, тематических видео и др.;
- увеличение количества фото- и видеоматериалов;
- усиление механизма «обратной связи»: обеспечение обсуждения актуальных тем, возможности направления сообщений государственному органу;
- изменение дизайна страниц на более яркий и привлекательный.

Социальные сети могут быть использованы как в повседневной жизни, так и в период предвыборных кампаний или иных важных политических событий для жизни страны, когда ситуация в обществе может обостряться. Задача государственной власти активно погружаться в работу с социальными сетями, предоставляя посредством них достоверную информацию о деятельности государственных органов, а также проводя мониторинг состояния общественного мнения. Тем самым будет обеспечиваться защита человека от посягательств вторжения в его личную жизнь и расшатывания его ценностных установок как гражданина демократического социального и правового государства.

Политизированные группы в социальных сетях могут стать и ареной для эффективной контрпропаганды. Этому способствуют следующие факторы: во-первых, размещаемый фото- и видеоматериал практически не проходит цензуры, во-вторых, такого рода информация будет более привлекательной для аудитории, а, учитывая

массовость пользователей и легкость распространения, наиболее удачные примеры контрпропаганды имеют шансы достаточно быстро выйти за пределы политизированных групп, а затем, возможно, и за рамки самой социальной сети¹.

Подтверждение вышесказанному можно найти в работах ряда российских исследователей. Эффективное использование современных интернет-технологий — важное условие обеспечения «геоинформационной культуры безопасности» [2, с. 399], а также возможности противостояния в рамках информационного противоборства [5, с. 40].

Социальные сети, которые давно стали мощным средством политического воздействия, могут быть использованы для размещения информации идеологического характера. Раскрывая новые возможности работы на индивидуальном уровне, они могут быть использованы в целях противостояния столь распространенному в обществе безразличию и аморальному поведению, в целях формирования нормального мировоззрения у молодежи, воспитания разносторонне развитой, социально ответственной, патриотически настроенной личности, способной противостоять деструктивным влияниям.

С идеологической точки зрения, специалисты, работающие в социальных аккаунтах государственных органов, должны распространять идеологию своего государства. «Она должна ненавязчиво, но систематически доводиться до широких категорий граждан по радио и телевидению, средствами искусства, во время спортивных мероприятий и даже через рекламу» [9, с. 86–87].

Таким образом, социальные медиа как современные интернет-технологии представляют стратегическую возможность, которая должна использоваться властью для большего вовлечения граждан, бизнес-структур и общественных организаций в интернет-коммуникацию. Исследователи подчеркивают, что если властные структуры решают быть представленными в социальных медиа, им следует придерживаться нескольких важных правил. Государственные органы не должны ограничивать себя просто созданием страницы в Facebook или Twitter. Им необходимо становиться активными пользователями этих сайтов, снабжая свои аккаунты своевременной регулярной и актуальной информацией².

Активное и «качественное» присутствие государственных органов в интернете посредством традиционных и новых каналов обеспечит, во-первых, защиту национального информационного пространства от различных деструктивных «прострелов». А во-вторых, работа в этом направлении будет способствовать укреплению доверительного и лояльного отношения населения к власти в процессе формирования ее позитивного имиджа.

Национальный сегмент интернета необходимо считать важной и неотъемлемой частью политического процесса того или иного государства. Современные реалии политической жизни уже неразрывно связаны с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, что, в свою очередь, наделяет их большим потенциалом.

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии становятся важным инструментом государственной власти как для защиты своего информационного пространства, так и для формирования собственного имиджа. Очевидно, что

¹ Крестинина Е. С., Чернышов Ю. Г. Использование интернет-блогов и «социальных сетей» в российской публичной политике // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–3. С. 288–295 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-internet-blogov-i-sotsialnyh-setey-v-rossiyskoj-publichnoy-politike> (дата обращения: : 09.03.2017).

² Khasawneh R. T. E-Government and social media sites: the role and impact [Electronic resource] // World Journal of Computer Application and Technology. 2013. N 1 (1). P. 10–17 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrpub.org/download/201307/wjcat.2013.010103.pdf> (дата обращения: 09.03.2017).

государственным структурам необходимо наращивать свою активность и присутствие в интернете, чтобы, с одной стороны, соответствовать ожиданиям и уровню восприятия граждан, а с другой — выполнять важную для себя миссию по легитимации власти — формировать благоприятный образ в глазах своего населения.

Литература

1. Берд Д. Веб-дизайн. СПб. : Питер, 2012.
2. Василенко Л. А. Интернет в информатизации государственной службы России: социологические аспекты. 2-е изд., доп. Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М. : Наука, 2008.
3. Вилер К. Без эффективной коммуникации нет эффективного управления. Отличительный облик и имидж местной администрации. Обнинск : Институт муниципального управления, 2002.
4. Володенков С. В. Теория коммуникации Х. А. Инниса и современные информационно-коммуникационные технологии: политологический анализ // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 166–169.
5. Володенков С. В. Техника работы в социальных сетях и с ресурсами интернета: уч.-метод. пособие. М. : Известия, 2016.
6. Кастельс М. Власть коммуникации: пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом ВШЭ, 2016.
7. Криштапович Е. А. Связи с общественностью в государственном управлении. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2015.
8. Марков А. А. Связи с общественностью в органах власти: учебник. М. : ИНФРА-М, 2014.
9. Мельник В. А. Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / науч. ред. П. Г. Никитенко. 4-е изд., испр. и доп. Минск : Тесей, 2007.
10. Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях: метод. пособ. / под общ. ред. Л. А. Василенко, Е. В. Тарасовой. М. : Проспект, 2015.
11. Ноблес Р. Эффективный Web-сайт. М. : Триумф, 2004.
12. Ресурсы массовой коммуникации в формировании страновых имиджей / под ред. И. В. Сидорской. Минск : БГУ, 2016.
13. Щенников М. А. Интернет-технологии в политической коммуникации современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2010.

References

1. Beaird J. *Web-design* [Veb-dizain]. SPb. : Piter, 2012. (rus)
2. Vasilenko L. A. *Internet in informatization of public service of Russia: sociological aspects* [Internet v informatizatsii gosudarstvennoi sluzhby Rossii: sotsiologicheskie aspekty]. 2nd edition. Russian Academy of the Public Administration under the President of the Russian Federation . M. : Science [Nauka], 2008. (rus)
3. Wheeler K. *Without effective communication there is no effective management. Distinctive image and image of local administration* [Bez effektivnoi kommunikatsii net effektivnogo upravleniya. Otlichitel'nyi oblik i imidzh mestnoi administratsii]. Obninsk : Institute of municipal management [Institut munitsipal'nogo upravleniya], 2002. (rus)
4. Volodenkov S. V. *Theory of communication of H. A. Innis and modern information and communication technologies: politological analysis* [Teoriya kommunikatsii Kh. A. Innisa i sovremennye informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii: politologicheskii analiz] // Social and political sciences [Sotsial'no-politicheskie nauki]. 2011. № 1. P. 166–169. (rus)
5. Volodenkov S. V. *Technology of work on social networks and with Internet resources* [Tekhnika raboty v sotsial'nykh setyakh i s resursami internet]: tutorial. M. : News [Izvestiya], 2016. (rus)
6. Castells M. *Communication Power* [Vlast' kommunikatsii]: translation from English N. M. Tylevich; under scientific edition of A. I. Chernykh. National Research University Higher School of Economics. M.: Publishing house of HSE [Izd. dom VShE], 2016. (rus)
7. Krishtapovich E. A. *Public relations in public administration* [Svyazi s obshchestvennost'yu v gosudarstvennom upravlenii]. Minsk : The Academy of Public Administration under the aegis

- of the President of the Republic of Belarus [Akad. upr. pri Prezidente Resp. Belarus'], 2015. (rus)
8. Markov A.A. *Public relations in authorities* [Svyazi s obshchestvennost'yu v organakh vlasti]. Textbook. M. : INFRA-M, 2014. (rus)
 9. Melnik V.A. *State ideology of Republic of Belarus: conceptual bases* [Gosudarstvennaya ideologiya Respubliki Belarus': kontseptual'nye osnovy] / scientific edition of P.G. Nikitenko. 4th edition. Minsk : Theseus [Tesei], 2007. (rus)
 10. *Models of dialogue of the power and society in Internet communications* [Modeli dialoga vlasti i obshchestva v internet-kommunikatsiyakh]: methodical book / under general edition of L. A. Vasilenko, E.V. Tarasova. M. : Prospectus [Prospekt], 2015. (rus)
 11. Nobles R. *Effective Website* [Effektivnyi Web-sait]. M. : Triumph, 2004.
 12. *Resources of mass communication in formation of country images* [Resursy massovoi kommunikatsii v formirovanii stranovykh imidzhei] / under the editorship of I.V. Sidorskaya. Minsk : BSU [BGU], 2016. (rus)
 13. Shchennikov M. A. *Internet technologies in political communication of modern Russia* [Internet-tehnologii v politicheskoi kommunikatsii sovremennoi Rossii]: Dissertation abstract. The Yaroslavl State University of P.G. Demidov [Yaroslavskii gos. un-t im. P.G. Demidova]. Yaroslavl, 2010. (rus)

Либерализация внешней торговли Японии в рамках программ абэномики

Субботина Ксения Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет
Аспирант кафедры «Мировая экономика»
xeniasub@gmail.com

РЕФЕРАТ

В XXI в. в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, прежде всего, в странах Восточной Азии активизировались процессы региональной интеграции. В связи с этим японское правительство проводит политику диверсификации торговых отношений, либерализации торговли в рамках стратегии ревитализации национальной экономики на основе заключения соглашений о свободной торговле для восстановления своих позиций на мировом рынке.

В рамках диверсификации торговли Японии необходимо обеспечить энергетическую безопасность, освоить новые рынки и решить другие важные задачи. В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) Япония активно развивает партнерские отношения с такими странами, как Камбоджа, Вьетнам, Индия и Австралия. Было заключено и ратифицировано соглашение о Транс-Тихоокеанском партнерстве, ведутся переговоры о подписании соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), которое активно поддерживает Китай. В Латинской Америке Япония активизирует связи с перспективными торговыми партнерами региона: Бразилией, Чили, Перу. В рамках обеспечения энергетической безопасности Япония старается расширить экономические связи, так в последние годы страна стала диверсифицировать энергетические партнерства. Россия стала одной из приоритетных стран в стратегии диверсификации партнерств по причине территориальной близости и разнообразия природных ресурсов. Экономическое сотрудничество двух стран развивается в рамках инвестиционных газовых и нефтяных проектов в Дальневосточном регионе России. Несмотря на видимые положительные результаты политики либерализации торговли, общие темпы роста Японии в сравнении с такими ведущими азиатскими экономиками, как Китай, Республика Корея, остаются более низкими. Основными причинами выступают стагнация национальной экономики, продолжающаяся с начала 90-х XX в., и другие негативные факторы, такие как последствия глобального кризиса 2008–2009 гг. и катастрофа на Фукусиме-1.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мировая экономика, либерализация торговли, Япония, абэномика, экономическая стратегия, соглашение о свободной торговле, кризис

Subbotina K. V.

Liberalization of Japanese Trade within Japan Abenomics Programs

Subbotina Ksenia Viktorovna

St. Petersburg State University
Graduate student of the Chair of World Economy (Russian Federation)
xeniasub@gmail.com

ABSTRACT

In XXI century in Asian-Pacific region processes of integration were activated which influenced the international trade strategy of Japan. The strategy includes Japan's intensive involving into international integration processes, specifically in Asian-Pacific region, signing free trade agreements. Therefore, Japan develops economic partnership with the countries of Asian-Pacific region which are not typical in terms of traditional historic partnerships, for instance with ASEAN members — Laos, Cambodia, Myanmar and Vietnam. Moreover, Japan strengthens ties with India and Australia as one of the biggest economies in the region by signing EPAs. Another significant step in regional trade liberalization was signing Trans-Pacific Partner-

ship. However, the future of TPP is blurred due to uncertainty after president's elections in the USA. In Latin America Japan revitalizes its partnerships with such vast economies as Brazil, Chile, Peru. In terms of foreign economic strategy Japan is interested in providing its energy security consequently Russia gains a role of a trade partner and attracts Japanese investments primarily in energy projects in Russian Far East.

Despite good results within launching and signing trade agreements the overall result doesn't influence effectively Japan's presence in different markets and still in some regions cannot compete with Chinese and Korean companies firstly due to stagnation of national economy since the financial crisis in 90ies XX century and nuclear disaster in Fukushima-1.

KEYWORDS

world economy, trade liberalization, Japan, crisis, abenomics, economic strategy, free trade agreement, crisis

В рамках активизации участия в интеграционных процессах в XXI в. Япония начала заключать соглашения об экономическом партнерстве и участвовать в рассмотрении и подписании соглашений о свободной торговле. Так, в 2016 г. Японией было подписано и ратифицировано Транс-Тихоокеанское соглашение, на рассмотрении находится подписание соглашения о Региональном экономическом партнерстве. Новый внешнеэкономический курс Японии в рамках «Абэномики» предусматривает усиление позиций в мире и в регионе АТР, активное развитие торгово-экономических отношений со странами Европейского союза (ЕС) и Россией. Диверсификация внешнеэкономических связей в рамках новой стратегии призвана вывести экономику страны из состояния стагнации.

На рубеже XX–XXI вв. влияние Японии на международной арене стало ослабевать. Основной причиной послужил «финансовый мыльный пузырь» 1991 г., который вызвал рецессию национальной экономики, привел к укреплению курса иены, отставанию японских компаний в технологическом аспекте и снижению вовлеченности страны в международную торговлю. В период 1993–2012 гг. доля Японии в мировом торговом обороте снизилась в два раза — с 9,8 до 4,5%.

Из рис. 1 видно, что с 1990 по 2000 гг. наблюдался незначительный рост японского экспорта и импорта. Такая тенденция продолжалась до 2002 г., после чего наметился быстрый рост внешнеэкономической активности. Для этого японское правительство выработало схему более эффективного вовлечения в систему международных экономических отношений, создав свою классификацию торговых соглашений.

Вместо стандартного соглашения о свободной торговле Япония использует два типа соглашений: ССТ (Соглашение о свободной торговле) и СЭП (Соглашение об экономическом партнерстве). Такая классификация позволяет защищать интересы национальных производителей, в особенности в сфере сельского хозяйства. ССТ в рамках японской системы соглашений — это соглашение, где участники договариваются об условиях открытости рынка для товаров и услуг, а также о снижении таможенных пошлин на определенные товары до их полного упразднения. СЭП было предложено как ССТ+, которое включало в себя более широкий список возможностей для сотрудничества. Помимо вопроса о сельском хозяйстве оговариваются антидемпинговые меры, инвестиционная деятельность, финансовое сотрудничество, технологическая кооперация, движение рабочей силы и другие вопросы¹. Последний вид соглашений более часто используется в развитии торговых и экономических отношений Японии с партнерами, поскольку позволяет проводить

¹ Reshaping world trade agenda Mega-FTAs in Asia-Pacific and the Japan-EU Economic partnership Yorizumi Watanabe. 28 October 2014. P. 23 [Электронный ресурс]. URL: https://idi.mne.pt/images/docs/conferencias/Colloquium_Japan/intervencoes/009.pdf (дата обращения: 15.12.2016).

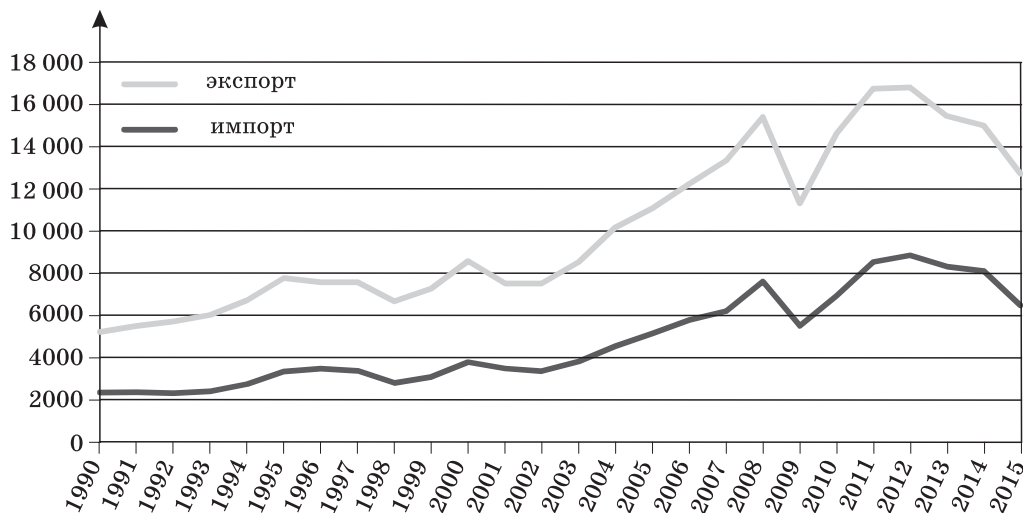

Рис. 1. Объемы экспорта и импорта Японии, 1990–2015 гг. (млн. долл. США)

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 15.12.2016)

более глубокую и интенсивную экономическую интеграцию с учетом национальных интересов.

К 2016 г. количество соглашений достигло 16, куда входит мега-соглашение о Транс-Тихоокеанском партнерстве. К этому году Япония подписала и ратифицировала примерно такое же количество соглашений, как и лидеры интеграционных процессов в АТР — Китай и Республика Корея. Япония ратифицировала это соглашение, однако его будущее остается под вопросом в результате президентских выборов в США и перспектив дальнейшего участия США в соглашении. Основная масса подписанных соглашений Японии заключается в формате СЭП, и только 2 из 16 в формате ССТ¹.

Реализация внешнеэкономической стратегии Японии была начата со стран Юго-Восточной и Восточной Азии, поскольку они являются исторически традиционными торговыми партнерами. ССТ с Сингапуром в 2002 г.² стало первым шагом в реализации внешнеэкономической стратегии. Вслед за этим стартовали переговоры со странами АСЕАН, которые закончились заключением соглашения об экономическом партнерстве в 2008 г. Это соглашение определяло условия устранения барьеров в торговле товарами и услугами, вопросы инвестирования и содействия сотрудничеству в сельском и лесном хозяйстве, энергетике, охране интеллектуальной собственности, транспорте, логистике и туризме.

Либерализация торговли в рамках соглашения Япония-АСЕАН привело к улучшению торговых потоков между ними. Наиболее значимые категории экспорта АСЕАН в Японию — минеральное топливо, машинное и электронное оборудование — составляют 60% от общего объема экспорта АСЕАН в эту страну. Для этих

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://aric.adb.org/fta-country> (дата обращения: 15.12.2016).

² Review of the agreement between Japan and the Republic of Singapore for a new-age economic partnership, Ministry of trade and industry, 19 March 2007 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.mti.gov.sg/NewsRoom/Documents/app.mti.gov.sg/data/article/7521/doc/JSEPA%20Review%20\(media\).pdf](https://www.mti.gov.sg/NewsRoom/Documents/app.mti.gov.sg/data/article/7521/doc/JSEPA%20Review%20(media).pdf) (дата обращения: 15.12.2016).

товаров стал применяться нулевой тариф. На некоторые товары в рамках соглашения Япония имеет право сохранять высокие тарифные ставки. Так, ставка на рис составляет 778%, на пшеницу — 180–220%, молочные продукты — 110–190% и говядину — 38%¹. Различия в уровне экономического развития стран членов АСЕАН влияют на степень либерализации их торговли с Японией. Приоритетным торговым партнером в АСЕАН остается Таиланд. Однако деятельность японской компания стала расширяться в не характерных для японского бизнеса странах: Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма.

Одним из ключевых торговых партнеров Японии выступает Китай. Тесные экономические отношения между двумя странами стали развиваться с конца XX в., когда наблюдался быстрый рост товарооборота вследствие активного инвестирования японскими компаниями в экономику этой страны с целью снижения издержек. Так, в 1995 г. доля Китая в общем объеме импорта Японии составляла 10%, а к 2007 г. этот показатель превысил 20%, что позволило Китаю стать одним из главных торговых конкурентов для США в рамках сотрудничества с Японией. Доля Китая в японском экспорте возросла до 15,3%, что вывело его на второе место после США². На рис. 2 видно, что в период с 2008 по 2013 гг. экспорт Японии в Китай был намного выше, чем в США. Это связано с активным ростом китайского рынка и нестабильной экономической ситуацией в США из-за финансового кризиса.

Превращение Китая в одного из ведущих торговых партнеров Японии и его экономическое усиление в регионе послужило началом переговоров в формате «треугольника Япония — Китай — Республика Корея» [1]. В апреле 2008 г. между тремя странами был заключен план действий по улучшению делового климата, отразивший серьезность их намерений развивать инвестиционное и торговое сотрудничество.

С 2013 г. показатель японского экспорта в Китай стал падать по нескольким причинам: из-за конфликта, связанного с нарушением прав интеллектуальной собственности со стороны Китая, политических разногласий между странами и обострившихся отношений стран, связанных с вопросом о территориальной принадлежности островов Сенкаку³. Только к 2012 г. Переговоры возобновились, и было подписано тройственное инвестиционное соглашение⁴. Это соглашение послужило началом рассмотрения возможностей создания ССТ. На сегодня уже проведено одиннадцать встреч, где обсуждались вопросы торговли товарами и услугами, осуществления инвестиционной деятельности.

Несмотря на видимые успехи и минимальные потери после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., а также видимое улучшение показателей экспорта, в период до 2011 г. Япония имела низкую долю в мировом ВВП в сравнении с показателями ведущих игроков на мировом рынке. В 2011 г. на Японию обрушился разрушительный тайфун и техногенная катастрофа на АЭС «Фукусима-1», которые повлекли колоссальные финансовые потери японских компаний и побудили японское правительство принимать более активные действия в рамках диверсификации внешнеэкономической политики с точки зрения обеспечения энергетической безопасности.

¹ Japan-ASEAN Economic partnership: prospects for 2015 and beyond. P. 8 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.unescap.org/sites/default/files/Trade%20Insights%20-%20Issue%20No%205.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).

² «Sino-Japanese relations: issues for U.S policy» Emma Chanlett-Avery, Kerry Dumbaugh, William H. Cooper, December 19, 2008. P. 14 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R40093.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).

³ Who really owns the Senkaku islands? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2013/12/economist-explains-1> (дата обращения: 15.12.2016).

⁴ Decision of Signing of the Japan-China-Korea Trilateral Investment Agreement May 11, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2012/5/0511_01.html (дата обращения: 15.12.2016).

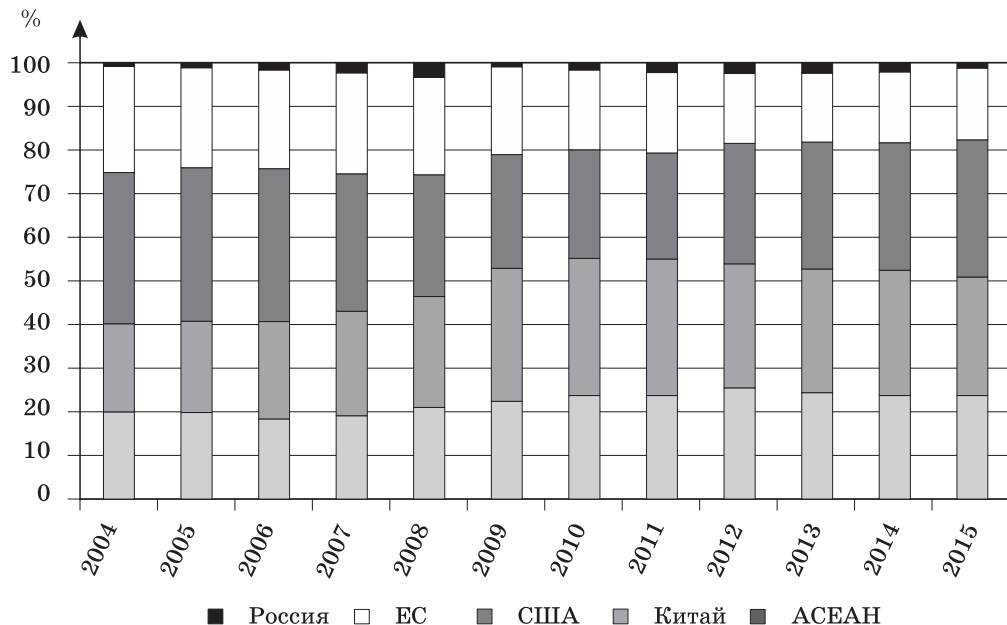

Рис. 2. Экспорт Японии по странам, 2004–2015 гг. (тыс. долл.)

Источник: Ministry of Finance, Trade Statistics, 2015 JETRO

В период 2011–2015 гг. Япония сохраняла отрицательный торговый баланс. На это повлияло укрепление курса иены и увеличение затрат на импорт энергетических ресурсов. После катастрофы в течение 2011–2013 гг. степень интеграционной активности Японии в азиатском регионе в сравнении с ведущими экономиками в АТР (Китаем и Республикой Корея) снизилась. Катастрофа привела к снижению темпов экономического роста страны, которая оказалась в рецессии. Для выхода из стагнации Японии требовались внешние и внутренние структурные реформы.

В декабре 2012 г. новый премьер-министр Синдзо Абэ предложил программу реформ, основная цель которой — преодоление экономической стагнации путем реформирования экономики, пересмотр внешнеэкономической стратегии и вопросов безопасности в АТР. В рамках абэномики были определены «три стрелы» для вывода национальной экономики из стагнации. Ставились такие задачи, как достижение годовых темпов роста на уровне 3% и уровня инфляции в размере 2%. В том числе обсуждалась программа внешнеэкономического развития Японии. Современная внешнеэкономическая стратегия является продолжением политики начала двухтысячных с тем отличием, что Япония активно выходит на рынки развивающихся стран, в основном — не характерных для японской внешнеэкономической политики. Для укрепления позиций на рынках японским компаниям необходимо: увеличить свою долю на международном рынке; постепенно вводить тарифы в рамках заключения соглашений о свободной торговле и создания условий для увеличения объемов иностранных инвестиций в японскую экономику; увеличить объемы торговли в рамках двусторонних ССТ с 19% в 2013 до 70% в 2018 г.¹

¹ «Japan revitalization strategy». 14 June 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/en_saikou_jpn_hon.pdf (дата обращения: 12.10.2016).

В рамках современной стратегии Японии продолжила укреплять отношения со странами Европейского союза (ЕС). Страны ЕС являются перспективными потребителями электроники, бытовой техники, товаров высокого качества и сегмента люкс. Также страны ЕС характеризуются высокой покупательной способностью населения, которое готово приобретать дорогие товары высокого качества. С 2013 г. ведутся переговоры о возможностях подписании СЭП. Зона свободной торговли будет способствовать торговле и инвестициям посредством устранения таможенных тарифов и улучшения условий торговли и инвестиций. В сентябре 2016 г. прошли двусторонние переговоры по вопросу заключения торгового соглашения. Остаются неразрешенными разногласия по вопросам экспорта японских автомобилей в ЕС и экспорта продуктов сельского хозяйства стран ЕС в Японию, по осуществлению инвестиционной деятельности.

В рамках внешнеэкономической стратегии Японии необходимо отметить усиление заинтересованности японского бизнеса в расширении деятельности на рынках стран Латинской Америки. Япония имеет исторические связи со странами этого региона, в особенности с Бразилией, где проживает самая большая диаспора японцев за пределами Японии. Для Японии с точки зрения поставок энергоресурсов эти рынки являются альтернативой странам Ближнего Востока и имеют высокий потребительский потенциал. Однако экономический кризис 90-х годов XX в. в Японии и странах Латинской Америки стал причиной деградации развития партнерских отношений. Япония теряла свои высокие позиции на рынках стран Латинской Америки, в это же время Китай и Республика Корея увеличивали свое присутствие. Сегодня китайские компании доминируют в регионе. С целью увеличения конкурентоспособности японских компаний в Латинской Америке проводится политика либерализации торговли. Для этого заключаются не традиционные соглашения о свободной торговле, а соглашения об экономическом партнерстве.

В последнее десятилетие японский экспорт в Россию стабильно возрастал. В значительной степени это обуславливалось ростом инвестиций — строительством заводов Nissan, Komatsu, Toyota, инвестициями в проекты Сахалин-1, Сахалин-2, строительством табачного завода компании JTИ и запуском в 2015 году фармацевтического завода концерна Takeda. Однако положительные тенденции в развитии двусторонних отношений были прерваны в результате резкого снижения цен на нефть, девальвации рубля, дестабилизации ситуации на Украине, воссоединения Крыма с Россией в 2014 г.

В 2014–2015 гг. отмечалось снижение объема экспорта Японии в Россию в 1,5 раза¹, а объемы японских прямых инвестиций снизились с 447 млн долл. в 2013 г. до 291 млн в 2014 г.² Несмотря на негативные последствия введения санкций на экономические отношения и необходимость присоединения к санкционной политике, из-за соображений безопасности, японская сторона продолжала контакты с руководством РФ.

Японские инвестиции важны России для развития, прежде всего ее Дальневосточного региона. Инвестиции не только в сферу газовых и нефтяных проектов, но и в сферу инфраструктуры, благоприятно скажутся на экономическом состоянии, что позволит получить доступ к новым технологиям. Россия играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности Японии и становится важным внешнеэкономическим партнером. Россия может являться одним из важнейших поставщиков энергоресурсов, поскольку имеет преимущества в географическом располо-

¹ Trade Statistics of Japan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.go.jp/toukei/srch/indexe.htm?M=15&P=1,1,,,,,,3,0,2013,0,1,1,2,0,5,1,6,2,7,3,8,4,9,6,224,,,,,,20> (дата обращения: 12.10.2016).

² The Japan External Trade Organization [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (дата обращения: 12.10.2016).

жении, что позволяет снижать издержки поставки СПГ, осуществлять более эффективный контроль над производством.

Ключевым и историческим экономическим партнером Японии являются США. С начала двухтысячных США стали терять свои позиции как один из ведущих торговых партнеров Японии. Этому способствовало активное экономическое сближение Японии с Китаем. Только с 2009 г. в японско-американских экономических отношениях началось улучшение. Это было связано с усилившейся тенденцией снижения партнерских отношений и зависимости от Китая. В 2012 г. это позволило увеличить объем экспорта Японии в США на 10%, до 12,4 трлн иен (146 млрд долл.) за фискальный год¹, что превысило объем японского экспорта в Китай — 11,3 трлн иен². Одним из ключевых катализаторов в 2012–2013 гг. стал резкий рост спроса на японские автомобили, запчасти, а также электрогенерирующее оборудование в США.

Важным этапом развития экономических отношений США и Японии стало сотрудничество в рамках Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП). Для Японии ТТП — это возможность получить доступ на рынок товаров стран Азиатско-Тихоокеанского региона и качественным образом развить торговые и инвестиционные отношения с участниками договора³. Темой для разногласий для многих стран-участниц соглашения, в особенности для Японии, стало максимальное снижение таможенных тарифов на сельскохозяйственную продукцию. Так, 6 декабря 2016 г. японский парламент проголосовал за ратификацию соглашения. Однако будущее данного соглашения остается под вопросом, поскольку в январе 2017 г. президент США официально объявил о выходе страны из проекта.

Подводя итоги, можно сказать, что с 90-х годов XX в. Япония утратила свои лидерские позиции на мировом рынке из-за финансового кризиса и продолжающейся стагнации экономики. Чтобы восстановить свою роль на международной арене, преодолеть стагнацию и сохранить лидерские позиции в АТР, японское правительство активно проводит политику по ревитализации экономики. Современная внешнеэкономическая политика в рамках программы мер «абэномики» предусматривает активное вовлечение Японии в мировые и региональные интеграционные процессы из-за утраты позиции Китая и Республики Корея.

Внешиэкономическая стратегия Японии в последнее десятилетие отличается своей направленностью на развитие торговых и инвестиционных отношений с развивающимися странами. Постепенное снижение активности в торговле с США привело к сближению, активному экономическому сотрудничеству с Китаем и странами АСЕАН. Однако сегодня экономические связи между Японией и Китаем ослабевают на фоне возросшей заинтересованности в экономическом потенциале стран-членов АСЕАН (Лаос, Камбоджа, Вьетнам, Мьянма). Эти страны являются перспективной альтернативой китайскому рынку для японских компаний.

Сегодня в сферу экономических интересов входят не только эти страны, но и страны Южной Азии, страны Латинской Америки, Россия и пр. Развитие отношений с ними позволяет японским компаниям более эффективно интегрироваться и распределять свои производительные мощности в рамках системы производственных цепочек, что может помочь вывести страну из затяжной стагнации. Не-

¹ Cooper W. H. U.S. — Japan economic relations: significance, prospects, and policy options, February 18, 2014. P. 4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/en_saikou_jpn_hon.pdf (дата обращения: 12.10.2016).

² Trade Statistics of Japan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.go.jp/toukei/srch/indexe.htm?M=23&P=1,,,,,,,1,0,2013,0,4,0,,,,,,,5,304,105,,,,,,,20> (дата обращения: 12.10.2016).

³ Ishiguro Kaoru. International negotiations and domestic reforms in Trans-Pacific partnership. Nanzan review of American studies. Vol. 26 (2014): 81–98. P. 89.

смотря на внешние и внутренние факторы, которые не способствуют должным образом ускорению темпов вовлечения Японии в международные процессы либерализации торговли, ей удастся постепенно диверсифицировать торговые отношения, обеспечивая развитие производственных мощностей, сбыт продукции и безопасность.

Литература

1. Федоровский А. Н. Региональное сотрудничество в Тихоокеанской Азии: возможности, риски, перспективы // Япония в Азии: состояние и перспективы региональных связей / Материалы межинститутской научной конференции (Москва, 8.11.2013). М. : Институт востоковедения РАН, 2014. С. 16–18.

References

1. Fedorovsky A. N. *Regional cooperation in the Pacific Asia: opportunities, risks, prospects* [Regional'noe sotrudnichestvo v Tikhookeanskoi Azii: vozmozhnosti, riski, perspektivy] // Japan in Asia: state and prospects of regional communications [Yaponiya v Azii: sostoyanie i perspektivy regional'nykh svyazei] / Materials of an interinstitute scientific conference (Moscow, 11/8/2013). M. : Institute of Oriental Studies of RAS [Institut vostokovedeniya RAN], 2014. P. 16–18. (rus)

Методика оценки и пути повышения эффективности комплексного использования древесных ресурсов в лесном комплексе Вьетнама

Нгуен Тхи Нян

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет
Аспирантка кафедры бухгалтерского учета и аудита
nguyennhan@mail.ru

РЕФЕРАТ

Высокая значимость лесного сектора в социальной, экономической и экологической сферах подразумевает необходимость проведения постоянной оценки уровня эффективности использования древесных ресурсов. Проведенный анализ современного состояния, тенденций и закономерностей развития лесной промышленности Вьетнама показал ее недостаточную эффективность. В статье предложен алгоритм повышения эффективности комплексного использования древесных ресурсов Вьетнама, позволяющий обеспечивать углубленный анализ деятельности в данной сфере и разработку перспективных направлений корректирующего воздействия на использование древесных ресурсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

лесная промышленность, биологическая сфера, экология, социальная стабильность, переработка леса

Nguyen Thi Nhan

Methodology Assessment and Ways to Improve the Efficiency of Complex Use of Wood Resources in the Forest Complex of Vietnam

Nguyen Thi Nhan

Saint Petersburg State Forest Technical University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate Student of the Department of Accounting and Auditing
nguyennhan@mail.ru

ABSTRACT

The high importance of the forestry sector in social, economic and environmental spheres implies the need for continuous assessment of the level of efficiency of use of wood resources. The analysis of the current state, trends and patterns of the wood industry in Vietnam has shown its low efficiency. As a priority the development of the article proposed algorithm to improve the efficiency of complex use of wood resources of Vietnam, allowing to provide an in-depth analysis of the activities in this area and the development of promising areas of corrective action.

KEYWORDS

forest industry, biological sphere, environmental aspects, social stability, recycling of waste

Лесной комплекс охватывает большое количество разнообразных направлений хозяйственной деятельности, связанных с производством продукции и оказанием услуг в сфере лесного хозяйства [12]. К их числу относятся лесозаготовка, производство и переработка древесных ресурсов, транспортировка, лесопосадка (лесовосстановление), экологические мероприятия в данном секторе. Высокая значимость лесного сектора связана с его существенным влиянием на различные аспекты социально-экономической системы территории, а именно [5; 10]: особая роль в защите окружающей среды; обеспечение разнообразия биологической сферы; значительный вклад в социальные процессы вследствие предоставления рабочих

мест в лесной промышленности; влияние на макроэкономические показатели, выражаемое долей лесного сектора в ВВП; обеспечение национальной безопасности и социальной стабильности.

На практике положительное воздействие лесного сектора сопровождается значительными негативными эффектами, связанными, прежде всего, с низкой эффективностью использования древесных ресурсов, ростом объемов отходов производства, невысоким уровнем переработки вторичных отходов и пр. [6]. Подобные проблемы возникают и в развитых государствах, но наибольшее их проявление можно наблюдать в странах с развивающейся экономикой, к которым относится и Вьетнам.

В экономике Вьетнама лесной сектор имеет существенное значение, однако, несмотря на меры, предпринимаемые со стороны правительства, эффективность использования древесных ресурсов остается низкой [8], что определяет актуальность задачи выбора оптимальных методов оценки, результаты которой позволяли бы определить наиболее перспективные пути повышения уровня комплексного использования древесных ресурсов.

Вьетнам — азиатская страна с развивающейся экономикой, площадь территории которой составляет около 33,12 млн га [4], при этом более трети страны покрыта лесами. То есть лесной комплекс обеспечивает реализацию производственной деятельности на довольно большой территории в сравнении с другими отраслями экономики страны. Лесные угодья находятся, главным образом, в холмистых и горных районах по всей стране, в которых проживает более 25 млн человек [1; 2].

Следует отметить, что низкий общеобразовательный уровень населения приводит к тому, что, зачастую, используются отсталые методы ведения трудовой деятельности, в том числе в лесной промышленности [13]. Низкая эффективность комплексного использования лесов, в этой связи, во многом обусловлена низкой обеспеченностью средствами труда, невысоким уровнем научно-технического прогресса, недостаточной квалификацией работников. Все это влияет на функционирование лесного комплекса и динамику его вклада в национальную экономику (рис. 1).

Анализ представленных на рис. 1 статистических данных говорит о нестабильности деятельности лесного сектора, в котором нет четких тенденций к росту. Кроме того, по сравнению с 1990 г. его вклад в экономику страны снизился на 0,4%¹. Необходимо подчеркнуть, что в стране происходит снижение площади лесов, сокращается также их биоразнообразие и качество во многих районах. На протяжении последних двух десятилетий площадь лесов высокого качества уменьшилась на 10,2%, среднего качества — на 13,4%². В качестве положительного момента можно отметить увеличение площади восстановленных лесов на 20,7% и рост площади новых лесных насаждений на 50,8%³. Несмотря на эти положительные результаты, во Вьетнаме государственные программы поддержки лесного комплекса не выполняются в полном объеме.

Сегодня во Вьетнаме средний объем древесных ресурсов в расчете на душу населения доходит до 9,16 м³ деловой древесины и 0,15 га леса, т. е. данную страну можно отнести к государствам, где этот показатель ниже, чем в среднем по миру — 75 м³ и 0,97 га соответственно⁴. Наличие во Вьетнаме такого количества древесных

¹ General statistics office of Viet Nam. http://www.gso.gov.vn/default_en.aspx?tabid=470&idmid=3&ItemID=14451.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Contribution of the Forestry Sector to National Economies, 1990-2011. Forest Economics, Policy and Products Division Forestry Department Food and Agriculture Organization of the United Nations Rome, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/3/a-i4248e.pdf>; General statistics office of Viet Nam [Электронный ресурс]. URL: http://www.gso.gov.vn/default_en.aspx?tabid=470&idmid=3&ItemID=14451 (дата обращения: 20.12.2016).

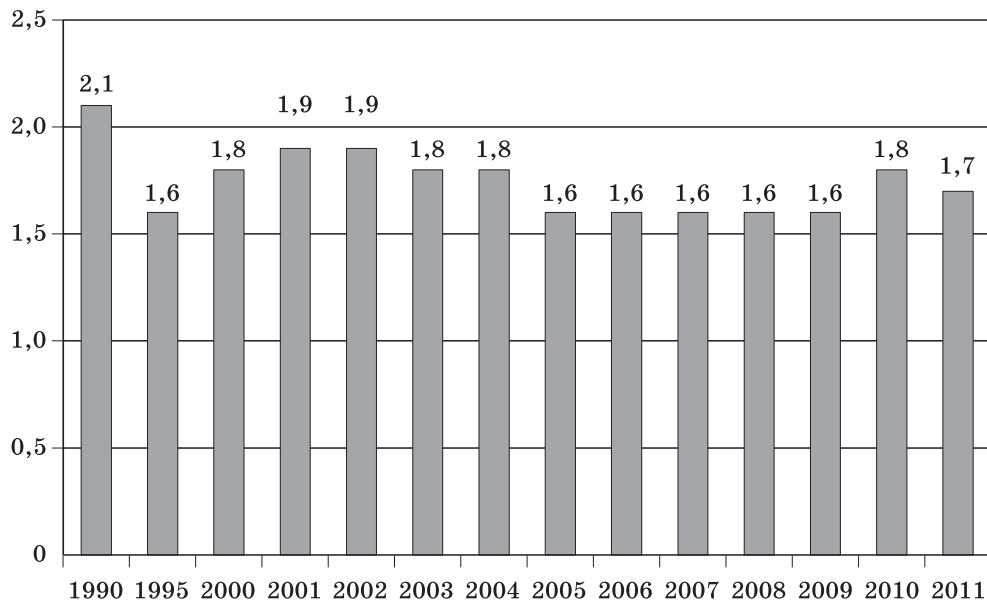

Рис. 1. Доля лесного комплекса Вьетнама в ВВП страны, %

Источник: Contribution of the Forestry Sector to National Economies, 1990–2011. Forest Economics, Policy and Products Division Forestry Department Food and Agriculture Organization of the United Nations Rome, 2014; General statistics office of Viet Nam.

ресурсов не позволяет назвать лесной комплекс страны развитым сектором экономики, так как уровень эффективности комплексного использования лесов значительно ниже, нежели в развитых и многих развивающихся государствах. В качестве основной проблемы государства, обладающего недостаточным лесосырьевым потенциалом, можно выделить нерациональное использование древесных ресурсов.

В настоящее время достаточно большой объем древесных ресурсов импортируется. На рис. 2 представлена динамика импорта древесины в общем объеме импорта товаров. Анализ представленных на рисунке данных позволяет сделать вывод о достаточно высокой доле импорта древесины в сравнении с другими странами Азии. При этом большое количество отходов от переработки древесных ресурсов и отходов, представляющих собой ценные вторичные ресурсы, остается неиспользованным [7]. Все это отрицательно влияет на состояние экологии и экономики Вьетнама.

В то же время можно отметить ежегодное увеличение валовой добавленной стоимости от лесного комплекса в целом и отдельных отраслей лесной промышленности. На рис. 3 представлены данные о динамике валовой добавленной стоимости в лесном комплексе, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Вьетнама.

Сравнительный анализ динамики валовой добавленной стоимости в лесном комплексе, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Вьетнама показывает, что темпы роста данных показателей снижаются. Но темпы роста лесного сектора несколько выше, чем темпы роста промышленности, производящей лесную продукцию с более высокой добавленной стоимостью. Это говорит о том, что существует проблема низкого уровня эффективности использования древесных ресурсов.

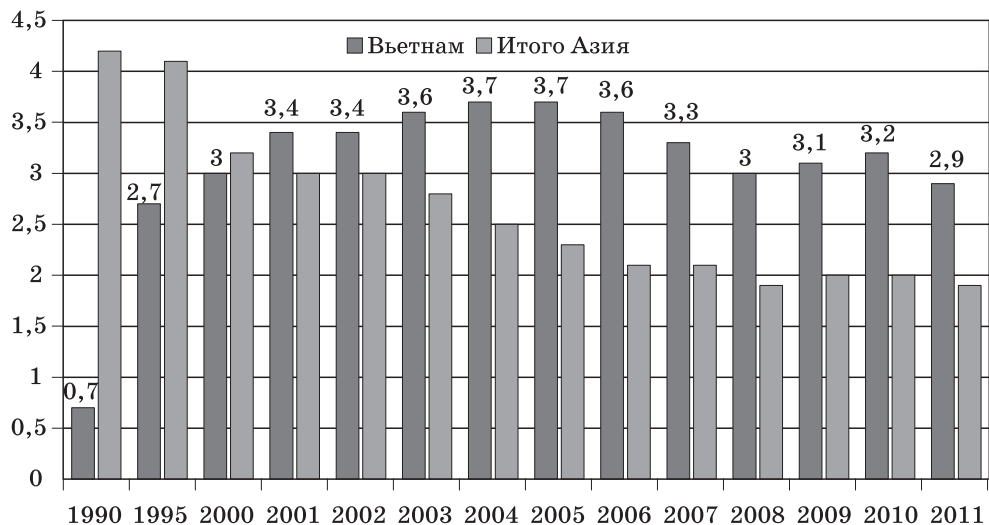

Рис. 2. Доля импорта древесных ресурсов в общем объеме импорта товаров во Вьетнам и страны Азии в целом, %

Источник: Contribution of the Forestry Sector to National Economies, 1990–2011. Forest Economics, Policy and Products Division Forestry Department Food and Agriculture Organization of the United Nations Rome, 2014; General statistics office of Viet Nam.

Рис. 3. Динамика валовой добавленной стоимости в лесном комплексе, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Вьетнама, темпы ее роста (млн долл., %)

Источник: Contribution of the Forestry Sector to National Economies, 1990–2011. Forest Economics, Policy and Products Division Forestry Department Food and Agriculture Organization of the United Nations Rome, 2014; General statistics office of Viet Nam

Лесной комплекс во Вьетнаме является слабо конкурентоспособным и низкоприбыльным, потенциал древесных ресурсов не используется комплексно и правильно, прежде всего, это относится к вторичным ресурсам, экологическим мероприятиям, побочной лесной продукции и большеразмерной деловой древесине, которая является сырьем для лесоперерабатывающих отраслей [8]. Даже небольшое поступательное движение в экономическом развитии лесной промышленности Вьетнама не позволяет повысить ее эффективность на достаточно высокий уровень. Отрасли, как и всей экономике Вьетнама, не хватает стратегического видения и планирования, оптимальной схемы производственных связей и потоков смежных видов деятельности [3; 11].

В связи с этим решение задачи увеличения уровня комплексного использования древесных ресурсов выходит на первый план. Комплексное и рациональное использование древесных ресурсов можно обеспечить за счет технологий, которые обеспечивают полную утилизацию всех составляющих древесного сырья, отвечающего требованиям экономического, социального, технического, экологического характера [9].

Понимание того, какие именно технологии следует использовать в тот или иной момент времени, в той или иной отрасли, может сформироваться только при наличии соответствующей информации обо всех процессах, осуществляющихся в лесном комплексе: объемы лесопосадок, количество импорта и экспорта древесных ресурсов и продукции из нее, количество отходов в каждой отрасли лесопереработки, спрос на продукцию, экологическое воздействие производства на окружающую среду [10]. Для того чтобы получить данные сведения, необходимо сконцентрировать и аккумулировать обширные потоки информации.

Предлагаем алгоритм повышения эффективности комплексного использования древесных ресурсов Вьетнама, который представлен на рис. 4. Алгоритм состоит из следующих этапов:

- анализ лесной промышленности и древесных ресурсов — позволяет получить количественные характеристики объемов ресурсов для использования;
- изучение факторов, определяющих эффективность использования — позволяет получить информацию о существующих технологиях;
- разработка показателей и критериев эффективности — позволяет корректно оценивать уровень использования ресурсов;
- количественная оценка эффективности — позволяет определить экономические эффекты от использования древесных ресурсов;
- качественная оценка эффективности — позволяет определить социальные и экологические эффекты от использования древесных ресурсов;
- принятие решения о корректировке управляющих воздействий — происходит на основании комплексного изучения результатов предыдущих этапов.

Предложенный алгоритм оценки эффективности комплексного использования древесных ресурсов Вьетнама посредством углубленного изучения характеристик факторов и условий функционирования лесной промышленности, технологий переработки древесины, методов производства современной продукции, позволит оперативно получать достоверную и всестороннюю информацию в разных периодах времени и принимать рациональные решения о корректировке управляющих воздействий. Полученные результаты могут служить базой для разработки стратегических программ развития всех отраслей лесной промышленности и лесного комплекса в целом.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что сегодня понимание важности лесного сектора в социально-экономической системе Вьетнама на фоне нарастающих мировых тенденций ресурсосбережения требует повышения эффективности комплексного использования древесных ресурсов. Проблема рациональ-

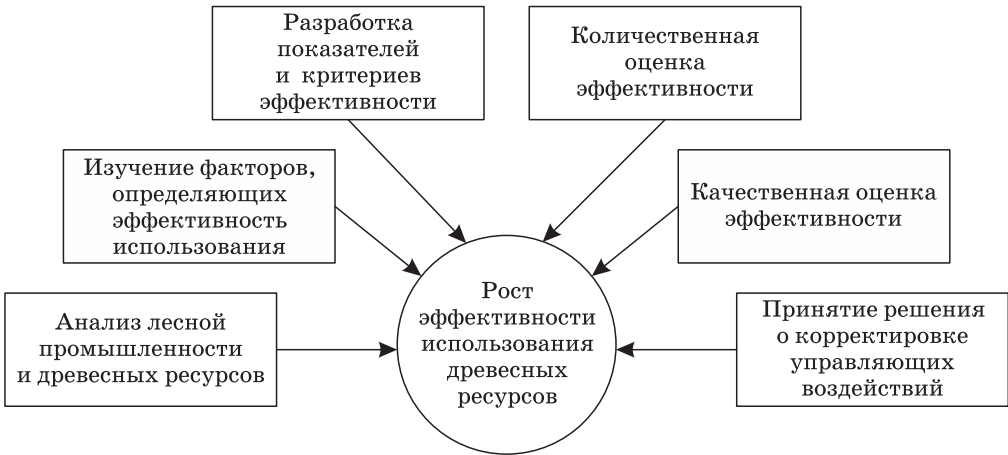

Рис. 4. Алгоритм повышения эффективности комплексного использования древесных ресурсов Вьетнама (составлено автором)

ного использования древесных ресурсов становится актуальной еще и в связи с высокими рисками для охраны окружающей среды со стороны лесной промышленности. Изучение тенденций и состояния данной сферы во Вьетнаме продемонстрировало низкий уровень природопользования, поэтому необходим поиск методов оценки эффективности.

Данные задачи необходимо решать безотлагательно, так как социальные и экологические последствия недостаточно эффективного комплексного использования древесных ресурсов не всегда можно оценить в количественном выражении и отразить с экономической точки зрения. Оценка эффективности комплексного использования древесных ресурсов характеризуется тем, что к экономическим и социальным эффектам добавляется непрогнозируемый длительный экологический эффект.

Предлагаемый в статье алгоритм повышения эффективности комплексного использования древесных ресурсов Вьетнама позволяет провести многостороннее исследование данных процессов и с количественной, и с качественной стороны. Практическое применение данного алгоритма будет способствовать оперативной выработке оптимальных для всех субъектов взаимодействия управленческих решений, позволяет предложить наиболее перспективные пути решения проблем комплексной переработки древесных ресурсов.

Литература

1. Воронин А. С. Вьетнам: внешняя политика на службе модернизации // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2013. № 21. С. 125–154.
2. Воронова Т. А., Куан Л. А. Внешнеэкономическое сотрудничество Вьетнама со странами АСЕАН и направления расширения торгово-инвестиционного взаимодействия // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 8. С. 46–57.
3. Мазырин В. М. Экономическая модернизация во Вьетнаме: от индустриализации к инновационному этапу // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2011. № 17. С. 240–265.
4. Мазырин В. М. Экономические отношения России и Вьетнама в первой половине 2010-х гг. ведущие тенденции // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2014. № 24. С. 105–128.
5. Морозова Г. А., Трофимова Т. В. Экономическая оценка рационального использования вторичных ресурсов // Вестник ННГУ. 2012. № 2–2. С. 214–218.

6. Назарчук Д. Н., Промский Н. И. Особенности российского экспорта и его проблемы в азиатском регионе // Экономический журнал. 2012. № 26. С. 92–96.
7. Нгуен В. Л. Тенденции и проблемы развития лесопромышленного комплекса Вьетнама в контексте развития ЛПК стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Проблемы современной экономики. 2015. № 4 (56). С. 264–267.
8. Нгуен В. Л., Нгуен Т. Н. Влияние мирового рынка на особенности развития лесопромышленного комплекса стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Управленческое консультирование. 2016. № 4 (88). С. 281–289.
9. Прудский В. Г., Незнакина К. В. Методика оценки эффективности механизма комплексного использования лесных ресурсов региона // Вестник ПГУ. Сер. «Экономика». 2013. № 4 (19). С. 60–65.
10. Титунин А. А. Методологический подход к оценке эффективности использования древесных ресурсов // Вестник МГУЛ — Лесной вестник. 2009. № 3. С. 74–79.
11. Фейгин Г. Ф., Шлафман А. И., Большаков А. С. Стратегический менеджмент в условиях глобализации: монография. СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2011.
12. Ференц О. О., Киндрат Р. Я., Рыбицкий П. Н. Теоретические подходы к определению эколого-экономической эффективности комплексной переработки древесины // Известия ВУЗов. Лесной журнал. 2013. № 5 (335). С. 208–212.
13. Чан Тхи Бик Нгок. Меры по борьбе с экономическим спадом во Вьетнаме // Известия ТПУ. 2011. № 6. С. 27–32.

References

1. Voronin A. S. *Vietnam: foreign policy on service of modernization* [V'etnam: vneshnyaya politika na sluzhbe modernizatsii] // SEA: urgent problems of development [YuVA: aktual'nye problemy razvitiya]. 2013. № 21. P. 125–154. (rus)
2. Voronova T. A., Kuan L. A. *External economic cooperation of Vietnam with the countries of ASEAN and direction of expansion of trade and investment interaction* [Vneshneekonomicheskoe sotrudnichestvo V'etnama so stranami ASEAN i napravleniya rasshireniya torgovo-investitsionnogo vzaimodeistviya] // Russian external economic messenger [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]. 2012. № 8. P. 46–57. (rus)
3. Mazyrin V. M. *Economic modernization in Vietnam: from industrialization to an innovative stage* [Ekonomicheskaya modernizatsiya vo V'etname: ot industrializatsii k innovatsionnomu etapu] // SEA: urgent problems of development [YuVA: aktual'nye problemy razvitiya]. 2011. № 17. P. 240–265. (rus)
4. Mazyrin V. M. *The economic relations of Russia and Vietnam in the first half of the 2010th the leading tendencies* [Ekonomicheskie otnosheniya Rossii i V'etnama v pervoi polovine 2010-kh gg. vedushchie tendentsii] // SEA: urgent problems of development [YuVA: aktual'nye problemy razvitiya]. 2014. № 24. P. 105–128. (rus)
5. Morozova G. A., Trofimova T. V. *Economic assessment of rational use of secondary resources* [Ekonomicheskaya otsenka ratsional'nogo ispol'zovaniya vtovichnykh resursov] // Bulletin of NNSU [Vestnik NNGU]. 2012. № 2–2. P. 214–218. (rus)
6. Nazarchuk D. N., Promsky N. I. *Features of the Russian export and its problem in the Asian region* [Osobennosti rossiiskogo eksporta i ego problemy v aziatskom regione] // Economic Journal [Ekonomicheskii zhurnal]. 2012. № 26. P. 92–96. (rus)
7. Nguyen V. L. *Tendencies and problems of development of timber processing complex of Vietnam in the context of development of timber processing complex of the countries of the Pacific Rim* [Tendentsii i problemy razvitiya lesopromyshlennogo kompleksa V'etnama v kontekste razvitiya LPK stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona] // Problems of modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2015. № 4 (56). P. 264–267. (rus)
8. Nguyen V. L., Nguyen T. N. *Influence of the world market on features of development of timber processing complex of the countries of the Pacific Rim* [Vliyanie mirovogo rynka na osobennosti razvitiya lesopromyshlennogo kompleksa stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. № 4 (88). P. 281–289. (rus)
9. Prudskiy V. G., Neznakina K. V. *Methods of an assessment of efficiency of the mechanism of complex use of forest resources of the region* [Metodika otsenki effektivnosti mekhanizma kompleksnogo ispol'zovaniya lesnykh resursov regiona] // PSU Bulletin. Series: Economy [Vestnik PGU. Ser. «Экономика»]. 2013. № 4 (19). P. 60–65. (rus)

10. Titunin A. A. *Methodological approach to an assessment of efficiency of use of wood resources* [Metodologicheskii podkhod k otsenke effektivnosti ispol'zovaniya drevesnykh resursov] // MSFU Bulletin — Forest messenger [Vestnik MGUL — Lesnoi vestnik]. 2009. № 3. P. 74–79. (rus)
11. Feygin G. F., Shlafman A. I., Bolshakov A. S. *Strategic management in the conditions of globalization* [Strategicheskii menedzhment v usloviyakh globalizatsii]: monograph / G. F. Feygin, A. I. Shlafman, A. S. Bolshakov. SPb. : Publishing house of Polytechnical University [Izd-vo Politekhnicheskogo un-ta], 2011. 218 p. (rus)
12. Ferents O. O., Kindrat R. Ya., Rybitsky P. N. *Theoretical approaches to definition of ecological and economic efficiency of complex processing of wood* [Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu ekologo-ekonomicheskoi effektivnosti kompleksnoi pererabotki drevesiny] // News of Higher Education Institutions. Forest journal [Izvestiya VUZov. Lesnoi zhurnal]. 2013. № 5 (335). P. 208–212. (rus)
13. Tran Thi Bich Ngoc. *Measures for fight against economic recession in Vietnam* [Mery po bor'be s ekonomicheskim spadom vo V'etname] // TPU News [Izvestiya TPU]. 2011. № 6. P. 27–32. (rus)

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

23.00.00. Политология;

07.00.00. Исторические науки и археология;

08.00.00. Экономические науки.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory” (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/login>). Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>)

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
 - ♦ после проведения научной экспертизы редакция вправе запросить две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
 - ◆ сведениями об авторах (на **русском и английском языках**), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - ◆ поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — в низу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

- ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
- 5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;
 - ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
 - ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор.

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

◆ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

◆ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

◆ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

- ◆ *Статьи в научных журналах:*
 1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
 2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.
- ◆ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.
- ◆ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.
- ◆ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.
- ◆ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*
 1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).
 2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2017. № 4(100)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.04.2017.
Подписано к печати 15.04.2017.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,54. Тираж 650 экз.
Заказ № 4/17.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97